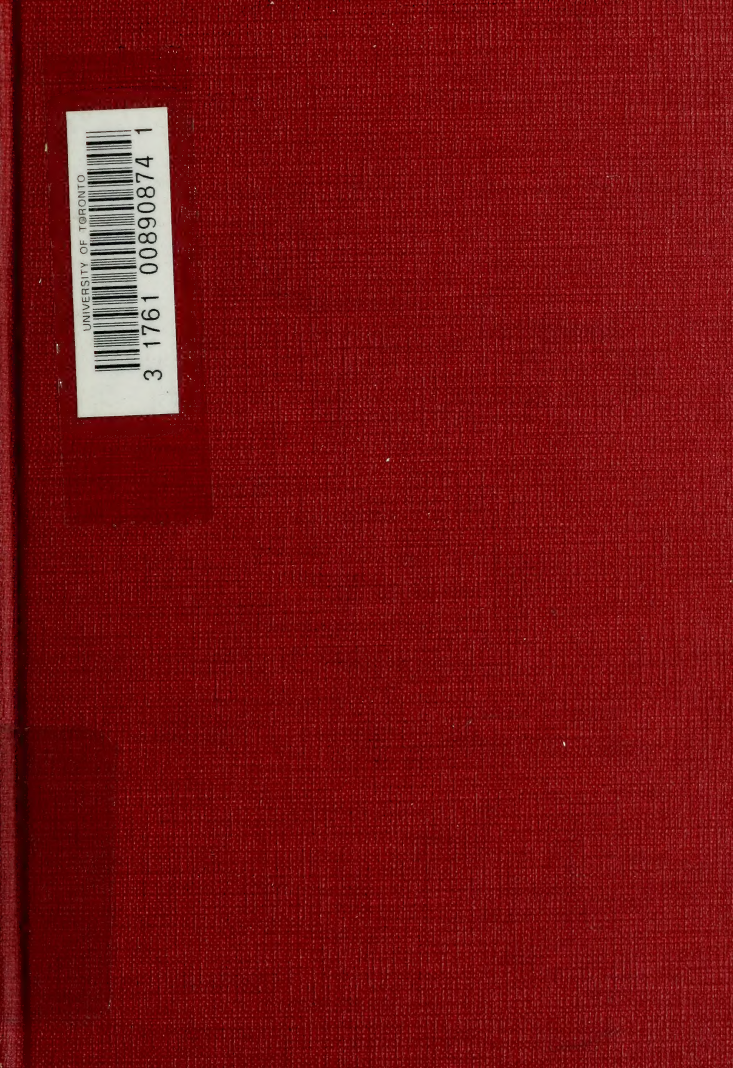

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00890874 1

ИП
Л

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ

ИДІОТЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ТОМЪ II.

БЕРЛИНЪ 1920
Издательство И. П. Ладыжникова

Типографія Акц. Общ. «РИТИ», Рига

Часть третья

I

Поминутно жалуются, что у насъ нѣтъ людей практическихъ; что политическихъ людей, напримѣръ, много; генераловъ тоже много; разныхъ управляющихъ, сколько бы ни понадобилось, сейчасъ можно найти какихъ угодно, а практическихъ людей нѣтъ. По крайней мѣрѣ, всѣ жалуются, что нѣтъ. Даже, говорятъ, прислуги на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ порядочной нѣтъ; администраціи чуть-чуть сносной въ какой-нибудь компаніи пароходовъ устроить, говорятъ, никакъ невозможно. Тамъ, слышишь, на какой-нибудь новооткрытой дорогѣ столкнулись или провалились на мосту вагоны; тамъ, пишутъ, чуть не зазимовалъ поѣздъ среди снѣжнаго поля: поѣхали на нѣсколько часовъ, а пять дней простояли въ снѣгу. Тамъ, разсказываютъ, многія тысячи пудовъ товару гніютъ на одномъ мѣстѣ по два и по три мѣсяца, въ ожиданіи отправки, а тамъ, говорятъ (впрочемъ даже и не вѣрится), одинъ администраторъ, то-есть какой-то смотритель, какого-то купеческаго приказчика, пристававшаго къ нему съ отправкой своихъ товаровъ, вмѣсто отправки администрировалъ по зубамъ, да еще объяснилъ свой административный поступокъ тѣмъ, что онъ «погорячился». Кажется, столько присутственныхъ мѣстъ въ государственной службѣ, что и подумать страшно; всѣ служили, всѣ

служатъ, всѣ намѣрены служить, такъ какъ бы, кажется, изъ такого матеріала не составить какой-нибудь приличной компанейской пароходной администраціи?

На это даютъ иногда отвѣтъ чрезвычайно простой, — до того простой, что даже и не вѣрится такому объясненію. Правда, говорятъ, у насъ всѣ служили или служатъ, и уже двѣсти лѣтъ тянется это по самому лучшему нѣмецкому образцу, отъ пращуровъ къ правнукамъ, — но служащіе-то люди и есть самые непрактическіе, и дошло до того, что отвлеченность и недостатокъ практическаго знанія считались даже между самими служащими, еще недавно, чуть не величайшею добродѣтелью и рекомендаціей. Впрочемъ, мы напрасно о служащихъ заговорили, мы хотѣли говорить собственно о людяхъ практическихъ. Тутъ ужъ сомнѣнія нѣтъ, что робость и полнѣйшій недостатокъ собственной иниціативы постоянно считался у насъ главнѣйшимъ и лучшимъ признакомъ человѣка практическаго, — даже и теперь считается. Но зачѣмъ винить только себя, если только считать это мнѣніе за обвиненіе? Недостатокъ оригинальности и вездѣ, во всемъ мірѣ, спoконъ вѣка считался всегда первымъ качествомъ и лучшею рекомендаціею человѣка дѣльнаго, дѣлового и практическаго, и по крайней мѣрѣ девяносто девять сотыхъ людей (это-то ужъ по крайней мѣрѣ) всегда состояли въ этихъ мысляхъ, и только развѣ одна сотая людей постоянно смотрѣла и смотритъ иначе.

Изобрѣтатели и геніи почти всегда при началѣ своего поприща (а очень часто и въ концѣ) считались въ обществѣ не болѣе какъ дураками, — это ужъ самое рутинное замѣчаніе, слишкомъ всѣмъ извѣстное. Если, напримѣръ, въ продолженіе десятковъ лѣтъ всѣ тащили свои деньги въ ломбардъ и натащили туда милліарды по четыре процента, то ужъ разумѣется, когда ломбарда не стало, и всѣ остались при собственной ини-

ціативѣ, то большая часть этихъ милліоновъ должна была непремѣнно погибнуть въ акціонерной горячкѣ и въ рукахъ мошенниковъ, — и это даже приличіемъ и благонравіемъ требовалось. Именно благонравіемъ; если благонравная робость и приличный недостатокъ оригинальности составляли у насъ до сихъ поръ, по общепринятому убѣжденію, неотъемлемое качество человѣка дѣльнаго и порядочнаго, то ужъ слишкомъ непорядочно и даже неприлично было бы такъ слишкомъ вдругъ измѣниться. Какая, напримѣръ, мать, нѣжно любящая свое дитя, не испугается и не заболѣетъ отъ страха, если ея сынъ или дочь чуть-чуть выйдутъ изъ рельсовъ: «Нѣтъ, ужъ лучше пусть будетъ счастливъ и проживетъ въ довольствѣ и безъ оригинальности», думаетъ каждая мать, закачивая свое дитя. А наши няньки, закачивая дѣтей, споконъ вѣку причитываютъ и припѣваютъ: «будешь въ золотѣ ходить, генеральскій чинъ носить!» Итакъ, даже у нашихъ нянекъ чинъ генерала считался за предѣлъ русскаго счастья и, стало быть, былъ самымъ популярнымъ національнымъ идеаломъ спокойнаго, прекраснаго блаженства. И въ самомъ дѣлѣ: непосредственно выдержавъ экзаменъ и прослуживъ тридцать пять лѣтъ, — кто могъ у насъ не сдѣлаться, наконецъ, генераломъ и не скопить извѣстную сумму въ ломбардѣ? Такимъ образомъ, русскій человѣкъ, почти безо всякихъ усилій, достигалъ, наконецъ, званія человѣка дѣльнаго и практическаго. Въ сущности, не сдѣлаться генераломъ могъ у насъ одинъ только человѣкъ оригинальный, другими словами, безпокойный. Можетъ быть, тутъ и есть нѣкоторое недоразумѣніе, но говоря вообще, кажется, это вѣрно, и общество наше было вполнѣ справедливо, опредѣляя свой идеалъ человѣка практическаго. Тѣмъ не менѣе мы все-таки наговорили много лишняго; хотѣли же собственно сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ о знакомомъ намъ семействѣ Епанчиныхъ. Эти люди, или,

по крайней мѣрѣ, наиболѣе разсуждающіе члены въ этомъ семействѣ, постоянно страдали отъ одного почти общаго ихъ фамильнаго качества, прямо противоположнаго тѣмъ добродѣтелямъ, о которыхъ мы сейчасъ разсуждали выше. Не понимая факта вполнѣ (потому что его трудно понять), они все-таки иногда подозрѣвали, что у нихъ въ семействѣ какъ-то все идетъ не такъ, какъ у всѣхъ. У всѣхъ гладко, у нихъ шероховато; всѣ катятся по рельсамъ, — они поминутно выскакиваютъ изъ рельсовъ. Всѣ поминутно и благонравно робѣютъ, а они нѣтъ. Лизавета Прокофьевна, правда, слишкомъ даже пугалась, но все-таки это была не та благонравная свѣтская робость, по которой они тосковали. Впрочемъ, можетъ быть, только одна Лизавета Прокофьевна и тревожилась: дѣвицы были еще молоды, хотя народъ очень проницательный и ироническій, а генералъ хоть и проницалъ (не безъ туготы, впрочемъ), но въ затруднительныхъ случаяхъ говорилъ только: *гм!* и въ концѣ концовъ возлагалъ всѣ упованія на Лизавету Прокофьевну. Стало быть, на ней и лежала отвѣтственность. И не то чтобы, напримѣръ, семейство это отличалось какою-нибудь собственною иниціативой или выпрыгивало изъ рельсовъ по сознательному влеченію къ оригинальности, что было бы ужъ совсѣмъ неприлично. О, нѣтъ! Ничего этого, по-настоящему, не было, то-есть никакой сознательно-поставленной цѣли, а все-таки, въ концѣ концовъ, выходило такъ, что семейство Епанчиныхъ, хотя и очень почтенное, было все же какое-то не такое, какимъ слѣдуетъ быть вообще всѣмъ почтеннымъ семействамъ. Въ послѣднее время Лизавета Прокофьевна стала находить виноватою во всемъ одну себя и свой «несчастный» характеръ, — отчего и увеличились ея страданія. Она сама поминутно честила себя «глупою, неприличною чудачкой» и мучилась отъ мнительности, терялась безпрерывно, не находила выхода въ какомъ-нибудь самомъ

обыкновенномъ столкновенiи вещей и поминутно преувеличивала бѣду.

Еще въ началѣ нашего разсказа мы упомянули, что Епанчины пользовались общимъ и дѣйствительнымъ уваженiемъ. Даже самъ генералъ Иванъ Өедоровичъ, человѣкъ происхожденiя темнаго, былъ безспорно и съ уваженiемъ принятъ вездѣ. Уваженiя онъ и заслуживалъ, во-первыхъ, какъ человѣкъ богатый и «не послѣднiй», и во-вторыхъ, какъ человѣкъ вполнѣ порядочный, хотя и не далекiй. Но нѣкоторая тупость ума, кажется, есть почти необходимое качество если не всякаго дѣятеля, то, по крайней мѣрѣ, всякаго серьезнаго наживателя денегъ. Наконецъ, генералъ имѣлъ манеры порядочныя, былъ скроменъ, умѣлъ молчать и въ то же время не давалъ наступать себѣ на ногу, — и не по одному своему генеральству, а какъ честный и благородный человѣкъ. Важнѣе всего было то, что онъ былъ человѣкъ съ сильною протекцiей. Что же касается до Лизаветы Прокофьевны, то она, какъ уже объяснено выше, была и роду хорошаго, хотя у насъ на родъ смотрятъ не очень, если при этомъ нѣтъ необходимыхъ связей. Но у ней оказались, наконецъ, и связи; ее уважали и, наконецъ, полюбили такiя лица, что послѣ нихъ, естественно, всѣ должны были ее уважать и принимать. Сомнѣнiя нѣтъ, что семейныя мученiя ея были неосновательны, причину имѣли ничтожную и до смѣшного были преувеличены; но если у кого бородавка на носу или на лбу, то вѣдь такъ и кажется, что всѣмъ только одно было и есть на свѣтѣ, чтобы смотрѣть на вашу бородавку, надъ нею смѣяться и осуждать васъ за нее, хотя бы вы при этомъ открыли Америку. Сомнѣнiя нѣтъ и въ томъ, что въ обществѣ Лизавету Прокофьевну дѣйствительно почитали «чудачкой», но при этомъ уважали ее безспорно: а Лизавета Прокофьевна стала не вѣрить, наконецъ, и въ то, что ее уважаютъ, — въ чемъ и была вся бѣда. Смотря на дочерей сво-

ихъ, она мучилась подозрѣніемъ, что безпрерывно чѣмъ-то вредитъ ихъ карьерѣ, что характеръ ея смѣшонъ, неприличенъ и невыносимъ, за что, разумѣется, безпрерывно обвиняла своихъ же дочерей и Ивана Ѳедоровича и по цѣлымъ днямъ съ ними ссорилась, любя ихъ въ то же время до самозабвенія и чуть не до страсти.

Всего болѣе мучило ее подозрѣніе, что и дочери ея становятся такія же точно «чудачки», какъ и она, и что такихъ дѣвицъ, какъ онѣ, въ свѣтѣ не бываетъ, да и быть не должно. «Нигилистки растутъ, да и только!» говорила она про себя поминутно. Въ последній годъ и особенно въ самое послѣднее время эта грустная мысль стала все болѣе и болѣе въ ней укрѣпляться. «Во-первыхъ, зачѣмъ онѣ замужъ не выходятъ? — спрашивала она себя поминутно. — Чтобы мать мучить, — въ этомъ онѣ цѣль своей жизни видятъ, и это, конечно, такъ, потому что все это новыя идеи, все это проклятый женскій вопросъ! Развѣ не вздумала было Аглая назадъ тому полгода обрѣзывать свои великолѣпные волосы? (Господи, да у меня даже не было такихъ волосъ въ мое время!) Вѣдь ужъ ножницы были въ рукахъ, вѣдь ужъ на колѣнкахъ только отмолила ее!.. Ну эта, положимъ, со злости дѣлала, чтобы мать измучить, потому что дѣвка злая, самовольная, избалованная, но, главное, злая, злая, злая! Но развѣ эта толстая Александра не потянулась за ней тоже свои космы обрѣзывать, и уже не по злости, не по капризу, а искренно, какъ дура, которую Аглая же и убѣдила, что безъ волосъ ей спать будетъ покойнѣе и голова не будетъ болѣть? И сколько, сколько, сколько, — вотъ уже пять лѣтъ, — было у нихъ жениховъ? И право же были люди хорошіе, даже прекраснѣйшіе люди случались! Чего же онѣ ждутъ, чего нейдутъ? Только чтобы матери досадить, — больше нѣтъ никакой причины! Никакой! Никакой!»

Наконецъ взошло было солнце и для ея материн-

скаго сердца; хоть одна дочь, хоть Аделаида будетъ, наконецъ, пристроена: «Хоть одну съ плечъ долой», говорила Лизавета Прокофьевна, когда приходилось выражаться вслухъ (про себя она выражалась несравненно нѣжнѣе). И какъ хорошо, какъ прилично обдѣлалось все дѣло; даже въ свѣтѣ съ почтеніемъ заговорили. Человѣкъ извѣстный, князь, съ состояніемъ, человѣкъ хорошій и ко всему тому пришелся ей по сердцу, чего ужъ, кажется, лучше? Но за Аделаиду она и прежде боялась менѣе чѣмъ за другихъ дочерей, хотя артистическія ея наклонности и очень иногда смущали безпрерывно сомнѣвающееся сердце Лизаветы Прокофьевны. «Зато характеръ веселый, и при этомъ много благоразумія, — не пропадетъ, стало быть, дѣвка», утѣшалась она въ концѣ концовъ. За Аглаю она болѣе всѣхъ пугалась. Кстати сказать, насчетъ старшей, Александры, Лизавета Прокофьевна и сама не знала какъ быть: пугаться за нее или нѣтъ? То казалось ей, что ужъ совсѣмъ «пропала дѣвка»; двадцать пять лѣтъ, — стало быть, и останется въ дѣвкахъ. И «при такой красотѣ! . .» Лизавета Прокофьевна даже плакала за нее по ночамъ, тогда какъ въ тѣ же самыя ночи Александра Ивановна спала самымъ спокойнымъ сномъ. «Да что же она такое, — нигилистка или просто дура?» — Что не дура, — въ этомъ, впрочемъ, и у Лизаветы Прокофьевны не было никакого сомнѣнія: она чрезвычайно уважала сужденія Александры Ивановны и любила съ нею совѣтоваться. Но что «мокрая курица» — въ этомъ сомнѣнія нѣтъ никакого: «спокойна до того, что и растолкать нельзя! Впрочемъ, и «мокрыя курицы» не спокойны, — фу! Сбилась я съ ними совсѣмъ!» У Лизаветы Прокофьевны была какая-то необъяснимая сострадательная симпатія къ Александрѣ Ивановнѣ, больше даже чѣмъ къ Аглаѣ, которая была ея идоломъ. Но желчныя выходки (чѣмъ, главное, и проявлялись ея материнскія заботливость и симпатія), за-

дирапія, такія названія, какъ «мокрая курица», только смѣшили Александру. Доходило иногда до того, что самыя пустѣйшія вещи сердили Лизавету Прокофьевну ужасно и выводили изъ себя. Александра Ивановна любила, напримѣръ, очень подолгу спать и видѣла обыкновенно много сновъ, но сны ея отличались постоянно какою-то необыкновенною пустотой и невинностью, — семилѣтнему ребенку впору; такъ вотъ даже эта невинность сновъ стала раздражать почему-то мамашу. Разъ Александра Ивановна увидала во снѣ девять курицъ, и изъ за этого вышла формальная ссора между нею и матерью, — почему? трудно и объяснить. Разъ, только одинъ разъ, удалось ей увидать во снѣ нѣчто какъ будто оригинальное, — она увидала монаха. одного, въ темной какой-то комнатѣ, въ которую она все пугалась войти. Сонъ былъ тотчасъ же переданъ съ торжествомъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ двумя хохотавшими сестрами, но мамаша опять разсердилась и всѣхъ трехъ обозвала дурами. «Гм! спокойна, какъ дура, и вѣдь ужъ совершенно «мокрая курица», растолкать нельзя, а грустить, совсѣмъ иной разъ грустно смотритъ! О чемъ она горюетъ, о чемъ?» Иногда она задавала этотъ вопросъ и Ивану Өедоровичу, и, по обыкновенію своему, истерически, грозно, съ ожиданіемъ немедленнаго отвѣта. Иванъ Өедоровичъ гумкалъ, хмурился, пожималъ плечами и рѣшалъ, наконецъ, разводя свои руки:

— Мужа надо!

— Только дай ей Богъ не такого, какъ вы, Иванъ Өедорычъ, — разрывалась, наконецъ, какъ бомба, Лизавета Прокофьевна, — не такого въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ, какъ вы, Иванъ Өедорычъ, не такого грубаго грубіяна, какъ вы, Иванъ Өедорычъ...

Иванъ Өедоровичъ спасался немедленно, а Лизавета Прокофьевна успокоивалась послѣ своего *разрыва*. Разумѣется, въ тотъ же день къ вечеру она неминуемо

становилась необыкновенно внимательна, тиха, ласкова и почтительна къ Ивану Өедоровичу, къ «грубому своему грубіяну» Ивану Өедоровичу, къ доброму и милому, обожаемому своему Ивану Өедоровичу, потому что она всю жизнь любила и даже влюблена была въ своего Ивана Өедоровича, о чемъ отлично зналъ и самъ Иванъ Өедоровичъ и безконечно уважалъ за это свою Лизавету Прокофьевну.

Но главнымъ и постояннымъ мученіемъ ея была Аглая.

«Совершенно, совершенно какъ я, мой портретъ во всѣхъ отношеніяхъ, — говорила про себя Лизавета Прокофьевна, — самовольный, скверный бѣсенокъ! Нигилистка, чудачка, безумная, злая, злая, злая! О, Господи, какъ она будетъ несчастна!»

Но, какъ мы уже сказали, взошедшее солнце все было смягчило и освѣтило на минуту. Былъ почти мѣсяцъ въ жизни Лизаветы Прокофьевны, въ который она совершенно было отдохнула отъ всѣхъ безпокойствъ. По поводу близкой свадьбы Аделаиды, заговорили въ свѣтѣ и объ Аглаѣ, и при этомъ Аглая держала себя вездѣ такъ прекрасно, такъ ровно, такъ умно, такъ побѣдительно, гордо немножко, но вѣдь это къ ней такъ идетъ! Такъ ласкова, такъ привѣтлива была цѣлый мѣсяцъ къ матери! («Правда, этого Евгенія Павловича надо еще очень, очень разсмотрѣть, раскусить его надо, да и Аглая, кажется, не очень-то больше другихъ его жалуетъ!») Все-таки стала вдругъ такая чудная дѣвушка, — и какъ она хороша, Боже, какъ она хороша, день ото дня лучше! И вотъ . . .

И вотъ только-что показался этотъ скверный князишка, этотъ дрянной идіотишка, и все опять взбаламутилось, все въ домѣ вверхъ дномъ пошло!

Что же, однако, случилось?

Для другихъ бы ничего не случилось, навѣрно. Но тѣмъ-то и отличалась Лизавета Прокофьевна, что

въ комбинаціи и въ путаницѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей, сквозь присущее ей всегда безпокойство, она успѣвала всегда разглядѣть что-то такое, что пугало ее иногда до болѣзни, самымъ мнительнымъ, самымъ необъяснимымъ страхомъ, а, стало быть, и самымъ тяжелымъ. Каково же ей было, когда вдругъ теперь, сквозь всю безтолочь смѣшныхъ и неосновательныхъ безпокойствъ, дѣйствительно стало проглядывать нѣчто какъ будто и въ самомъ дѣлѣ важное, нѣчто какъ будто и въ самомъ дѣлѣ стоившее и тревогъ, и сомнѣній, и подозрѣній.

«И какъ смѣли, какъ смѣли мнѣ это проклятое анонимное письмо написать про эту *тварь*, что она съ Аглаей въ сношеніяхъ? — думала Лизавета Прокофьевна всю дорогу, пока тащила за собой князя, и дома, когда усадила его за круглымъ столомъ, около котораго было въ сборѣ все семейство; — какъ смѣли подумать только объ этомъ? Да я бы умерла со стыда, если бы повѣрила хоть капельку, или Аглаѣ это письмо показала! Этакія насмѣшки на насъ, на Епанчиныхъ! И все, все чрезъ Ивана Ѳедорыча, все чрезъ васъ, Иванъ Ѳедорычъ! Ахъ! Зачѣмъ не переѣхали на Елагинъ: я вѣдь говорила, что на Елагинъ! Это, можетъ быть, Варька письмо написала, я знаю, или, можетъ быть.... во всемъ, во всемъ Иванъ Ѳедорычъ виноватъ! Это надъ нимъ эта *тварь* эту штуку выкинула, въ память прежнихъ связей, чтобы въ дураки его выставить, точно такъ, какъ прежде надъ нимъ, какъ надъ дуракомъ, хохотала, за носъ водила, когда еще онъ ей жемчуги возилъ... А въ концѣ концовъ все-таки мы замѣшаны, все-таки дочки ваши замѣшаны, Иванъ Ѳедорычъ, дѣвицы, барышни, лучшаго общества барышни, невѣсты; онѣ тутъ находились, тутъ стояли, все выслушали, да и въ исторіи съ мальчишками тоже замѣшаны, радуйтесь, тоже тутъ были и слушали! Не прощу же, не прощу же я этому князишкѣ,

никогда не прощу! И почему Аглая три дня въ истерикѣ, почему съ сестрами чуть не перессорилась, даже съ Александрой, у которой всегда цѣловала руки, какъ у матери — такъ уважала? Почему она три дня всѣмъ загадки загадываетъ? Что тутъ за Гаврила Иволгинъ? Почему она вчера и сегодня Гаврилу Иволгина хвалить принималась и расплакалась? Почему про этого проклятаго «рыцаря бѣднаго» въ этомъ анонимномъ письмѣ упомянуто, тогда какъ она письмо отъ князя даже сестрамъ не показала? И почему... зачѣмъ, зачѣмъ я къ нему, какъ угорѣлая кошка, теперь прибѣжала, и сама же его сюда притащила? Господи, съ ума я сошла, что я теперь надѣлала! Съ молодымъ человѣкомъ про секреты дочери говорить, да еще... да еще про такіе секреты, которые чуть не самого его касаются! Господи, хорошо еще, что онъ идіотъ и... и... другъ дома! Только неужели жъ Аглая прельстилась на такого уродика! Господи, что я плету! Тьфу! Оригиналы мы... подъ стекломъ надо насъ всѣхъ показывать, меня первую, по десяти копеекъ за входъ. Не прощу я вамъ этого, Иванъ Ѳедорычъ, никогда не прощу. И почему она теперь его не шпигуетъ? Обѣщалась шпиговать, и вотъ не шпигуетъ! Вонъ, вонъ, во всѣ глаза на него смотритъ, молчитъ, не уходитъ, стоитъ, а сама же не велѣла ему приходить... Онъ весь блѣдный сидитъ. И проклятый, проклятый этотъ болтунъ Евгеній Павлычъ, всѣмъ разговоромъ одинъ завладѣлъ? Ишь разливается, слова вставить не даетъ. Я бы сейчасъ про все узнала, только бы рѣчь навести»...

Князь и дѣйствительно сидѣлъ, чуть не блѣдный, за круглымъ столомъ и, казалось, былъ въ одно и то же время въ чрезвычайномъ страхѣ и, мгновеніями, въ непонятномъ ему самому и захватывающемъ душу восторгѣ. О, какъ онъ боялся взглянуть въ ту сторону, въ тотъ уголъ, откуда пристально смотрѣли на него

два знакомые черные глаза, и въ то же самое время какъ замиралъ онъ отъ счастія, что сидитъ здѣсь опять между ними, услышитъ знакомый голосъ — послѣ того, что она ему написала. «Господи, что-то она скажетъ теперь!» Самъ онъ не выговорилъ еще ни одного слова и съ напряженіемъ слушалъ «разливавшагося» Евгенія Павловича, который рѣдко бывалъ въ такомъ довольномъ и возбужденномъ состояніи духа, какъ теперь, въ этотъ вечеръ. Князь слушалъ его и долго не понималъ почти ни слова. Кромѣ Ивана Ѳедоровича, который не возвращался еще изъ Петербурга, всѣ были въ сборѣ. Князь Щ. былъ тоже тутъ. Кажется, сбирались немного погодя, до чаю, идти слушать музыку. Теперешній разговоръ завязался, повидимому, до прихода князя. Скоро проскользнулъ на террасу вдругъ откуда-то явившійся Коля. «Стало быть, его принимаютъ здѣсь попрежнему», подумалъ князь про себя.

Дача Епанчиныхъ была роскошная дача, во вкусѣ швейцарской хижины, изящно убранная со всѣхъ сторонъ цвѣтами и листьями. Со всѣхъ сторонъ ее окружалъ небольшой, но прекрасный цвѣточный садъ. Сидѣли всѣ на террасѣ, какъ и у князя; только терраса была нѣсколько обширнѣе и устроена щеголеватѣе.

Тема завязавшагося разговора, казалось, была немногимъ по сердцу; разговоръ, какъ можно было догадаться, начался изъ-за нетерпѣливаго спора и, конечно, всѣмъ бы хотѣлось перемѣнить сюжетъ, но Евгеній Павловичъ, казалось, тѣмъ больше упорствовалъ и не смотрѣлъ на впечатлѣніе; приходъ князя какъ будто возбудилъ его еще болѣе. Лизавета Прокофьевна хмурилась, хотя и не все понимала. Аглая, сидѣвшая въ сторонѣ, почти въ углу, не уходила, слушала и упорно молчала.

— Позвольте, — съ жаромъ возражалъ Евгеній Павловичъ, — я ничего и не говорю противъ либерализма. Либерализмъ не есть грѣхъ; это необходи-

мая составная часть всего цѣлаго, которое безъ него распадется или замертвѣетъ; либерализмъ имѣетъ такое же право существовать, какъ и самый благонравный консерватизмъ; но я на русскій либерализмъ нападаю, и опять таки повторяю, что за то собственно и нападаю на него, что русскій либералъ не есть *русскій* либералъ, а есть *не русскій* либералъ. Дайте мнѣ русскаго либерала, и я его сейчасъ же при васъ поцѣлую.

— Если только онъ захочетъ васъ цѣловать, — сказала Александра Ивановна, бывшая въ необыкновенномъ возбужденіи. Даже щеки ея разрумянились болѣе обыкновеннаго.

«Вѣдь вотъ, — подумала про себя Лизавета Прокофьевна, — то спитъ да ѣстъ, не растолкаешь, а то вдругъ подымется разъ въ годъ и заговоритъ такъ, что только руки на нее разведешь».

Князь замѣтилъ мелькомъ, что Александрѣ Ивановнѣ, кажется, очень не нравится, что Евгеній Павловичъ говоритъ слишкомъ весело, говоритъ на серьезную тему и какъ будто горячится, а въ то же время какъ будто и шутитъ.

— Я утверждалъ сейчасъ, только что предъ вашимъ приходомъ, князь, — продолжалъ Евгеній Павловичъ, — что у насъ до сихъ поръ либералы были только изъ двухъ слоевъ, прежняго помѣщичьяго (упраздненнаго) и семинарскаго. А такъ какъ оба сословія обратились, наконецъ, въ совершенныя касты, въ нѣчто совершенно отъ націи особливое, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, отъ поколѣнія къ поколѣнію, то, стало быть, и все то, что они дѣлали и дѣлаютъ, было совершенно не національное...

— Какъ? Стало быть, все что сдѣлано — все не русское? — возразилъ князь Щ.

— Не національное; хоть и по-русски, но не національное; и либералы у насъ не русскіе, и консерваторы не русскіе, все... И будьте увѣрены, что

нація ничего не признаетъ изъ того, что сдѣлано помѣщиками и семинаристами, ни теперь, ни послѣ...

— Вотъ это хорошо! Какъ можете вы утверждать такой парадоксъ, если только это серьезно? Я не могу допустить такихъ выходокъ насчетъ русскаго помѣщика; вы сами русскій помѣщикъ, — горячо возражалъ князь Щ.

— Да вѣдь я и не въ томъ смыслѣ о русскомъ помѣщикѣ говорю, какъ вы принимаете. Сословіе почтенное, хоть по тому ужъ одному, что я къ нему принадлежу; особенно теперь, когда оно перестало существовать...

— Неужели и въ литературѣ ничего не было національнаго? — перебила Александра Ивановна.

— Я въ литературѣ не мастеръ, но и русская литература, по-моему, вся не русская, кромѣ развѣ Ломоносова, Пушкина и Гоголя.

— Во-первыхъ, это не мало, а во-вторыхъ, одинъ изъ народа, а другіе два — помѣщики, — засмѣялась Аделаида.

— Точно такъ, но не торжествуйте. Такъ какъ этимъ только троимъ до сихъ поръ изъ всѣхъ русскихъ писателей удалось сказать каждому нѣчто дѣйствительно *свое*, свое собственное, ни у кого не заимствованное, то тѣмъ самымъ эти трое и стали тотчасъ національными. Кто изъ русскихъ людей скажетъ, напишетъ или сдѣлаетъ что-нибудь свое, *свое* неотъемлемое и незаимствованное, тотъ неминуемо становится національнымъ, хотя бы онъ и по-русски плохо говорилъ. Это для меня аксіома. Но мы не объ литературѣ начали говорить, мы заговорили о соціалистахъ, и чрезъ нихъ разговоръ пошелъ; ну, такъ я утверждаю, что у насъ нѣтъ ни одного русскаго соціалиста; нѣтъ и не было, потому что всѣ наши соціалисты тоже изъ помѣщиковъ и семинаристовъ. Всѣ наши отъявленные, афишованные соціалисты, какъ здѣшніе, такъ и загра-

ничные, больше ничего какъ либералы изъ помѣщиковъ временъ крѣпостного права. Что вы смѣетесь? Дайте мнѣ ихъ книги, дайте мнѣ ихъ ученія, ихъ мемуары, и я, не будучи литературнымъ критикомъ, берусь написать вамъ убѣдительнѣйшую литературную критику, въ которой докажу ясно, какъ день, что каждая страница ихъ книгъ, брошюръ, мемуаровъ написана прежде всего прежнимъ русскимъ помѣщикомъ. Ихъ злоба, негодованіе, остроуміе — помѣщичьи (даже до-Фамусовскія!); ихъ восторгъ, ихъ слезы, настоящія, можетъ быть, искреннія слезы, но — помѣщичьи! Помѣщичьи и семинарскія... Вы опять смѣетесь, и вы смѣетесь, князь? Тоже не согласны?

Дѣйствительно всѣ смѣялись, усмѣхнулся и князь.

— Я такъ прямо не могу еще сказать, согласенъ я или не согласенъ, — произнесъ князь, вдругъ переставъ усмѣхаться и вздрогнувъ съ видомъ пойманнаго школьника, — но увѣряю васъ, что слушаю васъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ...

Говоря это, онъ чуть не задыхался, и даже холодный потъ выступилъ у него на лбу. Это были первыя слова, произнесенныя имъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ сидѣлъ. Онъ попробовалъ было оглянуться кругомъ, но не посмѣлъ; Евгеній Павловичь поймалъ его жестъ и улыбнулся.

— Я вамъ, господа, скажу фактъ, — продолжалъ онъ прежнимъ тономъ, то-есть какъ будто съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и жаромъ и въ то же время чуть не смѣясь, можетъ быть, надъ своими же собственными словами, — фактъ, наблюденіе и даже открытіе котораго я имѣю честь приписывать себѣ и даже одному себѣ; по крайней мѣрѣ, объ этомъ не было еще нигдѣ сказано или написано. Въ фактѣ этомъ выражается вся сущность русскаго либерализма того рода, о которомъ я говорю. Во-первыхъ, что же и есть либерализмъ, если говорить вообще, какъ не нападеніе

(разумное или ошибочное, это другой вопросъ) на существующіе порядки вещей? Вѣдь такъ? Ну, такъ фактъ мой состоитъ въ томъ, что русскій либерализмъ не есть нападеніе на существующіе порядки вещей, а есть нападеніе на самую сущность нашихъ вещей, на самыя вещи, а не на одинъ только порядокъ, не на русскіе порядки, а на самую Россію. Мой либералъ дошелъ до того, что отрицаетъ самую Россію, то-есть ненавидитъ и бьетъ свою мать. Каждый несчастный и неудачный русскій фактъ возбуждаетъ въ немъ смѣхъ и чуть не восторгъ. Онъ ненавидитъ народные обычаи, русскую исторію, все. Если есть для него оправданіе, такъ развѣ въ томъ, что онъ не понимаетъ, что дѣлаетъ, и свою ненависть къ Россіи принимаетъ за самый плодотворный либерализмъ (о, вы часто встрѣтите у насъ либерала, которому апплодируютъ остальные, и который, можетъ быть, въ сущности самый нелѣпый, самый тупой и опасный консерваторъ, и самъ не знаетъ того!). Эту ненависть къ Россіи, еще не такъ давно, иные либералы наши принимали чуть не за истинную любовь къ отечеству и хвалились тѣмъ, что видятъ лучше другихъ, въ чемъ она должна состоять; но теперь уже стали откровеннѣе и даже слова: «любовь къ отечеству» стали стыдиться, даже понятіе изгнали и устранили, какъ вредное и ничтожное. Фактъ этотъ вѣрный, я стою за это и... надобно же было высказать когда-нибудь правду вполнѣ, просто и откровенно; но фактъ этотъ въ то же время и такой, котораго нигдѣ и никогда, спокон̆ъ вѣку и ни въ одномъ народѣ, не бывало и не случалось, а, стало быть, фактъ этотъ случайный и можетъ пройти, я согласенъ. Такого не можетъ быть либерала нигдѣ, который бы самое отечество свое ненавидѣлъ. Чѣмъ же это все объяснить у насъ? Тѣмъ самымъ, что и прежде, — тѣмъ, что русскій либералъ есть покамѣстъ еще не-русскій либералъ; больше ничѣмъ, по-моему.

— Я принимаю все, что ты сказалъ, за шутку, Евгеній Павлычъ, — серьезно возразилъ князь Щ.

— Я всѣхъ либераловъ не видала и судить не берусь, — сказала Александра Ивановна, — но съ негодованіемъ вашу мысль выслушала: вы взяли частный случай и возвели въ общее правило, а стало быть, клеветали.

— Частный случай? А-а! Слово произнесено, — подхватилъ Евгеній Павловичъ. — Князь, какъ вы думаете, частный это случай или нѣтъ?

— Я тоже долженъ сказать, что я мало видѣлъ и мало былъ... съ либералами, — сказалъ князь, — но мнѣ кажется, что вы, можетъ быть, нѣсколько правы, и что тотъ русскій либерализмъ, о которомъ вы говорили, дѣйствительно отчасти наклоненъ ненавидѣть самую Россію, а не одни только ея порядки вещей. Конечно, это только отчасти... конечно, это никакъ не можетъ быть для всѣхъ справедливо....

Онъ замялся и не докончилъ. Несмотря на все волненіе свое, онъ былъ чрезвычайно заинтересованъ разговоромъ. Въ князѣ была одна особенная черта, состоявшая въ необыкновенной наивности вниманія, съ какимъ онъ всегда слушалъ что-нибудь его интересовавшее, и отвѣтовъ, какіе давалъ, когда при этомъ къ нему обращались съ вопросами. Въ его лицѣ и даже въ положеніи его корпуса какъ-то отражалась эта наивность, эта вѣра, не подозрѣвающая ни насмѣшки, ни юмора. Но хоть Евгеній Павловичъ и давно уже обращался къ нему не иначе какъ съ нѣкоторою особенною усмѣшкой, но теперь, при отвѣтѣ его, какъ-то очень серьезно посмотрѣлъ на него, точно совсѣмъ не ожидалъ отъ него такого отвѣта.

— Такъ... вотъ вы какъ однако странно, — проговорилъ онъ; — и вправду, вы серьезно отвѣчали мнѣ, князь?

— Да развѣ вы не серьезно спрашивали? — возразилъ тотъ въ удивленіи.

Всѣ засмѣялись.

— Вѣрьте ему, — сказала Аделаида, — Евгеній Павлычъ всегда и всѣхъ дурачитъ! Если бы вы знали, о чемъ онъ иногда пресерьезно разсказываетъ!

— По-моему, это тяжелый разговоръ, и не заводить бы его совсѣмъ, — рѣзко замѣтила Александра, — хотѣли идти гулять...

— И пойдемте, вечеръ прелестный! — вскричалъ Евгеній Павлычъ; — но чтобы доказать вамъ, что въ этотъ разъ я говорилъ совершенно серьезно, и главное, чтобы доказать это князю (вы, князь, чрезвычайно меня заинтересовали, и клянусь вамъ, что я не совсѣмъ еще такой пустой человѣкъ, какимъ непремѣнно долженъ казаться, — хоть я и въ самомъ дѣлѣ пустой человѣкъ!), и... если позволите, господа, я сдѣлаю князю еще одинъ послѣдній вопросъ, изъ собственнаго любопытства, имъ и кончимъ. Этотъ вопросъ мнѣ, какъ нарочно, два часа тому назадъ пришелъ въ голову (видите, князь, я тоже иногда серьезныя вещи обдумываю); я его рѣшилъ, но посмотримъ, что скажетъ князь. Сейчасъ сказали про «частный случай». Словцо это очень у насъ знаменательное, его часто слышишь. Недавно всѣ говорили и писали объ этомъ ужасномъ убійствѣ шести человѣкъ этимъ... молодымъ человѣкомъ, и о странной рѣчи защитника, гдѣ говорится, что при бѣдномъ, состояніи преступника ему *естественно* должно было придти въ голову убить этихъ шесть человѣкъ. Это не буквально, но смыслъ, кажется, тотъ, или подходитъ къ тому. По моему личному мнѣнію, защитникъ, заявляя такую странную мысль, былъ въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что онъ говоритъ самую либеральную, самую гуманную и прогрессивную вещь, какую только можно сказать въ наше время. Ну, такъ какъ по-вашему будетъ: это извращеніе по-

нятій и убѣжденій, эта возможность такого криваго и замѣчательнаго взгляда на дѣло, есть ли это случай частный или общій?

Всѣ захохотали.

— Частный, разумѣется, частный, — засмѣялись Александра и Аделаида.

— И позволь опять напомнить, Евгеній Павлычъ, — прибавилъ князь Щ., — что шутка твоя слишкомъ уже износилась.

— Какъ вы думаете, князь? — не дослушалъ Евгеній Павловичъ, поймавъ на себѣ любопытный и серьезный взглядъ князя Льва Николаевича. — Какъ вамъ кажется: частный это случай или общій? Я, признаюсь, для васъ и выдумалъ этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, не частный, — тихо, но твердо проговорилъ князь.

— Помилуйте, Левъ Николаевичъ, — съ нѣкоторою досадой вскричалъ князь Щ., — развѣ вы не видите, что онъ васъ ловитъ; онъ рѣшительно смѣется и именно васъ предположилъ поймать на зубокъ.

— Я думалъ, что Евгеній Павлычъ говорилъ серьезно, — покраснѣлъ князь и потупилъ глаза.

— Милый князь, — продолжалъ князь Щ., — да вспомните о чемъ мы съ вами говорили одинъ разъ, мѣсяца три тому назадъ; мы именно говорили о томъ, что въ нашихъ молодыхъ новооткрытыхъ судахъ можно указать уже настолько замѣчательныхъ и талантливыхъ защитниковъ! А сколько въ высшей степени замѣчательныхъ рѣшеній присяжныхъ? Какъ вы сами радовались, и какъ я на вашу радость тогда радовался... мы говорили, что гордиться можемъ... А эта неловкая защита, этотъ странный аргументъ, конечно, случайность, единица между тысячами.

Князь Левъ Николаевичъ подумалъ, но съ самымъ убѣжденнымъ видомъ, хотя тихо и даже какъ будто робко выговаривая, отвѣтилъ:

— Я только хотѣлъ сказать, что искаженіе идей и понятій (какъ выразился Евгеній Павлычъ) встрѣчается очень часто, есть гораздо болѣе общій, чѣмъ частный случай, къ несчастію. И до того, что если бъ это искаженіе не было такимъ общимъ случаемъ, то, можетъ быть, не было бы и такихъ невозможныхъ преступленій, какъ эти...

— Невозможныхъ преступленій? Но увѣряю же васъ, что точно такія же преступленія и, можетъ быть, еще ужаснѣе, и прежде бывали, и всегда были, и не только у насъ, но и вездѣ, и, по-моему, еще очень долго будутъ повторяться. Разница въ томъ, что у насъ прежде было меньше гласности, а теперь стали вслухъ говорить и даже писать о нихъ, потому-то и кажется, что эти преступники теперь только и появились. Вотъ въ чемъ ваша ошибка, чрезвычайно наивная ошибка, князь, увѣряю васъ, — насмѣшливо улыбнулся князь Щ.

— Я самъ знаю, что преступленій и прежде было очень много, и такихъ же ужасныхъ; я еще недавно въ острогахъ былъ, и съ нѣкоторыми преступниками и подсудимыми мнѣ удалось познакомиться. Есть даже страшнѣе преступники, чѣмъ этотъ, убившіе по десяти человѣкъ, совсѣмъ не раскаиваясь. Но я вотъ что замѣтилъ при этомъ: что самый закоренѣлый и нераскаянный убійца все-таки знаетъ, что онъ *преступникъ*, то-есть по совѣсти считаетъ, что онъ не хорошо поступилъ, хоть и безо всякаго раскаянія. И таковъ всякій изъ нихъ; а эти вѣдь, о которыхъ Евгеній Павлычъ заговорилъ, не хотятъ себя даже считать преступниками и думаютъ про себя, что право имѣли и... даже хорошо сдѣлали, то-есть почти вѣдь такъ. Вотъ въ этомъ-то и состоитъ, по-моему, ужасная разница. И замѣтьте, все это молодежь, то-есть именно такой возрастъ, въ которомъ всего легче и беззащитнѣе можно подпасть подъ извращеніе идей.

Князь Щ. уже не смѣялся и съ недоумѣніемъ выслушалъ князя. Александра Ивановна, давно уже хотѣвшая что-то замѣтить, замолчала, точно какая-то особенная мысль остановила ее. Евгеній же Павловичъ смотрѣлъ на князя въ рѣшительномъ удивленіи и на этотъ разъ уже безо всякой усмѣшки.

— Да вы что такъ на него удивляетесь, государь мой, — неожиданно вступилась Лизавета Прокофьевна, — что онъ, глупѣе васъ что ли, что не могъ по-вашему разсудить?

— Нѣтъ-съ, я не про то, — сказалъ Евгеній Павловичъ, — но только какъ же вы, князь (извините за вопросъ), если вы такъ это видите и замѣчаете, то какъ же вы (извините меня опять) въ этомъ странномъ дѣлѣ... вотъ что на-дняхъ было... Бурдовскаго, кажется... какъ же вы не замѣтили такого же извращенія идей и нравственныхъ убѣжденій? Точь-въ-точь вѣдь такого же! Мнѣ тогда показалось, что вы совсѣмъ не замѣтили?

— А вотъ что, батюшка, — разгорячилась Лизавета Прокофьевна, — мы вотъ всѣ замѣтили, сидимъ здѣсь и хвалимся предъ нимъ, а вотъ онъ сегодня письмо получилъ отъ одного изъ нихъ, отъ самаго-то главнаго, угреватаго, помнишь, Александра? Онъ прощенія въ письмѣ у него проситъ, хоть и по своему манеру, и извѣщаетъ, что того товарища бросилъ, который его поджигалъ-то тогда, — помнишь, Александра? — и что князю теперь больше вѣритъ. Ну, а мы такого письма еще не получали, хоть намъ и не учиться здѣсь носъ-то предъ нимъ подымать.

— А Ипполитъ тоже переѣхалъ къ намъ сейчасъ на дачу! — крикнулъ Коля.

— Какъ! Уже здѣсь? — встревожился князь.

— Только что вы ушли съ Лизаветой Прокофьевной, — и пожаловалъ; я его перевезъ!

— Ну бьюсь же объ закладъ, — такъ и вскипѣла

вдругъ Лизавета Прокофьевна, совсѣмъ забывъ, что сейчасъ же князя хвалила, — объ закладъ бьюсь, что онъ ѣздилъ вчера къ нему на чердакъ и прощенія у него на колѣняхъ просилъ, чтобъ эта злая злючка удостоила сюда переѣхать. Ѣздилъ ты вчера? Самъ вѣдь признавался давеча. Такъ или нѣтъ? Стоялъ ты на колѣнкахъ или нѣтъ?

— Совсѣмъ не стоялъ, — крикнулъ Коля, — а совсѣмъ напротивъ: Ипполитъ у князя руку вчера схватилъ и два раза поцѣловалъ, я самъ видѣлъ, тѣмъ и кончилось все объясненіе, кромѣ того, что князь просто сказалъ, что ему легче будетъ на дачѣ, и тотъ мигомъ согласился переѣхать, какъ только станетъ легче.

— Вы напрасно, Коля... — пробормоталъ князь вставая и хватаясь за шляпу, — зачѣмъ вы разсказываете, я...

— Куда это? — остановила Лизавета Прокофьевна.

— Не безпокойтесь, князь, — продолжалъ воспламененный Коля, — не ходите и не тревожьте его, онъ съ дороги заснулъ; онъ очень радъ; и знаете, князь, по-моему, гораздо лучше, если вы не нынче встрѣтитесь, даже до завтра отложите, а то онъ опять сконфузится. Онъ давеча утромъ говорилъ, что уже цѣлые полгода не чувствовалъ себя такъ хорошо и въ силахъ; даже кашляетъ втрое меньше.

Князь замѣтилъ, что Аглая вдругъ вышла изъ своего мѣста и подошла къ столу. Онъ не смѣлъ на нее посмотрѣть, но онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ, что въ это мгновеніе она на него смотритъ и, можетъ быть, смотритъ грозно, что въ черныхъ глазахъ ея непремѣнно негодованіе и лицо вспыхнуло.

— А мнѣ кажется, Николай Ардаліоновичъ, что вы его напрасно сюда перевезли, если это тотъ самый чахоточный мальчикъ, который заплакалъ и къ себѣ звалъ на похороны, — замѣтилъ Евгеній Павлычъ; —

онъ такъ краснорѣчиво тогда говорилъ про стѣну сосѣдняго дома, что ему непремѣнно взгрустнется по этой стѣнѣ, будьте увѣрены.

— Правду сказалъ: разссорится, подерется съ тобой и уѣдетъ, — вотъ тебѣ сказъ!

И Лизавета Прокофьевна съ достоинствомъ придвинула къ себѣ корзинку съ своимъ шитьемъ, забывъ, что уже всѣ подымались на прогулку.

— Я припоминаю, что онъ стѣной этой очень хвастался, — подхватилъ опять Евгеній Павловичъ, — безъ этой стѣны ему нельзя будетъ краснорѣчиво умереть, а ему хочется краснорѣчиво умереть.

— Такъ что же? — пробормоталъ князь. — Если вы не захотите ему простить, такъ онъ и безъ васъ помретъ... Теперь онъ для деревьевъ переѣхалъ.

— О, съ моей стороны я ему все прощаю; можете ему это передать.

— Это не такъ надо понимать, — тихо и какъ бы нехотя отвѣтилъ князь, продолжая смотрѣть въ одну точку на полу и не подымая глазъ, — надо такъ, чтобъ и вы согласились принять отъ него прощеніе.

— Я-то въ чемъ тутъ? Въ чемъ я предъ нимъ виноватъ?

— Если не понимаете, такъ... но вы вѣдь понимаете; ему хотѣлось тогда... всѣхъ насъ благословить и отъ васъ благословеніе получить, вотъ и все...

— Милый князь, — какъ-то опасливо подхватилъ поскорѣе князь Щ., переглянувшись кое съ кѣмъ изъ присутствовавшихъ, — рай на землѣ не легко достается, а вы все-таки нѣсколько на рай разсчитываете; рай вещь трудная, князь, гораздо труднѣе, чѣмъ кажется вашему прекрасному сердцу. Перестанемте лучше, а то мы всѣ опять, пожалуй, сконфузимся, и тогда...

— Пойдемте на музыку, — рѣзко проговорила Лизавета Прокофьевна, сердито подымаясь съ мѣста.

За нею встали всѣ.

II

Князь вдругъ подошелъ къ Евгенію Павловичу.

— Евгеній Павлычъ, — сказалъ онъ съ странною горячностью, схвативъ его за руку, — будьте увѣрены, что я васъ считаю за самаго благороднѣйшаго и лучшаго человѣка, несмотря ни на что; будьте въ этомъ увѣрены...

Евгеній Павловичъ даже отступилъ на шагъ отъ удивленія. Мгновеніе онъ удерживался отъ нестерпимаго припадка смѣха; но, приглядѣвшись ближе, онъ замѣтилъ, что князь былъ какъ бы не въ себѣ, по крайней мѣрѣ, въ какомъ-то особенномъ состояніи.

— Бьюсь объ закладъ, — вскричалъ онъ, — что вы, князь, хотѣли совсѣмъ не то сказать и, можетъ быть, совсѣмъ и не мнѣ... Но что съ вами? Не дурно ли вамъ?

— Можетъ быть, очень можетъ быть, и вы очень тонко замѣтили, что, можетъ быть, я не къ вамъ хотѣлъ подойти!

Сказавъ это, онъ какъ-то странно и даже смѣшно улыбнулся, но вдругъ, какъ бы разгорячившись, воскликнулъ:

— Не напоминайте мнѣ про мой поступокъ три дня назадъ! Мнѣ очень стыдно было эти три дня... Я знаю, что я виноватъ...

— Да... да что же вы такого ужаснаго сдѣлали?

— Я вижу, что вамъ, можетъ быть, за меня всѣхъ стыднѣе, Евгеній Павловичъ; вы краснѣете, это черта прекраснаго сердца. Я сейчасъ уйду, будьте увѣрены.

— Да что это онъ! Припадки что ли у него такъ начинаются? — испуганно обратилась Лизавета Прокофьевна къ Колѣ.

— Не обращайте вниманія, Лизавета Прокофьев-

на, у меня не припадокъ; я сейчасъ уйду. Я знаю, что я... обиженъ природой. Я былъ двадцать четыре года боленъ, до двадцатичетырехлѣтняго возраста отъ рожденія. Примите же какъ отъ больного и теперь. Я сейчасъ уйду, сейчасъ, будьте увѣрены. Я не краснѣю, потому что вѣдь отъ этого странно же краснѣть, не правда ли? — но въ обществѣ я лишній... Я не отъ самолюбія... Я въ эти три дня передумалъ и рѣшилъ, что я васъ искренно и благородно долженъ увѣдомить при первомъ случаѣ. Есть такія идеи, есть высокія идеи, о которыхъ я не долженъ начинать говорить, потому что я непремѣнно всѣхъ насмѣшу; князь Щ. про это самое мнѣніе сейчасъ напомнилъ... У меня нѣтъ жеста приличнаго, чувства мѣры нѣтъ; у меня слова другія, а не соотвѣтственныя мысли, а это униженіе для этихъ мыслей. И потому я не имѣю права... къ тому же я мнителенъ, я... я убѣжденъ, что въ этомъ домѣ меня не могутъ обидѣть и любятъ меня болѣе, чѣмъ я стою, но я знаю (я вѣдь навѣрно знаю), что послѣ двадцати лѣтъ болѣзни непремѣнно должно было что-нибудь да остаться, такъ что нельзя не смѣяться надо мной... иногда... вѣдь такъ?

Онъ какъ бы ждалъ отвѣта и рѣшенія, озираясь кругомъ. Всѣ стояли въ тяжеломъ недоумѣніи отъ этой неожиданной, болѣзненной и, казалось бы, во всякомъ случаѣ безпричинной выходки. Но эта выходка подала поводъ къ странному эпизоду.

— Для чего вы это здѣсь говорите? — вдругъ вскричала Аглая: — для чего вы это *имъ* говорите? Имъ! Имъ!

Казалось, она была въ послѣдней степени негодованія: глаза ея метали искры. Князь стоялъ предъ ней нѣмой и безгласный и вдругъ поблѣднѣлъ.

— Здѣсь ни одного нѣтъ, который бы стоилъ такихъ словъ! — разразилась Аглая, — здѣсь всѣ, всѣ не стоятъ вашего мизинца, ни ума, ни сердца вашего!

Вы честнѣе всѣхъ, благороднѣе всѣхъ, лучше всѣхъ, добрѣе всѣхъ, умнѣе всѣхъ! Здѣсь есть недостойные нагнуться и поднять платокъ, который вы сейчасъ уронили... Для чего же вы себя унижаете и ставите ниже всѣхъ? Зачѣмъ вы все въ себѣ исковеркали, зачѣмъ въ васъ гордости нѣтъ?

— Господи, можно ли было подумать! — всплеснула руками Лизавета Прокофьевна.

— Рыцарь бѣдный! Ура! — крикнулъ въ упоеніи Коля.

— Молчите!.. Какъ смѣютъ меня здѣсь обижать въ вашемъ домѣ! — набросилась вдругъ Аглая на Лизавету Прокофьевну, уже въ томъ истерическомъ состояніи, когда не смотрятъ ни на какую черту и переходятъ всякое препятствіе. — Зачѣмъ меня всѣ, всѣ до единаго мучаютъ! Зачѣмъ они, князь, всѣ три дня пристаютъ ко мнѣ изъ-за васъ? Я ни за что за васъ не выйду замужъ! Знайте, что ни за что и никогда! Знайте это! Развѣ можно выйти за такого смѣшного, какъ вы? Вы посмотрите теперь въ зеркало на себя, какой вы стоите теперь!.. Зачѣмъ, зачѣмъ они дразнятъ меня, что я за васъ выйду замужъ? Вы должны это знать! Вы тоже въ заговорѣ съ ними!

— Никто никогда не дразнилъ! — пробормотала въ испугѣ Аделаида.

— На умѣ ни у кого не было, слова такого не было сказано! — вскричала Александра Ивановна.

— Кто ее дразнилъ? Когда ее дразнили? Кто могъ ей этого сказать? Бредитъ она или нѣтъ? — трепеща отъ гнѣва, обращалась ко всѣмъ Лизавета Прокофьевна.

— Всѣ говорили, всѣ до одного, всѣ три дня! Я никогда, никогда не выйду за него замужъ!

Прокричавъ это, Аглая залилась горькими слезами, закрыла лицо платкомъ и упала на стулъ.

— Да онъ тебя еще и не прос...

— Я васъ не просилъ, Аглая Ивановна, — вырвалось вдругъ у князя.

— Что-о? — въ удивленіи, въ негодованіи, въ ужасѣ протянула вдругъ Лизавета Прокофьевна: — что та-а-кое?

Она ушамъ своимъ не хотѣла вѣрить.

— Я хотѣлъ сказать... я хотѣлъ сказать, — затрепеталъ князь, — я хотѣлъ только изъяснить Аглаѣ Ивановнѣ... имѣть такую честь объяснить, что я вовсе не имѣлъ намѣренія... имѣть честь просить ея руки... даже когда-нибудь... Я тутъ ни въ чемъ не виноватъ, ей-Богу, не виноватъ, Аглая Ивановна! Я никогда не хотѣлъ, и никогда у меня въ умѣ не было, никогда не захочу, вы сами увидите: будьте увѣрены! Тутъ какой-нибудь злой человѣкъ меня оклеветалъ предъ вами! Будьте спокойны!

Говоря это, онъ приблизился къ Аглаѣ. Она отняла платокъ, которымъ закрывала лицо, быстро взглянула на него и на всю его испуганную фигуру, сообразила его слова и вдругъ разразилась хохотомъ, прямо ему въ глаза, — такимъ веселымъ и неудержимымъ хохотомъ, такимъ смѣшнымъ и насмѣшливымъ хохотомъ, что Аделаида первая не выдержала, особенно когда тоже поглядѣла на князя, бросилась къ сестрѣ, обняла ее и захохотала такимъ же неудержимымъ, школьнически-веселымъ смѣхомъ, какъ и та. Глядя на нихъ, вдругъ сталъ улыбаться и князь, и съ радостнымъ и счастливымъ выраженіемъ сталъ повторять:

— Ну, слава Богу, слава Богу!

Тутъ уже не выдержала и Александра и захохотала отъ всего сердца. Казалось, этому хохоту всѣхъ трехъ и конца не будетъ.

— Ну, сумасшедшія! — пробормотала Лизавета Прокофьевна: — то напугаютъ, а то...

Но смѣялся уже и князь Щ., смѣялся и Евгеній

Павловичъ, хохоталъ Коля безъ-умолку, хохоталъ, глядя на всѣхъ, и князь.

— Пойдемте гулять, пойдемте гулять! — кричала Аделаида: — всѣ вмѣстѣ и непремѣнно князь съ нами; не-зачѣмъ вамъ уходить, милый вы человѣкъ! Что за милый онъ человѣкъ, Аглая? Не правда ли, мамаша? Къ тому же я непремѣнно, непремѣнно должна его поцѣловать и обнять за... за его объясненіе сейчасъ съ Аглаей. Maman, милая, позвольте мнѣ поцѣловать его? Аглая! позволь мнѣ поцѣловать *твоего* князя! — крикнула шалунья и дѣйствительно подскочила къ князю и поцѣловала его въ лобъ. Тотъ схватилъ ея руки, крѣпко сжалъ, такъ что Аделаида чуть не вскрикнула, съ безконечною радостію поглядѣлъ на нее и вдругъ быстро поднесъ ея руку къ губамъ и поцѣловалъ три раза.

— Идемте же! — звала Аглая. — Князь, вы меня поведете. Можно это, maman? Отказавшему мнѣ жениху? Вѣдь вы ужъ отъ меня отказались навѣки, князь? Да не такъ, не такъ подають руку дамѣ, развѣ вы не знаете, какъ надо взять подъ руку даму? Вотъ такъ, пойдемте, мы пойдемъ впереди всѣхъ; хотите вы идти впереди всѣхъ, tète à tète?

Она говорила безъ-умолку, все еще смѣясь порывами.

— Слава Богу! Слава Богу! — твердила Лизавета Прокофьевна, сама не зная чему радуясь.

«Чрезвычайно странные люди!» — подумалъ князь Щ., можетъ быть, въ сотый уже разъ съ тѣхъ поръ какъ сошелся съ ними, но... ему нравились эти странные люди. Что же касается до князя, то, можетъ быть, онъ ему и не слишкомъ нравился; князь Щ. былъ нѣсколько нахмуренъ и какъ бы озабоченъ, когда всѣ вышли на прогулку.

Евгеній Павловычъ, казалось, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи. всю дорогу, до вокзала смѣшилъ Александру и Аделаиду, которыя съ какою-то уже слиш-

комъ особенною готовностію смѣялись его шуткамъ, до того, что онъ сталъ мелькомъ подозрѣвать, что онѣ, можетъ быть, совсѣмъ его и не слушаютъ. Отъ этой мысли онъ вдругъ, и не объясняя причины, расхохотался, наконецъ, чрезвычайно и совершенно искренно (таковъ уже былъ характеръ!). Сестры, бывшія, впрочемъ, въ самомъ праздничномъ настроеніи, безпрерывно поглядывали на Аглаю и князя, шедшихъ впереди; видно было, что младшая сестрица задала имъ большую загадку. Князь Щ. все старался заговаривать съ Лизаветой Прокофьевной о вещахъ постороннихъ, можетъ быть, чтобы развлечь ее, и надоѣлъ ей ужасно. Она, казалось, была совсѣмъ съ разбитыми мыслями, отвѣчала невпопадъ и не отвѣчала иной разъ совсѣмъ. Но загадки Аглаи Ивановны еще не кончились въ этотъ вечеръ. Послѣдняя пришлась на долю уже одного князя. Когда отошли шаговъ сто отъ дачи, Аглая быстрымъ полушопотомъ сказала своему упорно молчавшему кавалеру:

— Поглядите направо.

Князь взглянулъ.

— Глядите внимательнѣе. Видите вы ту скамейку, въ паркѣ, вонъ гдѣ эти три большія дерева... зеленая скамейка?

Князь отвѣтилъ, что видитъ.

— Нравится вамъ мѣстоположеніе? Я иногда рано, часовъ въ семь утра, когда всѣ еще спятъ, сюда одна прихожу сидѣть.

Князь пробормоталъ, что мѣстоположеніе прекрасное.

— А теперь идите отъ меня, я не хочу съ вами больше идти подъ руку. Или лучше идите подъ руку, но не говорите со мной ни слова. Я хочу одна думать про себя...

Предупрежденіе во всякомъ случаѣ напрасное: князь навѣрно не выговорилъ бы ни одного слова во всю до-

рогу и безъ приказанія. Сердце его застучало ужасно, когда онъ выслушалъ о скамейкѣ. Чрезъ минуту онъ одумался и со стыдомъ прогналъ свою нелѣпую мысль.

Въ Павловскомъ вокзалѣ по буднямъ, какъ извѣстно и какъ всѣ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ, публика собирается «избраннѣе» чѣмъ по воскресеньямъ и по праздникамъ, когда наѣзжаютъ «всякіе люди» изъ города. Туалеты не праздничные, но изящные. На музыку сходиться принято. Оркестръ, можетъ быть, дѣйствительно лучшій изъ нашихъ садовыхъ оркестровъ, играетъ вещи новыя. Приличіе и чинность чрезвычайная, несмотря на нѣкоторый общій видъ семейственности и даже интимности. Знакомые, всѣ дачники, сходятся оглядывать другъ друга. Многіе исполняютъ это съ истиннымъ удовольствіемъ и приходятъ только для этого; не есть и такіе, которые ходятъ для одной музыки. Скандалы необыкновенно рѣдки, хотя однакоже бываютъ даже и въ будни. Но безъ этого вѣдь невозможно.

На этотъ разъ вечеръ былъ прелестный, да и публики было довольно. Всѣ мѣста около игравшаго оркестра были заняты. Наша компанія усѣлась на стульяхъ нѣсколько въ сторонѣ, близъ самаго лѣваго выхода изъ вокзала. Толпа, музыка нѣсколько оживили Лизавету Прокофьевну и развлекли барышень; онѣ успѣли переглянуться кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ и издали любезно кивнуть кой-кому головой; успѣли оглядѣть костюмы, замѣтить кой-какія странности, переговорить о нихъ, насмѣшливо улыбнуться. Евгеній Павловичъ тоже очень часто раскланивался. На Аглаю и князя, которые все еще были вмѣстѣ, кое-кто уже обратили вниманіе. Скоро къ маменькѣ и къ барышнямъ подошли кое-кто изъ знакомыхъ молодыхъ людей; двое или трое остались разговаривать; всѣ были пріятели съ Евгеніемъ Павловичемъ. Между ними находился одинъ молодой и очень красивый собой офицеръ, очень веселый, очень

разговорчивый; онъ поспѣшилъ заговорить съ Аглаей и всѣми силами старался обратить на себя ея вниманіе. Аглая была съ нимъ очень милостива и чрезвычайно смѣшлива. Евгеній Павловичъ попросилъ у князя позволенія познакомить его съ этимъ пріятелемъ; князь едва понялъ, что съ нимъ хотятъ дѣлать, но знакомство состоялось, оба раскланялись и подали другъ другу руки. Пріятель Евгенія Павловича сдѣлалъ одинъ вопросъ, но князь, кажется, на него не отвѣтилъ или до того странно промямлилъ что-то про себя, что офицеръ посмотрѣлъ на него очень пристально, взглянулъ потомъ на Евгенія Павловича, тотчасъ понялъ для чего тотъ выдумалъ это знакомство, чуть-чуть усмѣхнулся и обратился опять къ Аглаѣ. Одинъ Евгеній Павловичъ замѣтилъ, что Аглая внезапно при этомъ покраснѣла.

Князь даже и не замѣчалъ того, что другіе разговариваютъ и любезничаютъ съ Аглаей, даже чуть не забывалъ минутами, что и самъ сидитъ подлѣ нея. Иногда ему хотѣлось уйти куда-нибудь, совсѣмъ исчезнуть отсюда, и даже ему бы нравилось мрачное, пустынное мѣсто, только чтобы быть одному съ своими мыслями, и чтобы никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Или, по крайней мѣрѣ, быть у себя дома, на террасѣ, но такъ, чтобы никого при этомъ не было, ни Лебедева, ни дѣтей; броситься на свой диванъ, уткнуть лицо въ подушку и пролежать такимъ образомъ день, ночь, еще день. Мгновеніями ему мечтались и горы, и именно одна знакомая точка въ горахъ, которую онъ всегда любилъ припоминать, и куда онъ любилъ ходить, когда еще жилъ тамъ, и смотрѣть оттуда внизъ на деревню, на чуть мелькавшую внизу бѣлую нитку водопада, на бѣлыя облака, на заброшенный старый замокъ. О, какъ бы онъ хотѣлъ очутиться теперь тамъ и думать объ одномъ, — о! всю жизнь объ этомъ только — и на тысячу лѣтъ бы хватило! И пусть, пусть здѣсь совсѣмъ забудутъ его. О, это даже нуж-

но, даже лучше, если бъ и совсѣмъ не знали его, и все это видѣніе было бы въ одномъ только снѣ. Да и не все ли равно, что во снѣ, что наяву! — Иногда вдругъ онъ начиналъ приглядываться къ Аглаѣ и по пяти минутъ не отрывался взглядомъ отъ ея лица, но взглядъ его былъ слишкомъ страненъ: казалось, онъ глядѣлъ на нее какъ на предметъ, находящійся отъ него за двѣ версты, или какъ бы на портретъ ея, а не на нее самое.

— Что вы на меня такъ смотрите, князь? — сказала она вдругъ, прерывая веселый разговоръ и смѣхъ съ окружающими. — Я васъ боюсь; мнѣ все кажется, что вы хотите протянуть вашу руку и дотронуться до моего лица пальцемъ, чтобъ его пощупать. Не правда ли, Евгеній Павлычъ, онъ такъ смотритъ?

Князь выслушалъ, казалось, въ удивленіи, что къ нему обратились, сообразилъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ понялъ, не отвѣтилъ, но видя, что она и всѣ смѣются, вдругъ раздвинулъ ротъ и началъ смѣяться и самъ. Смѣхъ кругомъ усилился; офицеръ, должно быть, человѣкъ смѣшливый, просто прыснулъ со смѣху. Аглая вдругъ гнѣвно прошептала про себя:

— Идіотъ!

— Господи! Да неужели она такого... неужели жъ она совсѣмъ помѣшается! — проскрежетала про себя Лизавета Прокофьевна.

— Это шутка. Это та же шутка, что и тогда съ «бѣднымъ рыцаремъ», — твердо прошептала ей на ухо Александра, — и ничего больше! Она, по-своему, его опять на зубокъ подняла. Только слишкомъ далеко зашла эта шутка; это надо прекратить, maman! Давеча она какъ актриса коверкалась, насъ изъ-за шалости напугала...

— Еще хорошо, что на такого идіота напала, — перешепнулась съ ней Лизавета Прокофьевна. Замѣчаніе дочери все-таки облегчило ее.

Князь однакоже слышалъ, какъ его назвали идіотомъ, и вздрогнулъ, но не отъ того, что его назвали идіотомъ. «Идіота» онъ тотчасъ забылъ. Но въ толпѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, откуда-то сбоку — онъ бы никакъ не указалъ, въ какомъ именно мѣстѣ и въ какой точкѣ — мелькнуло одно лицо, блѣдное лицо, съ курчавыми темными волосами, съ знакомыми, очень знакомыми улыбкой и взглядомъ, — мелькнуло и исчезло. Очень могло быть, что это только вообразилось ему; отъ всего видѣнія остались у него во впечатлѣніи кривая улыбка, глаза и свѣтлозеленый франтовской шейный галстукъ, бывшій на промелькнувшемъ господинѣ. Исчезъ ли этотъ господинъ въ толпѣ, или прошмыгнулъ въ вокзалъ, князь тоже не могъ бы опредѣлить.

Но минуту спустя онъ вдругъ быстро и безпокойно сталъ озираться кругомъ; это первое видѣніе могло быть предвѣстникомъ и предшественникомъ второго видѣнія. Это должно было быть навѣрно. Неужели онъ забылъ о возможной встрѣчѣ, когда отправлялись въ вокзалъ. Правда, когда онъ шелъ въ вокзалъ, то, кажется, и не зналъ совсѣмъ, что идетъ сюда, — въ такомъ онъ былъ состояніи. Если бъ онъ умѣлъ или могъ быть внимательнѣе, то онъ еще четверть часа назадъ могъ бы замѣтить, что Аглая изрѣдка и тоже какъ бы съ безпокойствомъ мелькомъ оглядывается, тоже точно ищетъ чего-то кругомъ себя. Теперь, когда безпокойство его стало сильно замѣтно, возросло волненіе и безпокойство Аглаи, и лишь только онъ оглядывался назадъ, почти тотчасъ же оглядывалась и она. Разрѣшеніе тревоги скоро послѣдовало.

Изъ того самаго бокового выхода изъ вокзала близъ котораго помѣщались князь и вся компанія Епанчиныхъ, вдругъ показалась цѣлая толпа, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, въ десять. Впереди толпы были три жен-

щины; двѣ изъ нихъ были удивительно хороши собой, и не было ничего страннаго, что за ними двигается столько поклонниковъ. Но и поклонники, и женщины, — все это было нѣчто особенное, нѣчто совсѣмъ не такое какъ остальная публика, собравшаяся на музыку. Ихъ тотчасъ замѣтили почти всѣ, но большею частію старались показывать видъ, что совершенно ихъ не видятъ, и только развѣ нѣкоторые изъ молодежи улыбнулись на нихъ, передавая другъ другу что-то вполголоса. Не видѣть ихъ совсѣмъ было нельзя: они явно заявляли себя, говорили громко, смѣялись. Можно было предположить, что между ними многіе и хмельные, хотя на видъ нѣкоторые были въ франтовскихъ и изящныхъ костюмахъ; но тутъ же были люди и весьма страннаго вида, въ странномъ платьѣ, съ странно-воспламененными лицами; между ними было нѣсколько военныхъ; были и не изъ молодежи; были люди комфортно одѣтые въ широко и изящно сшитомъ платьѣ, съ перстнями и запонками, въ великолѣпныхъ смоляно-черныхъ парикахъ и бакенбардахъ и съ особенно благородною, хотя нѣсколько брезгливою осанкой въ лицѣ, но отъ которыхъ, впрочемъ, сторонятся въ обществѣ, какъ отъ чумы. Между нашими загородными собраніями, конечно, есть и отличающіяся необыкновенною чинностію и имѣющія особенно хорошую репутацію, но самый осторожный человѣкъ не можетъ всякую минуту защититься отъ кирпича, падающаго съ сосѣдняго дома. Этотъ кирпичъ готовился теперь упасть и на чинную публику, собравшуюся у музыки.

Чтобы перейти изъ вокзала на площадку, гдѣ расположенъ оркестръ, надобно сойти три ступеньки. У самыхъ этихъ ступенекъ и остановилась толпа; сходить не рѣшались, но одна изъ женщинъ выдвинулась впередъ; за нею осмѣлились послѣдовать только двое изъ ея свиты. Одинъ былъ довольно скромнаго вида человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ порядочною наружностью

во всѣхъ отношеніяхъ, но имѣвшій видъ рѣшительнаго бобыля, то-есть изъ такихъ, которые никогда никого не знаютъ, и которыхъ никто не знаетъ. Другой не отставшій отъ своей дамы былъ совсѣмъ оборванецъ, самаго двусмысленнаго вида. Никто больше не послѣдовалъ за эксцентричною дамой; но сходя внизъ, она даже и не оглянулась назадъ, какъ будто ей рѣшительно все равно было, слѣдуютъ ли за ней или нѣтъ. Она смѣялась и громко разговаривала попрежнему; одѣта была съ чрезвычайнымъ вкусомъ и богато, но нѣсколько пышнѣе, чѣмъ слѣдовало. Она направилась мимо оркестра на другую сторону площадки, гдѣ близъ дороги ждала кого-то чья-то коляска.

Князь не видалъ *ея* уже слишкомъ три мѣсяца. Всѣ эти дни по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ собирался быть у нея; но, можетъ быть, тайное предчувствіе останавливало его. По крайней мѣрѣ, онъ никакъ не могъ угадать предстоящее ему впечатлѣніе при встрѣчѣ съ нею, а онъ со страхомъ старался иногда представить его. Одно было ясно ему, что встрѣча будетъ тяжелая. Нѣсколько разъ припоминалъ онъ въ эти шесть мѣсяцевъ то первое ощущеніе, которое произвело на него лицо этой женщины, еще когда онъ увидалъ его только на портретѣ; но даже во впечатлѣніи отъ портрета, припоминалъ онъ, было слишкомъ много тяжелаго. Тотъ мѣсяцъ въ провинціи, когда онъ чуть не каждый день видѣлся съ нею, произвелъ на него дѣйствіе ужасное, до того, что князь отгонялъ иногда даже воспоминаніе объ этомъ еще недавнемъ времени. Въ самомъ лицѣ этой женщины всегда было для него что-то мучительное: князь, разговаривая съ Рогожинымъ, перевелъ это ощущеніе ощущеніемъ безконечной жалости, и это была правда: лицо это еще съ портрета вызывало изъ его сердца цѣлое страданіе жалости; это впечатлѣніе состраданія и даже страданія за это существо не оставляло никогда его сердца, не оставило и теперь. О,

нѣтъ, даже было еще сильнѣе. Но тѣмъ, что онъ говорилъ Рогожину, князь остался недоволенъ; и только теперь, въ это мгновеніе ея внезапнаго появленія, онъ понялъ, можетъ быть, непосредственнымъ ощущеніемъ, чего не доставало въ его словахъ Рогожину. Не доставало словъ, которыя могли бы выразить ужасъ; да, ужасъ! Онъ теперь, въ эту минуту, вполнѣ ощущалъ его; онъ былъ увѣренъ, былъ вполнѣ убѣжденъ, по своимъ причинамъ, что эта женщина — помѣшанная. Если бы, любя женщину болѣе всего на свѣтѣ или предвкушая возможность такой любви, вдругъ увидѣть ее на цѣпи, за желѣзною рѣшеткой, подъ палкой смотрителя, — то такое впечатлѣніе было бы нѣсколько сходно съ тѣмъ, что ощутилъ теперь князь.

— Что съ вами? — быстро прошептала Аглая, оглядываясь на него и наивно дергая его за руку.

Онъ повернулъ къ ней голову, поглядѣлъ на нее, взглянулъ въ ея черные, непонятно для него сверкающіе въ эту минуту глаза, попробовалъ усмѣхнуться ей, но вдругъ, точно мгновенно забывъ ее, опять отвелъ глаза направо и опять сталъ слѣдить за своимъ чрезвычайнымъ видѣніемъ. Настасья Филипповна проходила въ эту минуту мимо самыхъ стульевъ барышень. Евгеній Павловичъ продолжалъ разсказывать что-то, должно быть, очень смѣшное и интересное Александрѣ Ивановнѣ, говорилъ быстро и одушевленно. Князь помнилъ, что Аглая вдругъ произнесла полушопотомъ «Какая...»

Слово неопредѣленное и недоговоренное; она мигомъ удержалась и не прибавила ничего болѣе, но этого было уже довольно. Настасья Филипповна, проходившая какъ бы не примѣчая никого въ особенности, вдругъ обернулась въ ихъ сторону и какъ будто только теперь примѣтила Евгенія Павловича.

— Б-ба! Да вѣдь вотъ онъ! — воскликнула она, вдругъ останавливаясь, — то ни съ какими курьерами не отыщешь, то какъ нарочно тамъ сидитъ, гдѣ и

не вообразишь... Я вѣдь думала, что ты тамъ... у дяди!

Евгеній Павловичъ вспыхнулъ, бѣшено посмотрѣлъ на Настасью Филипповну, но поскорѣй опять отъ нея отвернулся.

— Что?! Развѣ не знаешь? Онъ еще не знаетъ, представьте себѣ! Застрѣлился! Давеча утромъ дядя твой застрѣлился! Мнѣ еще давеча въ два часа сказывали; да ужъ полгорода теперь знаетъ; трехсотъ пятидесяти тысячъ казенныхъ нѣтъ, говорятъ, а другіе говорятъ: пятисотъ. А я-то все разсчитывала, что онъ тебѣ еще наслѣдство оставитъ; все просвисталъ. Развратнѣйшій былъ старикашка... Ну, прощай, bonne chance! Такъ неужели не съѣздишь? То-то ты въ отставку заблаговременно вышелъ, хитрецъ! Да вздоръ, зналъ, зналъ заранѣе: можетъ, вчера еще зналъ...

Хотя въ нагломъ приставаніи, въ афишеваніи знакомства и короткости, которыхъ не было, заключалась непремѣнно цѣль, и въ этомъ уже не могло быть теперь никакого сомнѣнія, — но Евгеній Павловичъ думалъ сначала отдѣлаться какъ-нибудь такъ, и во что бы ни стало не замѣтить обидчицы. Но слова Настасьи Филипповны ударили въ него, какъ громомъ; услыхавъ о смерти дяди, онъ поблѣднѣлъ, какъ платокъ, и повернулся къ вѣстовщицѣ. Въ эту минуту Лизавета Прокофьевна быстро поднялась съ мѣста, подняла всѣхъ за собой и чуть не побѣжала оттуда. Только князь Левъ Николаевичъ остался на одну секунду на мѣстѣ, какъ бы въ нерѣшимости, да Евгеній Павловичъ все еще стоялъ, не опомнившись. Но Епанчины не успѣли отойти и двадцати шаговъ, какъ разразился страшный скандалъ.

Офицеръ, большой пріятель Евгенія Павловича, разговаривавшій съ Аглаей, былъ въ высшей степени негодованія:

— Тутъ просто хлыстъ надо, иначе ничѣмъ не возьмешь съ этою тварью! — почти громко проговорилъ онъ. (Онъ, кажется, былъ и прежде конфидентомъ Евгенія Павловича).

Настасья Филипповна мигомъ обернулась къ нему. Глаза ея сверкнули; она бросилась къ стоявшему въ двухъ шагахъ отъ нея и совсѣмъ незнакомому ей молодому человѣку, державшему въ рукѣ тоненькую, плетеную тросточку, вырвала ее у него изъ рукъ и изо всей силы хлестнула своего обидчика наискось по лицу. Все это произошло въ одно мгновеніе... Офицеръ, не помня себя, бросился на нее; около Настасьи Филипповны уже не было ея свиты; приличный господинъ среднихъ лѣтъ уже успѣлъ стушеваться совершенно, а господинъ навеселѣ стоялъ въ сторонѣ и хохоталъ что было мочи. Чрезъ минуту, конечно, явилась бы полиція, но въ эту минуту горько пришлось бы Настасьѣ Филипповнѣ, если бы не подоспѣла неожиданная помощь: князь, остановившійся тоже въ двухъ шагахъ, успѣлъ схватить сзади за руки офицера. Вырывая свою руку, офицеръ сильно оттолкнулъ его въ грудь; князь отлетѣлъ шага на три и упалъ на стулъ. Но у Настасьи Филипповны уже явились еще два защитника. Предъ нападавшимъ офицеромъ стоялъ боксеръ, авторъ знакомой читателю статьи и дѣйствительный членъ прежней Рогожинской компаніи.

— Келлеръ, поручикъ въ отставкѣ! — отрекомендовался онъ съ форсомъ. — Угодно въ рукопашную, капитанъ, то, замѣняя слабый полъ, къ вашимъ услугамъ; произошелъ весь англійскій боксъ. Не толкайтесь, капитанъ; сочувствую *кровавой* обидѣ, но не могу позволить кулачнаго права съ женщиной въ глазахъ публики. Если же, какъ прилично благо-роднѣйшему лицу, на другой маперъ, то... вы меня, разумѣется, понимать должны, капитанъ...

Но капитанъ уже опомнился и уже не слушалъ его.

Въ эту минуту появившійся изъ толпы Рогожинъ быстро подхватилъ подъ руку Настасью Филипповну и повелъ ее за собой. Съ своей стороны, Рогожинъ казался потрясеннымъ ужасно, былъ блѣденъ и дрожалъ. Уводя Настасью Филипповну, онъ успѣлъ-таки злобно засмѣяться въ глаза офицеру и съ видомъ торжествующаго гостиподворца проговорить:

— Тью! Что взялъ! Рожа-то въ крови! Тью!

Опомнившись и совершенно догадавшись, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, офицеръ вѣжливо (закрывая впрочемъ лицо платкомъ) обратился къ князю, уже вставшему со стула.

— Князь Мышкинъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться?

— Она сумасшедшая! Помѣшанная! Увѣряю васъ! — отвѣчалъ князь дрожащимъ голосомъ, протянувъ къ нему для чего-то свои дрожащія руки.

— Я, конечно, не могу похвалиться такими свѣдѣніями, но мнѣ надо знать ваше имя.

Онъ кивнулъ головой и отошелъ. Полиція подоспѣла ровно пять секундъ спустя послѣ того, какъ скрылись послѣднія дѣйствующія лица. Впрочемъ, скандалъ продолжался никакъ не долѣе двухъ минутъ. Кое-кто изъ публики встали со стульевъ и ушли, другіе только пересѣли съ однихъ мѣстъ на другія; третьи были очень рады скандалу; четвертые сильно заговорили и заинтересовались. Однимъ словомъ, дѣло кончилось по обыкновенію. Оркестръ заигралъ снова. Князь пошелъ вслѣдъ за Епанчиными. Если бъ онъ догадался или успѣлъ взглянуть налѣво, когда сидѣлъ на стулѣ, послѣ того, какъ его оттолкнули, то увидѣлъ бы Аглаю шагахъ въ двадцати отъ него, остановившуюся глядѣть на скандальную сцену и не слушавшую призывовъ матери и сестеръ, отошедшихъ уже далѣе. Князь Щ., подбѣжавъ къ ней, уговорилъ ее, наконецъ, поскорѣе уйти. Лизавета Прокофьевна запомнила, что Аглая во-

ротилась къ нимъ въ такомъ волненіи, что врядъ ли и слышала ихъ призывы. Но ровно чрезъ двѣ минуты, когда только вошли въ паркъ, Аглая проговорила своимъ обыкновеннымъ равнодушнымъ и капризнымъ голосомъ:

— Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, чѣмъ кончится комедія.

III

Происшествіе въ вокзалѣ поразило и мамашу, и дочекъ почти ужасомъ. Въ тревогѣ и въ волненіи, Лизавета Прокофьевна буквально чуть не бѣжала съ дочерьми изъ вокзала всю дорогу домой. По ея взгляду и понятіямъ, слишкомъ много произошло и обнаружилось въ этомъ происшествіи, такъ что въ головѣ ея, несмотря на весь безпорядокъ и испугъ, зарождались уже мысли рѣшительныя. Но и всѣ понимали, что случилось нѣчто особенное, и что, можетъ быть, еще и къ счастію, начинаетъ обнаруживаться какая-то чрезвычайная тайна. Несмотря на прежнія завѣренія и объясненія князя Щ., Евгеній Павловичъ «выведенъ былъ теперь наружу», обличенъ, открытъ и «обнаруженъ формально въ своихъ связяхъ съ этою тварью». Такъ думала Лизавета Прокофьевна и даже обѣ старшія дочери. Выигрышъ изъ этого вывода былъ тотъ, что еще больше накопилось загадокъ. Дѣвицы хоть и негодовали отчасти про себя на слишкомъ уже сильный испугъ и такое явное бѣгство мамаши, но, въ первое время сумятицы, безпокоить ее вопросами не рѣшались. Кромѣ того, почему-то казалось имъ, что сестрица ихъ, Аглая Ивановна, можетъ быть, знаетъ въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ всѣ онѣ трое съ мамашей. Князь Щ. былъ тоже мраченъ какъ ночь и тоже очень задумчивъ. Лизавета Прокофьевна не сказала съ нимъ во всю дорогу ни слова, а онъ, кажется, и не замѣ-

тилъ того. Аделаида попробовала было у него спросить: «О какомъ это дядѣ сейчасъ говорили, и что тамъ такое въ Петербургѣ случилось?» Но онъ пробормоталъ ей въ отвѣтъ съ самою кислою миной что-то очень неопредѣленное о какихъ-то справкахъ, и что все это, конечно, една нелѣпость. «Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!» отвѣтила Аделаида и уже болѣе ни о чемъ не спрашивала. Аглая же стала что-то необыкновенно спокойна и замѣтила только дорогой, что слишкомъ уже скоро бѣгутъ. Разъ она обернулась и увидѣла князя, который ихъ догонялъ. Замѣтивъ его усилія ихъ догнать, она насмѣшливо улыбнулась и уже болѣе на него не оглядывалась.

Наконецъ, почти у самой дачи, повстрѣчался шедшій имъ навстрѣчу Иванъ Ѳедоровичъ, только что воротившійся изъ Петербурга. Онъ тотчасъ же, съ перваго слова, освѣдомился объ Евгеніи Павловичѣ. Но супруга грозно прошла мимо него, не отвѣтивъ и даже не поглядѣвъ на него. По глазамъ дочерей и князя Щ. онъ тотчасъ же догадался, что въ домѣ гроза. Но и безъ этого его собственное лицо отражало какое-то необыкновенное безпокойство. Онъ тотчасъ взялъ подъ руку князя Щ., остановилъ его у входа въ домъ и почти шопотомъ переговорилъ съ нимъ нѣсколько словъ. По тревожному виду обоихъ, когда взошли потомъ на террасу и прошли къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, можно было подумать, что они оба услыхали какое-нибудь чрезвычайное извѣстіе. Мало-по-малу всѣ собрались у Лизаветы Прокофьевны наверху, и на террасѣ остался, наконецъ, одинъ только князь. Онъ сидѣлъ въ углу, какъ бы ожидая чего-то, а впрочемъ и самъ не зналъ зачѣмъ; ему и въ голову не приходило уйти, видя суматоху въ домѣ; казалось, онъ забылъ всю вселенную и готовъ былъ высидѣть хоть два года сряду, гдѣ бы его ни посадили. Сверху слышались ему иногда отголоски тревожнаго разговора. Онъ самъ бы не ска-

залъ, сколько просидѣлъ тутъ. Становилось поздно и совсѣмъ смеркалось. На террасу вдругъ вышла Аглая; съ виду она была спокойна, хотя нѣсколько блѣдна. Увидѣвъ князя, котораго «очевидно не ожидала» встрѣтить здѣсь на стулѣ, въ углу, Аглая улыбнулась какъ бы въ недоумѣніи.

— Что вы тутъ дѣлаете? — подошла она къ нему.

Князь что-то пробормоталъ, сконфузясь, и вскочилъ со стула, но Аглая тотчасъ же сѣла подлѣ него, усѣлся опять и онъ. Она вдругъ, но внимательно его осмотрѣла, потомъ посмотрѣла въ окно, какъ бы безо всякой мысли, потомъ опять на него. «Можетъ быть, ей хочется засмѣяться, — подумалось князю, — но нѣтъ, вѣдь она бы тогда засмѣялась».

— Можетъ быть, вы чаю хотите, такъ я велю, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Н-нѣтъ... Я не знаю...

— Ну какъ про это не знать! Ахъ, да, послушайте: если бы васъ кто-нибудь вызвалъ на дуэль, что бы вы сдѣлали? Я еще давеча хотѣла спросить.

— Да... кто же... меня никто не вызоветъ на дуэль.

— Ну если бы вызвали? Вы бы очень испугались?

— Я думаю, что я очень... боялся бы.

— Серьезно? Такъ вы трусъ?

— Н-нѣтъ; можетъ быть, и нѣтъ. Трусъ тотъ, кто боится и бѣжитъ, а кто боится и не бѣжитъ, тотъ еще не трусъ, — улыбнулся князь, пообдумавъ.

— А вы не убѣжите?

— Можетъ быть, и не убѣгу, — засмѣялся онъ, наконецъ, вопросамъ Аглаи.

— Я хоть женщина, а ни за что бы не убѣжала, — замѣтила она чуть не обидчиво. — А впрочемъ, вы надо мной смѣетесь и кривляетесь по вашему обыкновенію, чтобы себѣ больше интересу придать; скажите:

стрѣляютъ обыкновенно съ двѣнадцати шаговъ? Иные и съ десяти? Стало быть, это навѣрно быть убитымъ или раненымъ?

— На дуэляхъ, должно быть, рѣдко попадаютъ.

— Какъ рѣдко? Пушкина же убили.

— Это, можетъ быть, случайно.

— Совсѣмъ не случайно; была дуэль на смерть, его и убили.

— Пуля попала такъ низко, что вѣрно Дантесъ цѣлилъ куда-нибудь выше, въ грудь или въ голову; а такъ, какъ она попала, никто не цѣлитъ, стало быть, скорѣе всего пуля попала въ Пушкина случайно, уже съ промаха. Мнѣ это компетентные люди говорили.

— А мнѣ это одинъ солдатъ говорилъ, съ которымъ я одинъ разъ разговаривала, что имъ нарочно, по уставу, велѣно цѣлиться, когда они въ стрѣлки разсыпаются, въ полчеловѣка; такъ и сказано у нихъ: «въ полчеловѣка». Вотъ уже, стало быть, не въ грудь и не въ голову, а нарочно въ полчеловѣка велѣно стрѣлять. Я спрашивала потомъ у одного офицера, онъ говорилъ, что это точно такъ и вѣрно.

— Это вѣрно, потому что съ дальняго разстоянія.

— А вы умѣете стрѣлять?

— Я никогда не стрѣлялъ.

— Неужели и зарядить пистолетъ не умѣете?

— Не умѣю. То-есть, я понимаю, какъ это сдѣлать, но я никогда самъ не заряжалъ.

— Ну, такъ значитъ и не умѣете, потому что тутъ нужна практика! Слушайте же и заучите: во-первыхъ, купите хорошаго пистолетнаго пороху, не мокраго (говорятъ, надо не мокраго, а очень сухого), какого-то мелкаго, вы уже такого спросите, а не такого, которымъ изъ пушекъ палятъ. Пулю, говорятъ, сами какъ-то отливаютъ. У васъ пистолеты есть?

— Нѣтъ, и не надо, — засмѣялся вдругъ князь.

— Ахъ, какой вздоръ! Непремѣнно купите, хорошій французскій или англійскій, это, говорятъ, самые лучшіе. Потомъ возьмите пороху съ наперстокъ, можетъ быть, два наперстка, и всыпьте. Лучше ужъ побольше. Прибейте войлокомъ (говорятъ, непремѣнно надо войлокомъ почему-то), это можно гдѣ-нибудь достать, изъ какого-нибудь тюфяка, или двери иногда обиваютъ войлокомъ. Потомъ, когда всунете войлокъ, вложите пулю; слышите же, пулю потомъ, а порохъ прежде, а то не выстрѣлитъ. Чего вы смѣетесь? Я хочу, чтобы вы каждый день стрѣляли по нѣскольку разъ и непремѣнно бы научились въ цѣль попадать. Сдѣлаете?

Князь смѣялся; Аглая въ досадѣ топнула ногой. Ея серьезный видъ, при такомъ разговорѣ, нѣсколько удивилъ князя. Онъ чувствовалъ отчасти, что ему бы надо было про что-то узнать, про что-то спросить, — во всякомъ случаѣ про что-то посерьезнѣе того, какъ пистолетъ заряжаютъ. Но все это вылетѣло у него изъ ума, кромѣ одного того, что предъ нимъ сидитъ она, а онъ на нее глядитъ, а о чемъ бы она ни заговорила, ему въ эту минуту было бы почти все равно.

Сверху на террасу сошелъ, наконецъ, самъ Иванъ Ѳедоровичъ; онъ куда-то отправлялся съ нахмуреннымъ, озабоченнымъ и рѣшительнымъ видомъ.

— А, Левъ Николаевичъ, ты... Куда теперь? — спросилъ онъ, несмотря на то, что Левъ Николаевичъ и не думалъ двигаться съ мѣста, — пойдемъ-ка, я тебѣ словцо скажу.

— До свиданія, — сказала Аглая и протянула князю руку.

На террасѣ уже было довольно темно, князь не разглядѣлъ бы въ это мгновеніе ея лица совершенно ясно. Чрезъ минуту, когда уже они съ генераломъ выходили съ дачи, онъ вдругъ ужасно покраснѣлъ и крѣпко сжалъ свою правую руку.

Оказалось, что Ивану Өедоровичу было съ нимъ по пути; Иванъ Өедоровичъ, несмотря на поздній часъ, торопился съ кѣмъ-то о чемъ-то поговорить. Но покамѣстъ онъ вдругъ заговорилъ съ княземъ быстро, тревожно, довольно безсвязно, часто поминая въ разговорѣ Лизавету Прокофьевну. Если бы князь могъ быть въ эту минуту внимательнѣе, то онъ, можетъ быть, догадался бы, что Ивану Өедоровичу хочется между прочимъ что-то и отъ него вывѣдать, или, лучше сказать, прямо и открыто о чемъ-то спросить его, но все не удается дотронуться до самой главной точки. Къ стыду своему, князь былъ до того разсѣянъ, что въ самомъ началѣ даже ничего и не слышалъ, и когда генералъ остановился предъ нимъ съ какимъ-то горячимъ вопросомъ, то онъ принужденъ былъ ему сознаться, что ничего не понимаетъ.

Генералъ пожалъ плечами.

— Странные вы все какіе-то люди стали, со всѣхъ сторонъ, — пустился онъ опять говорить. — Говорю тебѣ, что я совсѣмъ не понимаю идей и тревогъ Лизаветы Прокофьевны. Она въ истерикѣ и плачетъ, и говоритъ, что насъ осрамили и опозорили. Кто? Какъ? Съ кѣмъ? Когда и почему? Я, признаюсь, виноватъ (въ этомъ я сознаюсь), много виноватъ, но домогательства этой... безпокойной женщины (и дурно ведущей себя вдобавокъ) могутъ быть ограничены, наконецъ, полиціей, и я даже сегодня намѣренъ кое съ кѣмъ видѣться и предупредить. Все можно устроить тихо, кротко, ласково даже; по знакомству и отнюдь безъ скандала. Согласенъ тоже, что будущность чревата событіями, и что много неразъясненнаго; тутъ есть и интрига; но если здѣсь ничего не знаютъ, тамъ опять ничего объяснить не умѣютъ; если я не слыхалъ, ты не слыхалъ, тотъ не слыхалъ, пятый тоже ничего не слыхалъ, то кто же, наконецъ, и слышалъ, спрошу тебя? Чѣмъ же это объяснить по твоему, кромѣ того,

что наполовину дѣло — миражъ, не существуетъ, въ родѣ того, какъ, напримѣръ, свѣтъ луны... или другія привидѣнія.

— *Она* помѣшанная, — пробормоталъ князь, вдругъ припомнивъ съ болью все давнишнее.

— Въ одно слово, если ты про эту. Меня тоже такая же идея посѣщала отчасти, и я засыпалъ спокойно. Но теперь я вижу, что тутъ думаютъ правильнѣе, и не вѣрю помѣшательству. Женщина вздорная, положимъ, но при этомъ даже тонкая, не только не безумная. Сегодняшняя выходка насчетъ Капитона Алексѣича это слишкомъ доказываетъ. Съ ея стороны дѣло мошенническое, то-есть, по крайней мѣрѣ, іезуитское, для особыхъ цѣлей.

— Какого Капитона Алексѣича?

— Ахъ, Боже мой, Левъ Николаичъ, ты ничего не слушаешь. Я съ того и началъ, что заговорилъ съ тобой про Капитона Алексѣича: пораженъ такъ, что даже и теперь руки-ноги дрожатъ. Для того и въ городѣ промедлилъ сегодня. Капитонъ Алексѣичъ Радомскій, дядя Евгенія Павлыча...

— Ну! — вскричалъ князь.

— Застрѣлился, утромъ, на разсвѣтѣ, въ семь часовъ. Старичокъ почтенный, семидесяти лѣтъ, эпикуреецъ, — и точь-въ-точь какъ она говорила, — казенная сумма, знатная сумма!

— Откуда же она...

— Узнала-то? Ха-ха! Да вѣдь кругомъ нея уже цѣлый штабъ образовался, только что появилась. Знаешь какія лица теперь ее посѣщаютъ и ищутъ этой «чести знакомства». Натурально, давеча могла что-нибудь услышать отъ приходившихъ, потому что теперь весь Петербургъ уже знаетъ, и здѣсь пол-Павловска или и весь уже Павловскъ. Но какое же тонкое замѣчаніе ея насчетъ мундира-то, какъ мнѣ пересказали, то-есть насчетъ того, что Евгеній Павлычъ заблаговре-

менно успѣлъ выйти въ отставку! Эдакой адскій намекъ! Нѣтъ, это не выражаетъ сумасшествія. Я, конечно, отказываюсь вѣрить, что Евгеній Павлычъ могъ знать заранѣе про катастрофу, то-есть, что такого-то числа, въ семь часовъ и т. д. Но онъ могъ все это предчувствовать. А я-то, а мы-то всѣ и князь Щ. разсчитывали, что еще тотъ ему наслѣдство оставитъ! Ужасъ! Ужасъ! Пойми, впрочемъ, я Евгенія Павлыча не обвиняю ни въ чемъ, и спѣшу объяснить тебѣ, но все-таки, однакожъ, подозрительно. Князь Щ. пораженъ чрезвычайно. Все это какъ-то странно стряслось.

— Но что же въ поведеніи Евгенія Павлыча подозрительнаго?

— Ничего нѣтъ! Держалъ себя благороднѣйшимъ образомъ. Я и не намекалъ ни на что. Свое-то состояніе, я думаю, у него въ цѣлости. Лизавета Прокофьевна, разумѣется, и слышать не хочетъ... Но главное — всѣ эти семейныя катастрофы или, лучше сказать, всѣ эти дрязги, такъ что даже не знаешь, какъ и назвать... Ты, подлинно сказать, другъ дома, Левъ Николаичъ, и вообрази, сейчасъ оказывается, хоть впрочемъ и не точно, что Евгеній Павлычъ будто бы уже больше мѣсяца назадъ объяснился съ Аглаей и получилъ будто бы отъ нея формальный отказъ.

— Быть не можетъ! — съ жаромъ вскричалъ князь.

— Да развѣ ты что-нибудь знаешь? Видишь, дражайшій, — встрепенулся и удивился генералъ, останавливаясь на мѣстѣ какъ вкопанный, — я, можетъ быть, тебѣ напрасно и неприлично проговорился, но вѣдь это потому, что ты... что ты... можно сказать, такой человѣкъ. Можетъ быть, ты знаешь что-нибудь особенное?

— Я ничего не знаю... объ Евгеніи Павлычѣ, — пробормоталъ князь.

— и я не знаю! Меня... меня, братъ, хотятъ рѣшительно закопать въ землю и похоронить, и разсудить не хотятъ при этомъ, что это тяжело человѣку, и что я этого не вынесу. Сейчасъ такая сцена была, что ужасъ! Я, какъ родному сыну, тебѣ говорю. Главное, Аглая точно смѣется надъ матерью. Про то, что она, кажется, отказала Евгенію Павлычу съ мѣсяцъ назадъ, и что было у нихъ объясненіе, довольно формальное, сообщили сестры, въ видѣ догадки... впрочемъ, твердой догадки. Но вѣдь это такое самовольное и фантастическое созданіе, что и разсказать нельзя! Всѣ великодушія, всѣ блестящія качества сердца и ума, — это все, пожалуй, въ ней есть, но при этомъ капризъ, насмѣшки, — словомъ, характеръ бѣсовскій и вдобавокъ съ фантазіями. Надъ матерью сейчасъ насмѣялась въ глаза, надъ сестрами, надъ княземъ Щ.; про меня и говорить нечего, надо мной она рѣдко когда не смѣется, но вѣдь я что, я, знаешь, люблю ее, люблю даже, что она смѣется, — и, кажется, бѣсенокъ этотъ меня за это особенно любитъ, то-есть больше всѣхъ другихъ, кажется. Побьюсь объ закладъ, что она и надъ тобой уже въ чемъ-нибудь насмѣялась. Я васъ сейчасъ засталъ въ разговорѣ послѣ давешней грозы наверху; она съ тобой сидѣла какъ ни въ чемъ не бывало.

Князь покраснѣлъ ужасно и сжалъ правую руку, но промолчалъ.

— Милый, добрый мой Левъ Николаичъ! — съ чувствомъ и съ жаромъ сказалъ вдругъ генералъ, — я... и даже сама Лизавета Прокофьевна (которая, впрочемъ, тебя опять начала честить, а вмѣстѣ съ тобой и меня за тебя, не понимаю только за что), мы все-таки тебя любимъ, любимъ искренно и уважаемъ, несмотря даже ни на что, то-есть на всѣ видимости. Но согласись, милый другъ, согласись самъ, какова вдругъ загадка, и какова досада слышать, когда вдругъ этотъ хладнокровный бѣсенокъ (потому что она стоя-

ла предъ матерью съ видомъ глубочайшаго презрѣнія ко всѣмъ нашимъ вопросамъ, а къ моимъ преимущественно, потому что я, чортъ возьми, сглупилъ, вздумалъ было строгость показать, такъ какъ я глава семейства, — ну, и сглупилъ), этотъ хладнокровный бѣсенокъ такъ вдругъ и объявляетъ съ усмѣшкой, что эта «помѣшанная» (такъ она выразилась, и мнѣ странно, что она въ одно слово съ тобой: «развѣ вы не могли, говоритъ, до сихъ поръ догадаться»), что эта помѣшанная «забрала себѣ въ голову, во что бы то ни стало, меня замужъ за князя Льва Николаича выдать, а для того Евгенія Павлыча изъ дому отъ насъ выживаетъ...»; только и сказала: никакого больше объясненія не дала, хохочетъ себѣ, а мы роть разинули, хлопнула дверью и вышла. Потомъ мнѣ разсказали о давешнемъ пассажѣ съ нею и съ тобой... и... и... послушай, милый князь, ты человѣкъ не обидчивый и очень разсудительный, я это въ тебѣ замѣтилъ, но... не разсердись: ей-Богу, она надъ тобой смѣется. Какъ ребенокъ смѣется, и потому ты на нее не сердись, но это рѣшительно такъ. Не думай чего-нибудь, — она просто дурачитъ и тебя, и насъ всѣхъ, отъ бездѣлья. Ну, прощай! Ты знаешь наши чувства? Наши искреннія къ тебѣ чувства? Они неизмѣнны, никогда и ни въ чемъ... но... мнѣ теперь сюда, до свиданья! Рѣдко я до такой степени сидѣлъ плохо въ тарелкѣ (какъ это говорится-то?), какъ теперь сижу... Ай да дача!

Оставшись одинъ на перекресткѣ, князь осмотрѣлся кругомъ, быстро перешелъ черезъ улицу, близко подошелъ къ освѣщенному окну одной дачи, развернулъ маленькую бумажку, которую крѣпко сжималъ въ правой рукѣ во все время разговора съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, и прочелъ, ловя слабый лучъ свѣта:

«Завтра въ семь часовъ утра я буду на зеленой скамейкѣ, въ паркѣ, и буду васъ ждать. Я рѣшилась

говорить съ вами объ одномъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ, которое касается прямо до васъ.

«P. S. Надѣюсь, вы никому не покажете этой записки. Хоть мнѣ и совѣстно писать вамъ такое наставленіе, но я разсудила, что вы того стòите, и написала, — краснѣя отъ стыда за вашъ смѣшной характеръ.

«PP. SS. Это та самая зеленая скамейка, которую я вамъ давеча показала. Стыдитесь! Я принуждена была и это приписать».

Записка была написана наскоро и сложена коекакъ, всего вѣроятнѣе, предъ самымъ выходомъ Аглаи на террасу. Въ невыразимомъ волненіи, похожемъ на испугъ, князь крѣпко зажалъ опять въ руку бумажку и отскочилъ поскорѣй отъ окна, отъ свѣта, точно испуганный воръ; но при этомъ движеніи вдругъ плотно столкнулся съ однимъ господиномъ, который очутился прямо у него за плечами.

— Я за вами слѣжу, князь, — проговорилъ господинъ.

— Это вы, Келлеръ? — вскричалъ князь въ удивленіи.

— Ищу васъ, князь. Поджидалъ васъ у дачи Епанчиныхъ, разумѣется, не могъ войти. Шелъ за вами, пока вы шли съ генераломъ. Къ вашимъ услугамъ, князь, располагайте Келлеромъ. Готовъ жертвовать и даже умереть, если понадобится.

— Да . . . зачѣмъ?

— Ну, ужъ навѣрно послѣдуетъ вызовъ. Этотъ поручикъ Моловцовъ, я его знаю, то-есть не лично... онъ не перенесетъ оскорбленія. Нашего брата, то-есть меня да Рогожина, онъ, разумѣется, наклоненъ почесть за шваль и, можетъ быть, заслуженно, такимъ образомъ въ отвѣтѣ вы одинъ и приходитесь. Придется заплатить за бутылки, князь. Онъ про васъ освѣдомлялся, я слышалъ, и ужъ навѣрно завтра его прія-

тель къ вамъ пожалуетъ, а, можетъ, и теперь уже ждетъ. Если удостоите чести выбрать въ секунданты, то за васъ готовъ и подъ красную шапку; затѣмъ и искалъ васъ, князь.

— Такъ и вы тоже про дуэль! — захохоталъ вдругъ князь, къ чрезвычайному удивленію Келлера. Онъ хохоталъ ужасно. Келлеръ, дѣйствительно бывшій чуть не на иголкахъ, до тѣхъ поръ пока не удовлетворился, предложивъ себя въ секунданты, почти обидѣлся, смотря на такой развеселый смѣхъ князя.

— Вы, однакожъ, князь, за руки давеча схватили. Благородному лицу и при публикѣ это трудно перенести.

— А онъ меня въ грудь толкнулъ! — смѣясь вскричалъ князь, — не за что намъ драться! Я у него прощенія попрошу, вотъ и все. А коли драться, такъ драться! Пусть стрѣляетъ; я даже хочу. Ха-ха! Я теперь умѣю пистолетъ заряжать. Знаете ли, что меня сейчасъ учили какъ пистолетъ зарядить? Вы умѣете пистолетъ заряжать, Келлеръ? Надо прежде пороху купить, пистолетнаго, не мокраго и не такого крупнаго, которымъ изъ пушекъ палятъ; а потомъ сначала пороху положить, войлоку откуда-нибудь изъ двери достать, и потомъ уже пулю вкатить, а не пулю прежде пороха, потому что не выстрѣлитъ. Слышите, Келлеръ: потому что не выстрѣлитъ. Ха-ха! Развѣ это не великолѣпнѣйшій резонъ, другъ Келлеръ? Ахъ, Келлеръ, знаете ли, что я васъ сейчасъ обниму и поцѣлую. Ха-ха-ха! Какъ вы это давеча очутились такъ вдругъ предъ нимъ? Приходите ко мнѣ какъ-нибудь поскорѣе пить шампанское. Всѣ напьемся пьяны! Знаете ли вы, что у меня двѣнадцать бутылокъ шампанскаго есть, у Лебедева на погребѣ? Лебедевъ мнѣ «по случаю» продалъ третьяго дня, на другой же день, какъ я къ нему переѣхалъ, я всѣ и купилъ! Я всю компанію соберу! А что, вы будете спать эту ночь?

— Какъ и всякую, князь.

— Ну, такъ спокойныхъ сновъ! Ха-ха!

Князь перешелъ черезъ дорогу и исчезъ въ паркѣ, оставивъ въ раздумьи нѣсколько озадаченнаго Келлера. Онъ еще не видывалъ князя въ такомъ странномъ настроеніи, да и вообразить до сихъ поръ не могъ.

«Лихорадка, можетъ быть, потому что нервный человѣкъ, и все это подѣйствовало, но ужъ, конечно, не струситъ. Вотъ эти-то и не трусятъ, ей-Богу! — думалъ про себя Келлеръ. — Гм! шампанское! Интересное однакожъ извѣстіе. Двѣнадцать бутылокъ-съ; дюжинка; ничего, порядочный гарнизонъ. А бьюсь объ закладъ, что Лебедевъ подъ закладъ отъ кого-нибудь это шампанское принялъ. Гм... онъ однакожъ довольно милъ, этотъ князь; право, я люблю этакихъ; терять однакоже времени нечего и... если шампанское, то самое время и есть»...

Что князь былъ какъ въ лихорадкѣ, это, разумѣется, было справедливо.

Онъ долго бродилъ по темному парку и, наконецъ, «нашелъ себя» расхаживающимъ по одной аллеѣ. Въ сознаніи его оставалось воспоминаніе, что по этой аллеѣ онъ уже прошелъ, начиная отъ скамейки до одного стараго дерева, высокаго и замѣтнаго, всего шаговъ сотню, разъ тридцать или сорокъ взадъ и впередъ. Припомнить то, что онъ думалъ въ этотъ, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ въ паркѣ, онъ бы никакъ не смогъ, если бы даже и захотѣлъ. Онъ уловилъ себя, впрочемъ, на одной мысли, отъ которой покатился вдругъ со смѣху; хотя смѣяться было и нечему, но ему все хотѣлось смѣяться. Ему вообразилось, что предположеніе о дуэли могло зародиться и не въ одной головѣ Келлера, и что, стало быть, исторія о томъ, какъ заряжаютъ пистолетъ могла быть и не случайная... «Ба! — остановился онъ вдругъ, озаренный другою идеей, — давеча она сошла на террасу, когда я сидѣлъ въ углу, и ужасно удивилась, найдя меня тамъ, и — такъ

смѣялась... о чаѣ заговорила; а вѣдь у ней въ это время уже была эта бумажка въ рукахъ, стало быть, она непремѣнно знала, что я сижу на террасѣ, такъ зачѣмъ же она удивилась? Ха-ха-ха!»

Онъ выхватилъ записку изъ кармана и поцѣловалъ ее, но тотчасъ же остановился и задумался:

«Какъ это странно! Какъ это странно!» проговорилъ онъ чрезъ минуту даже съ какою-то грустью: въ сильныя минуты ощущенія радости ему всегда становилось грустно, онъ самъ не зналъ отчего. Онъ пристально осмотрѣлся кругомъ и удивился, что зашелъ сюда. Онъ очень усталъ, подошелъ къ скамейкѣ и сѣлъ на нее. Кругомъ была чрезвычайная тишина. Музыка уже кончилась въ вокзалѣ. Въ паркѣ уже, можетъ быть, не было никого; конечно, было не меньше половины двѣнадцатаго. Ночь была тихая, теплая, свѣтлая, — петербургская ночь начала іюня мѣсяца, но въ густомъ, тѣнистомъ паркѣ, въ аллеѣ, гдѣ онъ находился, было почти уже совсѣмъ темно.

Если бы кто сказалъ ему въ эту минуту, что онъ влюбился, влюбленъ страстною любовью, то онъ съ удивленіемъ отвергъ бы эту мысль и, можетъ быть, даже съ негодованіемъ. И если бы кто прибавилъ къ тому, что записка Аглаи есть записка любовная, назначеніе любовнаго свиданія, то онъ сгорѣлъ бы со стыда за того человѣка и, можетъ быть, вызвалъ бы его на дуэль. Все это было вполнѣ искренно, и онъ ни разу не усомнился и не допустилъ ни малѣйшей «двойной» мысли о возможности любви къ нему этой дѣвушки, или даже о возможности своей любви къ этой дѣвушкѣ. Отъ этой мысли ему стало бы стыдно: возможность любви къ нему, «къ такому человѣку, какъ онъ», онъ почелъ бы дѣломъ чудовищнымъ. Ему мерещилось, что это была просто шалость съ ея стороны, если дѣйствительно тутъ что-нибудь есть; но онъ какъ-то слишкомъ былъ равнодушенъ соб-

ственно къ этой идеѣ и находилъ ее слишкомъ въ порядкѣ вещей; самъ же былъ занятъ и озабоченъ чѣмъ-то совершенно другимъ. Словамъ, проскочившимъ давеча у взволнованнаго генерала насчетъ того, что она смѣется надъ всѣми, а надъ нимъ, надъ княземъ, въ особенности, онъ повѣрилъ вполнѣ. Ни малѣйшаго оскорбленія не почувствовалъ онъ при этомъ; по его мнѣнію, такъ и должно было быть. Все состояло для него главнымъ образомъ въ томъ, что завтра онъ опять увидитъ ее, рано утромъ, будетъ сидѣть съ нею рядомъ на зеленой скамейкѣ, слушать какъ заряжаютъ пистолетъ и глядѣть на нее. Больше ему ничего и не надо было. Вопросъ о томъ, что такое она ему намѣрена сказать, и какое такое это важное дѣло, до него прямо касающееся, разъ или два тоже мелькнулъ въ его головѣ. Кромѣ того, въ дѣйствительномъ существованіи этого «важнаго дѣла», по которому звали его, онъ не усомнился ни на одну минуту, но совсѣмъ почти не думалъ объ этомъ важномъ дѣлѣ теперь, до того, что даже не чувствовалъ ни малѣйшаго побужденія думать о немъ.

Скрипъ тихихъ шаговъ на пескѣ аллеи заставилъ его поднять голову. Человѣкъ, лицо котораго трудно было различить въ темнотѣ, подошелъ къ скамейкѣ и сѣлъ подлѣ него. Князь быстро придвинулся къ нему, почти вплоть, и различилъ блѣдное лицо Рогожина.

— Такъ и зналъ, что гдѣ-нибудь здѣсь бродишь, не долго и проискалъ, — пробормоталъ сквозь зубы Рогожинъ.

Въ первый разъ сходились они послѣ встрѣчи ихъ въ коридорѣ трактира. Пораженный внезапнымъ появленіемъ Рогожина, князь нѣкоторое время не могъ собраться съ мыслями, и мучительное ощущеніе воскресло въ его сердцѣ. Рогожинъ видимо понималъ впечатлѣніе, которое производилъ; но хоть онъ и сбивался вначалѣ, говорилъ какъ бы съ видомъ какой-то заученной развязности, но князю скоро показалось, что въ немъ

не было ничего заученаго и даже никакого особеннаго смущенія: если была какая неловкость въ его жестахъ и разговорѣ, то развѣ только снаружи; въ душѣ этотъ человѣкъ не могъ измѣниться.

— Какъ ты... отыскалъ меня здѣсь? — спросилъ князь, чтобы что-нибудь выговорить.

— Отъ Келлера слышалъ (я къ тебѣ заходилъ), «въ паркъ-де пошелъ»; ну, думаю, такъ оно и есть.

— Что такое «есть»? — тревожно подхватилъ князь выскочившее слово.

Рогожинъ усмѣхнулся, но объясненія не далъ.

— Я получилъ твое письмо, Левъ Николаичъ; ты это все напрасно... и охота тебѣ!.. А теперь я къ тебѣ отъ *нея:* безпремѣнно велитъ тебя звать; что-то сказать тебѣ очень надо. Сегодня же и просила.

— Я приду завтра. Я сейчасъ домой иду; ты... ко мнѣ?

— Зачѣмъ? я тебѣ все сказалъ; прощай.

— Не зайдешь развѣ? — тихо спросилъ его князь.

— Чуденъ ты человѣкъ, Левъ Николаичъ, на тебя подивиться надо.

Рогожинъ язвительно усмѣхнулся.

— Почему? Съ чего у тебя такая злоба теперь на меня? — грустно и съ жаромъ подхватилъ князь. — Вѣдь ты самъ знаешь теперь, что все, что ты думалъ, не правда. А вѣдь я, впрочемъ, такъ и думалъ, что злоба въ тебѣ до сихъ поръ на меня не прошла, и знаешь почему? Потому что ты же на меня посягнулъ, оттого и злоба твоя не проходитъ. Говорю тебѣ, что помню одного того Парѳена Рогожина, съ которымъ я крестами въ тотъ день побратался; писалъ я это тебѣ во вчерашнемъ письмѣ, чтобы ты и думать обо всемъ этомъ бредѣ забылъ и говорить объ этомъ не зачиналъ со мной. Чего ты сторонишься отъ меня? Чего руку отъ меня прячешь? Говорю тебѣ, что все это, что было тогда, за одинъ только бредъ

почитаю: я тебя наизусть во весь тогдашній день теперь знаю, какъ себя самого. То, что ты вообразилъ, не существовало и не могло существовать. Для чего же злоба наша будетъ существовать?

— Какая у тебя будетъ злоба! — засмѣялся опять Рогожинъ въ отвѣтъ на горячую, внезапную рѣчь князя. Онъ, дѣйствительно, стоялъ сторонясь отъ него, отступивъ шага на два и пряча свои руки.

— Теперь мнѣ не стать къ тебѣ вовсе ходить, Левъ Николаичъ, — медленно и сентенціозно прибавилъ онъ въ заключеніе.

— До того ужъ меня ненавидишь, что ли?

— Я тебя не люблю, Левъ Николаичъ, такъ зачѣмъ я къ тебѣ пойду? Эхъ, князь, ты точно какъ ребенокъ какой: захотѣлось игрушки — вынь да положь, а дѣла не понимаешь. Это ты все точно такъ въ письмѣ отписалъ, что и теперь говоришь, да развѣ я не вѣрю тебѣ? Каждому твоему слову вѣрю и знаю, что ты меня не обманывалъ никогда и впредь не обманешь; а я тебя все-таки не люблю. Ты вотъ пишешь, что ты все забылъ, и что одного только крестоваго брата Рогожина помнишь, а не того Рогожина, который на тебя тогда ножъ подымалъ. Да почему ты-то мои чувства знаешь? (Рогожинъ опять усмѣхнулся). Да я, можетъ, въ томъ ни разу съ тѣхъ поръ и не покаялся, а ты уже свое братское прощеніе мнѣ прислалъ. Можетъ, я въ тотъ же вечеръ о другомъ совсѣмъ уже думалъ, а объ этомъ...

— И думать забылъ! — подхватилъ князь. — Да еще бы! И бьюсь объ закладъ, что ты прямо тогда на чугунку и сюда въ Павловскъ на музыку прикатилъ, и въ толпѣ ее точно такъ же какъ и сегодня слѣдилъ да высматривалъ. Экъ чѣмъ удивилъ! Да не былъ бы ты тогда въ такомъ положеніи, что объ одномъ только и способенъ былъ думать, такъ, можетъ быть, и ножа бы на меня не поднялъ... Предчувствіе

тогда я съ утра еще имѣлъ, на тебя глядя; ты знаешь ли, каковъ ты тогда былъ? Какъ крестами мѣнялись, тутъ, можетъ, и зашевелилась во мнѣ эта мысль. Для чего ты меня къ старушкѣ тогда водилъ? Свою руку этимъ думалъ сдержать? Да и не можетъ быть, чтобы подумалъ, а такъ только почувствовалъ, какъ и я... Мы тогда въ одно слово почувствовали. Не подыми ты руку тогда на меня (которую Богъ отвелъ), чѣмъ бы я теперь предъ тобой оказался? Вѣдь я жъ тебя все равно въ этомъ подозрѣвалъ, одинъ нашъ грѣхъ, въ одно слово! (Да не морщись! Ну, и чего ты смѣешься?) «Не каялся!» Да если бъ и хотѣлъ, то, можетъ быть, не смогъ бы покаяться, потому что и не любишь меня, вдобавокъ. И будь я, какъ ангелъ, предъ тобою невиненъ, ты все-таки терпѣть меня не будешь, пока будешь думать, что она не тебя, а меня любитъ. Вотъ это ревность, стало быть, и есть. А только вотъ что я въ эту недѣлю надумалъ, Парѳенъ, и скажу тебѣ: знаешь ли ты, что она тебя теперь, можетъ, больше всѣхъ любитъ, и такъ даже, что чѣмъ больше мучаетъ, тѣмъ больше и любитъ. Она этого не скажетъ тебѣ, да надо видѣть умѣть. Для чего она въ концѣ-концовъ за тебя все-таки замужъ идетъ? Когда-нибудь скажетъ это тебѣ самому. Иныя женщины даже хотятъ, чтобъ ихъ такъ любили, а она именно такого характера! А твой характеръ и любовь твоя должны ее поразить! Знаешь ли, что женщина способна замучить человѣка жестокостями и насмѣшками, и ни разу угрызенія совѣсти не почувствуетъ, потому что про себя каждый разъ будетъ думать, смотря на тебя: «вотъ теперь я его измучаю до смерти, да зато потомъ ему любовью моею наверстаю...»

Рогожинъ захохоталъ, выслушавъ князя.

— Да что, князь, ты и самъ какъ-нибудь къ этакой не попалъ ли? Я кое-что слышалъ про тебя, если правда?

— Что, что ты могъ слышать? — вздрогнулъ вдругъ князь и остановился въ чрезвычайномъ смущеніи.

Рогожинъ продолжалъ смѣяться. Онъ не безъ любопытства и, можетъ быть, не безъ удовольствія выслушалъ князя; радостное и горячее увлеченіе князя очень поразило и ободрило его.

— Да и не то что слышалъ, а и самъ теперь вижу, что правда, — прибавилъ онъ; — ну когда ты такъ говорилъ, какъ теперь? Вѣдь этакой разговоръ точно и не отъ тебя. Не слышалъ бы я о тебѣ такого, такъ и не пришелъ бы сюда; да еще въ паркъ, въ полночь.

— Я тебя совсѣмъ не понимаю, Парѳенъ Семенычъ.

— Она-то давно еще мнѣ про тебя разъясняла, а теперь я давеча и самъ разсмотрѣлъ, какъ ты на музыкѣ съ тою сидѣлъ. Божилась мнѣ, вчера и сегодня божилась, что ты въ Аглаю Епанчину какъ кошка влюбленъ. Мнѣ это, князь, все равно, да и дѣло оно не мое: если ты ее разлюбилъ, такъ она еще не разлюбила тебя. Ты вѣдь знаешь, что она тебя съ тою непремѣнно повѣнчать хочетъ, слово такое дала, хе-хе! Говоритъ мнѣ: «безъ эвтаго за тебя не выйду, они въ церковь, и мы въ церковь». Что тутъ такое, я понять не могу и ни разу не понималъ: или любитъ тебя безъ предѣла, или... коли любитъ, такъ какъ же съ другою тебя вѣнчать хочетъ? Говоритъ: «хочу его счастливымъ видѣть», значитъ, стало быть, любитъ.

— Я говорилъ и писалъ тебѣ, что она... не въ своемъ умѣ, — сказалъ князь, съ мученіемъ выслушавъ Рогожина.

— Господь знаетъ! Это ты, можетъ, и ошибся... она мнѣ, впрочемъ, день сегодня назначила, какъ съ музыки привелъ ее: черезъ три недѣли, а можетъ, и раньше, навѣрно, говоритъ, подъ вѣнецъ пойдемъ; по-

клялась, образъ сняла, поцѣловала. За тобой, стало быть, князь, теперь дѣло, хе-хе!

— Это все бредъ! Этому, что ты про меня говоришь, никогда, никогда не бывать! Завтра я къ вамъ приду...

— Какая же сумасшедшая? — замѣтилъ Рогожинъ, — какъ же она для всѣхъ прочихъ въ умѣ, а только для тебя одного какъ помѣшанная? Какъ же она письма-то пишетъ туда? Коли сумасшедшая, такъ и тамъ бы по письмамъ замѣтили.

— Какія письма? — спросилъ князь въ испугѣ.

— Туда пишетъ, къ *той*, а та читаетъ. Аль не знаешь? Ну, такъ узнаешь; навѣрно покажетъ тебѣ сама.

— Этому вѣрить нельзя! — вскричалъ князь.

— Эхъ! Да ты, Левъ Николаичъ, знать, немного этой дорожки еще прошелъ, сколько вижу, а только еще начинаешь. Подожди мало: будешь свою собственную полицію содержать, самъ день и ночь дежурить, и каждый шагъ оттуда знать, коли только...

— Оставь и не говори про это никогда! — вскрикнулъ князь. — Слушай, Парфенъ, я вотъ сейчасъ предъ тобой здѣсь ходилъ и вдругъ сталъ смѣяться, чему — не знаю, а только причиной было, что я припомнилъ, что завтрашній день — день моего рожденія, какъ нарочно приходится. Теперь чуть ли не двѣнадцать часовъ. Пойдемъ, встрѣтимъ день! У меня вино есть, выпьемъ вина, пожелай мнѣ того, чего я самъ не знаю теперь пожелать, и именно ты пожелай, а я тебѣ твоего счастья полнаго пожелаю. Не то подавай назадъ крестъ! Вѣдь не прислалъ же мнѣ крестъ на другой-то день! Вѣдь на тебѣ? На тебѣ и теперь?

— На мнѣ, — проговорилъ Рогожинъ.

— Ну, и пойдемъ. Я безъ тебя не хочу мою новую жизнь встрѣчать, потому что новая моя жизнь

началась! Ты не знаешь, Парѳенъ, что моя новая жизнь сегодня началась?

— Теперь самъ вижу и самъ знаю, что началась; такъ и *ей* донесу. Не въ себѣ ты совсѣмъ, Левъ Николаичъ!

IV

Съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ князь, подходя къ своей дачѣ съ Рогожинымъ, что на его террасѣ, ярко освѣщенной, собралось шумное и многочисленное общество. Веселая компанія хохотала, голосила; кажется, даже спорила до крику; подозрѣвалось съ перваго взгляда самое радостное препровожденіе времени. И дѣйствительно, поднявшись на террасу, онъ увидѣлъ, что всѣ пили, и пили шампанское, и, кажется, уже довольно давно, такъ что многіе изъ пирующихъ успѣли весьма пріятно одушевиться. Гости были все знакомые князя, но странно было, что они собирались разомъ всѣ, точно по зову, хотя князь никого не звалъ, а про день своего рожденія онъ и самъ только что вспомнилъ нечаянно.

— Объявилъ, знать, кому, что шампанскаго выставишь, вотъ они сбѣжались, — пробормоталъ Рогожинъ, всходя вслѣдъ за княземъ на террасу, — мы эвтотъ пунктъ знаемъ; имъ только свистни . . . — прибавилъ онъ почти со злобой, конечно, припоминая свое недавнее прошлое.

Всѣ встрѣтили князя криками и пожеланіями, окружили его. Иные были очень шумны, другіе гораздо спокойнѣе, но всѣ торопились поздравить, прослышавъ о днѣ рожденія, и всякій ждалъ своей очереди. Присутствіе нѣкоторыхъ лицъ заинтересовало князя, напримѣръ, Бурдовскаго; но всего удивительнѣе было, что среди этой компаніи очутился вдругъ и Евгеній

Павловичъ; князь почти вѣрить себѣ не хотѣлъ и чуть не испугался, увидѣвъ его.

Тѣмъ временемъ Лебедевъ, раскраснѣвшійся и почти восторженный, подбѣжалъ съ объясненіями; онъ былъ довольно сильно *готовъ*. Изъ болтовни его оказалось, что всѣ собрались совершенно натурально и даже нечаянно. Прежде всѣхъ, передъ вечеромъ, пріѣхалъ Ипполитъ, и, чувствуя себя гораздо лучше, пожелалъ подождать князя на террасѣ. Онъ расположился на диванѣ; потомъ къ нему сошелъ Лебедевъ, затѣмъ все его семейство, то-есть генералъ Иволгинъ и дочери. Бурдовскій пріѣхалъ съ Ипполитомъ, сопровождая его. Ганя и Птицынъ зашли, кажется, недавно, проходя мимо (ихъ появленіе совпадало съ происшествіемъ въ вокзалѣ); затѣмъ явился Келлеръ, объявилъ о днѣ рожденія и потребовалъ шампанскаго. Евгеній Павловичъ зашелъ всего съ полчаса назадъ. На шампанскомъ и чтобъ устроить праздникъ настаивалъ изо всѣхъ силъ и Коля. Лебедевъ съ готовностью подалъ вина.

— Но своего, своего! — лепеталъ онъ князю, — на собственное иждивеніе, чтобы прославить и поздравить, и угощеніе будетъ, закуска, и объ этомъ дочь хлопочетъ; но, князь, если бы вы знали, какая тема въ ходу. Помните у Гамлета: «быть или не быть?» Современная тема-съ, современная! Вопросы и отвѣты . . . И господинъ Терентьевъ въ высшей степени . . . спать не хочетъ! А шампанскаго онъ только глотнулъ, глотнулъ, не повредитъ . . . Приближьтесь, князь, и рѣшите! Всѣ васъ ждали, всѣ только и ждали вашего счастливаго ума . . .

Князь замѣтилъ милый, ласковый взглядъ Вѣры Лебедевой, тоже торопившейся пробраться къ нему сквозь толпу. Мимо всѣхъ, онъ протянулъ руку ей первой; она вспыхнула отъ удовольствія и пожелала ему «счастливой жизни *съ этого самаго дня*». Затѣмъ стремглавъ побѣжала на кухню; тамъ она готовила за-

куску; но и до прихода князя, — только что на минуту могла оторваться отъ дѣла, — являлась на террасу и изо всѣхъ силъ слушала горячіе споры о самыхъ отвлеченныхъ и странныхъ для нея вещахъ, не умолкавшихъ между подпившими гостями. Младшая сестра ея, разѣвавшая ротъ, заснула въ слѣдующей комнатѣ на сундукѣ, но мальчикъ, сынъ Лебедева, стоялъ подлѣ Коли и Ипполита, и одинъ видъ его одушевленнаго лица показывалъ, что онъ готовъ простоять здѣсь на одномъ мѣстѣ, наслаждаясь и слушая, хоть еще часовъ десять сряду.

— Я васъ особенно ждалъ и ужасно радъ, что вы пришли такой счастливый, — проговорилъ Ипполитъ, когда князь, тотчасъ послѣ Вѣры, подошелъ пожать ему руку.

— А почему вы знаете, что я «такой счастливый»?

— По лицу видно. Поздоровайтесь съ господами и присядьте къ намъ сюда поскорѣе. Я особенно васъ ждалъ, — прибавилъ онъ, значительно напирая на то, что онъ ждалъ. На замѣчаніе князя: «не повредило бы ему такъ поздно сидѣть?» — онъ отвѣчалъ, что самъ себѣ удивляется, какъ это онъ три дня назадъ умереть хотѣлъ, и что никогда онъ не чувствовалъ себя лучше, какъ въ этотъ вечеръ.

Бурдовскій вскочилъ и пробормоталъ, что онъ «такъ . . .», что онъ съ Ипполитомъ «сопровождалъ», и что тоже радъ; что въ письмѣ онъ «написалъ вздоръ», а теперь «радъ просто» . . .». Не договоривъ, онъ крѣпко сжалъ руку князя и сѣлъ на стулъ.

Послѣ всѣхъ князь подошелъ и къ Евгенію Павловичу. Тотъ тотчасъ же взялъ его подъ руку.

— Мнѣ вамъ только два слова сказать, — прошепталъ онъ вполголоса, — и по чрезвычайно важному обстоятельству; отойдемте на минуту.

— Два слова, — прошепталъ другой голосъ въ

другое ухо князя, и другая рука взяла его съ другой стороны подъ руку. Князь съ удивленіемъ замѣтилъ страшно взъерошенную, раскраснѣвшуюся, подмигивающую и смѣющуюся фигуру, въ которой въ ту же минуту узналъ Фердыщенка, Богъ знаетъ откуда взявшагося.

— Фердыщенка помните? — спросилъ тотъ.

— Откуда вы взялись? — вскричалъ князь.

— Онъ раскаивается! — вскричалъ подбѣжавшій Келлеръ, — онъ спрятался, онъ не хотѣлъ къ вамъ выходить, онъ тамъ въ углу спрятался, онъ раскаивается, князь, онъ чувствуетъ себя виноватымъ.

— Да въ чемъ же, въ чемъ же?

— Это я его встрѣтилъ, князь, я его сейчасъ встрѣтилъ и привелъ; это рѣдкій изъ моихъ друзей, но онъ раскаивается.

— Очень радъ, господа; ступайте, садитесь туда ко всѣмъ, я сейчасъ приду, — отдѣлался наконецъ князь, торопясь къ Евгенію Павловичу.

— Здѣсь у васъ занимательно, — замѣтилъ тотъ, — и я съ удовольствіемъ прождалъ васъ съ полчаса. Вотъ что, любезнѣйшій Левъ Николаевичъ, я все устроилъ съ Курмышевымъ, и зашелъ васъ успокоить; вамъ нечего безпокоиться, онъ очень, очень разсудительно принялъ дѣло, тѣмъ болѣе что, по-моему, скорѣе самъ виноватъ.

— Съ какимъ Курмышевымъ?

— Да вотъ, котораго вы за руки давеча схватили... Онъ былъ такъ взбѣшенъ, что хотѣлъ уже къ вамъ завтра прислать за объясненіями.

— Полноте, какой вздоръ!

— Разумѣется, вздоръ, и вздоромъ навѣрно бы кончилось; но у насъ эти люди...

— Вы, можетъ быть, и еще за чѣмъ-нибудь пришли, Евгеній Павлычъ?

— О, разумѣется, еще за чѣмъ-нибудь, — раз-

смѣялся тотъ. — Я, милый князь, завтра чѣмъ свѣтъ ѣду по этому несчастному дѣлу (ну вотъ, о дядѣ-то) въ Петербургъ; представьте себѣ: все это вѣрно, и всѣ уже знаютъ, кромѣ меня. Меня такъ это все поразило, что я *туда* и не поспѣлъ зайти (къ Епанчинымъ); завтра тоже не буду, потому что буду въ Петербургѣ, понимаете? Можетъ, дня три здѣсь не буду, — однимъ словомъ, дѣла мои захромали. Хоть дѣло и не безконечно важное, но я разсудилъ, что мнѣ нужно кое въ чемъ откровеннѣйшимъ образомъ объясниться съ вами, и не пропуская времени, то-есть до отъѣзда. Я теперь посижу и подожду, если велите, пока разойдется компанія; притомъ же мнѣ некуда болѣе дѣваться: я такъ взволнованъ, что и спать не лягу. Наконецъ, хотя безсовѣстно и непорядочно такъ прямо преслѣдовать человѣка, но я вамъ прямо скажу: я пришелъ искать вашей дружбы, милый мой князь: вы человѣкъ безподобнѣйшій, то-есть не лгущій на каждомъ шагу, а можетъ быть, и совсѣмъ, а мнѣ въ одномъ дѣлѣ нуженъ другъ и совѣтникъ, потому что я рѣшительно теперь изъ числа несчастныхъ . . .

Онъ опять засмѣялся.

— Вотъ въ чемъ бѣда, — задумался на минуту князь, — вы хотите подождать пока они разойдутся, а вѣдь Богъ знаетъ, когда это будетъ. Не лучше ли намъ теперь сойти въ паркъ; они, право, подождутъ; я извинюсь.

— Ни-ни, я имѣю свои причины, чтобы насъ не заподозрили въ экстренномъ разговорѣ съ цѣлью; тутъ есть люди, которые очень интересуются нашими отношеніями, — вы не знаете этого, князь? И гораздо лучше будетъ, если увидятъ, что и безъ того въ самыхъ дружелюбнѣйшихъ, а не въ экстренныхъ только отношеніяхъ, — понимаете? Они часа черезъ два разойдутся; я у васъ возьму минутъ двадцать, ну — полчаса . . .

— Да милости просимъ, пожалуйте; я слишкомъ радъ и безъ объясненій; а за ваше доброе слово о дружескихъ отношеніяхъ очень васъ благодарю. Вы извините, что я сегодня разсѣянъ; знаете, я какъ-то никакъ не могу быть въ эту минуту внимательнымъ.

— Вижу, вижу, — пробормоталъ Евгеній Павловичъ съ легкою усмѣшкой. — Онъ былъ очень смѣшливъ въ этотъ вечеръ.

— Что вы видите? — встрепенулся князь.

— А вы и не подозрѣваете, милый князь, — продолжалъ усмѣхаться Евгеній Павловичъ, не отвѣчая на прямой вопросъ, — вы не подозрѣваете, что я просто пришелъ васъ надуть и мимоходомъ отъ васъ что-нибудь выпытать, а?

— Что вы пришли выпытать, въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ, — засмѣялся, наконецъ, и князь, — и даже, можетъ быть, вы рѣшили меня немножко и обмануть. Но вѣдь что жъ, я васъ не боюсь; при томъ же мнѣ теперь какъ-то все равно, повѣрите ли? И... и... и такъ какъ я прежде всего убѣжденъ, что вы человѣкъ все-таки превосходный, то вѣдь мы, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ кончимъ тѣмъ, что дружески сойдемся. Вы мнѣ очень понравились, Евгеній Павлычъ, вы... очень, очень порядочный, по-моему, человѣкъ!

— Ну, съ вами во всякомъ случаѣ премило дѣло имѣть, даже какое бы ни было, — заключилъ Евгеній Павловичъ; — пойдемте, я за ваше здоровье бокалъ выпью; я ужасно доволенъ, что къ вамъ присталъ. А! — остановился онъ вдругъ, — этотъ господинъ Ипполитъ къ вамъ жить переѣхалъ?

— Да.

— Онъ вѣдь не сейчасъ умретъ, я думаю?

— А что?

— Такъ, ничего; я полчаса здѣсь съ нимъ пробылъ..

Ипполитъ все это время ждалъ князя и безпре-

рывно поглядывалъ на него и на Евгенія Павловича, когда они разговаривали въ сторонѣ. Онъ лихорадочно оживился, когда они подошли къ столу. Онъ былъ безпокоенъ и возбужденъ; потъ выступалъ на его лбу. Въ сверкавшихъ глазахъ его высказывалось, кромѣ какого-то блуждающаго, постояннаго безпокойства, и какое-то неопредѣленное нетерпѣніе; взглядъ его переходилъ безъ цѣли съ предмета на предметъ, съ одного лица на другое. Хотя во всеобщемъ шумномъ разговорѣ онъ принималъ до сихъ поръ большое участіе, но одушевленіе его было только лихорадочное; собственно къ разговору онъ былъ невнимателенъ; споръ его былъ безсвязенъ, насмѣшливъ и небрежно парадоксаленъ; онъ не договаривалъ и бросалъ то, о чемъ за минуту самъ начиналъ говорить съ горячечнымъ жаромъ. Князь съ удивленіемъ и сожалѣніемъ узналъ, что ему позволили въ этотъ вечеръ безпрепятственно выпить полные два бокала шампанскаго, и что початый стоявшій передъ нимъ бокалъ былъ уже третій. Но онъ узналъ это только потомъ; въ настоящую же минуту былъ не очень замѣтливъ.

— А знаете, что я ужасно радъ тому, что именно сегодня день вашего рожденія, — прокричалъ Ипполитъ.

— Почему?

— Увидите; скорѣе усаживайтесь; во-первыхъ, ужъ потому, что собрался весь этотъ вашъ... народъ. Я такъ и разсчитывалъ, что народъ будетъ; въ первый разъ въ жизни мнѣ расчетъ удается! А жаль, что не зналъ о вашемъ рожденіи, а то бы пріѣхалъ съ подаркомъ... Ха-ха! Да, можетъ, я и съ подаркомъ пріѣхалъ! Много ли до свѣта?

— До разсвѣта и двухъ часовъ не осталось, — замѣтилъ Птицынъ, посмотрѣвъ на часы.

— Да зачѣмъ теперь разсвѣтъ, когда на дворѣ и безъ него читать можно? — замѣтилъ кто-то.

— Затѣмъ, что мнѣ надо краюшекъ солнца увидѣть. Можно пить за здоровье солнца, князь, какъ вы думаете?

Ипполитъ спрашивалъ рѣзко, обращаясь ко всѣмъ безъ церемоніи, точно командовалъ, но, кажется, самъ не замѣчалъ того.

— Выпьемъ, пожалуй; только вамъ бы успокоиться, Ипполитъ, а?

— Вы все про спанье; вы, князь, моя нянька! Какъ только солнце покажется и «зазвучитъ» на небѣ (кто это сказалъ въ стихахъ: «на небѣ солнце зазвучало»? Безсмысленно, но хорошо!) — такъ мы и спать. Лебедевъ! Солнце вѣдь источникъ жизни? Что значитъ «источники жизни» въ Апокалипсисѣ? Вы слыхали о «звѣздѣ Полынь», князь?

— Я слышалъ, что Лебедевъ признаетъ эту «звѣзду Полынь» сѣтью желѣзныхъ дорогъ, распространившихся по Европѣ.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, такъ нельзя-съ! — закричалъ Лебедевъ, вскакивая и махая руками, какъ будто желая остановить начинавшійся всеобщій смѣхъ, — позвольте-съ! Съ этими господами . . . эти всѣ господа, — обернулся онъ вдругъ къ князю, — вѣдь это, въ извѣстныхъ пунктахъ, вотъ что-съ . . . — и онъ безъ церемоніи постукалъ два раза по столу, отчего смѣхъ еще болѣе усилился.

Лебедевъ былъ хотя и въ обыкновенномъ «вечернемъ» состояніи своемъ, но на этотъ разъ онъ былъ слишкомъ ужъ возбужденъ и раздраженъ предшествовавшимъ долгимъ «ученымъ» споромъ, а въ такихъ случаяхъ къ оппонентамъ своимъ онъ относился съ безконечнымъ и въ высшей степени откровеннымъ презрѣніемъ.

— Это не такъ-съ! У насъ, князь, полчаса тому составился уговоръ, чтобы не прерывать; чтобы не хохотать, покамѣстъ одинъ говоритъ; чтобъ ему, сво-

бодно дали все выразить, а потомъ ужъ пусть и атеисты, если хотятъ. возражаютъ; мы генерала предсѣдателемъ посадили, вотъ-съ! А то что же-съ? Этакъ всякаго можно сбить, па высокой идеѣ-съ, на глубокой идеѣ-съ . . .

— Да говорите, говорите: никто не сбиваетъ! — раздались голоса.

— Говорите да не заговаривайтесь.

— Что за «звѣзда Полынь» такая? — освѣдомился кто-то.

— Понятія не имѣю! — отвѣтилъ генералъ Иволгинъ, съ важнымъ видомъ занимая свое недавнее мѣсто предсѣдателя.

— Я удивительно люблю всѣ эти споры и раздраженія, князь, ученые, разумѣется, — пробормоталъ между тѣмъ Келлеръ, въ рѣшительномъ упоеніи и нетерпѣніи ворочаясь на стулѣ, — ученые и политическіе, — обратился онъ вдругъ и неожиданно къ Евгенію Павловичу, сидѣвшему почти рядомъ съ нимъ. — Знаете, я ужасно люблю въ газетахъ читать про англійскіе парламенты, то-есть не въ томъ смыслѣ, про что они тамъ разсуждаютъ (я, знаете, не политикъ), а въ томъ, какъ они между собой объясняются, ведутъ себя, такъ сказать, какъ политики: «благородный виконтъ, сидящій напротивъ», «благородный графъ, раздѣляющій мысль мою», «благородный мой оппонентъ, удивившій Европу своимъ предложеніемъ», то-есть всѣ вотъ эти выраженьица, весь этотъ парламентаризмъ свободнаго народа — вотъ что для нашего брата заманчиво! Я плѣняюсь, князь. Я всегда былъ артистъ въ глубинѣ души, клянусь вамъ, Евгеній Павлычъ.

— Такъ что же послѣ этого, — горячился въ другомъ углу Ганя, — выходитъ по-вашему, что желѣзныя дороги прокляты, что онѣ гибель человѣчеству, что онѣ язва, упавшая па землю, чтобы замутить «источники жизни»?

Гаврила Ардаліоновичъ былъ въ особенно возбужденномъ настроеніи въ этотъ вечеръ, и въ настроеніи веселомъ, чуть не торжествующемъ, какъ показалось князю. Съ Лебедевымъ онъ, конечно, шутилъ, поджигая его, но скоро и самъ разгорячился.

— Не желѣзныя дороги, нѣтъ-съ! — возражалъ Лебедевъ, въ одно и то же время и выходившій изъ себя, и ощущавшій непомѣрное наслажденіе: — собственно однѣ желѣзныя дороги не замутятъ источниковъ жизни, а все это въ цѣломъ-съ проклято, все это настроеніе нашихъ послѣднихъ вѣковъ, въ его общемъ цѣломъ, научномъ и практическомъ, можетъ быть, и дѣйствительно проклято-съ.

— Навѣрно проклято или только можетъ быть? Это вѣдь важно знать въ этомъ случаѣ, — справился Евгеній Павловичъ.

— Проклято, проклято, навѣрно проклято! — съ азартомъ подтвердилъ Лебедевъ.

— Не торопитесь, Лебедевъ, вы по утрамъ гораздо добрѣе, — замѣтилъ, улыбаясь, Птицынъ.

— А по вечерамъ зато откровеннѣе! По вечерамъ задушевнѣе и откровеннѣе! — съ жаромъ обернулся къ нему Лебедевъ, — простодушнѣе и опредѣлительнѣе, честнѣе и почтеннѣе, и хоть этимъ я вамъ и бокъ подставляю, но наплевать-съ; я васъ всѣхъ вызываю теперь, всѣхъ атеистовъ: чѣмъ вы спасете міръ и нормальную дорогу ему въ чемъ отыскали, — вы, люди науки, промышленности, ассоціацій, платы заработной и прочаго? Чѣмъ? Кредитомъ? Что такое кредитъ? Къ чему приведетъ васъ кредитъ?

— Экъ вѣдь у васъ любопытство-то! — замѣтилъ Евгеній Павловичъ.

— А мое мнѣніе то, что кто такими вопросами не интересуется, тотъ великосвѣтскій шенапанъ-съ!

— Да хоть ко всеобщей солидарности и равновѣсію интересовъ приведетъ, — замѣтилъ Птицынъ.

— И только, только! Не принимая никакого нравственнаго основанія, кромѣ удовлетворенія личнаго эгоизма и матеріальной необходимости? Всеобщій міръ, всеобщее счастье — изъ необходимости! Такъ ли-съ, если смѣю спросить. понимаю я васъ, милостивый мой государь?

— Да вѣдь всеобщая необходимость жить, пить и ѣсть, а полнѣйшее, научное, наконецъ, убѣжденіе въ томъ, что вы не удовлетворите этой необходимости безъ всеобщей ассоціаціи и солидарности интересовъ, есть, кажется, достаточно крѣпкая мысль, чтобы послужить опорною точкой и «источникомъ жизни» для будущихъ вѣковъ человѣчества, — замѣтилъ уже серьезно разгорячившійся Ганя.

— Необходимость пить и ѣсть, то-есть одно только чувство самосохраненія...

— Да развѣ мало одного только чувства самосохраненія? — Вѣдь чувство самосохраненія — нормальный законъ человѣчества...

— Кто это вамъ сказалъ? — крикнулъ вдругъ Евгеній Павловичъ, — законъ — это правда, но столько же нормальный, сколько и законъ разрушенія, а пожалуй, и саморазрушенія. Развѣ въ самосохраненіи одномъ весь нормальный законъ человѣчества?

— Эге! — вскрикнулъ Ипполитъ, быстро оборотясь къ Евгенію Павловичу и съ дикимъ любопытствомъ оглядывая его; но увидѣвъ, что онъ смѣется, засмѣялся и самъ, толкнулъ рядомъ стоящаго Колю и опять спросилъ его, который часъ, даже самъ притянулъ къ себѣ серебряные часы Коли и жадно посмотрѣлъ на стрѣлку. Затѣмъ, точно все забывъ, онъ протянулся на диванѣ, закинулъ руки за голову и сталъ смотрѣть въ потолокъ; чрезъ полминуты онъ уже опять сидѣлъ за столомъ, выпрямившись и вслушиваясь въ болтовню разгорячившагося до послѣдней степени Лебедева.

— Мысль коварная и насмѣшливая, мысль шпигующая! — съ жадностью подхватилъ Лебедевъ парадоксъ Евгенія Павловича, — мысль высказанная съ цѣлью подзадорить въ драку противниковъ, но мысль вѣрная! Потому что вы, свѣтскій пересмѣшникъ и кавалеристъ (хотя и не безъ способностей!), и сами не знаете, до какой степени ваша мысль есть глубокая мысль, есть вѣрная мысль! Да-съ. Законъ саморазрушенія и законъ самосохраненія одинаково сильны въ человѣчествѣ! Дьяволъ одинаково владычествуетъ человѣчествомъ до предѣла временъ еще намъ неизвѣстнаго. Вы смѣетесь? Вы не вѣрите въ дьявола? Невѣріе въ дьявола есть французская мысль, есть легкая мысль. Вы знаете ли, кто есть дьяволъ? Знаете ли, какъ ему имя? И не зная даже имени его, вы смѣетесь надъ формой его, по примѣру Вольтерову, надъ копытами, хвостомъ и рогами его, вами же изобрѣтенными; ибо нечистый духъ есть великій и грозный духъ, а не съ копытами и съ рогами, вами ему изобрѣтенными. Но не въ немъ теперь дѣло!..

— Почему вы знаете, что не въ немъ теперь дѣло? — крикнулъ вдругъ Ипполитъ и захохоталъ какъ будто въ припадкѣ.

— Мысль ловкая и намекающая! — похвалилъ Лебедевъ, но опять-таки дѣло не въ томъ, а вопросъ у насъ въ томъ, что не ослабѣли ли «источники жизни» съ усиленіемъ...

— Желѣзныхъ-то дорогъ? — крикнулъ Коля.

— Не желѣзныхъ путей сообщенія, молодой, но азартный подростокъ, а всего того направленія, которому желѣзныя дороги могутъ послужить, такъ сказать, картиной, выраженіемъ художественнымъ. Спѣшатъ, гремятъ, стучатъ и торопятся для счастія, говорятъ, человѣчества! «Слишкомъ шумно и промышленно становится въ человѣчествѣ, мало спокойствія духовнаго», жалуется одинъ удалившійся мыслитель.

«Пусть, но стукъ телѣгъ, подвозящихъ хлѣбъ голодному человѣчеству, можетъ быть, лучше спокойствія духовнаго», отвѣчаетъ тому побѣдительно другой, разъѣзжающій повсемѣстно мыслитель, и уходитъ отъ него съ тщеславіемъ. Не вѣрю я, гнусный Лебедевъ, телѣгамъ, подвозящимъ хлѣбъ человѣчеству! Ибо телѣги, подвозящія хлѣбъ всему человѣчеству, безъ нравственнаго основанія поступку, могутъ прехладнокровно исключить изъ наслажденія подвозимымъ значительную часть человѣчества, что уже и было.

— Это телѣги-то могутъ прехладнокровно исключить? — подхватилъ кто-то.

— Что уже и было, — подтвердилъ Лебедевъ, не удостоивая вниманіемъ вопроса, — уже былъ Мальтусъ, другъ человѣчества. Но другъ человѣчества съ шатостію нравственныхъ основаній есть людоѣдъ человѣчества, не говоря о его тщеславіи: ибо оскорбите тщеславіе котораго-нибудь изъ сихъ безчисленныхъ друзей человѣчества, и онъ тотчасъ же готовъ зажечь міръ съ четырехъ концовъ изъ мелкаго мщенія, впрочемъ, такъ же точно какъ и всякій изъ насъ, говоря по справедливости, какъ и я, гнуснѣйшій изъ всѣхъ, ибо я-то, можетъ быть, первый и дровъ принесу, а самъ прочь убѣгу. Но не въ томъ опять дѣло!

— Да въ чемъ же, наконецъ?

— Надоѣлъ!

— Дѣло въ слѣдующемъ анекдотѣ изъ прошедшихъ вѣковъ, ибо я въ необходимости разсказать анекдотъ изъ прошедшихъ вѣковъ. Въ наше время, въ нашемъ отечествѣ, которое, надѣюсь, вы любите одинаково со мной, господа, ибо я, съ своей стороны, готовъ излить изъ себя даже всю кровь мою...

— Дальше! Дальше!

Въ нашемъ отечествѣ, равно какъ и въ Европѣ, всеобщіе, повсемѣстные и ужасные голода посѣщают

человѣчество, по возможному исчисленію и сколько запомнить могу, не чаще теперь какъ одинъ разъ въ четверть столѣтія, другими словами, однажды въ каждое двадцатипятилѣтіе. Не спорю за точную цифру, но весьма рѣдко, сравнительно.

— Съ чѣмъ сравнительно?

— Съ двѣнадцатымъ столѣтіемъ и съ сосѣдними ему столѣтіями съ той и съ другой стороны. Ибо тогда, какъ пишутъ и утверждаютъ писатели, всеобщіе голода въ человѣчествѣ посѣщали его въ два года разъ или, по крайней мѣрѣ, въ три года разъ, такъ что при такомъ положеніи вещей человѣкъ прибѣжалъ даже къ антропофагіи, хотя и сохраняя секретъ. Одинъ изъ такихъ тунеядцевъ, приближаясь къ старости, объявилъ самъ собою и безъ всякаго принужденія, что онъ въ продолженіе долгой и скудной жизни своей умертвилъ и съѣлъ лично и въ глубочайшемъ секретѣ шестьдесятъ монаховъ и нѣсколько свѣтскихъ младенцевъ, — штукъ шесть, но не болѣе, то-есть необыкновенно мало сравнительно съ количествомъ съѣденнаго имъ духовенства. До свѣтскихъ же взрослыхъ людей, какъ оказалось, онъ съ этою цѣлью никогда не касался.

— Этого быть не можетъ! — крикнулъ самъ предсѣдатель, генералъ, чуть даже не обиженнымъ голосомъ, — я часто съ нимъ, господа, разсуждаю и спорю, все о подобныхъ вещахъ; но всего чаще онъ выставляетъ такія нелѣпости, что уши даже вянутъ, ни на грошъ правдоподобія!

— Генералъ! Вспомни осаду Карса, а вы, господа, узнайте, что анекдотъ мой голая истина. Отъ себя же замѣчу, что всякая почти дѣйствительность хотя и имѣетъ непреложные законы свои, но почти всегда и невѣроятна и неправдоподобна. И чѣмъ даже дѣйствительнѣе, тѣмъ иногда и неправдоподобнѣе.

— Да развѣ можно съѣсть шестьдесятъ монаховъ? — смѣялись кругомъ.

— Хоть онъ и съѣлъ ихъ не вдругъ, что очевидно, а, можетъ быть, въ пятнадцать или въ двадцать лѣтъ, что уже совершенно понятно и натурально...

— И натурально?

— И натурально! — съ педантскимъ упорствомъ отгрызался Лебедевъ, — да и кромѣ всего, католическій монахъ уже по самой натурѣ своей повадливъ и любопытенъ, и его слишкомъ легко заманить въ лѣсъ или въ какое-нибудь укромное мѣсто и тамъ поступить съ нимъ по вышесказанному, — но я все-таки не оспариваю, что количество съѣденныхъ лицъ оказалось чрезвычайное, даже до невоздержности.

— Можетъ быть, это и правда, господа, — замѣтилъ вдругъ князь.

До сихъ поръ онъ въ молчаніи слушалъ спорившихъ и не ввязывался въ разговоръ; часто отъ души смѣялся вслѣдъ за всеобщими взрывами смѣха. Видно было, что онъ ужасно радъ тому, что такъ весело, такъ шумно; даже тому, что они такъ много пьютъ. Можетъ быть, онъ и ни слова бы не сказалъ въ цѣлый вечеръ, но вдругъ какъ-то вздумалъ заговорить. Заговорилъ же съ чрезвычайною серьезностію, такъ что всѣ вдругъ обратились къ нему съ любопытствомъ.

— Я, господа, про то собственно, что тогда бывали такіе частые голода. Про это и я слышалъ, хотя и плохо знаю исторію. Но, кажется, такъ и должно было быть. Когда я попалъ въ швейцарскія горы, я ужасно дивился развалинамъ старыхъ рыцарскихъ замковъ, построенныхъ на склонахъ горъ, по крутымъ скаламъ, и, по крайней мѣрѣ, на полверстѣ отвѣсной высоты (это значитъ нѣсколько верстъ тропинками). Замокъ извѣстно что: это цѣлая гора камней. Работа ужасная, невозможная! И это ужъ, ко-

нечно, построили всѣ эти бѣдные люди, вассалы. Кромѣ того, они должны были платить всякія подати и содержать духовенство. Гдѣ же тутъ было себя пропитать и землю обрабатывать! Ихъ же тогда было мало, должно быть ужасно умирали съ голоду, и ѣсть буквально, можетъ быть, было нечего. Я иногда даже думалъ: какъ это не пресѣкся тогда совсѣмъ этотъ народъ и что-нибудь съ нимъ не случилось, какъ онъ могъ устоять и вынести? Что были людоѣды и, можетъ быть, очень много, то въ этомъ Лебедевъ, безъ сомнѣнія, правъ; только вотъ я не знаю, почему именно онъ замѣшалъ тутъ монаховъ, и что хочетъ этимъ сказать?

— Навѣрно то, что въ двѣнадцатомъ столѣтіи только монаховъ и можно было ѣсть, потому что только одни монахи и были жирны, — замѣтилъ Гаврила Ардаліоновичъ.

— Великолѣпнѣйшая и вѣрнѣйшая мысль! — крикнулъ Лебедевъ, — ибо до свѣтскихъ онъ даже и не прикоснулся. Ни единаго свѣтскаго на шестьдесятъ нумеровъ духовенства, и это страшная мысль, историческая мысль, статистическая мысль, наконецъ, и изъ такихъ-то фактовъ и возсоздается исторія у умѣющаго; ибо до цифирной точности возводится, что духовенство, по крайней мѣрѣ, въ шестьдесять разъ жило счастливѣе и привольнѣе, чѣмъ все остальное тогдашнее человѣчество. И, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, въ шестьдесятъ разъ было жирнѣе всего остального человѣчества...

— Преувеличенье, преувеличенье, Лебедевъ! — хохотали кругомъ.

— Я согласенъ, что историческая мысль, но къ чему вы ведете? — продолжалъ спрашивать князь. Онъ говорилъ съ такою серьезностію и съ такимъ отсутствіемъ всякой шутки и насмѣшки надъ Лебедевымъ, надъ которымъ всѣ смѣялись, что тонъ его,

среди общаго тона всей компаніи, невольно становился комическимъ; еще немного и стали бы подсмѣиваться и надъ нимъ, но онъ не замѣчалъ этого).

— Развѣ вы не видите, князь, что это помѣшанный? — нагнулся къ нему Евгеній Павловичъ. — Мнѣ давеча сказали здѣсь, что онъ помѣшался на адвокатствѣ и на рѣчахъ адвокатскихъ и хочетъ экзаменъ держать. Я жду славной пародіи.

— Я веду къ громадному выводу, — гремѣлъ между тѣмъ Лебедевъ. — Но разберемъ прежде всего психологическое и юридическое состояніе преступника. Мы видимъ, что преступникъ или, такъ сказать, мой кліентъ, несмотря на всю невозможность найти другое съѣдобное, нѣсколько разъ, въ продолженіе любопытной карьеры своей обнаруживаетъ желаніе раскаяться и отклоняетъ отъ себя духовенство. Мы видимъ это ясно изъ фактовъ: упоминается, что онъ все-таки съѣлъ же пять или шесть младенцевъ, сравнительно, цифра ничтожная, но зато знаменательная въ другомъ отношеніи. Видно, что мучимый страшными угрызеніями (ибо кліентъ мой — человѣкъ религіозный и совѣстливый, что я докажу) и чтобъ уменьшить по возможности грѣхъ свой, онъ въ видѣ пробы перемѣнялъ шесть разъ пищу монашескую на пищу свѣтскую. Что въ видѣ пробы, то это опять несомнѣнно; ибо если бы только для гастрономической варіаціи, то цифра шесть была бы слишкомъ ничтожною: почему только шесть нумеровъ, а не тридцать? (Я беру половину, половину на половину). Но если это была только проба, изъ одного отчаянія предъ страхомъ кощунства и оскорбленія церковнаго, то тогда цифра шесть становится слишкомъ понятною; ибо шесть пробъ, чтобъ удовлетворить угрызеніямъ совѣсти, слишкомъ достаточно, такъ какъ пробы не могли же быть удачными. И, во-первыхъ, по моему мнѣнію, младенецъ слишкомъ малъ, то-есть не крупенъ, такъ что

за извѣстное время свѣтскихъ младенцевъ потребовалось бы втрое, впятеро бо̀льшая цифра нежели духовныхъ, такъ что и грѣхъ, если и уменьшался съ одной стороны, то въ концѣ концовъ увеличивался съ другой, не качествомъ, такъ количествомъ. Разсуждая такъ, господа, я, конечно, снисхожу въ сердце преступника двѣнадцатаго столѣтія. Что же касается до меня, человѣка столѣтія девятнадцатаго, то я, можетъ быть, разсудилъ бы и иначе, о чемъ васъ и увѣдомляю, такъ что нечего вамъ на меня, господа, зубы скалить, а вамъ, генералъ, ужъ и совсѣмъ неприлично. Во-вторыхъ, младенецъ, по моему личному мнѣнію, непитателенъ, можетъ быть, даже слишкомъ сладокъ и приторенъ, такъ что, не удовлетворяя потребности, оставляетъ одни угрызенія совѣсти. Теперь заключеніе, финалъ, господа, финалъ, въ которомъ заключается разгадка одного изъ величайшихъ вопросовъ тогдашняго и нашего времени! Преступникъ кончаетъ тѣмъ, что идетъ и доноситъ на себя духовенству и предаетъ себя въ руки правительству. Спрашивается, какія муки ожидали его по тогдашнему времени, какія колеса, костры и огни? Кто же толкалъ его идти доносить на себя? Почему не просто остановиться на цифрѣ шестьдесятъ, сохраняя секретъ до послѣдняго своего издыханія? Почему не просто бросить монашество и жить въ покаяніи пустынникомъ? Почему, наконецъ, не поступить самому въ монашество? Вотъ тутъ и разгадка! Стало быть, было же нѣчто сильнѣйшее костровъ и огней и даже двадцатилѣтней привычки! Стало быть, была же мысль сильнѣйшая всѣхъ несчастій, неурожаевъ, истязаній, чумы, проказы и всего того ада, котораго бы и не вынесло то человѣчество безъ той связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли! Покажите же вы мнѣ что-нибудь подобное такой силѣ въ нашъ вѣкъ пороковъ и желѣзныхъ дорогъ... то-есть, надо бы

сказать: въ нашъ вѣкъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, но я говорю: въ нашъ вѣкъ пороковъ и желѣзныхъ дорогъ, потому что я пьянъ, но справедливъ! Покажите мнѣ связующую настоящее человѣчество мысль хоть въ половину такой силы какъ въ тѣхъ столѣтіяхъ. И осмѣльтесь сказать, наконецъ, что не ослабѣли, не помутились источники жизни подъ этою «звѣздой», подъ этою сѣтью, опутавшею людей. И не пугайте меня вашимъ благосостояніемъ, вашими богатствами, рѣдкостью голода и быстротой путей сообщеній! Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; все размягчилось, все упрѣло, и всѣ упрѣли! Всѣ, всѣ, всѣ мы упрѣли!.. Но довольно, и не въ томъ теперь дѣло, а въ томъ, что не распорядиться ли намъ, достопочтенный князь, насчетъ приготовленной для гостей закусочки?

Лебедевъ, чуть не доведшій нѣкоторыхъ изъ слушателей до настоящаго негодованія (надо замѣтить, что бутылки все время не переставали откупориваться), неожиданнымъ заключеніемъ своей рѣчи насчетъ закусочки примирилъ съ собой тотчасъ же всѣхъ противниковъ. Самъ онъ называлъ такое заключеніе «ловкимъ адвокатскимъ оборотомъ дѣла». Веселый смѣхъ поднялся опять, гости оживились; всѣ встали изъ-за стола, чтобы расправить члены и пройтись по террасѣ. Только Келлеръ остался недоволенъ рѣчью Лебедева и былъ въ чрезвычайномъ волненіи.

— Нападаетъ на просвѣщеніе, проповѣдуетъ изувѣрство двѣнадцатаго столѣтія, кривляется и даже безо всякой сердечной невинности: самъ-то чѣмъ онъ домъ нажилъ, позвольте спросить? — говорилъ онъ вслухъ, останавливая всѣхъ и каждаго.

— Я видѣлъ настоящаго толкователя Апокалипсиса, — говорилъ генералъ въ другомъ углу, другимъ слушателямъ и между прочимъ Птицыну, котораго ухватилъ за пуговицу, — покойнаго Григорія Семено-

вича Бурмистрова: тотъ, такъ сказать, прожигалъ сердца. И, во-первыхъ, надѣвалъ очки, развертывалъ большую старинную книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ, ну, и при этомъ сѣдая борода, двѣ медали за пожертвованія. Начиналъ сурово и строго, предъ нимъ склонялись генералы, а дамы въ обморокъ падали, ну — а этотъ заключаетъ закуской! Ни на что не похоже!

Птицынъ, слушавшій генерала, улыбался и какъ будто собирался взяться за шляпу, но точно не рѣшался или безпрерывно забывалъ о своемъ намѣреніи. Ганя, еще до того времени, какъ встали изъ-за стола, вдругъ пересталъ пить и отодвинулъ отъ себя бокалъ; что-то мрачное прошло по лицу его. Когда встали изъ-за стола, онъ подошелъ къ Рогожину и сѣлъ съ нимъ рядомъ. Можно было подумать, что они въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Рогожинъ, который вначалѣ тоже нѣсколько разъ было собирался потихоньку уйти, сидѣлъ теперь неподвижно, потупивъ голову и какъ бы тоже забывъ, что хотѣлъ уходить. Во весь вечеръ онъ не выпилъ ни одной капли вина и былъ очень задумчивъ; изрѣдка только поднималъ глаза и оглядывалъ всѣхъ и каждаго. Теперь же можно было подумать, что онъ чего-то здѣсь ждетъ, чрезвычайно для него важнаго, и до времени рѣшился не уходить.

Князь выпилъ всего два или три бокала и былъ только веселъ. Привставъ изъ-за стола, онъ встрѣтилъ взглядъ Евгенія Павловича, вспомнилъ о предстоящемъ между ними объясненіи и улыбнулся привѣтливо. Евгеній Павловичъ кивнулъ ему головой и вдругъ показалъ на Ипполита, котораго пристально наблюдалъ въ эту самую минуту. Ипполитъ спалъ, протянувшись на диванѣ.

— Зачѣмъ, скажите, затесался къ вамъ этотъ мальчишка, князь? — сказалъ онъ вдругъ съ такою явною досадой и даже со злобой, что князь удивился. — Бьюсь объ закладъ, у него недоброе на умѣ!

— Я замѣтилъ, — сказалъ князь, — мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, что онъ васъ слишкомъ интересуетъ сегодня, Евгеній Павлычъ; это правда?

— И прибавьте: при моихъ собственныхъ обстоятельствахъ мнѣ и самому есть о чемъ задуматься, такъ что я самъ себѣ удивляюсь, что весь вечеръ не могу оторваться отъ этой противной физіономіи!

— У него лицо красивое...

— Вотъ, вотъ, смотрите! — крикнулъ Евгеній Павловичъ, дернувъ за руку князя: — вотъ!...

Князь еще разъ съ удивленіемъ оглядѣлъ Евгенія Павловича.

V.

Ипполитъ, подъ конецъ диссертаціи Лебедева вдругъ заснувшій на диванѣ, теперь вдругъ проснулся, точно кто его толкнулъ въ бокъ, вздрогнулъ, приподнялся, осмотрѣлся кругомъ и поблѣднѣлъ; въ какомъ-то даже испугѣ озирался онъ кругомъ; но почти ужасъ выразился въ его лицѣ, когда онъ все припомнилъ и сообразилъ:

— Что, они расходятся? Кончено? Все кончено? Взошло солнце? — спрашивалъ онъ тревожно, хватая за руку князя: — который часъ? Ради Бога: часъ? Я проспалъ. Долго я спалъ? — прибавилъ онъ чуть не съ отчаяннымъ видомъ, точно онъ проспалъ что-то такое, отъ чего, по крайней, мѣрѣ, зависѣла вся судьба его.

— Вы спали семь или восемь минутъ, — отвѣтилъ Евгеній Павловичъ.

Ипполитъ жадно посмотрѣлъ на него и нѣсколько мгновеній соображалъ.

— А... только! Стало быть, я...

И онъ глубоко и жадно перевелъ духъ, какъ бы сбросивъ съ себя чрезвычайную тягость. Онъ дога-

дался, наконецъ, что ничего «не кончено», что еще не разсвѣло, что гости встали изъ-за стола только для закуски, и что кончилась всего одна только болтовня Лебедева. Онъ улыбнулся, и чахоточный румянецъ, въ видѣ двухъ яркихъ пятенъ, заигралъ на щекахъ его.

— А вы ужъ и минуты считали, пока я спалъ, Евгеній Павлычъ, — подхватилъ онъ насмѣшливо, — вы цѣлый вечеръ отъ меня не отрывались, я видѣлъ... А! Рогожинъ! Я видѣлъ его сейчасъ во снѣ, — прошепталъ онъ князю, нахмурившись и кивая на сидѣвшаго у стола Рогожина; — ахъ, да, — перескочилъ онъ вдругъ опять, — гдѣ же ораторъ, гдѣ жъ Лебедевъ? Лебедевъ, стало быть, кончилъ? О чемъ онъ говорилъ? Правда, князь, что вы разъ говорили, что міръ спасетъ «красота»? Господа, — закричалъ онъ громко всѣмъ: — князь утверждаетъ, что міръ спасетъ красота! А я утверждаю, что у него оттого такія игривыя мысли, что онъ влюбленъ. Господа, князь влюбленъ; давеча, только что онъ вошелъ, я въ этомъ убѣдился. Не краснѣйте, князь, мнѣ васъ жалко станетъ. Какая красота спасетъ міръ? Мнѣ это Коля пересказалъ... Вы ревностный христіанинъ? Коля говоритъ, что вы сами себя называете христіаниномъ.

Князь разсматривалъ его внимательно и не отвѣтилъ ему.

— Вы не отвѣчаете мнѣ? Вы, можетъ быть, думаете, что я васъ очень люблю? — прибавилъ вдругъ Ипполитъ, точно сорвалъ.

— Нѣтъ, не думаю. Я знаю, что вы меня не любите.

— Какъ! Даже послѣ вчерашняго? Вчера я былъ искрененъ съ вами?

— Я и вчера зналъ, что вы меня не любите.

— То-есть, потому, что я вамъ завидую, завидую? Вы всегда это думали и думаете теперь, но...

но зачѣмъ я говорю вамъ объ этомъ? Я хочу выпить еще шампанскаго; налейте мнѣ, Келлеръ.

— Вамъ нельзя больше пить, Ипполитъ, я вамъ не дамъ...

И князь отодвинулъ отъ него бокалъ.

— И впрямь... — согласился онъ тотчасъ же, какъ бы задумываясь, — пожалуй, еще скажутъ... да чортъ ли мнѣ въ томъ, что они скажутъ! Не правда ли, не правда ли? Пускай ихъ потомъ говорятъ, такъ ли, князь? И какое намъ всѣмъ до того дѣло, что будетъ *потомъ!*.. Я, впрочемъ, спросонья. Какой я ужасный сонъ видѣлъ, теперь только припомнилъ.. .Я вамъ не желаю такихъ сновъ, князь, хоть я васъ дѣйствительно, можетъ быть, не люблю. Впрочемъ, если не любишь человѣка, зачѣмъ ему дурного желать, не правда ли? Что это я все спрашиваю; все-то я спрашиваю! Дайте мнѣ вашу руку; я вамъ крѣпко пожму ее, вотъ такъ... Вы однакожъ протянули мнѣ руку? Стало быть, знаете, что я вамъ искренно ее пожимаю?.. Пожалуй, я не буду больше пить. Который часъ? Впрочемъ, не надо, я знаю который часъ. Пришелъ часъ! Теперь самое время. Что это, тамъ въ углу закуску ставятъ? Стало быть, этотъ столъ свободенъ? Прекрасно! Господа, я... однако всѣ эти господа и не слушаютъ... я намѣренъ прочесть одну статью, князь; закуска, конечно, интереснѣе, но...

И вдругъ, совершенно неожиданно, онъ вытащилъ изъ своего верхняго бокового кармана большой, канцелярскаго размѣра пакетъ, запечатанный большою красною печатью. Онъ положилъ его на столъ предъ собой.

Эта неожиданность произвела эффектъ въ неготовомъ къ тому, или лучше сказать, въ *готовомъ*, но не къ тому, обществѣ. Евгеній Павловичъ даже привскочилъ на своемъ стулѣ; Ганя быстро придвинулся къ столу; Рогожинъ тоже, но съ какою-то брюзгливою досадой, какъ бы понимая въ чемъ дѣло. Случившій-

ся вблизи Лебедевъ подошелъ съ любопытными глазками и смотрѣлъ на пакетъ, стараясь угадать въ чемъ дѣло.

— Что это у васъ? — спросилъ съ безпокойствомъ князь.

— Съ первымъ краюшкомъ солнца я улягусь, князь, я сказалъ; честное слово: увидите! — вскричалъ Ипполитъ: — но... но... неужели вы думаете, что я не въ состояніи распечатать этотъ пакетъ? — прибавилъ онъ, съ какимъ-то вызовомъ обводя всѣхъ кругомъ глазами и какъ будто обращаясь ко всѣмъ безразлично. Князь замѣтилъ, что онъ весь дрожалъ.

— Мы никто этого и не думаемъ, — отвѣтилъ князь за всѣхъ, — и почему вы думаете, что у кого-нибудь есть такая мысль, и что... что у васъ за странная идея читать? Что у васъ тутъ такое, Ипполитъ?

— Что тутъ такое? Что съ нимъ опять приключилось? — спрашивали кругомъ. Всѣ подходили, иные еще закусывая; пакетъ съ красною печатью всѣхъ притягивалъ, точно магнитъ.

— Это я самъ вчера написалъ, сейчасъ послѣ того, какъ далъ вамъ слово, что пріѣду къ вамъ жить, князь. Я писалъ это вчера весь день, потомъ ночь и кончилъ сегодня утромъ; ночью подъ утро я видѣлъ сонъ...

— Не лучше ли завтра? — робко перебилъ князь.

— Завтра «времени больше не будетъ!» — истерически усмѣхнулся Ипполитъ. — Впрочемъ, не безпокойтесь, я прочту въ сорокъ минутъ, ну — въ часъ... И видите, какъ всѣ интересуются; всѣ подошли; всѣ на мою печать смотрятъ, и вѣдь не запечатай я статью въ пакетъ, не было бы никакого эффекта! Ха-ха! Вотъ что она значитъ, таинственность! Распечатывать или нѣтъ, господа? — крикнулъ онъ, смѣясь своимъ страннымъ смѣхомъ и сверкая глазами. — Тайна! Тай-

на! А помните, князь, кто провозгласилъ, что «времени больше не будетъ»? Это провозглашаетъ огромный и могучій ангелъ въ Апокалипсисѣ.

— Лучше не читать! — воскликнулъ вдругъ Евгеній Павловичъ, но съ такимъ нежданнымъ въ немъ видомъ безпокойства, что многимъ показалось это страннымъ.

— Не читайте! — крикнулъ и князь, положивъ на пакетъ руку.

— Какое чтеніе? теперь закуска, — замѣтилъ кто-то.

— Статья? Въ журналъ что ли? — освѣдомлялся другой.

— Можетъ, скучно? — прибавилъ третій.

— Да что тутъ такое? — освѣдомлялись остальные.

Но пугливый жестъ князя точно испугалъ и самого Ипполита.

— Такъ... не читать? — прошепталъ онъ ему какъ-то опасливо, съ кривившеюся улыбкой на посинѣвшихъ губахъ: — не читать? — пробормоталъ онъ, обводя взглядомъ всю публику, всѣ глаза и лица, и какъ будто цѣпляясь опять за всѣхъ съ прежнею, точно набрасывающеюся на всѣхъ экспансивностью: — вы... боитесь? — повернулся онъ опять къ князю.

— Чего? — спросилъ тотъ, все болѣе и болѣе измѣняясь.

— Есть у кого-нибудь двугривенный, двадцать копеекъ! — вскочилъ вдругъ Ипполитъ со стула, точно его сдернули; — какая-нибудь монетка?

— Вотъ! — подалъ тотчасъ же Лебедевъ; у него мелькнула мысль, что больной Ипполитъ помѣшался.

— Вѣра Лукьяновна! — торопливо пригласилъ Ипполитъ: — возьмите, бросьте на столъ: орелъ или рѣшетка? Орелъ — такъ читать!

Вѣра испуганно посмотрѣла на монетку, на Ипполита, потомъ на отца и какъ-то неловко, закинувъ

кверху голову, какъ бы въ томъ убѣжденіи, что ужъ ей самой не надо смотрѣть на монетку, бросила ее на столъ. Выпалъ орелъ.

— Читать! — прошепталъ Ипполитъ, какъ будто раздавленный рѣшеніемъ судьбы; онъ не поблѣднѣлъ бы болѣе, если бъ ему прочли смертный приговоръ. — А впрочемъ, — вздрогнулъ онъ вдругъ, помолчавъ съ полминуты, — что это? Неужели я бросалъ сейчасъ жребій? — съ тою же напрашивающеюся откровенностью осмотрѣлъ онъ всѣхъ кругомъ. — Но вѣдь это удивительная психологическая черта! — вскричалъ онъ вдругъ, обращаясь къ князю, въ искреннемъ изумленіи: — Это... это непостижимая черта, князь! — подтвердилъ онъ, оживляясь и какъ бы приходя въ себя: — это вы запишите, князь, запомните, вы вѣдь, кажется, собираете матеріалы насчетъ смертной казни... Мнѣ говорили, ха-ха! О, Боже, какая безтолковая нелѣпость! — Онъ сѣлъ на диванъ, облокотился на столъ обоими локтями и схватилъ себя за голову. — Вѣдь это даже стыдно!.. А чортъ ли мнѣ въ томъ, что стыдно, — поднялъ онъ почти тотчасъ же голову. — Господа! Господа, я распечатываю пакетъ, — провозгласилъ онъ съ какою-то внезапною рѣшимостію, — я... я, впрочемъ, не принуждаю слушать!..

Дрожащими отъ волненья руками онъ распечаталъ пакетъ, вынулъ изъ него нѣсколько листочковъ почтовой бумаги, мелко исписанныхъ, положилъ ихъ предъ собой и сталъ расправлять ихъ.

— Да что это! Да что тутъ такое? Что будутъ читать? — мрачно бормотали нѣкоторые; другіе молчали. Но всѣ усѣлись и смотрѣли съ любопытствомъ. Можетъ быть, дѣйствительно ждали чего-то необыкновеннаго. Вѣра уцѣпилась за стулъ отца и отъ испуга чуть не плакала; почти въ такомъ же испугѣ былъ и Коля. Уже усѣвшійся Лебедевъ вдругъ приподнял-

ся, схватился за свѣчки и приблизилъ ихъ ближе къ Ипполиту, чтобы свѣтлѣе было читать.

— Господа, это... это вы увидите сейчасъ что такое, — прибавилъ для чего-то Ипполитъ и вдругъ началъ чтеніе: «Необходимое объясненіе»! Эпиграфъ: «Après moi le déluge»... Фу, чортъ возьми! — вскрикнулъ онъ, точно обжегшись: — неужели я могъ серьезно поставить такой глупый эпиграфъ?.. Послушайте, господа!.. увѣряю васъ, что все это въ концѣ-концовъ, можетъ быть, ужаснѣйшіе пустяки! Тутъ только нѣкоторыя мои мысли... Если вы думаете, что тутъ... что-нибудь таинственное или... запрещенное... однимъ словомъ...

— Читали бы безъ предисловій, — перебилъ Ганя.

— Завилялъ! — прибавилъ кто-то.

— Разговору много, — ввернулъ молчавшій все время Рогожинъ.

Ипполитъ вдругъ посмотрѣлъ на него, и когда глаза ихъ встрѣтились, Рогожинъ горько и желчно осклабился и медленно произнесъ странныя слова:

— Не такъ этотъ предметъ надо обдѣлывать, парень, не такъ...

Что хотѣлъ сказать Рогожинъ, конечно, никто не понялъ, но слова его произвели довольно странное впечатлѣніе на всѣхъ; всякаго тронула краюшкомъ какая-то одна общая мысль. На Ипполита же слова эти произвели впечатлѣніе ужасное: онъ такъ задрожалъ, что князь протянулъ было руку, чтобы поддержать его, и онъ навѣрно бы вскрикнулъ, если бы видимо не оборвался вдругъ его голосъ. Цѣлую минуту онъ не могъ выговорить слова и, тяжело дыша, все смотрѣлъ на Рогожина. Наконецъ, задыхаясь и съ чрезвычайнымъ усиліемъ, выговорилъ:

— Такъ это вы... вы были... вы?

— Что былъ? Что я? — отвѣтилъ, недоумѣвая, Рогожинъ, но Ипполитъ, вспыхнувъ и почти съ бѣ-

шенствомъ, вдругъ его охватившимъ, рѣзко и сильно вскричалъ:

— *Вы* были у меня на прошлой недѣлѣ, ночью, во второмъ часу, въ тотъ день, когда я къ вамъ приходилъ утромъ, *вы!!* Признавайтесь, вы?

— На прошлой недѣлѣ, ночью? Да не спятилъ ли ты и впрямь съ ума, парень?

«Парень» опять съ минуту помолчалъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу и какъ бы соображая; но въ блѣдной, все такъ же кривившейся отъ страха улыбкѣ его мелькнуло вдругъ что-то, какъ будто хитрое, даже торжествующее.

— Это были вы! — повторилъ онъ, наконецъ, чуть не шопотомъ, но съ чрезвычайнымъ убѣжденіемъ; — *вы* приходили ко мнѣ и сидѣли молча у меня на стулѣ, у окна, цѣлый часъ; больше; въ первомъ и во второмъ часу пополуночи; вы потомъ встали и ушли въ третьемъ часу... Это были вы, вы! Зачѣмъ вы пугали меня, зачѣмъ вы приходили мучить меня, — не понимаю, но это были вы!

И во взглядѣ его мелькнула вдругъ безконечная ненависть, несмотря на все еще не унимавшуюся въ немъ дрожь отъ испуга.

— Вы сейчасъ, господа, все это узнаете, я... я... слушайте...

Онъ опять, и ужасно торопясь, схватился за свои листочки; они расползлись и разрознились; онъ силился ихъ сложить; они дрожали въ его дрожавшихъ рукахъ; долго онъ не могъ устроиться.

— Помѣшался, али бредитъ! — пробормоталъ чуть слышно Рогожинъ.

Чтеніе наконецъ началось. Въ началѣ, минутъ съ пять, авторъ неожиданной *статьи* все еще задыхался и читалъ безсвязно и неровно; но потомъ голосъ его отвердѣлъ и сталъ вполнѣ выражать смыслъ прочитаннаго. Иногда только довольно сильный кашель

прерывать его; съ половины статьи онъ сильно охрипъ; чрезвычайное одушевленіе, овладѣвавшее имъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ чтенія, подъ конецъ достигло высшей степени, какъ и болѣзненное впечатлѣніе на слушателей. Вотъ вся эта «статья».

«Мое необходимое объясненіе».

«Après moi le déluge!»

«Вчера утромъ былъ у меня князь; между прочимъ, онъ уговорилъ меня переѣхать на свою дачу. Я такъ и зналъ, что онъ непремѣнно будетъ на этомъ настаивать, и увѣренъ былъ, что онъ такъ прямо и брякнетъ мнѣ, что мнѣ на дачѣ будетъ «легче умирать между людьми и деревьями», какъ онъ выражается. Но сегодня онъ не сказалъ *умереть*, а сказалъ «будетъ легче прожить», что однакоже почти все равно для меня, въ моемъ положеніи. Я спросилъ его, что онъ подразумѣваетъ подъ своими безпрерывными «деревьями», и почему онъ мнѣ такъ навязываетъ эти «деревья», и съ удивленіемъ узналъ отъ него, что я самъ будто бы на томъ вечерѣ выразился, что пріѣзжалъ въ Павловскъ въ послѣдній разъ посмотрѣть на деревья. Когда я замѣтилъ ему, что вѣдь все равно умирать, что подъ деревьями, что смотря въ окно на мои кирпичи, и что для двухъ недѣль нечего такъ церемониться, то онъ тотчасъ же согласился; но зелень и чистый воздухъ, по его мнѣнію, непремѣнно произведутъ во мнѣ какую-нибудь физическую перемѣну, и мое волненіе и *мои сны* перемѣнятся и, можетъ быть, облегчатся. Я опять замѣтилъ ему, смѣясь, что онъ говоритъ какъ матеріалистъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ съ своею улыбкой, что онъ и всегда былъ матеріалистъ. Такъ какъ онъ никогда не лжетъ, то эти слова что-нибудь да означаютъ. Улыбка его хороша; я разглядѣлъ его теперь внимательнѣе. Я не знаю, люблю или не люблю я его теперь; теперь мнѣ некогда съ этимъ возиться. Моя пятимѣсячная ненависть къ нему,

надо замѣтить, въ послѣдній мѣсяцъ стала совсѣмъ утихать. Кто знаетъ, можетъ быть, я пріѣзжалъ въ Павловскъ, главное чтобъ его увидать. Но... зачѣмъ я оставлялъ тогда мою комнату? Приговоренный къ смерти не долженъ оставлять своего угла; и если бы теперь я не принялъ окончательнаго рѣшенія, а рѣшился бы, напротивъ, ждать до послѣдняго часу, то, конечно, не оставилъ бы моей комнаты ни за что и не принялъ бы предложенія переселиться къ нему «умирать» въ Павловскъ.

«Мнѣ нужно поспѣшить и кончить все это «объясненіе» непремѣнно до завтра. Стало быть, у меня не будетъ времени перечитать и поправить; перечту завтра, когда буду читать князю и двумъ, тремъ свидѣтелямъ, которыхъ намѣренъ найти у него. Такъ какъ тутъ не будетъ ни одного слова лжи, а все одна правда, послѣдняя и торжественная, то мнѣ заранѣе любопытно, какое впечатлѣніе она произведетъ на меня самого въ тотъ часъ и въ ту минуту, когда я стану перечитывать? Впрочемъ, я напрасно написалъ слова: «правда послѣдняя и торжественная»; для двухъ недѣль и безъ того лгать не стоитъ, потому что жить двѣ недѣли не стоитъ; это самое лучшее доказательство, что я напишу одну правду. (NB. Не забыть мысли: не сумасшедшій ли я въ эту минуту, то-есть минутами? Мнѣ сказали утвердительно, что чахоточные въ послѣдней степени иногда сходятъ съ ума на время. Провѣрить это завтра за чтеніемъ, по впечатлѣнію на слушателей. Этотъ вопросъ непремѣнно разрѣшить въ полной точности; иначе нельзя ни къ чему приступить).

«Мнѣ кажется, я написалъ сейчасъ ужасную глупость; но переправлять мнѣ некогда, я сказалъ; кромѣ того, я даю себѣ слово нарочно не переправлять въ этой рукописи ни одной строчки, даже если бъ я самъ замѣтилъ, что противорѣчу себѣ чрезъ каждыя пять

строкъ. Я хочу именно опредѣлить завтра за чтеніемъ, правильно ли логическое теченіе моей мысли; замѣчаю ли я ошибки мои, и вѣрно ли, стало быть, все то, что я въ этой комнатѣ въ эти шесть мѣсяцевъ передумалъ, или только одинъ бредъ.

«Если бъ еще два мѣсяца тому назадъ мнѣ пришлось, какъ теперь, оставлять совсѣмъ мою комнату и проститься съ Мейеровою стѣной, то, я увѣренъ, мнѣ бы было грустно. Теперь же я ничего не ощущаю, а между тѣмъ завтра оставляю и комнату, и стѣну, *навѣки!* Стало быть, убѣжденіе мое, что для двухъ недѣль не стоитъ уже сожалѣть или предаваться какимъ-нибудь ощущеніямъ, одолѣло моею природой и можетъ уже теперь приказывать всѣмъ моимъ чувствамъ. Но правда ли это? Правда ли, что моя природа побѣждена теперь совершенно? Если бы меня стали теперь пытать, то я бы сталъ навѣрно кричать и не сказалъ бы, что не стоитъ кричать и чувствовать боль, потому что двѣ недѣли только осталось жить.

«Но правда ли то, что мнѣ только двѣ недѣли жить остается, а не больше? Тогда въ Павловскѣ я солгалъ: Б—нъ мнѣ ничего не говорилъ и никогда не видалъ меня; но съ недѣлю назадъ ко мнѣ приводили студента Кислородова; по убѣжденіямъ своимъ онъ матеріалистъ, атеистъ и нигилистъ, вотъ почему я именно его и позвалъ: мнѣ надо было человѣка, чтобы сказалъ мнѣ, наконецъ, голую правду, не нѣжничая и безъ церемоніи. Такъ онъ и сдѣлалъ, и не только съ готовностію и безъ церемоніи, но даже съ видимымъ удовольствіемъ (что, по-моему, ужъ и лишнее). Онъ брякнулъ мнѣ прямо, что мнѣ осталось около мѣсяца; можетъ быть, нѣсколько больше, если будутъ хорошія обстоятельства; но, можетъ быть, даже и гораздо раньше умру. По его мнѣнію, я могу умереть и внезапно, даже напримѣръ, завтра: такіе факты бывали, и не далѣе какъ третьяго дня одна молодая дама, въ чахот-

кѣ и въ положеніи, сходномъ съ моимъ, въ Коломнѣ, собиралась идти на рынокъ покупать провизію, но вдругъ почувствовала себя дурно, легла на диванъ, вздохнула и умерла. Все это Кислородовъ сообщилъ мнѣ даже съ нѣкоторою щеголеватостію безчувствія и неосторожности, и какъ будто дѣлая мнѣ честь, то-есть показывая тѣмъ, что принимаетъ и меня за такое всеотрицающее высшее существо, какъ и самъ онъ, которому умереть, разумѣется, ничего не стòитъ. Въ концѣ-концовъ все-таки фактъ облипеванный: мѣсяцъ и никакъ не болѣе! Что онъ не ошибся въ томъ, я совершенно увѣренъ.

«Удивило меня очень, почему князь такъ угадалъ давеча, что я вижу «дурные сны»; онъ сказалъ буквально, что въ Павловскѣ «мое волненіе и *сны*» перемѣнятся. И почему же сны? Онъ или медикъ, или въ самомъ дѣлѣ необыкновеннаго ума и можетъ очень многое угадывать. (Но что онъ въ концѣ-концовъ «идіотъ», въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія). Какъ нарочно предъ самымъ его приходомъ я видѣлъ одинъ хорошенькій сонъ (впрочемъ изъ тѣхъ, которые мнѣ теперь снятся сотнями). Я заснулъ, — я думаю за часъ до его прихода, — и видѣлъ, что я въ одной комнатѣ (но не въ моей). Комната больше и выше моей, лучше меблирована, свѣтлая, шкафъ, комодъ, диванъ и моя кровать, большая и широкая и покрытая зеленымъ шелковымъ стеганымъ одѣяломъ. Но въ этой комнатѣ я замѣтилъ одно ужасное животное, какое-то чудовище. Оно было въ родѣ скорпіона, но не скорпіонъ, а гаже и гораздо ужаснѣе, и, кажется, именно тѣмъ, что такихъ животныхъ въ природѣ нѣтъ, и что оно *нарочно* у меня явилось, и что въ этомъ самомъ заключается будто бы какая-то тайна. Я его очень хорошо разглядѣлъ: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающійся гадъ, длиной вершка въ четыре, у головы, толщиной въ два пальца, къ хвосту постепенно

тоньше, такъ что самый кончикъ хвоста толщиной не больше десятой доли вершка. На вершокъ отъ головы, изъ туловища выходятъ, подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ, двѣ лапы, по одной съ каждой стороны, вершка по два длиной, такъ что все животное представляется, если смотрѣть сверху, въ видѣ трезубца. Головы я не разсмотрѣлъ, но видѣлъ два усика, не длинные, въ видѣ двухъ крѣпкихъ иглъ, тоже коричневые. Такіе же два усика на концѣ хвоста и на концѣ каждой изъ лапъ, всего, стало быть, восемь усиковъ. Животное бѣгало по комнатѣ очень быстро, упираясь лапами и хвостомъ, и когда бѣжало, то туловище и лапы извивались какъ змѣйки, съ необыкновенною быстротой, несмотря на скорлупу, и на это было очень гадко смотрѣть. Я ужасно боялся, что оно меня ужалитъ; мнѣ сказали, что оно ядовитое, но я больше всего мучился тѣмъ, кто его прислалъ въ мою комнату, что хотятъ мнѣ сдѣлать, и въ чемъ тутъ тайна? Оно пряталось подъ комодъ, подъ шкафъ, заползало въ углы. Я сѣлъ на стулъ съ ногами и поджалъ ихъ подъ себя. Оно быстро перебѣжало наискось всю комнату и исчезло гдѣ-то около моего стула. Я въ страхѣ осматривался, но такъ какъ я сидѣлъ поджавъ ноги, то и надѣялся, что оно не всползетъ на стулъ. Вдругъ я услышалъ сзади меня, почти у головы моей, какой-то трескучій шелестъ; я обернулся и увидѣлъ, что гадъ всползаетъ по стѣнѣ и уже наравнѣ съ моею головой, и касается даже моихъ волосъ хвостомъ, который вертѣлся и извивался съ чрезвычайною быстротой. Я вскочилъ, исчезло и животное. На кровать я боялся лечь, чтобъ оно не заползло подъ подушку. Въ комнату пришли моя мать и какой-то ея знакомый. Они стали ловить гадину, но были спокойнѣе, чѣмъ я, и даже не боялись. Но они ничего не понимали. Вдругъ гадъ выползъ опять; онъ ползъ въ этотъ разъ очень тихо и, какъ будто съ какимъ-то особымъ намѣреніемъ,

медленно извиваясь, что было еще отвратительнѣе, опять наискось комнаты, къ дверямъ. Тутъ моя мать отворила дверь и кликнула Норму, нашу собаку, — огромный тернефъ, черный и лохматый; умерла пять лѣтъ тому назадъ. Она бросилась въ комнату и стала надъ гадиной, какъ вкопанная. Остановился и гадъ, но все еще извиваясь и пощелкивая по полу концами лапъ и хвоста. Животныя не могутъ чувствовать мистическаго испуга, если не ошибаюсь; но въ эту минуту мнѣ показалось, что въ испугѣ Нормы было что-то какъ будто очень необыкновенное, какъ будто тоже почти мистическое, и что она, стало быть, тоже предчувствуетъ, какъ и я, что въ звѣрѣ заключается что-то роковое и какая-то тайна. Она медленно отодвигалась назадъ передъ гадомъ, тихо и осторожно ползшимъ на нее; онъ, кажется, хотѣлъ вдругъ на нее броситься и ужалить. Но несмотря на весь испугъ, Норма смотрѣла ужасно злобно, хотя и дрожа всѣми членами. Вдругъ она медленно оскалила свои страшные зубы, открыла всю свою огромную красную пасть, приноровилась, изловчилась, рѣшилась и вдругъ схватила гада зубами. Должно быть, гадъ сильно рванулся, чтобы выскользнуть, такъ что Норма еще разъ поймала его, уже на лету, и два раза всею пастью вобрала его въ себя, все на лету, точно глотая. Скорлупа затрещала на ея зубахъ; хвостикъ животнаго и лапы, выходившія изъ пасти, шевелились съ ужасною быстротой. Вдругъ Норма жалобно взвизгнула: гадина успѣла-таки ужалить ей языкъ. Съ визгомъ и воемъ она раскрыла отъ боли ротъ, и я увидѣлъ, что разгрызенная гадина еще шевелилась у нея поперекъ рта, выпуская изъ своего полураздавленнаго туловища на ея языкъ множество бѣлаго сока, похожаго на сокъ раздавленнаго чернаго таракана... Тутъ я проснулся, и вошелъ князь».

— Господа, — сказалъ Ипполитъ, вдругъ отры-

ваясь отъ чтенія и даже почти застыдившись, — я не перечитывалъ, но, кажется, я, дѣйствительно, много лишняго написалъ. Этотъ сонъ...

— Есть-таки, — поспѣшилъ ввернуть Ганя.

— Тутъ слишкомъ много личнаго, соглашаюсь, то-есть собственно обо мнѣ...

Говоря это, Ипполитъ имѣлъ усталый и разслабленный видъ и обтиралъ потъ съ своего лба платкомъ.

— Да-съ, слишкомъ ужъ собой интересуетесь, — прошипѣлъ Лебедевъ.

— Я, господа, никого не принуждаю, опять-таки; кто не хочетъ, тотъ можетъ и удалиться.

— Прогоняетъ... изъ чужого дома, — чуть слышно проворчалъ Рогожинъ.

— А какъ мы всѣ вдругъ встанемъ и удалимся? — проговорилъ внезапно Фердыщенко, до сихъ поръ, впрочемъ, не осмѣливавшійся вслухъ говорить.

Ипполитъ вдругъ опустилъ глаза и схватился за рукопись; но въ ту же секунду поднялъ опять голову и, сверкая глазами, съ двумя красными пятнами на щекахъ, проговорилъ, въ упоръ смотря на Фердыщенка.

— Вы меня совсѣмъ не любите!

Раздался смѣхъ; впрочемъ, большинство не смѣялось. Ипполитъ покраснѣлъ ужасно.

— Ипполитъ, — сказалъ князь, — закройте вашу рукопись и отдайте ее мнѣ, а сами ложитесь спать здѣсь въ моей комнатѣ. Мы поговоримъ передъ сномъ и завтра; но съ тѣмъ, чтобъ ужъ никогда не развертывать эти листы. Хотите?

— Развѣ это возможно? — посмотрѣлъ на него Ипполитъ въ рѣшительномъ удивленіи. — Господа! — крикнулъ онъ, опять лихорадочно оживляясь, — глупый эпизодъ, въ которомъ я не умѣлъ вести себя. Болѣе прерывать чтеніе не буду. Кто хочетъ слушать — слушай...

Онъ поскорѣй глотнулъ изъ стакана воды, поскорѣй облокотился на столъ, чтобы закрыться отъ взглядовъ, и съ упорствомъ сталъ продолжать чтеніе. Стыдъ скоро, впрочемъ, прошелъ . . .

«Идея о томъ (продолжалъ онъ читать), что не стоитъ жить нѣсколько недѣль, стала одолѣвать меня настоящимъ образомъ, я думаю, съ мѣсяцъ назадъ, когда мнѣ оставалось жить еще четыре недѣли, но совершенно овладѣла мной только три дня назадъ, когда я возвратился съ того вечера въ Павловскѣ. Первый моментъ полнаго, непосредственнаго проникновенія этою мыслью произошелъ на террасѣ у князя, именно въ то самое мгновеніе, когда я вздумалъ сдѣлать послѣднюю пробу жизни, хотѣлъ видѣть людей и деревья (пусть это я самъ говорилъ), горячился, настаивалъ на правѣ Бурдовскаго, «моего ближняго», и мечталъ, что всѣ они вдругъ растопырятъ руки и примутъ меня въ свои объятія, и попросятъ у меня въ чемъ-то прощенія, а я у нихъ; однимъ словомъ, я кончилъ какъ бездарный дуракъ. И вотъ въ эти-то часы и вспыхнуло во мнѣ «послѣднее убѣжденіе». Удивляюсь теперь, какимъ образомъ я могъ жить цѣлые шесть мѣсяцевъ безъ этого убѣжденія!» Я положительно зналъ, что у меня чахотка и неизлѣчимая; я не обманывалъ себя и понималъ дѣло ясно. Но чѣмъ яснѣе я его понималъ, тѣмъ судорожнѣе мнѣ хотѣлось жить; я цѣплялся за жизнь и хотѣлъ жить во что бы то ни стало. Согласенъ, что я могъ тогда злиться на темный и глухой жребій, распорядившійся раздавить меня, какъ муху и, конечно, не зная зачѣмъ; но зачѣмъ же я не кончилъ одною злостью? Зачѣмъ я дѣйствительно *началъ* жить, зная, что мнѣ уже нельзя начинать; пробовалъ, зная, что мнѣ уже нечего пробовать? А между тѣмъ я даже книги не могъ прочесть и пересталъ читать: къ чему читать, къ чему узнавать на шесть мѣсяцевъ? Эта мысль заставляла меня не разъ бросать книгу.

«Да, эта Мейерова стѣна можетъ много пересказать! Много я на ней записалъ. Не было пятна на этой грязной стѣнѣ, котораго бы я не заучилъ. Проклятая стѣна! А все-таки она мнѣ дороже всѣхъ Павловскихъ деревьевъ, то-есть должна бы быть всѣхъ дороже, если бы мнѣ не было теперь все равно.

«Припоминаю теперь, съ какимъ жаднымъ интересомъ я сталъ слѣдить тогда за *ихнею* жизнью; такого интереса прежде не бывало. Я съ нетерпѣніемъ и съ бранью ждалъ иногда Колю, когда самъ становился такъ боленъ, что не могъ выходить изъ комнаты. Я до того вникалъ во всѣ мелочи, интересовался всякими слухами, что, кажется, сдѣлался сплетникомъ. Я не понималъ, напримѣръ, какъ эти люди, имѣя столько жизни, не умѣютъ сдѣлаться богачами (впрочемъ, не понимаю и теперь). Я зналъ одного бѣдняка, про котораго мнѣ потомъ разсказывали, что онъ умеръ съ голоду, и, помню, это вывело меня изъ себя: если бы можно было этого бѣдняка оживить, я бы, кажется, казнилъ его. Мнѣ иногда становилось легче на цѣлыя недѣли, и я могъ выходить на улицу; но улица стала, наконецъ, производить во мнѣ такое озлобленіе, что я по цѣлымъ днямъ нарочно сидѣлъ взаперти, хотя и могъ выходить, какъ и всѣ. Я не могъ выносить этого шныряющаго, суетящагося, вѣчно озабоченнаго, угрюмаго и встревоженнаго народа, который сновалъ около меня по тротуарамъ. Къ чему ихъ вѣчная печаль, вѣчная ихъ тревога и суета; вѣчная, угрюмая злость ихъ (потому что они злы, злы, злы)? Кто виноватъ, что они несчастны и не умѣютъ жить, имѣя впереди по шестидесяти лѣтъ жизни? Зачѣмъ Зарницынъ допустилъ себя умереть съ голоду, имѣя у себя шестьдесятъ лѣтъ впереди? И каждый-то показываетъ свое рубище, свои рабочія руки, злится и кричитъ: «мы работаемъ, какъ волы, мы трудимся, мы голодны какъ собаки и бѣдны! Другіе не работаютъ

и не трудятся, а они богаты!» (Вѣчный припѣвъ!) Рядомъ съ ними бѣгаетъ и суетится съ утра до ночи какой-нибудь несчастный сморчокъ «изъ благородныхъ», Иванъ Ѳомичъ Суриковъ, — въ нашемъ домѣ, надъ нами живетъ, — вѣчно съ продранными локтями, съ обсыпавшимися пуговицами, у разныхъ людей на посылкахъ, по чьимъ-нибудь порученіямъ, да еще съ утра до ночи. Разговоритесь съ нимъ: «бѣденъ, нищъ и убогъ, умерла жена, лѣкарства купить было не на что, а зимой заморозили ребенка; старшая дочь на содержанье пошла...»; вѣчно хнычетъ, вѣчно плачется! О, никакой, никакой во мнѣ не было жалости къ этимъ дуракамъ, ни теперь, ни прежде, — я съ гордостью это говорю! Зачѣмъ же онъ самъ не Ротшильдъ? Кто виноватъ, что у него нѣтъ милліоновъ, какъ у Ротшильда, что у него нѣтъ горы золотыхъ имперіаловъ и наполеондоровъ, такой горы, такой точно высокой горы, какъ на Масленицѣ подъ балаганами! Коли онъ живетъ, стало быть, все въ его власти! Кто виноватъ, что онъ этого не понимаетъ?

«О, теперь мнѣ уже все равно, теперь уже мнѣ некогда злиться, но тогда, тогда, повторяю, я буквально грызъ по ночамъ мою подушку и рвалъ мое одѣяло отъ бѣшенства. О, какъ я мечталъ тогда, какъ желалъ, какъ нарочно желалъ, чтобы меня, восемнадцатилѣтняго, едва одѣтаго, едва прикрытаго, выгнали вдругъ на улицу и оставили совершенно одного, безъ квартиры, безъ работы, безъ куска хлѣба, безъ родственниковъ, безъ единаго знакомаго человѣка въ огромнѣйшемъ городѣ, голоднаго, прибитаго (тѣмъ лучше!), но здороваго, и тутъ-то бы я показалъ...

«Что показалъ?

«О, неужели вы полагаете, что я не знаю, какъ унизилъ себя и безъ того уже моимъ «Объясненіемъ»! Ну, кто же не сочтетъ меня за сморчка, незнающаго жизни, забывъ, что мнѣ уже не восемнадцать лѣтъ;

забывъ, что такъ жить, какъ я жилъ въ эти шесть мѣсяцевъ, значитъ уже дожить до сѣдыхъ волосъ! Но пусть смѣются и говорятъ, что все это сказки. Я и вправду разсказывалъ себѣ сказки. Я наполнялъ ими цѣлыя ночи мои напролетъ; я ихъ всѣ припоминаю теперь.

«Но неужели же мнѣ ихъ теперь опять пересказывать, — теперь, когда ужъ и для меня миновала пора сказокъ? И кому же? Вѣдь я тѣшился ими тогда, когда ясно видѣлъ, что мнѣ даже и грамматику греческую запрещено изучать, какъ разъ было мнѣ и вздумалось: «еще до синтаксиса не дойду, какъ помру», подумалъ я съ первой страницы и бросилъ книгу подъ столъ. Она и теперь тамъ валяется; я запретилъ Матренѣ ее подымать.

«Пусть тотъ, кому попадется въ руки мое «Объясненіе», и у кого станетъ терпѣнія прочесть его, сочтетъ меня за помѣшаннаго, или даже за гимназиста, а вѣрнѣе всего за приговореннаго къ смерти, которому естественно стало казаться, что всѣ люди, кромѣ него, слишкомъ жизнью не дорожатъ, слишкомъ дешево повадились тратить ее, слишкомъ лѣниво, слишкомъ безсовѣстно ею пользуются, а стало быть, всѣ до единаго не достойны ея! И что же? Я объявляю, что читатель мой ошибется, и что убѣжденіе мое совершенно независимо отъ моего смертнаго приговора. Спросите, спросите ихъ только, какъ они всѣ, сплошь до единаго, понимаютъ въ чемъ счастье? О, будьте увѣрены, что Колумбъ былъ счастливъ не тогда, когда открылъ Америку, а когда открывалъ ее; будьте увѣрены, что самый высокій моментъ его счастья былъ, можетъ быть, ровно за три дня до открытія Новаго Свѣта, когда бунтующій экипажъ въ отчаяніи чуть не поворотилъ корабля въ Европу, назадъ! Не въ Новомъ Свѣтѣ тутъ дѣло, хотя бы онъ провалился. Колумбъ померъ, почти не видавъ его и, въ сущности,

не зная, что онъ [illegible]. Дѣло въ жизни, [illegible] жизни, — въ открываніи ея, безпрерывномъ и вѣчномъ, а совсѣмъ не въ открытіи! Но что говорить! Я подозрѣваю, что все, что я говорю теперь, такъ похоже на самыя общія фразы, что меня навѣрно сочтутъ за ученика низшаго класса, представляющаго свое сочиненіе на «восходъ солнца», или скажутъ, что я, можетъ быть, и хотѣлъ что-то высказать, но при всемъ моемъ желаніи не сумѣлъ . . . «объясниться». Но, однакожъ, прибавлю, что во всякой геніальной или новой человѣческой мысли, или просто даже во всякой серьезной человѣческой мысли, зарождающейся въ чьей-нибудь головѣ, всегда остается нѣчто такое, чего никакъ нельзя передать другимъ людямъ, хотя бы вы исписали цѣлые томы и растолковывали вашу мысль тридцать пять лѣтъ; всегда останется нѣчто, что ни за что не захочетъ выйти изъ-подъ вашего черепа и останется при васъ навѣки; съ тѣмъ вы и умрете, не передавъ никому, можетъ быть, самаго-то главнаго изъ вашей идеи. Но если и я теперь тоже не сумѣлъ передать всего того, что меня въ эти шесть мѣсяцевъ мучило, то, по крайней мѣрѣ, поймутъ, что, достигнувъ моего теперешняго «послѣдняго убѣжденія», я слишкомъ, можетъ быть, дорого заплатилъ за него; вотъ это-то я и считалъ необходимымъ, для извѣстныхъ мнѣ цѣлей, выставить на видъ въ моемъ «Объясненіи».

«Но однакожъ я продолжаю».

VI

«Не хочу солгать: дѣйствительность ловила и меня на крючокъ въ эти шесть мѣсяцевъ и до того иногда увлекала, что я забывалъ о моемъ приговорѣ или, лучше, не хотѣлъ о немъ и думать и даже дѣлалъ дѣла. Кстати о тогдашней моей обстановкѣ. Когда я, мѣ-

сяцевъ восемь назадъ, сталъ ужъ очень боленъ, то прекратилъ всѣ мои сношенія и оставилъ всѣхъ бывшихъ моихъ товарищей. Такъ какъ я и всегда былъ человѣкъ довольно угрюмый, то товарищи легко забыли меня; конечно, они забыли бы меня и безъ этого обстоятельства. Обстановка моя дома, то-есть «въ семействѣ», была тоже уединенная. Мѣсяцевъ пять назадъ, я разъ на всегда заперся извнутри и отдѣлилъ себя отъ комнатъ семьи совершенно. Меня постоянно слушались и никто не смѣлъ войти ко мнѣ, кромѣ какъ въ опредѣленный часъ убрать комнату и принести мнѣ обѣдать. Мать трепетала предъ моими приказаніями и даже не смѣла предо мною нюнить, когда я рѣшался иногда впускать ее къ себѣ. Дѣтей она постоянно за меня колотила, чтобы не шумѣли и меня не безпокоили; я-таки часто на ихъ крикъ жаловался; то-то, должно быть, они меня теперь любятъ! «Вѣрнаго Колю», какъ я его прозвалъ, я тоже, думаю, мучилъ порядочно. Въ послѣднее время и онъ меня мучилъ: все это было натурально, люди и созданы, чтобъ другъ друга мучить. Но я замѣтилъ, что онъ переноситъ мою раздражительность такъ, какъ будто заранѣе далъ себѣ слово щадить больного. Естественно, это меня раздражало; но, кажется, онъ вздумалъ подражать князю въ «христіанскомъ смиреніи», что было уже нѣсколько смѣшно. Это мальчикъ молодой и горячій и, конечно, всему подражаетъ; но мнѣ казалось иногда, что ему пора бы жить и своимъ умомъ. Я его очень люблю. Мучилъ я тоже и Сурикова, жившаго надъ нами и бѣгавшаго съ утра до ночи по чьимъ-то порученіямъ; я постоянно доказывалъ ему, что онъ самъ виноватъ въ своей бѣдности, такъ что онъ, наконецъ, испугался и ходить ко мнѣ пересталъ. Это очень смиренный человѣкъ, смиреннѣйшее существо. (NB. Говорятъ, смиреніе есть страшная сила; надо справиться объ этомъ у князя, это его собственное

[illegible]ній). Но когда я въ мартѣ мѣсяцѣ поднялся къ нему наверхъ, чтобы посмотрѣть, какъ они тамъ «заморозили», по его словамъ, ребенка, и нечаянно усмѣхнулся надъ трупомъ его младенца, потому что сталъ опять объяснять Сурикову, что онъ «самъ виноватъ», то у этого сморчка вдругъ задрожали губы, и онъ, одною рукой схвативъ меня за плечо, другою показалъ мнѣ дверь и тихо, то-есть чуть не шопотомъ, проговорилъ мнѣ: «ступайте-съ!» Я вышелъ, и мнѣ это очень понравилось, понравилось тогда же, даже въ ту самую минуту, какъ онъ меня выводилъ; но слова его долго производили на меня потомъ, при воспоминаніи, тяжелое впечатлѣніе какой-то странной, презрительной къ нему жалости, которой бы я вовсе не хотѣлъ ощущать. Даже въ минуту такого оскорбленія (я вѣдь чувствую же, что я оскорбилъ его, хоть и не имѣлъ этого намѣренія), даже въ т[illegible] минуту этотъ человѣкъ не могъ разозлиться! Запрыгали у него тогда губы вовсе не отъ злости, я клятву даю: схватилъ онъ меня за руку и выговорилъ свое великолѣпное «ступайте-съ» рѣшительно не сердясь. Достоинство было, даже много, даже вовсе ему и не къ лицу (такъ что, по правдѣ, тутъ много было и комическаго), но злости не было. Можетъ быть, онъ просто вдругъ сталъ презирать меня. Съ той поры, раза два-три, какъ я встрѣтилъ его на лѣстницѣ, онъ сталъ вдругъ снимать предо мной шляпу, чего никогда прежде не дѣлывалъ, но уже не останавливался, как[illegible] прежде, а пробѣгалъ, сконфузившись, мимо. Если он[illegible] и презиралъ меня, то все-таки по-своему: онъ «*смиренно* презиралъ». А можетъ быть, онъ снималъ свою шляпу просто изъ страха, какъ сыну своей кредиторши, потому что онъ матери моей постоянно долженъ и никакъ не въ силахъ выкарабкаться изъ долговъ. И даже это всего вѣроятнѣе. Я хотѣлъ было съ нимъ объясниться, и знаю навѣрно, что онъ чрезъ десять

минутъ сталъ бы просить у меня прощенія; но я разсудилъ, что лучше его ужъ не трогать.

«Въ это самое время, то-есть около того времени, какъ Суриковъ «заморозилъ» ребенка, около половины марта, мнѣ стало вдругъ почему-то гораздо легче, и такъ продолжалось недѣли двѣ. Я сталъ выходить, всего чаще подъ сумерки. Я любилъ мартовскія сумерки, когда начинало морозить, и когда зажигали газъ; ходилъ иногда далеко. Разъ въ Шестилавочной меня обогналъ въ темнотѣ какой-то «изъ благородныхъ», я его не разглядѣлъ хорошенько; онъ несъ что-то завернутое въ бумагѣ и одѣтъ былъ въ какомъ-то кургузомъ и безобразномъ пальтишкѣ, — не по сезону легко. Когда онъ поровнялся съ фонаремъ, шагахъ предо мной въ десяти, я замѣтилъ, что у него что-то упало изъ кармана. Я поспѣшилъ поднять — и было во-время, потому что уже подскочилъ какой-то въ длинномъ кафтанѣ, но, увидѣвъ вещь въ моихъ рукахъ, спорить не сталъ, бѣгло заглянулъ мнѣ въ руки и проскользнулъ мимо. Эта вещь была большой, сафьянный, стараго устройства и туго набитый бумажникъ; но почему-то я съ перваго взгляда угадалъ, что въ немъ было что угодно, но только не деньги. Потерявшій прохожій шелъ уже шагахъ въ сорока предо мной и скоро за толпой пропалъ изъ виду. Я побѣжалъ и сталъ ему кричать; но такъ какъ кромѣ «эй!» мнѣ нечего было крикнуть, то онъ и не обернулся. Вдругъ онъ шмыгнулъ налѣво, въ ворота одного дома. Когда я вбѣжалъ въ ворота, подъ которыми было очень темно, уже никого не было. Домъ былъ огромной величины, одна изъ тѣхъ громадинъ, которыя строятся аферистами для мелкихъ квартиръ; въ иныхъ изъ такихъ домовъ бываетъ иногда нумеровъ до ста. Когда я пробѣжалъ ворота, мнѣ показалось, что въ правомъ, заднемъ углу огромнаго двора, какъ будто идетъ человѣкъ, хотя въ темнотѣ я едва лишь могъ разли-

чать. Добѣжавъ до угла, я увидѣлъ входъ на лѣстницу; лѣстница была узкая, чрезвычайно грязная и совсѣмъ не освѣщенная; но слышалось, что въ высотѣ взбѣгалъ еще по ступенькамъ человѣкъ, и я пустился на лѣстницу, разсчитывая, что покамѣстъ ему гдѣ-нибудь отопрутъ, я его догоню. Такъ и вышло. Лѣстницы были прекоротенькія, число ихъ было безконечное, такъ что я ужасно задохся; дверь отворили и затворили опять въ пятомъ этажѣ, я это угадалъ еще тремя лѣстницами ниже. Покамѣстъ я взбѣжалъ, пока отдышался на площадкѣ, пока искалъ звонка, прошло нѣсколько минутъ. Мнѣ отворила, наконецъ, одна баба, которая въ крошечной кухнѣ вздувала самоваръ; она выслушала молча мои вопросы, ничего, конечно, не поняла и молча отворила мнѣ дверь въ слѣдующую комнату, тоже маленькую, ужасно низенькую, съ скверною необходимою мебелью и съ широкою огромною постелью подъ занавѣсками, на которой лежалъ «Терентьичъ» (такъ кликнула баба), мнѣ показалось, хмельной. На столѣ догоралъ огарокъ въ желѣзномъ ночникѣ и стоялъ полуштофъ, почти опорожненный. Терентьичъ что-то промычалъ мнѣ, лежа, и махнулъ на слѣдующую дверь, а баба ушла, такъ что мнѣ ничего не оставалось, какъ отворить эту дверь. Я такъ и сдѣлалъ, и вошелъ въ слѣдующую комнату.

«Эта комната была еще уже и теснѣе предыдущей, такъ что я не зналъ даже, гдѣ повернуться; узкая, односпальная кроватъ въ углу занимала ужасно много мѣста; прочей мебели было всего три простые стула, загроможденные всякими лохмотьями, и самый простой кухонный, деревянный столъ предъ стареньким клеенчатымъ диваномъ, такъ что между столомъ и кроватью почти уже нельзя было пройти. На столѣ горѣлъ такой же желѣзный ночникъ съ сальною свѣчкой, какъ и въ той комнатѣ, а на кровати пищалъ крошечный ребенокъ, всего, можетъ быть, трехнедѣль-

ный, судя по крику; его «перемѣняла», то-есть перепеленывала, больная и блѣдная женщина, кажется, молодая, въ сильномъ неглиже и, можетъ быть, только-что начинавшая вставать послѣ родовъ; но ребенокъ не унимался и кричалъ, въ ожиданіи тощей маминой груди. На диванѣ спалъ другой ребенокъ, трехлѣтняя дѣвочка, прикрытая, кажется, фракомъ. У стола стоялъ господинъ въ очень истрепанномъ сюртукѣ (онъ уже снялъ пальто, и оно лежало на кровати) и развертывалъ синюю бумагу, въ которой было завернуто фунта два пшеничнаго хлѣба и двѣ маленькія колбасы. На столѣ, кромѣ того, былъ чайникъ съ чаемъ, и валялись куски чернаго хлѣба. Изъ-подъ кровати высовывался незапертый чемоданъ и торчали два узла съ какимъ-то тряпьемъ.

«Однимъ словомъ, былъ страшный безпорядокъ. Мнѣ показалось съ перваго взгляда, что оба они, и господинъ, и дама — люди порядочные, но доведенные бѣдностью до того унизительнаго состоянія, въ которомъ безпорядокъ одолѣваетъ, наконецъ, всякую попытку бороться съ нимъ и даже доводитъ людей до горькой потребности находить въ самомъ безпорядкѣ этомъ, каждый день увеличивающемся, какое-то горькое и какъ будто мстительное ощущеніе удовольствія.

«Когда я вошелъ, господинъ этотъ, тоже только-что предо мною вошедшій и развертывавшій свои припасы, о чемъ-то быстро и горячо переговаривался съ женой; та, хоть и не кончила еще пеленанія, но уже успѣла занюнить; извѣстія были, должно быть, скверныя, по обыкновенію. Лицо этого господина, которому было лѣтъ двадцать восемь на видъ, смуглое и сухое, обрамленное черными бакенбардами, съ выбритымъ до лоску подбородкомъ, показалось мнѣ довольно приличнымъ и даже пріятнымъ; оно было угрюмо, съ угрюмымъ взглядомъ, но съ какимъ-то болѣзненнымъ оттѣнкомъ гордости, слишкомъ легко раздра-

жающейся. Когда я вошелъ, произошла странная сцена.

«Есть люди, которые въ своей раздражительной обидчивости находятъ чрезвычайное наслажденіе, и особенно когда она въ нихъ доходитъ (что случается всегда очень быстро) до послѣдняго предѣла; въ это мгновеніе имъ даже, кажется, пріятнѣе быть обиженными чѣмъ необиженными. Эти раздражающіеся всегда потомъ ужасно мучатся раскаяніемъ, если они умны, разумѣется, и въ состояніи сообразить, что разгорячились въ десять разъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. Господинъ этотъ нѣкоторое время смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, а жена съ испугомъ, какъ будто въ томъ была страшная диковина, что и къ нимъ кто-нибудь могъ войти; но вдругъ онъ набросился на меня чуть не съ бѣшенствомъ; я не успѣлъ еще пробормотать двухъ словъ, а онъ, особенно видя, что я одѣтъ порядочно, почелъ, должно быть, себя страшно обиженнымъ тѣмъ, что я осмѣлился такъ безцеремонно заглянуть въ его уголъ и увидать всю безобразную обстановку, которой онъ самъ такъ стыдился. Конечно, онъ обрадовался случаю сорвать хоть на комъ-нибудь свою злость за всѣ свои неудачи. Одну минуту я даже думалъ, что онъ бросится въ драку; онъ поблѣднѣлъ точно въ женской истерикѣ и ужасно испугалъ жену.

«— Какъ вы смѣли такъ войти! Вонъ! — кричалъ онъ, дрожа и даже едва выговаривая слова. Но вдругъ онъ увидалъ въ рукахъ моихъ свой бумажникъ.

«— Кажется, вы обронили, — сказалъ я, какъ можно спокойнѣе и суше. (Такъ, впрочемъ, и слѣдовало).

«Тотъ стоялъ предо мной въ совершенномъ испугѣ и нѣкоторое время какъ будто понять ничего не могъ; потомъ быстро схватился за свой боковой кар-

манъ, разинулъ ротъ отъ ужаса и ударилъ себя рукой по лбу.

«— Боже! Гдѣ вы нашли? Какимъ образомъ?

«Я объяснилъ въ самыхъ короткихъ словахъ и по возможности еще суше, какъ я поднялъ бумажникъ, какъ я бѣжалъ и звалъ его и какъ, наконецъ, по догадкѣ и почти ощупью, взбѣжалъ за нимъ по лѣстницѣ.

«— О, Боже! — вскрикнулъ онъ, обращаясь къ женѣ, — тутъ всѣ наши документы, тутъ мои послѣдніе инструменты, тутъ все... о, милостивый государь, знаете ли вы, что вы для меня сдѣлали? Я бы пропалъ!

«Я схватился между тѣмъ за ручку двери, чтобы, не отвѣчая, уйти, но я самъ задыхался, и вдругъ волненіе мое разразилось такимъ сильнѣйшимъ припадкомъ кашля, что я едва могъ устоять. Я видѣлъ, какъ господинъ бросался во всѣ стороны, чтобы найти мнѣ порожній стулъ, какъ онъ схватилъ, наконецъ, съ одного стула лохмотья, бросилъ ихъ на полъ и, торопясь, подалъ мнѣ стулъ, осторожно меня усаживая. Но кашель мой продолжался и не унимался еще минуты три. Когда я очнулся, онъ уже сидѣлъ подлѣ меня на другомъ стулѣ, съ котораго тоже, вѣроятно, сбросилъ лохмотья на полъ, и пристально въ меня всматривался.

«— Вы, кажется... страдаете? — проговорилъ онъ тѣмъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ доктора, приступая къ больному. — Я самъ... медикъ (онъ не сказалъ: докторъ), — и, проговоривъ это, онъ для чего-то указалъ мнѣ рукой на комнату, какъ бы протестуя противъ своего теперешняго положенія, — я вижу, что вы...

«— У меня чахотка, — проговорилъ я какъ можно короче и всталъ.

«Вскочилъ тотчасъ и онъ.

«— Можетъ быть, вы преувеличиваете и... принявъ средства...

«Онъ былъ очень сбитъ съ толку и какъ будто все еще не могъ придти въ себя; бумажникъ торчалъ у него въ лѣвой рукѣ.

«— О, не безпокойтесь, — перебилъ я опять, хватаясь за ручку двери, — меня смотрѣлъ на прошлой недѣлѣ Б—нъ (опять я ввернулъ тутъ Б—на), — и дѣло мое рѣшеное. Извините...

«Я было опять хотѣлъ отворить дверь и оставить моего сконфузившагося, благодарнаго и раздавленнаго стыдомъ доктора, но проклятый кашель какъ разъ опять захватилъ меня. Тутъ мой докторъ настоялъ, чтобъ я опять присѣлъ отдохнуть; онъ обратился къ женѣ, и та, не оставляя своего мѣста, проговорила мнѣ нѣсколько благодарныхъ и привѣтливыхъ словъ. При этомъ она очень сконфузилась, такъ что даже румянецъ заигралъ на ея блѣдно-желтыхъ, сухихъ щекахъ. Я остался, но съ такимъ видомъ, который каждую секунду показывалъ, что ужасно боюсь ихъ стѣснить (такъ и слѣдовало). Раскаяніе моего доктора, наконецъ, замучило его, я это видѣлъ.

«— Если я... — началъ онъ, поминутно обрывая и перескакивая, — я такъ вамъ благодаренъ и такъ виноватъ предъ вами... я... вы видите... — онъ опять указалъ на комнату, — въ настоящую минуту я нахожусь въ такомъ положеніи...

«— О, — сказалъ я, — нечего и видѣть; дѣло извѣстное; вы, должно быть, потеряли мѣсто и пріѣхали объясняться и опять искать мѣста?

«— Почему... вы узнали? — спросилъ онъ съ удивленіемъ.

«— Съ перваго взгляда видно, — отвѣчалъ я поневолѣ насмѣшливо, — сюда много пріѣзжаютъ изъ провинцій съ надеждами, бѣгаютъ, и такъ вотъ и живутъ.

«Онъ вдругъ заговорилъ съ жаромъ, съ дрожащими губами; онъ сталъ жаловаться, сталъ разсказывать и, признаюсь, увлекъ меня; я просидѣлъ у него почти часъ. Онъ разсказалъ мнѣ свою исторію, впрочемъ, очень обыкновенную. Онъ былъ лѣкаремъ въ губерніи, имѣлъ казенное мѣсто, но тутъ начались какія-то интриги, въ которыя вмѣшали даже жену его. Онъ погордился, погорячился; произошла перемѣна губернскаго начальства въ пользу враговъ его; подъ него подкопались, пожаловались; онъ потерялъ мѣсто и на послѣднія средства пріѣхалъ въ Петербургъ объясняться; въ Петербургѣ, извѣстно, его долго не слушали, потомъ выслушали, потомъ отвѣчали отказомъ, потомъ поманили обѣщаніями, потомъ отвѣчали строгостію, потомъ велѣли ему что-то написать въ объясненіе, потомъ отказались принять, что онъ написалъ, велѣли подать просьбу, — однимъ словомъ, онъ бѣгалъ уже пятый мѣсяцъ, проѣлъ все; послѣднія женины тряпки были въ закладѣ, а тутъ родился ребенокъ, и, и... «сегодня заключительный отказъ на поданную просьбу, а у меня почти хлѣба нѣтъ, ничего нѣтъ, жена родила. Я, я...»

«Онъ вскочилъ со стула и отвернулся. Жена его плакала въ углу, ребенокъ началъ опять пищать. Я вынулъ мою записную книжку и сталъ въ нее записывать. Когда я кончилъ и всталъ, онъ стоялъ предо мной и глядѣлъ съ боязливымъ любопытствомъ.

«— Я записалъ ваше имя, — сказалъ я ему, — ну, и все прочее: мѣсто служенія, имя вашего губернатора, числа, мѣсяцы. У меня есть одинъ товарищъ, еще по школѣ, Бахмутовъ, а у него дядя Петръ Матвѣевичъ Бахмутовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и служитъ директоромъ...

«— Петръ Матвѣевичъ Бахмутовъ! — вскрикнулъ мой медикъ, чуть не задрожавъ, — но вѣдь отъ него-то почти все и зависитъ!

«Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи моего медика и въ развязкѣ ея, которой я нечаянно способствовалъ, все сошлось и уладилось, какъ будто нарочно было къ тому приготовлено, рѣшительно точно въ романѣ. Я сказалъ этимъ бѣднымъ людямъ, чтобъ они постарались не имѣть никакихъ на меня надеждъ, что я самъ бѣдный гимназистъ (я нарочно преувеличилъ униженіе; я давно кончилъ курсъ и не гимназистъ), и что имени моего нечего имъ знать, но что я пойду сейчасъ же на Васильевскій Островъ къ моему товарищу Бахмутову, и такъ какъ я знаю навѣрно, что его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, холостякъ и не имѣющій дѣтей, рѣшительно благоговѣетъ предъ своимъ племянникомъ и любитъ его до страсти, видя въ немъ послѣднюю отрасль своей фамиліи, то, «можетъ быть, мой товарищъ и сможетъ сдѣлать что-нибудь для васъ и для меня, конечно, у своего дяди» . . .

«—Мнѣ бы только дозволили объясниться съ его превосходительствомъ! Только бы я возмогъ получить честь объяснить на словахъ! — воскликнулъ онъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ и съ сверкавшими глазами. Онъ такъ и сказалъ: *возмогъ*. Повторивъ еще разъ, что дѣло навѣрно лопнетъ, и все окажется вздоромъ, я прибавилъ, что если завтра утромъ я къ нимъ не приду, то значитъ дѣло кончено, и имъ нечего ждать. Они выпроводили меня съ поклонами, они были почти не въ своемъ умѣ. Никогда не забуду выраженія ихъ лицъ. Я взялъ извозчика и тотчасъ же отправился на Васильевскій островъ.

«Съ этимъ Бахмутовымъ въ гимназіи, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, я былъ въ постоянной враждѣ. У насъ онъ считался аристократомъ, по крайней мѣрѣ, я такъ называлъ его: прекрасно одѣвался, пріѣзжалъ на своихъ лошадяхъ, нисколько не фанфаронилъ, всегда былъ превосходный товарищъ, всегда былъ необыкновенно веселъ, и даже иногда очень

остеръ, хотя ума былъ совсѣмъ не далекаго, несмотря на то, что всегда былъ первымъ въ классѣ; я же никогда, ни въ чемъ не былъ первымъ. Всѣ товарищи любили его, кромѣ меня одного. Онъ нѣсколько разъ въ эти нѣсколько лѣтъ подходилъ ко мнѣ, но я каждый разъ угрюмо и раздражительно отъ него отворачивался. Теперь я уже не видалъ его съ годъ; онъ былъ въ университетѣ. Когда, часу въ девятомъ, я вошелъ къ нему (при большихъ церемоніяхъ: обо мнѣ докладывали), онъ встрѣтилъ меня сначала съ удивленіемъ, вовсе даже не привѣтливо, но тотчасъ повеселѣлъ и, глядя на меня, вдругъ расхохотался.

«— Да что это вздумалось вамъ придти ко мнѣ, Терентьевъ? — вскричалъ онъ со своею всегдашнею, милою развязностію, иногда дерзкою, но никогда не оскорблявшею, которую я такъ въ немъ любилъ и за которую такъ его ненавидѣлъ. — Но что это, — вскричалъ онъ съ испугомъ, — вы такъ больны!

«Кашель меня замучилъ опять, я упалъ на стулъ и едва могъ отдышаться.

«— Не безпокойтесь, у меня чахотка, — сказалъ я, — я къ вамъ съ просьбой.

«— Онъ усѣлся съ удивленіемъ, и я тотчасъ же изложилъ ему всю исторію доктора и объяснилъ, что самъ онъ, имѣя чрезвычайное вліяніе на дядю, можетъ быть, могъ бы что-нибудь сдѣлать.

«— Сдѣлаю, непремѣнно сдѣлаю и завтра же нападу на дядю; и я даже радъ, и вы такъ все это хорошо разсказали... Но какъ это вамъ, Терентьевъ, вздумалось все-таки ко мнѣ обратиться?

«— Отъ вашего дяди тутъ такъ много зависитъ, и притомъ мы, Бахмутовъ, всегда были врагами, а такъ какъ вы человѣкъ благородный, то я подумалъ, что вы врагу не откажете, — прибавилъ я съ ироніей.

«— Какъ Наполеонъ обратился къ Англіи! — вскричалъ онъ, захохотавъ. — Сдѣлаю, сдѣлаю! Сей-

часъ даже пойду, если можно! — прибавилъ онъ поспѣшно, видя, что я серьезно и строго встаю со стула.

«И дѣйствительно, это дѣло, самымъ неожиданнымъ образомъ, обдѣлалось у насъ какъ не надо лучше. Чрезъ полтора мѣсяца нашъ медикъ получилъ опять мѣсто въ другой губерніи, получилъ прогоны, даже вспоможеніе. Я подозрѣваю, что Бахмутовъ, который сильно повадился къ нимъ ходить (тогда какъ я отъ этого нарочно пересталъ къ нимъ ходить и принималъ забѣгавшаго ко мнѣ доктора почти сухо), — Бахмутовъ, какъ я подозрѣваю, склонилъ доктора даже принять отъ него взаймы. Съ Бахмутовымъ я видѣлся раза два въ эти шесть недѣль, мы сошлись въ третій разъ, когда провожали доктора. Проводы устроилъ Бахмутовъ у себя же въ домѣ, въ формѣ обѣда съ шампанскимъ, на которомъ присутствовала и жена доктора; она, впрочемъ, очень скоро уѣхала къ ребенку. Это было въ началѣ мая, вечеръ былъ ясный, огромный шаръ солнца опускался въ заливъ. Бахмутовъ провожалъ меня домой; мы пошли по Николаевскому мосту; оба подпили. Бахмутовъ говорилъ о своемъ восторгѣ, что дѣло это такъ хорошо кончилось, благодарилъ меня за что-то, объяснялъ, какъ пріятно ему теперь послѣ добраго дѣла, увѣрялъ, что вся заслуга принадлежитъ мнѣ, и что напрасно многіе теперь учатъ и проповѣдуютъ, что единичное доброе дѣло ничего не значитъ. Мнѣ тоже ужасно захотѣлось поговорить.

«— Кто посягаетъ на единичную «милостыню», — началъ я, — тотъ посягаетъ на природу человѣка и презираетъ его личное достоинство. Но организація «общественной милостыни» и вопросъ о личной свободѣ — два вопроса различные и взаимно себя не исключающіе. Единичное доброе дѣло остается всегда, потому что оно есть потребность личности, живая потребность прямого вліянія одной личности на другую. Въ Москвѣ жилъ одинъ старикъ, одинъ «генералъ»,

то-есть дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ нѣмецкимъ именемъ; онъ всю свою жизнь таскался по острогамъ и по преступникамъ; каждая пересыльная партія въ Сибирь знала заранѣе, что на Воробьевыхъ горахъ ее посѣтитъ «старичокъ генералъ». Онъ дѣлалъ свое дѣло въ высшей степени серьезно и набожно; онъ являлся, проходилъ по рядамъ ссыльныхъ, которые окружали его, останавливался предъ каждымъ, каждаго разспрашивалъ о его нуждахъ, наставленій не читалъ почти никогда никому, звалъ ихъ всѣхъ «голубчиками». Онъ давалъ деньги, присылалъ необходимыя вещи — портянки, подвертки, холста, приносилъ иногда душеспасительныя книжки и одѣлялъ ими каждаго грамотнаго, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они будутъ ихъ дорогой читать, и что грамотный прочтетъ неграмотному. Про преступленіе онъ рѣдко разспрашивалъ, развѣ выслушивалъ, если преступникъ самъ начиналъ говорить. Всѣ преступники у него были на равной ногѣ, различія не было. Онъ говорилъ съ ними какъ съ братьями, но они сами стали считать его подъ конецъ за отца. Если замѣчалъ какую-нибудь ссыльную женщину съ ребенкомъ на рукахъ, онъ подходилъ, ласкалъ ребенка, пощелкивалъ ему пальцами, чтобы тотъ засмѣялся. Такъ поступалъ онъ множество лѣтъ, до самой смерти; дошло до того, что его знали по всей Россіи и по всей Сибири, то-есть всѣ преступники. Мнѣ разсказывалъ одинъ бывшій въ Сибири, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ самые закоренѣлые преступники вспоминали про генерала, а между тѣмъ, посѣщая партіи, генералъ рѣдко могъ раздать болѣе двадцати копеекъ на брата. Правда, вспоминали его не то что горячо, или какъ-нибудь тамъ очень серьезно. Какой-нибудь изъ «несчастныхъ», убившій какихъ-нибудь двѣнадцать душъ, заколовшій шесть штукъ дѣтей, единственно для своего удовольствія (такіе, говорятъ, бывали), вдругъ ни съ того, ни съ сего, когда-

нибудь, и всего-то, можетъ быть, одинъ разъ во всѣ двадцать лѣтъ, вдругъ вздохнетъ и скажетъ: «А что-то теперь старичокъ-генералъ, живъ ли еще?» При этомъ, можетъ быть, даже и усмѣхнется, — и вотъ и только всего-то. А почемъ вы знаете, какое сѣмя заброшено въ его душу навѣки этимъ «старичкомъ-генераломъ», котораго онъ не забылъ въ двадцать лѣтъ? Почемъ вы знаете, Бахмутовъ, какое значеніе будетъ имѣть это пріобщеніе одной личности къ другой въ судьбахъ пріобщенной личности?.. Тутъ вѣдь цѣлая жизнь и безчисленное множество сокрытыхъ отъ насъ развѣтвленій. Самый лучшій шахматный игрокъ, самый острый изъ нихъ можетъ разсчитать только нѣсколько ходовъ впередъ; про одного французскаго игрока, умѣвшаго разсчитать десять ходовъ впередъ, писали какъ про чудо. Сколько же тутъ ходовъ и сколько намъ неизвѣстнаго? Бросая ваше сѣмя, бросая вашу «милостыню», ваше доброе дѣло въ какой бы то ни было формѣ, вы отдаете часть вашей личности и принимаете въ себя часть другой; вы взаимно пріобщаетесь одинъ къ другому; еще нѣсколько вниманія, и вы вознаграждаетесь уже знаніемъ, самыми неожиданными открытіями. Вы непремѣнно станете смотрѣть, наконецъ, на ваше дѣло какъ на науку; она захватитъ въ себя всю вашу жизнь и можетъ наполнить всю жизнь. Съ другой стороны, всѣ ваши мысли, всѣ брошенныя вами сѣмена, можетъ быть, уже забытыя вами, воплотятся и выростутъ; получившій отъ васъ передастъ другому. И почему вы знаете, какое участіе вы будете имѣть въ будущемъ разрѣшеніи судебъ человѣчества? Если же знаніе и цѣлая жизнь этой работы вознесутъ васъ, наконецъ, до того, что вы въ состояніи будете бросить громадное сѣмя, оставить міру въ наслѣдство громадную мысль, то.... — И такъ далѣе, я много тогда говорилъ.

«— И подумать при этомъ, что вамъ-то и отка-

зано въ жизни! — съ горячимъ упрекомъ кому-то вскричалъ Бахмутовъ.

«Въ эту минуту мы стояли на мосту, облокотившись на перила, и глядѣли на Неву.

«— А знаете ли, что мнѣ пришло въ голову, — сказалъ я, нагнувшись еще болѣе надъ перилами.

«— Неужто броситься въ воду? — вскричалъ Бахмутовъ чуть не въ испугѣ. Можетъ быть, онъ прочелъ мою мысль въ моемъ лицѣ.

«— Нѣтъ, покамѣстъ одно только разсужденіе, слѣдующее: вотъ мнѣ остается теперь мѣсяца два-три жить, можетъ, четыре; но, напримѣръ, когда будетъ оставаться всего только два мѣсяца, и если бъ я страшно захотѣлъ сдѣлать одно доброе дѣло, которое бы потребовало работы, бѣготни и хлопотъ, вотъ въ родѣ дѣла нашего доктора, то въ такомъ случаѣ я вѣдь долженъ бы былъ отказаться отъ этого дѣла за недостаткомъ остающагося мнѣ времени и пріискивать другое «доброе дѣло», помельче, и которое въ моихъ *средствахъ* (если ужъ такъ будетъ разбирать меня на добрыя дѣла). Согласитесь, что это забавная мысль!

«Бѣдный Бахмутовъ былъ очень встревоженъ за меня; онъ проводилъ меня до самаго дома и былъ такъ деликатенъ, что не пустился ни разу въ утѣшенія и почти все молчалъ. Прощаясь со мной, онъ горячо сжалъ мнѣ руку и просилъ позволенія навѣщать меня. Я отвѣчалъ ему, что если онъ будетъ приходить ко мнѣ какъ «утѣшитель» (потому что, если бы даже онъ и молчалъ, то все-таки приходилъ бы какъ утѣшитель, я это объяснилъ ему), то вѣдь этимъ онъ мнѣ будетъ, стало быть, каждый разъ напоминать еще больше о смерти. Онъ пожалъ плечами, но со мной согласился; мы разстались довольно учтиво, чего я даже не ожидалъ.

«Но въ этотъ вечеръ и въ эту ночь брошено было первое сѣмя моего «послѣдняго убѣжденія». Я съ жад-

ностью схватился за эту *новую* мысль, съ жадностью разбиралъ ее во всѣхъ ея излучинахъ, во всѣхъ видахъ ея (я не спалъ всю ночь), и чѣмъ болѣе я въ нее углублялся, чѣмъ болѣе принималъ ее въ себя, тѣмъ болѣе я пугался. Страшный испугъ напалъ на меня, наконецъ, и не оставлялъ и въ слѣдующіе затѣмъ дни. Иногда, думая объ этомъ постоянномъ испугѣ моемъ, я быстро леденѣлъ отъ новаго ужаса: по этому испугу я вѣдь могъ заключить, что «послѣднее убѣжденіе» мое слишкомъ серьезно засѣло во мнѣ и непремѣнно придетъ къ своему разрѣшенію. Но для разрѣшенія мнѣ не доставало рѣшимости. Три недѣли спустя все было кончено, и рѣшимость явилась, но по весьма странному обстоятельству.

«Здѣсь въ моемъ объясненіи я отмѣчаю всѣ эти цифры и числа. Мнѣ, конечно, все равно будетъ, но *теперь* (и, можетъ быть, только въ эту минуту) я желаю, чтобы тѣ, которые будутъ судить мой поступокъ, могли ясно видѣть, изъ какой логической цѣпи выводовъ вышло мое «послѣднее убѣжденіе». Я написалъ сейчасъ выше, что окончательная рѣшимость, которой не доставало мнѣ для исполненія моего «послѣдняго убѣжденія», произошла во мнѣ, кажется, вовсе не изъ логическаго вывода, а отъ какого-то страннаго толчка, отъ одного страннаго обстоятельства, можетъ быть, вовсе не связаннаго ничѣмъ съ холодомъ дѣла. Дней десять назадъ зашелъ ко мнѣ Рогожинъ, по одному своему дѣлу, о которомъ здѣсь лишнее распространяться. Я никогда не видалъ Рогожина прежде, но слышалъ о немъ очень многое. Я далъ ему всѣ нужныя справки, и онъ скоро ушелъ, а такъ какъ онъ и приходилъ только за справками, то тѣмъ бы дѣло между нами и кончилось. Но онъ слишкомъ заинтересовалъ меня, и весь этотъ день я былъ подъ вліяніемъ странныхъ мыслей, такъ что рѣшился пойти къ нему на другой день самъ, отдать визитъ. Рогожинъ былъ мнѣ очевидно

не радъ и даже «деликатно» намекнулъ, что намъ нечего продолжать знакомство; но все-таки я провелъ очень любопытный часъ, какъ, вѣроятно, и онъ. Между нами былъ такой контрастъ, который не могъ не сказаться намъ обоимъ, особенно мнѣ: я былъ человѣкъ уже сосчитавшій дни свои, а онъ — живущій самою полною, непосредственною жизнью, настоящею минутой, безъ всякой заботы о «послѣднихъ» выводахъ, цифрахъ или о чемъ бы то ни было, не касающемся того, на чемъ... на чемъ... ну хоть на чемъ онъ помѣшанъ; пусть проститъ мнѣ это выраженіе господинъ Рогожинъ, пожалуй, хоть какъ плохому литератору, неумѣвшему выразить свою мысль. Несмотря на всю его нелюбезность, мнѣ показалось, что онъ человѣкъ съ умомъ и можетъ многое понимать, хотя его мало что интересуетъ изъ посторонняго. Я не намекалъ ему о моемъ «послѣднемъ убѣжденіи», но мнѣ почему-то показалось, что онъ, слушая меня, угадалъ его. Онъ промолчалъ; онъ ужасно молчаливъ. Я намекнулъ ему, уходя, что несмотря на всю между нами разницу и на всѣ противоположности, — les extrémités se touchent (я растолковалъ ему это по-русски), такъ что, можетъ быть, онъ и самъ вовсе не такъ далекъ отъ моего «послѣдняго убѣжденія», какъ кажется. На это онъ отвѣтилъ мнѣ очень угрюмою и кислою гримасой, всталъ, самъ сыскалъ мнѣ мою фуражку, сдѣлавъ видъ, будто бы я самъ ухожу, и просто-запросто вывелъ меня изъ своего мрачнаго дома подъ видомъ того, что провожаетъ меня изъ учтивости. Домъ его поразилъ меня; похожъ на кладбище, а ему, кажется, нравится, что, впрочемъ, понятно: такая полная непосредственная жизнь, которою онъ живетъ, слишкомъ полная сама по себѣ, чтобы нуждаться въ обстановкѣ.

«Этотъ визитъ къ Рогожину очень утомилъ меня. Кромѣ того, я еще съ утра чувствовалъ себя не хорошо; къ вечеру я очень ослабѣлъ и легъ на кро-

вать, а по временамъ чувствовалъ сильный жаръ и даже минутами бредилъ. Коля пробылъ со мной до одиннадцати часовъ. Я помню однакожъ все, про что онъ говорилъ и про что мы говорили. Но когда минутами смыкались мои глаза, то мнѣ все представлялся Иванъ Ѳомичъ, будто бы получившій милліоны денегъ. Онъ все не зналъ, куда ихъ дѣвать, ломалъ себѣ надъ ними голову, дрожалъ отъ страха, что ихъ украдутъ, и, наконецъ, будто бы рѣшилъ закопать ихъ въ землю. Я, наконецъ, посовѣтовалъ ему, вмѣсто того, чтобы закапывать такую кучу золота въ землю даромъ, вылить изъ всей этой груды золота гробикъ «замороженному» ребенку и для этого ребенка выкопать. Эту насмѣшку мою Суриковъ принялъ будто бы со слезами благодарности и тотчасъ же приступилъ къ исполненію плана. Я будто бы плюнулъ и ушелъ отъ него. Коля увѣрялъ меня, когда я совсѣмъ очнулся, что я вовсе не спалъ, и что все это время говорилъ съ нимъ о Суриковѣ. Минутами я былъ въ чрезвычайной тоскѣ и смятеніи, такъ что Коля ушелъ въ безпокойствѣ. Когда я самъ всталъ, чтобы запереть за нимъ дверь на ключъ, мнѣ вдругъ припомнилась картина, которую я видѣлъ давеча у Рогожина, въ одной изъ самыхъ мрачныхъ залъ его дома, надъ дверями. Онъ самъ мнѣ ее показалъ мимоходомъ; я, кажется, простоялъ предъ нею минутъ пять. Въ ней не было ничего хорошаго въ артистическомъ отношеніи; но она произвела во мнѣ какое-то странное безпокойство.

«На картинѣ этой изображенъ Христосъ, только-что снятый со креста. Мнѣ кажется, живописцы обыкновенно повадились изображать Христа и на крестѣ, и снятаго со креста, все еще съ оттѣнкомъ необыкновенной красоты въ лицѣ; эту красоту они ищутъ сохранить Ему даже при самыхъ страшныхъ мукахъ. Въ картинѣ же Рогожина о красотѣ и слова нѣтъ; это въ полномъ видѣ трупъ человѣка, вынесшаго безконечныя

муки еще до креста, раны, истязанія, битье отъ стражи, битье отъ народа, когда онъ несъ на себѣ крестъ и упалъ подъ крестомъ, и, наконецъ, крестную муку въ продолженіе шести часовъ (такъ, по крайней мѣрѣ, по моему расчету). Правда, это лицо человѣка *только-что* снятаго со креста, то-есть сохранившее въ себѣ очень много живого, теплаго; ничего еще не успѣло закостенѣть, такъ что на лицѣ умершаго даже проглядываетъ страданіе, какъ будто бы еще и теперь имъ ощущаемое (это очень хорошо схвачено артистомъ); но зато лицо не пощажено нисколько; тутъ одна природа, и воистину таковъ и долженъ быть трупъ человѣка, кто бы онъ ни былъ, послѣ такихъ мукъ. Я знаю, что христіанская церковь установила еще въ первые вѣка, что Христосъ страдалъ не образно, а дѣйствительно, и что и тѣло его, стало быть, было подчинено на крестѣ закону природы вполнѣ и совершенно. На картинѣ это лицо страшно разбито ударами, вспухшее, со страшными, вспухшими и окровавленными синяками, глаза открыты, зрачки скосились; большіе, открытые бѣлки глазъ блещутъ какимъ-то мертвеннымъ стекляннымъ отблескомъ. Но странно: когда смотришь на этотъ трупъ измученнаго человѣка, то рождается одинъ особенный и любопытный вопросъ: если такой точно трупъ (а онъ непремѣнно долженъ былъ быть точно такой) видѣли всѣ ученики Его, Его главные будущіе апостолы, видѣли женщины, ходившія за Нимъ и стоявшія у креста, всѣ вѣровавшіе въ Него и обожавшіе Его, то какимъ образомъ могли они повѣрить, смотря на такой трупъ, что этотъ мученикъ воскреснетъ? Тутъ невольно приходитъ понятіе, что если такъ ужасна смерть, и такъ сильны законы природы, то какъ же одолѣть ихъ? Какъ одолѣть ихъ, когда не побѣдилъ ихъ теперь даже Тотъ, Который побѣждалъ и природу при жизни Своей, Которому она подчинялась, Который воскликнулъ: «*Талиѳа куми!*» — и дѣвица

встала, «Лазарь, гряди вонъ!» — и вышелъ умершій? Природа мерещится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмого звѣря, или вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе сказать, хоть и странно, — въ видѣ какой-нибудь громадной машины новѣйшаго устройства, которая безсмысленно захватила, раздробила и проглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное Существо — такое Существо, Которое одно стоило всей природы и всѣхъ законовъ ея, всей земли, которая и создавалась-то, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого Существа! Картиной этою какъ будто именно выражается это понятіе о темной, наглой и безсмысленно-вѣчной силѣ, которой все подчинено, и передается вамъ невольно. Эти люди, окружавшіе умершаго, которыхъ тутъ нѣтъ ни одного на картинѣ, должны были ощутить страшную тоску и смятеніе въ тотъ вечеръ, раздробившій разомъ всѣ ихъ надежды и почти что вѣрованія. Они должны были разойтись въ ужаснѣйшемъ страхѣ, хотя и уносили каждый въ себѣ громадную мысль, которая уже никогда не могла быть изъ нихъ исторгнута. И если бъ этотъ самый Учитель могъ увидать Свой образъ наканунѣ казни, то такъ ли бы Самъ Онъ взошелъ на крестъ, и такъ ли бы умеръ, какъ теперь? Этотъ вопросъ тоже невольно мерещится, когда смотришь на картину.

«Все это мерещилось и мнѣ отрывками, можетъ быть, дѣйствительно между бредомъ, иногда даже въ образахъ, цѣлые полтора часа по уходѣ Коли. Можетъ ли мерещиться въ образѣ то, что не имѣетъ образа? Но мнѣ какъ будто казалось временами, что я вижу, въ какой-то странной и невозможной формѣ, эту безконечную силу, это глухое, темное и нѣмое существо. Я помню, что кто-то будто бы повелъ меня за руку, со свѣчкой въ рукахъ, показалъ мнѣ какого-то огромнаго и отвратительнаго тарантула и сталъ увѣ-

рять меня, что это то самое темное, глухое и всесильное существо, и смѣялся надъ моимъ негодованіемъ. Въ моей комнатѣ, предъ образомъ, всегда зажигаютъ на ночь лампадку, — свѣтъ тусклый и ничтожный, но однакожъ разглядѣть все можно, а подъ лампадкой даже можно читать. Я думаю, что былъ уже часъ первый въ началѣ; я совершенно не спалъ и лежалъ съ открытыми глазами; вдругъ дверь моей комнаты отворилась, и вошелъ Рогожинъ.

«Онъ вошелъ, затворилъ дверь, молча посмотрѣлъ на меня и тихо прошелъ въ уголъ къ тому стулу, который стоитъ почти подъ самою лампадкой. Я очень удивился и смотрѣлъ въ ожиданіи; Рогожинъ облокотился на столикъ и сталъ молча глядѣть на меня. Такъ прошло минуты двѣ-три, и я помню, что его молчаніе очень меня обидѣло и раздосадовало. Почему же онъ не хочетъ говорить? То, что онъ пришелъ такъ поздно, мнѣ показалось, конечно, страннымъ, но помню, что я не былъ Богъ знаетъ какъ изумленъ собственно этимъ. Даже напротивъ: я хоть утромъ ему и не высказывалъ ясно моей мысли, но я знаю, что онъ ее понялъ; а эта мысль была такого свойства, что по поводу ея, конечно, можно было придти поговорить еще разъ, хотя бы даже и очень поздно. Я такъ и думалъ, что онъ за этимъ пришелъ. Мы утромъ разстались нѣсколько враждебно, и я даже помню, онъ раза два поглядѣлъ на меня очень насмѣшливо. Вотъ эту-то насмѣшку я теперь и прочелъ въ его взглядѣ, она-то меня и обидѣла. Въ томъ же, что это дѣйствительно самъ Рогожинъ, а не видѣніе, не бредъ, я сначала нисколько не сомнѣвался. Даже и мысли не было.

«Между тѣмъ онъ продолжалъ все сидѣть и все смотрѣлъ на меня съ тою же усмѣшкой. Я злобно повернулся на постели, тоже облокотился на подушку, и нарочно рѣшился тоже молчать, хотя бы мы все время такъ просидѣли. Я непремѣнно почему-то хотѣлъ,

чтобъ онъ началъ первый. Я думаю, такъ прошло минутъ съ двадцать. Вдругъ мнѣ представилась мысль: что если это не Рогожинъ, а только видѣніе?

«Ни въ болѣзни моей и никогда прежде я не видѣлъ еще ни разу ни одного привидѣнія; но мнѣ всегда казалось, еще когда я былъ мальчикомъ и даже теперь, то-есть недавно, что если я увижу хоть разъ привидѣніе, то тутъ же на мѣстѣ умру, даже несмотря на то, что я ни въ какія привидѣнія не вѣрю. Но когда мнѣ пришла мысль, что это не Рогожинъ, а только привидѣніе, то помню, я нисколько не испугался. Мало того, я на это даже злился. Странно еще и то, что разрѣшеніе вопроса: привидѣніе ли это, или самъ Рогожинъ, какъ-то вовсе не такъ занимало меня и тревожило, какъ бы, кажется, слѣдовало; мнѣ кажется, что я о чемъ-то другомъ тогда думалъ. Меня, напримѣръ, гораздо болѣе занимало, почему Рогожинъ, который былъ въ домашнемъ шлафрокѣ и въ туфляхъ, теперь во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и въ бѣломъ галстукѣ? Мелькала тоже мысль: если это привидѣніе, и я его не боюсь, то почему же не встать, не подойти къ нему и не удостовѣриться самому? Можетъ быть, впрочемъ, я не смѣлъ и боялся. Но когда я только что успѣлъ подумать, что я боюсь, вдругъ какъ будто льдомъ провели по всему моему тѣлу; я почувствовалъ холодъ въ спинѣ, и колѣни мои вздрогнули. Въ самое это мгновеніе, точно угадавъ, что я боюсь, Рогожинъ отклонилъ свою руку, на которую облокачивался, выпрямился и сталъ раздвигать свой ротъ, точно готовясь смѣяться; онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ. Бѣшенство охватило меня до того, что я рѣшительно хотѣлъ на него броситься, но такъ какъ я поклялся, что не начну первый говорить, то и остался на кровати, тѣмъ болѣе, что я все еще былъ не увѣренъ, самъ ли это Рогожинъ или нѣтъ?

«Я не помню навѣрно, сколько времени это про-

должалось; не помню тоже навѣрно, забывался ли я иногда минутами или нѣтъ? Только, наконецъ, Рогожинъ всталъ, такъ же медленно и внимательно осмотрѣлъ меня, какъ и прежде, когда вошелъ, но усмѣхаться пересталъ, и тихо, почти на цыпочкахъ, подошелъ къ двери, отворилъ ее, притворилъ и вышелъ. Я не всталъ съ постели; не помню, сколько времени я пролежалъ еще съ открытыми глазами и все думалъ; Богъ знаетъ о чемъ я думалъ; не помню тоже, какъ я забылся. На другое утро я проснулся, когда стучались въ мою дверь, въ десятомъ часу. У меня такъ условлено, что если я самъ не отворю дверь до десятаго часу и не крикну, чтобы мнѣ подали чаю, то Матрена сама должна постучать ко мнѣ. Когда я отворилъ ей дверь, мнѣ тотчасъ представилась мысль: какъ же могъ онъ войти, когда дверь была заперта? Я справился и убѣдился, что настоящему Рогожину невозможно было войти, потому что всѣ наши двери на ночь запираются на замокъ.

«Вотъ этотъ особенный случай, который я такъ подробно описалъ, и былъ причиной, что я совершенно «рѣшился». Окончательному рѣшенію способствовала, стало быть, не логика, не логическое убѣжденіе, а отвращеніе. Нельзя оставаться въ жизни, которая принимаетъ такія странныя, обижающія меня формы. Это привидѣніе меня унизило. Я не въ силахъ подчиняться темной силѣ, принимающей видъ тарантула. И только тогда, когда я, уже въ сумерки, ощутилъ, наконецъ, въ себѣ окончательный моментъ полный рѣшимости, мнѣ стало легче. Это былъ только первый моментъ; за другимъ моментомъ я ѣздилъ въ Павловскъ, но это уже довольно объяснено».

VII

«У меня былъ маленькій карманный пистолетъ; я завелъ его, когда еще былъ ребенкомъ, въ тотъ смѣшной возрастъ, когда вдругъ начинаютъ нравиться исторіи о дуэляхъ, о нападеніяхъ разбойниковъ, о томъ какъ и меня вызовутъ на дуэль, и какъ благородно я буду стоять подъ пистолетомъ. Мѣсяцъ тому назадъ я его осмотрѣлъ и приготовилъ. Въ ящикѣ, гдѣ онъ лежалъ, отыскались двѣ пули, а въ пороховомъ рожкѣ пороху заряда на три. Пистолетъ этотъ дрянь, беретъ въ сторону и бьетъ всего шаговъ на пятнадцать; но ужъ, конечно, можетъ своротить черепъ на сторону, если приставить его вплоть къ виску.

«Я положилъ умереть въ Павловскѣ, на восходѣ солнца и сойдя въ паркъ, чтобы не безпокоить никого на дачѣ. Мое «Объясненіе» достаточно объяснитъ все дѣло полиціи. Охотники до психологіи и тѣ, кому надо, могутъ вывести изъ него все, что имъ будетъ угодно. Я бы не желалъ, однакожъ, чтобъ эта рукопись предана была гласности. Прошу князя сохранить экземпляръ у себя и сообщить другой экземпляръ Аглаѣ Ивановнѣ Епанчиной. Такова моя воля. Завѣщаю мой скелетъ въ Медицинскую Академію для научной пользы.

«Я не признаю судей надъ собою и знаю, что я теперь внѣ всякой власти суда. Еще недавно разсмѣшило меня предположеніе: что если бы мнѣ вдругъ вздумалось теперь убить кого угодно, хоть десять человѣкъ разомъ, или сдѣлать что-нибудь самое ужасное, что только считается самымъ ужаснымъ на этомъ свѣтѣ, то въ какой просакъ поставленъ бы былъ предо мной судъ съ моими двумя-тремя недѣлями сроку и съ уничтоженіемъ пытокъ и истязаній? Я умеръ бы комфортно въ ихъ госпиталѣ, въ теплѣ и съ внимательнымъ докторомъ, и, можетъ быть, гораздо комфортнѣе и

теплѣе, чѣмъ у себя дома. Не понимаю, почему людямъ въ такомъ же какъ я положеніи не приходитъ такая же мысль въ голову, хоть бы только для шутки? Можетъ быть, впрочемъ, и приходитъ; веселыхъ людей и у насъ много отыщется.

«Но если я не признаю суда надъ собой, то всетаки знаю, что меня будутъ судить, когда я уже буду отвѣтчикомъ глухимъ и безгласнымъ. Не хочу уходить, не оставивъ слова въ отвѣтъ, — слова свободнаго, а не вынужденнаго, — не для оправданія, — о, нѣтъ! просить прощенія мнѣ не у кого и не въ чемъ, — а такъ, потому что самъ желаю того.

«Тутъ, во-первыхъ, странная мысль: кому, во имя какого права, во имя какого побужденія вздумалось бы оспаривать теперь у меня мое право на эти двѣ-три недѣли моего срока? Какому суду тутъ дѣло? Кому именно нужно, чтобъ я былъ не только приговоренъ, но и благоправно выдержалъ срокъ приговора? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, кому-нибудь это надо? Для нравственности? Я еще понимаю, что если бъ я въ цвѣтѣ здоровья и силъ посягнулъ на мою жизнь, которая «могла бы быть полезна моему ближнему», и т. д., то нравственность могла бы еще упрекнуть меня, по старой рутинѣ, за то, что я распорядился моею жизнію безъ спросу, или тамъ въ чемъ сама знаетъ. Но теперь, теперь, когда мнѣ уже прочитанъ срокъ приговора? Какой нравственности нужно еще сверхъ вашей жизни, и послѣднее хрипѣніе, съ которымъ вы отдадите послѣдній атомъ жизни, выслушивая утѣшенія князя, который непремѣнно дойдетъ въ своихъ христіанскихъ доказательствахъ до счастливой мысли, что въ сущности оно даже и лучше, что вы умираете. (Такіе какъ онъ христіане всегда доходятъ до этой идеи: это ихъ любимый конекъ.) И чего имъ хочется съ ихъ смѣшными «павловскими деревьями»? Усладить послѣдніе часы моей жизни? Неужто имъ непонятно, что

чѣмъ болѣе я забудусь, чѣмъ болѣе отдамся этому послѣднему призраку жизни и любви, которымъ они хотятъ заслонить отъ меня мою Мейерову стѣну и все, что на ней такъ откровенно и простодушно написано, тѣмъ несчастнѣе они меня сдѣлаютъ? Для чего мнѣ ваша природа, вашъ Павловскій паркъ, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольныя лица, когда весь этотъ пиръ, которому нѣтъ конца, началъ съ того, что одного меня счелъ за лишняго? Что мнѣ во всей этой красотѣ, когда я каждую минуту, каждую секунду долженъ и принужденъ теперь знать, что вотъ даже эта крошечная мушка, которая жужжитъ теперь около меня въ солнечномъ лучѣ, и та даже во всемъ этомъ пирѣ и хорѣ участница, мѣсто знаетъ свое, любитъ его и счастлива, а я одинъ одинъ выкидышъ, и только по малодушію моему до сихъ поръ не хотѣлъ понять это! О, я вѣдь знаю, какъ бы хотѣлось князю и всѣмъ имъ довести меня до того, чтобъ и я, вмѣсто всѣхъ этихъ «коварныхъ и злобныхъ» рѣчей, пропѣлъ изъ благонравія и для торжества нравственности знаменитую и классическую строфу Мильвуа:

„O, puissent voir votre beauté sacrée
Tant d'amis, sourds à mes adieux!
Qu'ils meurent pleins de jours, que leur mort soit pleurée,
Qu'un ami leur ferme les yeux!“

«Но вѣрьте, вѣрьте, простодушные люди, что и въ этой благонравной строфѣ, въ этомъ академическомъ благословеніи міру во французскихъ стихахъ засѣло столько затаенной желчи, столько непримиримой, самоусладившейся въ рифмахъ злобы, что даже самъ поэтъ, можетъ быть, попалъ въ просакъ и принялъ эту злобу за слезы умиленія, съ тѣмъ и померъ; миръ его праху! Знайте, что есть такой предѣлъ позора въ сознаніи собственнаго ничтожества и слабосилія, дальше котораго человѣкъ уже не можетъ идти, и съ котораго

начинаетъ ощущать въ самомъ позорѣ своемъ громадное наслажденіе... Ну, конечно, смиреніе есть громадная сила въ этомъ смыслѣ, я это допускаю, — хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ религія принимаетъ смиреніе за силу.

«Религія! Вѣчную жизнь я допускаю и, можетъ быть, всегда допускалъ. Пусть зажжено сознаніе волею высшей силы, пусть оно оглянулось на міръ и сказало: «я есмь!», и пусть ему вдругъ предписано этою высшею силой уничтожиться, потому что тамъ такъ для чего-то, — и даже безъ объясненія для чего, — это надо, пусть, я все это допускаю, но опять таки вѣчный вопросъ: для чего при этомъ понадобилось смиреніе мое? Неужто нельзя меня просто съѣсть, не требуя отъ меня похвалъ тому, что меня съѣло? Неужели тамъ и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь обидится тѣмъ, что я не хочу подождать двухъ недѣль? Не вѣрю я этому; и гораздо ужъ вѣрнѣе предположить, что тутъ просто понадобилась моя ничтожная жизнь, жизнь атома, для пополненія какой-нибудь всеобщей гармоніи въ цѣломъ, для какого-нибудь плюса и минуса, для какого-нибудь контраста и прочее, точно такъ же, какъ ежедневно надобится въ жертву жизнь милліоновъ существъ, безъ смерти которыхъ остальной міръ не можетъ стоять (хотя надо замѣтить, что это не очень великодушная мысль сама по себѣ). Но пусть! Я согласенъ, что иначе, то-есть безъ безпрерывнаго поѣденія другъ друга, устроить міръ было никакъ невозможно; но я даже согласенъ допустить, что ничего не понимаю въ этомъ устройствѣ; но зато вотъ что я знаю навѣрно. Если уже разъ мнѣ дали сознать, что «я есмь», то какое мнѣ дѣло до того, что міръ устроенъ съ ошибками, и что иначе онъ не можетъ стоять? Кто же и за что меня послѣ этого будетъ судить? Какъ хотите, все это невозможно и несправедливо.

«А между тѣмъ я никогда, несмотря даже на все

желаніе мое, не могъ представить себѣ, что будущей жизни и Провидѣнія нѣтъ. Вѣрнѣе всего, что все это есть, но что мы ничего не понимаемъ въ будущей жизни и въ законахъ ея. Но если это такъ трудно и совершенно даже невозможно понять, то неужели я буду отвѣчать за то, что не въ силахъ былъ осмыслить непостижимое? Правда, они говорятъ, и ужъ конечно князь вмѣстѣ съ ними, что тутъ-то послушаніе и нужно, что слушаться нужно безъ разсужденій, изъ одного благонравія, и что за кротость мою я непремѣнно буду вознагражденъ на томъ свѣтѣ. Мы слишкомъ унижаемъ Провидѣніе, приписывая ему наши понятія, съ досады, что не можемъ понять его. Но опять-таки, если понять его невозможно, то, повторяю, трудно и отвѣчать за то, что не надо человѣку понять. А если такъ, то какъ же будутъ судить меня за то, что я не могъ понять настоящей воли и законовъ Провидѣнія? Нѣтъ, ужъ лучше оставимъ религію.

«Да и довольно. Когда я дойду до этихъ строкъ, то навѣрно ужъ взойдетъ солнце и «зазвучитъ на небѣ», и польется громадная, неисчислимая сила по всей подсолнечной. Пусть! Я умру, прямо смотря на источникъ силы и жизни, и не захочу этой жизни! Если бъ я имѣлъ власть не родиться, то навѣрно не принялъ бы существованія на такихъ насмѣшливыхъ условіяхъ. Но я еще имѣю власть умереть, хотя отдаю уже сочтенное. Не великая власть, не великій и бунтъ.

«Послѣднее объясненіе: я умираю вовсе не потому, что не въ силахъ перенести эти три недѣли; о, у меня бы достало силы, и если бъ я захотѣлъ, то довольно уже былъ бы утѣшенъ однимъ сознаніемъ нанесенной мнѣ обиды; но я не французскій поэтъ и не хочу такихъ утѣшеній. Наконецъ, и соблазнъ: природа до такой степени ограничила мою дѣятельность своими тремя недѣлями приговора, что, можетъ быть, самоубійство есть единственное дѣло, которое я еще

могу успѣть начать и окончить по собственной волѣ моей. Что жъ, можетъ быть, я и хочу воспользоваться послѣднею возможностью *дѣла*? Протестъ иногда не малое дѣло . . .»

«Объясненіе» было окончено; Ипполитъ, наконецъ, остановился . . .

Есть въ крайнихъ случаяхъ та степень послѣдней цинической откровенности, когда нервный человѣкъ, раздраженный и выведенный изъ себя, не боится уже ничего и готовъ хоть на всякій скандалъ, даже радъ ему; бросается на людей, самъ имѣя при этомъ не ясную, но твердую цѣль непремѣнно минуту спустя слетѣть съ колокольни и тѣмъ разомъ разрѣшить всѣ недоумѣнія, если таковыя при этомъ окажутся. Признакомъ этого состоянія обыкновенно бываетъ и приближающееся истощеніе физическихъ силъ. Чрезвычайное, почти неестественное напряженіе, поддерживавшее до сихъ поръ Ипполита, дошло до этой послѣдней степени. Самъ по себѣ этотъ восемнадцатилѣтній, истощенный болѣзнью мальчикъ казался слабъ, какъ сорванный съ дерева дрожащій листикъ; но только что онъ успѣлъ обвести взглядомъ своихъ слушателей, — въ первый разъ въ продолженіе всего послѣдняго часа, — то тотчасъ же самое высокомѣрное, самое презрительное и обидное отвращеніе выразилось въ его взглядѣ и улыбкѣ. Онъ спѣшилъ своимъ вызовомъ. Но и слушатели были въ полномъ негодованіи. Всѣ съ шумомъ и досадой вставали изъ-за стола. Усталость, вино, напряженіе усиливали безпорядочность и какъ бы грязь впечатлѣній, если можно такъ выразиться.

Вдругъ Ипполитъ быстро вскочилъ со стула, точно его сорвали съ мѣста.

— Солнце взошло! — вскричалъ онъ, увидѣвъ блестѣвшія верхушки деревьевъ и показывая на нихъ князю точно на чудо: — взошло!

— А вы думали не взойдетъ, что ли? — замѣтилъ Фердыщенко.

— Опять жарища на цѣлый день, — съ небрежною досадой бормоталъ Ганя, держа въ рукахъ шляпу, потягиваясь и зѣвая, — ну какъ на мѣсяцъ эдакой засухи! .. Идемъ или нѣтъ, Птицынъ?

Ипполитъ прислушивался съ удивленіемъ, доходившимъ до столбняка; вдругъ онъ страшно поблѣднѣлъ и весь затрясся.

— Вы очень неловко выдѣлываете ваше равнодушіе, чтобы меня оскорбить, — обратился онъ къ Ганѣ, смотря на него въ упоръ, — вы негодяй!

— Ну, это ужъ чортъ знаетъ что такое, этакъ разстегиваться! — заоралъ Фердыщенко, — что за феноменальное слабосиліе!

— Просто дуракъ, — сказалъ Ганя.

Ипполитъ нѣсколько скрѣпился.

— Я понимаю, господа, — началъ онъ, попрежнему дрожа и осѣкаясь на каждомъ словѣ, — что я могъ заслужить ваше личное мщеніе, и . . . жалѣю, что замучилъ васъ этимъ бредомъ (онъ указалъ на рукопись), а впрочемъ, жалѣю, что совсѣмъ не замучилъ . . . (онъ глупо улыбнулся), замучилъ, Евгеній Павлычъ? — вдругъ перескочилъ онъ къ нему съ вопросомъ, — замучилъ или нѣтъ? Говорите!

— Растянуто немного, а впрочемъ . . .

— Говорите все! Не лгите хоть разъ въ вашей жизни! — дрожалъ и приказывалъ Ипполитъ.

— О, мнѣ рѣшительно все равно! Сдѣлайте одолженіе, прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ, — брезгливо отвернулся Евгеній Павловичъ.

— Покойной ночи, князь, — подошелъ къ князю Птицынъ.

— Да онъ сейчасъ застрѣлится, что же вы! Посмотрите на него! — вскрикнула Вѣра и рванулась къ Ипполиту въ чрезвычайномъ испугѣ и даже схва-

тила его за руки, — вѣдь онъ сказалъ, что на восходѣ солнца застрѣлится, что же вы!

— Не застрѣлится! — съ злорадствомъ пробормотало нѣсколько голосовъ, въ томъ числѣ Ганя.

— Господа, берегитесь, — крикнулъ Коля, тоже схвативъ Ипполита за руку, — вы только на него посмотрите! Князь! Князь, да что же вы!

Около Ипполита столпились Вѣра, Коля, Келлеръ и Бурдовскій; всѣ четверо схватились за него руками.

— Онъ имѣетъ право, право! . . — бормоталъ Бурдовскій, впрочемъ тоже совсѣмъ какъ потерянный.

— Позвольте, князь, какія ваши распоряженія? — подошелъ къ князю Лебедевъ, хмельной и озлобленный до нахальства.

— Какія распоряженія?

— Нѣтъ-съ; позвольте-съ; я хозяинъ-съ, хотя и не желаю манкировать вамъ въ уваженіи . . . Положимъ, что и вы хозяинъ, но я не хочу, чтобы такъ въ моемъ собственномъ домѣ . . . Такъ-съ.

— Не застрѣлится; балуетъ мальчишка! — съ негодованіемъ и съ апломбомъ неожиданно прокричалъ генералъ Иволгинъ.

— Ай да генералъ! — похвалилъ Фердыщенко.

— Знаю, что не застрѣлится, генералъ, многоуважаемый генералъ, но все-таки . . . ибо я хозяинъ.

— Послушайте, господинъ Терентьевъ, — сказалъ вдругъ Птицынъ, простившись съ княземъ и протягивая руку Ипполиту, — вы, кажется, въ своей тетрадкѣ говорите про вашъ скелетъ и завѣщаете его Академіи? Это вы про вашъ скелетъ, собственный вашъ, то-есть ваши кости завѣщаете?

— Да, мои кости . . .

— То-то. А то вѣдь можно ошибиться; говорятъ, уже былъ такой случай.

— Что вы его дразните? — вскричалъ вдругъ князь.

— До слезъ довели, — прибавилъ Фердыщенко.

Но Ипполитъ вовсе не плакалъ. Онъ двинулся было съ мѣста, но четверо, его обступившіе, вдругъ разомъ схватили его за руки. Раздался смѣхъ.

— Къ тому и велъ, что за руки будутъ держать; на то и тетрадку прочелъ, — замѣтилъ Рогожинъ. — Прощайте, князь. Экъ досидѣлись; кости болятъ.

— Если вы дѣйствительно хотѣли застрѣлиться, Терентьевъ, — засмѣялся Евгеній Павловичъ, — то ужъ я бы, послѣ такихъ комплиментовъ, на вашемъ мѣстѣ, нарочно бы не застрѣлился, чтобъ ихъ подразнить.

— Имъ ужасно хочется видѣть, какъ я застрѣлюсь, — вскинулся на него Ипполитъ.

Онъ говорилъ точно накидываясь.

— Имъ досадно, что не увидятъ.

— Такъ и вы думаете, что не увидятъ?

— Я васъ не поджигаю; я, напротивъ, думаю, что очень возможно, что вы застрѣлитесь. Главное, не сердитесь... — протянулъ Евгеній Павловичъ, покровительственно растягивая свои слова.

— Я теперь только вижу, что сдѣлалъ ужасную ошибку, прочтя имъ эту тетрадь! — проговорилъ Ипполитъ, съ такимъ внезапно довѣрчивымъ видомъ смотря на Евгенія Павловича, какъ будто просилъ у друга дружескаго совѣта.

— Положеніе смѣшное, но... право, не знаю, что вамъ посовѣтовать, — улыбаясь, отвѣтилъ Евгеній Павловичъ.

Ипполитъ строго въ упоръ смотрѣлъ на него, не отрываясь, и молчалъ. Можно было подумать, что минутами онъ совсѣмъ забывался.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, манера-то вѣдь при этомъ какая-съ, — проговорилъ Лебедевъ, — «застрѣлюсь,

дескать, въ паркѣ, чтобы никого не обезпокоить!» Это онъ думаетъ, что онъ никого не обезпокоитъ, что сойдетъ съ лѣстницы три шага въ садъ.

— Господа... — началъ было князь.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, многоуважаемый князь, — съ яростью ухватился Лебедевъ, — такъ какъ вы сами изволите видѣть, что это не шутка, и такъ какъ половина вашихъ гостей, по крайней мѣрѣ, того же мнѣнія и увѣрены, что теперь, послѣ произнесенныхъ здѣсь словъ, онъ ужъ непремѣнно долженъ застрѣлиться изъ чести, то я хозяинъ-съ и при свидѣтеляхъ объявляю, что приглашаю васъ способствовать!

— Что же надо сдѣлать, Лебедевъ? Я готовъ вамъ способствовать.

— А вотъ что-съ: во-первыхъ, чтобъ онъ тотчасъ же выдалъ свой пистолетъ, которымъ онъ хвастался предъ нами, со всѣми препаратами. Если выдастъ, то я согласенъ на то, чтобы допустить его переночевать эту ночь въ этомъ домѣ, въ виду болѣзненнаго состоянія его, съ тѣмъ, конечно, что подъ надзоромъ съ моей стороны. Но завтра пусть непремѣнно отправляется, куда ему будетъ угодно; извините, князь! Если же не выдастъ оружія, то я немедленно, сейчасъ же беру его за руки, я за одну, генералъ за другую, и сей же часъ пошлю извѣстить полицію, и тогда уже дѣло перейдетъ на разсмотрѣніе полиціи-съ. Господинъ Фердыщенко, по знакомству, сходитъ-съ.

Поднялся шумъ; Лебедевъ горячился и выходилъ уже изъ мѣры; Фердыщенко приготовлялся идти въ полицію; Ганя неистово настаивалъ на томъ, что никто не застрѣлится. Евгеній Павловичъ молчалъ.

— Князь, слетали вы когда-нибудь съ колокольни? — прошепталъ ему вдругъ Ипполитъ.

— Н-нѣтъ... — наивно отвѣтилъ князь.

— Неужели вы думали, что я не предвидѣлъ всей этой ненависти! — прошепталъ опять Ипполитъ, засвер-

кавъ глазами и смотря на князя, точно и въ самомъ дѣлѣ ждалъ отъ него отвѣта. — Довольно! — закричалъ онъ вдругъ на всю публику, — я виноватъ... больше всѣхъ! Лебедевъ, вотъ ключъ (онъ вынулъ портмоне и изъ него стальное кольцо съ тремя или четырьмя небольшими ключиками), вотъ этотъ, предпослѣдній... Коля вамъ укажетъ... Коля! Гдѣ Коля? — вскричалъ онъ, смотря на Колю и не видя его, — да... вотъ онъ вамъ укажетъ; онъ вмѣстѣ съ мной давеча укладывалъ сакъ. Сведите его, Коля; у князя въ кабинетѣ, подъ столомъ... мой сакъ... этимъ ключикомъ, внизу, въ сундукѣ... мой пистолетъ и рожокъ съ порохомъ. Онъ самъ укладывалъ давеча, господинъ Лебедевъ, онъ вамъ покажетъ; но съ тѣмъ, что завтра рано, когда я поѣду въ Петербургъ, вы мнѣ отдадите пистолетъ назадъ. Слышите? Я дѣлаю это для князя; не для васъ.

— Вотъ такъ-то лучше! — схватился за ключъ Лебедевъ и, ядовито усмѣхаясь, побѣжалъ въ сосѣднюю комнату. Коля остановился, хотѣлъ было что-то замѣтить, но Лебедевъ утащилъ его за собой.

Ипполитъ смотрѣлъ на смѣющихся гостей. Князь замѣтилъ, что зубы его стучатъ, какъ въ самомъ сильномъ ознобѣ.

— Какіе они всѣ негодяи! — опять прошепталъ Ипполитъ князю въ изступленіи. Когда онъ говорилъ съ княземъ, то все наклонялся и шепталъ.

— Оставьте ихъ; вы очень слабы...

— Сейчасъ, сейчасъ... сейчасъ уйду.

Вдругъ онъ обнялъ князя.

— Вы, можетъ быть, находите, что я сумасшедшій? — посмотрѣлъ онъ на него, странно засмѣявшись.

— Нѣтъ, но вы...

— Сейчасъ, сейчасъ, молчите; ничего не говорите; стойте... я хочу посмотрѣть въ ваши глаза. Стой-

те такъ, я буду смотрѣть. Я съ человѣкомъ прощусь.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на князя неподвижно и молча секундъ десять, очень блѣдный, со смоченными отъ пота висками и какъ-то странно хватаясь за князя рукой, точно боясь его выпустить.

— Ипполитъ, Ипполитъ, что съ вами? — вскричалъ князь.

— Сейчасъ... довольно... я лягу. Я за здоровье солнца выпью одинъ глотокъ... Я хочу, я хочу, оставьте!

Онъ быстро схватилъ со стула бокалъ, рванулся съ мѣста и въ одно мгновеніе подошелъ къ сходу съ террасы. Князь побѣжалъ было за нимъ, но случилось такъ, что, какъ нарочно, въ это самое мгновеніе Евгеній Павловичъ протянулъ ему руку, прощаясь. Прошла одна секунда, и вдругъ всеобщій крикъ раздался на террасѣ. Затѣмъ наступила минута чрезвычайнаго смятенія.

Вотъ что случилось:

Подойдя вплоть ко сходу съ террасы, Ипполитъ остановился, держа въ лѣвой рукѣ бокалъ и опустивъ правую руку въ правый боковой карманъ своего пальто. Келлеръ увѣрялъ потомъ, что Ипполитъ еще и прежде все держалъ эту руку въ правомъ карманѣ, еще когда говорилъ съ княземъ и хваталъ его лѣвою рукой за плечо и за воротникъ, и что эта-то правая рука въ карманѣ, увѣрялъ Келлеръ, и зародила въ немъ будто бы первое подозрѣніе. Какъ бы тамъ ни было, но нѣкоторое безпокойство заставило и его побѣжать за Ипполитомъ. Но и онъ не поспѣлъ. Онъ видѣлъ только, какъ вдругъ въ правой рукѣ Ипполита что-то блеснуло, и какъ въ ту же секунду маленькій карманный пистолетъ очутился вплоть у его виска. Келлеръ бросился схватить его за руку, но въ ту же секунду Ипполитъ спустилъ курокъ. Раздался рѣзкій, сухой щелчокъ курка, но выстрѣла не послѣдовало. Когда

Келлеръ обхватилъ Ипполита, тотъ упалъ ему на руки, точно безъ памяти, можетъ быть, дѣйствительно воображая, что онъ уже убитъ. Пистолетъ былъ уже въ рукахъ Келлера. Ипполита подхватили, подставили стулъ, усадили его, и всѣ столпились кругомъ, всѣ кричали, всѣ спрашивали. Всѣ слышали щелчокъ курка и видѣли человѣка живого, даже не оцарапаннаго. Самъ Ипполитъ сидѣлъ, не понимая, что происходитъ, и обводилъ всѣхъ кругомъ безсмысленнымъ взглядомъ. Лебедевъ и Коля вбѣжали въ это мгновеніе.

— Осѣчка? — спрашивали кругомъ.

— Можетъ, и не заряженъ? — догадывались другіе.

— Заряженъ! — провозгласилъ Келлеръ, осматривая пистолетъ, — но...

— Неужто осѣчка?

— Капсюля совсѣмъ не было, — возвѣстилъ Келлеръ.

Трудно и разсказать послѣдовавшую жалкую сцену. Первоначальный и всеобщій испугъ быстро началъ смѣняться смѣхомъ; нѣкоторые даже захохотали, находили въ этомъ злорадное наслажденіе. Ипполитъ рыдалъ, какъ въ истерикѣ, ломалъ себѣ руки, бросался ко всѣмъ, даже къ Фердыщенку, схватилъ его обѣими руками и клялся ему, что онъ забылъ, «забылъ совсѣмъ нечаянно, а не нарочно» положить капсюль, что «капсюли эти всѣ тутъ, въ жилетномъ его карманѣ, штукъ десять» (онъ показывалъ всѣмъ кругомъ), что онъ не насадилъ раньше, боясь нечаяннаго выстрѣла въ карманѣ, что расчитывалъ всегда успѣть насадить, когда понадобится, и вдругъ забылъ. Онъ бросался къ князю, къ Евгенію Павловичу, умолялъ Келлера, чтобъ ему отдали назадъ пистолетъ, что онъ сейчасъ всѣмъ докажетъ, что «его честь, честь»... что онъ теперь «обезчещенъ навѣки!»...

Онъ упалъ, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ безъ чувствъ.

Его унесли въ кабинетъ князя, и Лебедевъ, совсѣмъ отрезвившійся, послалъ немедленно за докторомъ, а самъ вмѣстѣ съ дочерью, сыномъ, Бурдовскимъ и генераломъ остался у постели больного. Когда вынесли безчувственнаго Ипполита, Келлеръ сталъ среди комнаты и провозгласилъ во всеуслышаніе, раздѣляя и отчеканивая каждое слово, въ рѣшительномъ вдохновеніи:

— Господа, если кто изъ васъ еще разъ, вслухъ, при мнѣ, усомнится въ томъ, что капсюль забытъ нарочно, и станетъ утверждать, что несчастный молодой человѣкъ игралъ только комедію, — то таковой изъ васъ будетъ имѣть дѣло со мною.

Но ему не отвѣчали. Гости, наконецъ, разошлись, гурьбой и спѣша. Птицынъ, Ганя и Рогожинъ отправились вмѣстѣ.

Князь былъ очень удивленъ, что Евгеній Павловичъ измѣнилъ свое намѣреніе и уходитъ не объяснившись.

— Вѣдь вы хотѣли со мной говорить, когда всѣ разойдутся? — спросилъ онъ его.

— Точно такъ, — сказалъ Евгеній Павловичъ, вдругъ садясь на стулъ и усаживая князя подлѣ себя, — но теперь я на время перемѣнилъ намѣреніе. Признаюсь вамъ, что я нѣсколько смущенъ, да и вы тоже. У меня сбились мысли; кромѣ того, о чемъ мнѣ хочется объясниться съ вами, слишкомъ для меня важная вещь, да и для васъ тоже. Видите, князь, мнѣ хоть разъ въ жизни хочется сдѣлать совершенно честное дѣло, то-есть совершенно безъ задней мысли, ну, а я думаю, что я теперь, въ эту минуту, не совсѣмъ способенъ къ совершенно честному дѣлу, да и вы, можетъ быть, тоже... то... и... ну, да мы потомъ объяснимся. Можетъ, и дѣло выиграетъ въ ясности и для меня, и для васъ, если мы подождемъ дня три, которые я пробуду теперь въ Петербургѣ.

Тутъ онъ опять поднялся со стула, такъ что странно было зачѣмъ и садился. Князю показалось тоже, что Евгеній Павловичъ недоволенъ и раздраженъ, и смотритъ враждебно, что въ его взглядѣ совсѣмъ не то что давеча.

— Кстати, вы теперь къ страждущему?

— Да . . . я боюсь, — проговорилъ князь.

— Не бойтесь; проживетъ навѣрно недѣль шесть и даже, можетъ, еще здѣсь и поправится. А лучше всего прогоните-ка его завтра.

— Можетъ, я и вправду подтолкнулъ его подъ руку тѣмъ, что . . . не говорилъ ничего; онъ, можетъ, подумалъ, что и я сомнѣваюсь въ томъ, что онъ застрѣлится. Какъ вы думаете, Евгеній Павлычъ?

— Ни-ни. Вы слишкомъ добры, что еще заботитесь. Я слыхивалъ объ этомъ, но никогда не видывалъ въ натурѣ, какъ человѣкъ нарочно застрѣливается изъ-за того, чтобъ его похвалили, или со злости, что его не хвалятъ за это. Главное, этой откровенности слабосилія не повѣрилъ бы. А вы все-таки прогоните его завтра.

— Вы думаете, онъ застрѣлится еще разъ?

— Нѣтъ, ужъ теперь не застрѣлится. Но берегитесь вы этихъ доморощенныхъ Ласенеровъ нашихъ! Повторяю вамъ, преступленіе слишкомъ обыкновенное прибѣжище этой бездарной, нетерпѣливой и жадной ничтожности.

— Развѣ это Ласенеръ?

— Сущность та же, хотя, можетъ быть, и разныя амплуа. Увидите, если этотъ господинъ не способенъ укокошить десять душъ, собственно для одной «штуки»; точь-въ-точь какъ онъ самъ намъ прочелъ давеча въ объясненіи. Теперь мнѣ эти слова его спать не дадутъ.

— Вы, можетъ быть, слишкомъ ужъ безпокоитесь.

— Вы удивительны, князь; вы не вѣрите, что онъ способенъ убить *теперь* десять душъ.

— Я боюсь вамъ отвѣтить; это все очень странно, но . . .

— Ну, какъ хотите, какъ хотите! — раздражительно закончилъ Евгеній Павловичъ: — къ тому же вы такой храбрый человѣкъ; не попадитесь только сами въ число десяти.

— Всего вѣроятнѣе, что онъ никого не убьетъ, — сказалъ князь, задумчиво смотря на Евгенія Павловича. Тотъ злобно разсмѣялся.

— До свиданія, пора! А замѣтили вы, что онъ завѣщалъ копію съ своей исповѣди Аглаѣ Ивановнѣ?

— Да, замѣтилъ и . . . думаю объ этомъ.

— То-то, въ случаѣ десяти-то душъ, — опять засмѣялся Евгеній Павловичъ и вышелъ.

Часъ спустя, уже въ четвертомъ часу, князь сошелъ въ паркъ. Онъ пробовалъ было заснуть дома, но не могъ, отъ сильнаго біенія сердца. Дома, впрочемъ, все было устроено и по возможности успокоено; больной заснулъ, и прибывшій докторъ объявилъ, что никакой нѣтъ особенной опасности. Лебедевъ, Коля, Бурдовскій улеглись въ комнатѣ больного, чтобы чередоваться въ дежурствѣ; опасаться, стало быть, было нечего.

Но безпокойство князя возрастало съ минуты на минуту. Онъ бродилъ по парку, разсѣянно смотря кругомъ себя, и съ удивленіемъ остановился, когда дошелъ до площадки предъ вокзаломъ и увидалъ рядъ пустыхъ скамеекъ и пюпитровъ для оркестра. Его поразило это мѣсто и показалось почему-то ужасно безобразнымъ. Онъ поворотилъ назадъ и прямо по дорогѣ, по которой проходилъ вчера съ Епанчиными въ вокзалъ, дошелъ до зеленой скамейки, назначенной ему для свиданія, усѣлся на ней и вдругъ громко разсмѣялся, отчего тотчасъ же пришелъ въ чрезвычайное негодованіе. Тоска его продолжалась; ему хотѣлось куда-нибудь уйти . . . Онъ не зналъ куда. Надъ нимъ

на деревѣ пѣла птичка, и онъ сталъ глазами искать ее между листьями; вдругъ птичка вспорхнула съ дерева, и въ ту же минуту ему почему-то припомнилась та «мушка», въ «горячемъ солнечномъ лучѣ», про которую Ипполитъ написалъ, что и «она знаетъ свое мѣсто и въ общемъ хорѣ участница, а онъ одинъ только выкидышъ». Эта фраза поразила его еще давеча, онъ вспомнилъ объ этомъ теперь. Одно давно забытое воспоминаніе зашевелилось въ немъ и вдругъ разомъ выяснилось.

Это было въ Швейцаріи. въ первый годъ его лѣченія. даже въ первые мѣсяцы. Тогда онъ еще былъ совсѣмъ какъ идіотъ, даже говорить не умѣлъ хорошо, понимать иногда не могъ, чего отъ него требуютъ. Онъ разъ зашелъ въ горы, въ ясный солнечный день, и долго ходилъ съ одною мучительною, но никакъ не воплощавшеюся мыслію. Предъ нимъ было блестящее небо, внизу озеро, кругомъ горизонтъ свѣтлый и безконечный, которому конца края нѣтъ. Онъ долго смотрѣлъ и терзался. Ему вспомнилось теперь, какъ простиралъ онъ руки свои въ эту свѣтлую, безконечную синеву и плакалъ. Мучило его то, что всему этому онъ совсѣмъ чужой. Что же это за пиръ, что жъ это за всегдашній великій праздникъ, которому нѣтъ конца и къ которому тянетъ его давно, всегда, съ самаго дѣтства, и къ которому онъ никакъ не можетъ пристать. Каждое утро восходитъ такое же свѣтлое солнце; каждое утро на водопадѣ радуга; каждый вечеръ снѣговая, самая высокая гора, тамъ вдали, на краю неба, горитъ пурпуровымъ пламенемъ; каждая «маленькая мушка, которая жужжитъ около него въ горячемъ солнечномъ лучѣ, во всемъ этомъ хорѣ участница: мѣсто знаетъ свое, любитъ его и счастлива»; каждая-то травка растетъ и счастлива! И у всего свой путь, и все знаетъ свой путь, съ пѣснью отходитъ и съ пѣснью приходитъ; одинъ онъ ничего не знаетъ, ничего не по-

нимаетъ, ни людей, ни звуковъ, всему чужой и выкидышъ. О, онъ, конечно, не могъ говорить тогда этими словами и высказать свой вопросъ; онъ мучился глухо и нѣмо; но теперь ему казалось, что онъ все это говорилъ и тогда, всѣ эти самыя слова, и что про эту «мушку» Ипполитъ взялъ у него самого, изъ его тогдашнихъ словъ и слезъ. Онъ былъ въ этомъ увѣренъ, и его сердце билось почему-то отъ этой мысли...

Онъ забылся на скамейкѣ, но тревога его продолжалась и во снѣ. Предъ самымъ сномъ онъ вспомнилъ, что Ипполитъ убьетъ десять человѣкъ, и усмѣхнулся нелѣпости предположенія. Вокругъ него стояла прекрасная, ясная тишина, съ однимъ только шелестомъ листьевъ, отъ котораго, кажется, становится еще тише и уединеннѣе кругомъ. Ему приснилось очень много сновъ и все тревожныхъ, отъ которыхъ онъ поминутно вздрагивалъ. Наконецъ, пришла къ нему женщина; онъ зналъ ее, зналъ до страданія; онъ всегда могъ назвать ее и указать, — но странно, — у ней было теперь какъ будто совсѣмъ не такое лицо, какое онъ всегда зналъ, и ему мучительно не хотѣлось признать ее за ту женщину. Въ этомъ лицѣ было столько раскаянія и ужасу, что, казалось, — это была страшная преступница, и только-что сдѣлала ужасное преступленіе. Слеза дрожала на ея блѣдной щекѣ; она поманила его рукой и приложила палецъ къ губамъ, какъ бы предупреждая его идти за ней тише. Сердце его замерло; онъ ни за что, ни за что не хотѣлъ признать ее за преступницу; но онъ чувствовалъ, что тотчасъ же произойдетъ что-то ужасное, на всю его жизнь. Ей, кажется, хотѣлось ему что-то показать, тутъ же недалеко, въ паркѣ. Онъ всталъ, чтобы пойти за нею, и вдругъ раздался послѣ него чей-то свѣтлый, свѣжій смѣхъ; чья-то рука вдругъ очутилась въ его рукѣ; онъ схватилъ эту руку, крѣпко сжалъ и проснулся. Предъ нимъ стояла и громко смѣялась Аглая.

VIII

Она смѣялась, но она и негодовала.

— Спитъ! Вы спали! — вскричала она съ презрительнымъ удивленіемъ.

— Это вы! — пробормоталъ князь, еще не совсѣмъ опомнившись и съ удивленіемъ узнавая ее: — ахъ, да! Это свиданіе... я здѣсь спалъ.

— Видѣла.

— Меня никто не будилъ кромѣ васъ? Никого здѣсь кромѣ васъ не было? Я думалъ, здѣсь была.... другая женщина.

— Здѣсь была другая женщина?!

Наконецъ онъ совсѣмъ очнулся.

— Это былъ только сонъ, — задумчиво проговорилъ онъ, — странно, что въ этакую минуту такой сонъ... Садитесь.

Онъ взялъ ее за руку и посадилъ на скамейку; самъ сѣлъ подлѣ нея и задумался. Аглая не начинала разговора, а только пристально оглядывала своего собесѣдника. Онъ тоже взглядывалъ на нее, но иногда такъ, какъ будто совсѣмъ не видя ея предъ собой. Она начала краснѣть.

— Ахъ да! — вздрогнулъ князь: — Ипполитъ застрѣлился!

— Когда? У васъ? — спросила она, но безъ большого удивленія: — вѣдь вчера вечеромъ онъ былъ, кажется, еще живъ? Какъ же вы могли тутъ спать послѣ всего этого? — вскричала она, внезапно оживляясь.

— Да вѣдь онъ не умеръ, пистолетъ не выстрѣлилъ.

По настоянію Аглаи, князь долженъ былъ разсказать тотчасъ же и даже въ большой подробности всю исторію прошлой ночи. Она торопила его въ разсказѣ поминутно, но сама перебивала безпрерывными вопро-

сами и почти все посторонними. Между прочимъ, она съ большимъ любопытствомъ выслушала о томъ, что говорилъ Евгеній Павловичъ, и нѣсколько разъ даже переспросила.

— Ну, довольно, надо торопиться, — заключила она, выслушавъ все, — всего намъ только часъ здѣсь быть, до восьми часовъ, потому что въ восемь часовъ мнѣ надо непремѣнно быть дома, чтобы не узнали, что я здѣсь сидѣла, а я за дѣломъ пришла; мнѣ много нужно вамъ сообщить. Только вы меня совсѣмъ теперь сбили. Объ Ипполитѣ я думаю, что пистолетъ у него такъ и долженъ былъ не выстрѣлить, это къ нему больше идетъ. Но вы увѣрены, что онъ непремѣнно хотѣлъ застрѣлиться, и что тутъ не было обману?

— Никакого обману.

— Это и вѣроятнѣе. Онъ такъ и написалъ, чтобы вы мнѣ принесли его исповѣдь? Зачѣмъ же вы не принесли?

— Да вѣдь онъ не умеръ. Я у него спрошу.

— Непремѣнно принесите и нечего спрашивать. Ему навѣрно это будетъ очень пріятно, потому что онъ, можетъ быть, съ тою цѣлью и стрѣлялъ въ себя, чтобъ я исповѣдь потомъ прочла. Пожалуйста, прошу васъ не смѣяться надъ моими словами, Левъ Николаичъ, потому что это очень можетъ такъ быть.

— Я не смѣюсь, потому что и самъ увѣренъ, что отчасти это очень можетъ такъ быть.

— Увѣрены? Неужели вы тоже такъ думаете? — вдругъ ужасно удивилась Аглая.

Она спрашивала быстро, говорила скоро, но какъ будто иногда сбивалась и часто не договаривала; поминутно торопилась о чемъ-то предупреждать; вообще она была въ необыкновенной тревогѣ и хоть смотрѣла очень храбро и съ какимъ-то вызовомъ, но, можетъ быть, немного и трусила. На ней было самое будниш-

ное, простое платье, которое очень къ ней шло. Она часто вздрагивала, краснѣла и сидѣла на краю скамейки. Подтвержденіе князя, что Ипполитъ застрѣлился для того, чтобъ она прочла его исповѣдь, очень ее удивило.

— Конечно, — объяснялъ князь, — ему хотѣлось, чтобы, кромѣ васъ, и мы всѣ его похвалили...

— Какъ это похвалили?

— То-есть, это... какъ вамъ сказать? Это очень трудно сказать. Только ему навѣрно хотѣлось, чтобы всѣ его обступили и сказали ему, что его очень любятъ и уважаютъ, и всѣ бы стали его очень упрашивать остаться въ живыхъ. Очень можетъ быть, что онъ васъ имѣлъ всѣхъ больше въ виду, потому что въ такую минуту о васъ упомянулъ... хоть, пожалуй, и самъ не зналъ, что имѣетъ васъ въ виду.

— Этого ужъ я не понимаю совсѣмъ: имѣлъ въ виду и не зналъ, что имѣлъ въ виду. А впрочемъ, я, кажется, понимаю: знаете ли, что я сама разъ тридцать, еще даже когда тринадцатилѣтнею дѣвочкой была, думала отравиться, и все это написать въ письмѣ къ родителямъ, и тоже думала, какъ я буду въ гробу лежать, и всѣ будутъ надо мною плакать, а себя обвинять, что были со мной такіе жестокіе... Чего вы опять улыбаетесь, — быстро прибавила она, нахмуривая брови, — вы-то объ чемъ еще думаете про себя, когда одинъ мечтаете? Можетъ, фельдмаршаломъ себя воображаете, и что Наполеона разбили?

— Ну, вотъ, честное слово, я объ этомъ думаю, особенно когда засыпаю, — засмѣялся князь: — только я не Наполеона, а все австрійцевъ разбиваю.

— Я вовсе не желаю съ вами шутить, Левъ Николаичъ. Съ Ипполитомъ я увижусь сама; прошу васъ предупредить его. А съ вашей стороны я нахожу, что все это очень дурно, потому что очень грубо такъ смотрѣть и судить душу человѣка, какъ вы судите Ипполита

лита. У васъ нѣжности нѣтъ: одна правда, стало быть — несправедливо.

Князь задумался.

— Мнѣ кажется, вы ко мнѣ несправедливы, — сказалъ онъ, — вѣдь я ничего не нахожу дурного въ томъ, что онъ такъ думалъ, потому что всѣ склонны такъ думать; къ тому же, можетъ быть, онъ и не думалъ совсѣмъ, а только этого хотѣлъ... ему хотѣлось въ послѣдній разъ съ людьми встрѣтиться, ихъ уваженіе и любовь заслужить; это вѣдь очень хорошія чувства, только какъ-то все тутъ не такъ вышло; тутъ болѣзнь и еще что-то! При томъ же у однихъ все всегда хорошо выходитъ, а у другихъ ни на что не похоже...

— Это, вѣрно, вы о себѣ прибавили? — замѣтила Аглая.

— Да, о себѣ, — отвѣтилъ князь, не замѣчая никакого злорадства въ вопросѣ.

— Только все-таки я бы никакъ не заснула на вашемъ мѣстѣ; стало быть, вы куда ни приткнетесь, такъ тутъ ужъ и спите; это очень нехорошо съ вашей стороны.

— Да вѣдь я всю ночь не спалъ, а потомъ ходилъ, ходилъ, былъ на музыкѣ...

— На какой музыкѣ?

— Тамъ, гдѣ играли вчера, а потомъ пришелъ сюда, сѣлъ, думалъ, думалъ и заснулъ.

— А, такъ вотъ какъ? Это измѣняетъ въ вашу пользу... А зачѣмъ вы на музыку ходили?

— Не знаю, такъ...

— Хорошо, хорошо, потомъ; вы все меня перебиваете, и что мнѣ за дѣло, что вы ходили на музыку? О какой это женщинѣ вамъ приснилось?

— Это... объ... вы ее видѣли...

— Понимаю, очень понимаю. Вы очень ее... Какъ она вамъ приснилась, въ какомъ видѣ? А впрочемъ,

я и знать ничего не хочу, — отрѣзала она вдругъ съ досадой. — Не перебивайте меня...

Она переждала немного, какъ бы собираясь съ духомъ или стараясь разогнать досаду.

— Вотъ въ чемъ все дѣло, для чего я васъ позвала; я хочу сдѣлать вамъ предложеніе быть моимъ другомъ. Что вы такъ вдругъ на меня уставились? — прибавила она почти съ гнѣвомъ.

Князь дѣйствительно очень вглядывался въ нее въ эту минуту, замѣтивъ, что она опять начала ужасно краснѣть. Въ такихъ случаяхъ, чѣмъ болѣе она краснѣла, тѣмъ болѣе, казалось, и сердилась на себя за это, что видимо выражалось въ ея сверкавшихъ глазахъ; обыкновенно, минуту спустя, она уже переносила свой гнѣвъ на того, съ кѣмъ говорила, былъ или не былъ тотъ виноватъ, и начинала съ нимъ ссориться. Зная и чувствуя свою дикость и стыдливость, она обыкновенно входила въ разговоръ мало и была молчаливѣе другихъ сестеръ, иногда даже ужъ слишкомъ молчалива. Когда же, особенно въ такихъ щекотливыхъ случаяхъ, непремѣнно надо было заговорить, то начинала разговоръ съ необыкновеннымъ высокомѣріемъ и какъ будто съ какимъ-то вызовомъ. Она всегда предчувствовала напередъ, когда начинала или хотѣла начать краснѣть.

— Вы, можетъ быть, не хотите принять предложеніе? — высокомѣрно поглядѣла она на князя.

— О, нѣтъ, хочу, только это совсѣмъ не нужно... то-есть, я никакъ не думалъ, что надо дѣлать такое предложеніе, — сконфузился князь.

— А что же вы думали? Для чего же бы я сюда васъ позвала? Что у васъ на умѣ? Впрочемъ, вы, можетъ, считаете меня маленькою дурой, какъ всѣ меня дома считаютъ?

— Я не зналъ, что васъ считаютъ дурой, я... я не считаю.

— Не считаете? Очень умно съ вашей стороны. Особенно умно высказано.

— По-моему, вы даже, можетъ быть, и очень умны иногда, — продолжалъ князь, — вы давеча вдругъ сказали одно слово очень умное. Вы сказали про мое мнѣніе объ Ипполитѣ: «тутъ одна только правда, а стало быть, и несправедливо». Это я запомню и обдумаю.

Аглая вдругъ вспыхнула отъ удовольствія. Всѣ эти перемѣны происходили въ ней чрезвычайно откровенно и съ необыкновенной быстротой. Князь тоже обрадовался и даже разсмѣялся отъ радости, смотря на нее.

— Слушайте же, — начала она опять, — я долго ждала васъ, чтобы вамъ все это разсказать, съ тѣхъ самыхъ поръ ждала, какъ вы мнѣ то письмо оттуда написали и даже раньше... Половину вы вчера отъ меня уже услышали: я васъ считаю за самаго честнаго и за самаго правдиваго человѣка, всѣхъ честнѣе и правдивѣе, и если говорятъ про васъ, что у васъ умъ... то-есть, что вы больны иногда умомъ, то это несправедливо; я такъ рѣшила и спорила, потому что хоть вы и въ самомъ дѣлѣ больны умомъ (вы, конечно, на это не разсердитесь, я съ высшей точки говорю), то зато главный умъ у васъ лучше, чѣмъ у нихъ у всѣхъ, такой даже, какой имъ не снился, потому что есть два ума: главный и не главный. Такъ? Вѣдь такъ?

— Можетъ быть и такъ, — едва проговорилъ князь; у него ужасно дрожало и стукало сердце.

— Я такъ и знала, что вы поймете, — съ важностью продолжала она. — Князь Щ. и Евгеній Павлычъ ничего въ этихъ двухъ умахъ не понимаютъ, Александра тоже, а представьте себѣ: maman поняла.

— Вы очень похожи на Лизавету Прокофьевну.

— Какъ это? Неужели? — удивилась Аглая.

— Ей-Богу такъ.

— Я благодарю васъ, — сказала она, подумавъ: — я очень рада, что похожа на maman. Вы, стало быть, очень ее уважаете? — прибавила она, совсѣмъ не замѣчая наивности вопроса.

— Очень, очень, и я радъ, что вы это такъ прямо поняли.

— И я рада, потому что я замѣтила, какъ надъ ней иногда... смѣются. Но слушайте главное, я долго думала и, наконецъ, васъ выбрала. Я не хочу, чтобы надо мной дома смѣялись, я не хочу, чтобы меня считали за маленькую дуру; я не хочу, чтобы меня дразнили... Я это все сразу поняла и наотрѣзъ отказала Евгенію Павлычу, потому что я не хочу, чтобы меня безпрерывно выдавали замужъ! Я хочу... я хочу... ну, я хочу бѣжать изъ дому, а васъ выбрала, чтобы вы мнѣ способствовали.

— Бѣжать изъ дому! — вскричалъ князь.

— Да, да, да, бѣжать изъ дому! — вскричала она вдругъ, воспламеняясь необыкновеннымъ гнѣвомъ: — я не хочу, не хочу, чтобы тамъ вѣчно заставляли меня краснѣть. Я не хочу краснѣть ни предъ ними, ни предъ княземъ Щ., ни предъ Евгеніемъ Павлычемъ, ни передъ кѣмъ, а потому и выбрала васъ. Съ вами я хочу все, все говорить, даже про самое главное, когда захочу; съ своей стороны, и вы не должны ничего скрывать отъ меня. Я хочу хоть съ однимъ человѣкомъ обо всемъ говорить, какъ съ собой. Они вдругъ стали говорить, что я васъ жду и что я васъ люблю. Это еще до вашего пріѣзда было, а я имъ письма не показывала; а теперь ужъ всѣ говорятъ. Я хочу быть смѣлою и ничего не бояться. Я не хочу по ихъ баламъ ѣздить, я хочу пользу приносить. Я ужъ давно хотѣла уйти. Я двадцать лѣтъ какъ у нихъ закупорена, и все меня замужъ выдаютъ. Я еще четырнадцати лѣтъ думала бѣжать, хоть и дура была. Теперь я уже все разсчитала и васъ ждала, чтобы все

разспросить объ заграницѣ. Я ни одного собора готическаго не видала, я хочу въ Римѣ быть, я хочу всѣ кабинеты ученые осмотрѣть, я хочу въ Парижѣ учиться; я весь послѣдній годъ готовилась и училась, и очень много книгъ прочла; я всѣ запрещенныя книги прочла, Александра и Аделаида всѣ книги читаютъ, имъ можно, а мнѣ не всѣ даютъ, за мной надзоръ. Я съ сестрами не хочу ссориться, но матери и отцу я давно уже объявила, что хочу совершенно измѣнить мое соціальное положеніе. Я положила заняться воспитаніемъ, и я на васъ разсчитывала, потому что вы говорили, что любите дѣтей. Можемъ мы вмѣстѣ заняться воспитаніемъ, хоть не сейчасъ, такъ въ будущемъ? Мы вмѣстѣ будемъ пользу приносить; я не хочу быть генеральскою дочкою... Скажите, вы очень ученый человѣкъ?

— О, совсѣмъ нѣтъ.

— Это жаль, а я думала... какъ же я это думала? Вы все-таки меня будете руководить, потому что я васъ выбрала.

— Это нелѣпо, Аглая Ивановна.

— Я хочу, я хочу бѣжать изъ дому! — вскричала она, и опять глаза ея засверкали: — если вы не согласитесь, такъ я выйду замужъ за Гаврилу Ардаліоновича. Я не хочу, чтобы меня дома мерзкою женщиною почитали и обвиняли Богъ знаетъ въ чемъ.

— Въ умѣ ли вы? — чуть не вскочилъ князь съ мѣста: — въ чемъ васъ обвиняютъ, кто обвиняетъ?

— Дома, всѣ, мать, сестры, отецъ, князь Щ., даже мерзкій вашъ Коля! Если прямо не говорятъ, то такъ думаютъ. Я имъ всѣмъ въ глаза это высказала, и матери, и отцу. Maman была больна цѣлый день; а на другой день Александра и папаша сказали мнѣ, что я сама не понимаю, что вру и какія слова говорю. А я имъ тутъ прямо отрѣзала, что я уже все

понимаю, всѣ слова, что я уже не маленькая, что я еще два года назадъ нарочно два романа Поль-де-Кока прочла, чтобы про все узнать. Maman, какъ услышала, чуть въ обморокъ не упала.

У князя мелькнула вдругъ странная мысль. Онъ посмотрѣлъ пристально на Аглаю и улыбнулся.

Ему даже не вѣрилось, что предъ нимъ сидитъ та самая высокомѣрная дѣвушка, которая такъ гордо и заносчиво прочитала ему когда-то письмо Гаврилы Ардаліоновича. Онъ понять не могъ, какъ въ такой заносчивой, суровой красавицѣ могъ оказаться такой ребенокъ, можетъ быть, дѣйствительно даже не понимающій *всѣхъ словъ* ребенокъ.

— Вы все дома жили, Аглая Ивановна? — спросилъ онъ: — я хочу сказать, вы никуда не ходили въ школу какую-нибудь, не учились въ институтѣ?

— Никогда и никуда не ходила; все дома сидѣла, закупоренная какъ въ бутылкѣ, и изъ бутылки прямо и замужъ пойду; что вы опять усмѣхаетесь? Я замѣчаю, что вы тоже, кажется, надо мной смѣетесь и ихъ сторону держите, — прибавила она, грозно нахмурившись; — не сердите меня, я и безъ того не знаю, что со мной дѣлается... я убѣждена, что вы пришли сюда въ полной увѣренности, что я въ васъ влюблена и позвала васъ на свиданіе, — отрѣзала она раздражительно.

— Я дѣйствительно вчера боялся этого, — простодушно проболтался князь (онъ былъ очень смущенъ); — но сегодня я убѣжденъ, что вы...

— Какъ! — вскричала Аглая, и нижная губка ея вдругъ задрожала: — вы боялись, что я... вы смѣли думать, что я... Господи! Вы подозрѣвали, пожалуй, что я позвала васъ сюда съ тѣмъ, чтобы васъ въ сѣти завлечь, и потомъ чтобы насъ тутъ застали и принудили васъ на мнѣ жениться...

— Аглая Ивановна! Какъ вамъ не совѣстно?

Какъ могла такая грязная мысль зародиться въ вашемъ чистомъ, невинномъ сердцѣ? Бьюсь объ закладъ, что вы сами ни одному вашему слову не вѣрите и... сами не знаете, что говорите!

Аглая сидѣла, упорно потупившись, точно сама испугавшись того, что сказала.

— Совсѣмъ мнѣ не стыдно, — пробормотала она, — почему вы знаете, что у меня сердце невинное? Какъ смѣли вы тогда мнѣ любовное письмо прислать?

— Любовное письмо? Мое письмо — любовное! Это письмо самое почтительное, это письмо изъ сердца моего вылилось въ самую тяжелую минуту моей жизни! Я вспомнилъ тогда о васъ, какъ о какомъ-то свѣтѣ . . . я . . .

— Ну, хорошо, хорошо, — перебила вдругъ она, но совершенно не тѣмъ уже тономъ, а въ совершенномъ раскаяніи и чуть ли не въ испугѣ, даже наклонилась къ нему, стараясь все еще не глядѣть на него прямо, и хотѣла было тронуть его за плечо, чтобъ еще убѣдительнѣе попросить не сердиться, — хорошо, — прибавила она ужасно застыдившись; — я чувствую, что я очень глупое выраженіе употребила. Это я такъ . . . чтобы васъ испытать. Примите, какъ будто и не было говорено. Если же я васъ обидѣла, то простите. Не смотрите на меня, пожалуйста, прямо, отвернитесь. Вы сказали, что это очень грязная мысль; я нарочно сказала, чтобы васъ уколоть. Иногда я сама боюсь того, что мнѣ хочется сказать, да вдругъ и скажу. Вы сказали сейчасъ, что написали это письмо въ самую тяжелую минуту вашей жизни. Я знаю въ какую это минуту, — тихо проговорила она, опять смотря въ землю.

— О, если бы вы могли все знать!

— Я все знаю! — вскричала она съ новымъ волненіемъ: — вы жили тогда въ однѣхъ комнатахъ, цѣ-

лый мѣсяцъ, съ этою мерзкою женщиной, съ которою вы убѣжали...

Она уже не покраснѣла, а поблѣднѣла, выговаривая это, и вдругъ встала съ мѣста, точно забывшись, но тотчасъ же, опомнившись, сѣла; губка ея долго еще продолжала вздрагивать. Молчаніе продолжалось съ минуту. Князь былъ ужасно пораженъ внезапностью выходки и не зналъ, чему приписать ее.

— Я васъ совсѣмъ не люблю, — вдругъ сказала она, точно отрѣзала.

Князь не отвѣтилъ; опять помолчали съ минуту.

— Я люблю Гаврилу Ардаліоновича... — проговорила она скороговоркой, но чуть слышно и еще больше наклонивъ голову.

— Это неправда, — проговорилъ князь тоже почти шопотомъ.

— Стало быть, я лгу? Это правда; я дала ему слово, третьяго дня, на этой самой скамейкѣ.

Князь испугался и на мгновеніе задумался.

— Это неправда, — повторилъ онъ рѣшительно, — вы все это выдумали.

— Удивительно вѣжливо. Знайте, что онъ исправился; онъ любитъ меня болѣе своей жизни. Онъ предо мной сжегъ свою руку, чтобы только доказать, что любитъ меня болѣе своей жизни.

— Сжегъ свою руку?

— Да, свою руку. Вѣрьте, не вѣрьте — мнѣ все равно.

Князь опять замолчалъ. Въ словахъ Аглаи не было шутки; она сердилась.

— Что жъ, онъ приносилъ сюда съ собой свѣчку, если это здѣсь происходило? Иначе я не придумаю...

— Да... свѣчку. Что же тутъ невѣроятнаго?

— Цѣлую или въ подсвѣчникѣ?

— Ну да... нѣтъ... половину свѣчки... ога-

рокъ... цѣлую свѣчку, — все равно, отстаньте!..
И спички, если хотите, принесъ. Зажегъ свѣчку и цѣлыя полчаса держалъ палецъ на свѣчкѣ; развѣ это не можетъ быть?

— Я видѣлъ его вчера; у него здоровые пальцы.

Аглая вдругъ прыснула со смѣху, совсѣмъ какъ ребенокъ.

— Знаете, для чего я сейчасъ солгала? — вдругъ обернулась она къ князю съ самою дѣтскою довѣрчивостью и еще со смѣхомъ, дрожавшимъ на ея губахъ: — потому что когда лжешь, то если ловко вставишь что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное, что-нибудь эксцентрическое, ну, знаете, что-нибудь, что ужъ слишкомъ рѣзко, или даже совсѣмъ не бываетъ, то ложь становится гораздо вѣроятнѣе. Это я замѣтила. У меня только дурно вышло, потому что я не сумѣла...

Вдругъ она опять нахмурилась, какъ бы опомнившись.

— Если я тогда, — обратилась она къ князю, серьезно и даже грустно смотря на него, — если я тогда и прочла вамъ про «бѣднаго рыцаря», то этимъ хоть и хотѣла... похвалить васъ заодно, но тутъ же хотѣла и заклеймить васъ за поведеніе ваше и показать вамъ, что я все знаю...

— Вы очень несправедливы ко мнѣ... къ той несчастной, о которой вы сейчасъ такъ ужасно выразились, Аглая.

— Потому что я все знаю, все, потому такъ и выразилась! Я знаю, какъ вы полгода назадъ при всѣхъ предложили ей вашу руку. Не перебивайте, вы видите, я говорю безъ коментаріевъ. Послѣ этого она бѣжала съ Рогожинымъ; потомъ вы жили съ ней въ деревнѣ какой-то, или въ городѣ, и она отъ васъ ушла къ кому-то. (Аглая ужасно покраснѣла). Потомъ она опять воротилась къ Рогожину, который любитъ ее какъ.. какъ сумасшедшій. Потомъ вы, тоже очень умный че-

ловѣкъ, прискакали теперь за ней сюда, тотчасъ же какъ узнали, что она въ Петербургъ воротилась. Вчера вечеромъ вы бросились ее защищать, а сейчасъ во снѣ ее видѣли... Видите, что я все знаю; вѣдь вы для нея, для нея сюда пріѣхали?

— Да, для нея, — тихо отвѣтилъ князь, грустно и задумчиво склонивъ голову и не подозрѣвая, какимъ сверкающимъ взглядомъ глянула на него Аглая, — для нея, чтобы только узнать... Я не вѣрю въ ея счастье съ Рогожинымъ, хотя... однимъ словомъ, я не знаю, что бы я могъ тутъ для нея сдѣлать и чѣмъ помочь, но я пріѣхалъ.

Онъ вздрогнулъ и поглядѣлъ на Аглаю; та съ ненавистью слушала его.

— Если пріѣхали, не зная зачѣмъ, стало быть, ужъ очень любите, — проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ князь, — нѣтъ, не люблю. О, если бы вы знали, съ какимъ ужасомъ вспоминаю я то время, которое провелъ съ нею!

Даже содроганіе прошло по его тѣлу при этихъ словахъ.

— Говорите все, — сказала Аглая.

— Тутъ ничего нѣтъ такого, чего бы вы не могли выслушать. Почему именно вамъ хотѣлъ я все это разсказать, и вамъ одной, — не знаю; можетъ быть, потому, что васъ въ самомъ дѣлѣ очень любилъ. Эта несчастная женщина глубоко убѣждена, что она самое падшее, самое порочное существо изъ всѣхъ на свѣтѣ. О, не позорьте ее, не бросайте камня. Она слишкомъ замучила себя самое сознаніемъ своего незаслуженнаго позора! И чѣмъ она виновата, о Боже мой! О, она поминутно въ изступленіи кричитъ, что не признаетъ за собой вины, что она жертва людей, жертва развратника и злодѣя; но что бы она вамъ ни говорила, знайте, что она сама, первая, не вѣритъ себѣ, и что она всею совѣстью своею вѣритъ, напро-

ливъ, что она... сама виновна. Когда я пробовалъ разогнать этотъ мракъ, то она доходила до такихъ страданій, что мое сердце никогда не заживетъ, пока я буду помнить объ этомъ ужасномъ времени. У меня точно сердце прокололи разъ навсегда. Она бѣжала отъ меня, знаете для чего? Именно чтобы доказать только мнѣ, что она — низкая. Но всего тутъ ужаснѣе то, что она и сама, можетъ быть, не знала того, что только мнѣ хочетъ доказать это, а бѣжала потому, что ей непремѣнно, внутренно хотѣлось сдѣлать позорное дѣло, чтобы самой себѣ сказать тутъ же: «вотъ ты сдѣлала новый позоръ, стало быть, ты низкая тварь!» О, можетъ быть, вы этого не поймете, Аглая! Знаете ли, что въ этомъ безпрерывномъ сознаніи позора для нея, можетъ быть, заключается какое-то ужасное, неестественное наслажденіе, точно отмщеніе кому-то. Иногда я доводилъ ее до того, что она какъ бы опять видѣла кругомъ себя свѣтъ; но тотчасъ же опять возмущалась и до того доходила, что меня же съ горечью обвиняла за то, что я высоко себя надъ нею ставлю (когда у меня и въ мысляхъ этого не было), и прямо объявила мнѣ, наконецъ, на предложеніе брака, что она ни отъ кого не требуетъ ни высокомѣрнаго состраданія, ни помощи, ни «возвеличенія до себя». Вы видѣли ее вчера; неужто вы думаете, что она счастлива съ этою компаніей, что это ея общество? Вы не знаете, какъ она развита и что она можетъ понять! Она даже удивляла меня иногда!

— Вы и тамъ читали ей такія же... проповѣди?

— О, нѣтъ, — задумчиво продолжалъ князь, не замѣчая тона вопроса, — я почти все молчалъ. Я часто хотѣлъ говорить, но я, право, не зналъ иногда что сказать. Знаете, въ иныхъ случаяхъ лучше совсѣмъ не говорить. О, я любилъ ее; о, очень любилъ... но потомъ... потомъ... потомъ она все угадала.

— Что угадала?

— Что мнѣ только жаль ее, а что я... уже не люблю ея.

— Почему вы знаете, можетъ, она въ самомъ дѣлѣ влюбилась въ того... помѣщика, съ которымъ ушла?

— Нѣтъ, я все знаю; она лишь насмѣялась надъ нимъ.

— А надъ вами никогда не смѣялась?

— Н-нѣтъ. Она смѣялась со злобы; о, тогда она меня ужасно укоряла, въ гнѣвѣ, — и сама страдала! Но... потомъ... о, не напоминайте, не напоминайте мнѣ этого!

Онъ закрылъ себѣ лицо руками.

— А знаете ли вы, что она почти каждый день пишетъ ко мнѣ письма?

— Стало быть, это правда! — вскричалъ князь въ тревогѣ — я слышалъ, но все еще не хотѣлъ вѣрить.

— Отъ кого слышали? — пугливо встрепенулась Аглая.

— Рогожинъ сказалъ мнѣ вчера, только не совсѣмъ ясно.

— Вчера? Утромъ вчера? Когда вчера? Предъ музыкой или послѣ?

— Послѣ; вечеромъ, въ двѣнадцатомъ часу.

— А-а, ну, коли Рогожинъ... А знаете, о чемъ она пишетъ мнѣ въ этихъ письмахъ?

— Я ничему не удивляюсь; она безумная.

— Вотъ эти письма (Аглая вынула изъ кармана три письма въ трехъ конвертахъ и бросила ихъ предъ княземъ). Вотъ уже цѣлую недѣлю она умоляетъ, склоняетъ, обольщаетъ меня, чтобъ я за васъ вышла замужъ. Она... ну да, она умна, хоть и безумная, и вы правду говорите, что она гораздо умнѣе меня... она пишетъ мнѣ, что въ меня влюблена, что каждый день ищетъ случая видѣть меня, хоть издали. Она пишетъ, что

вы любите меня, что она это знаетъ, давно замѣтила, и что вы съ ней обо мнѣ тамъ говорили. Она хочетъ видѣть васъ счастливымъ; она увѣрена, что только я составлю ваше счастіе... Она такъ дикю пишетъ... странно... Я никому не показала писемъ, я васъ ждала; вы знаете, что это значитъ? Ничего не угадываете?

— Это сумасшествіе; доказательство ея безумія, — проговорилъ князь, и губы его задрожали.

— Вы ужъ не плачете ли?

— Нѣтъ, Аглая, нѣтъ, я не плачу, — посмотрѣлъ на нее князь.

— Что же мнѣ тутъ дѣлать? Что вы мнѣ посовѣтуете? Не могу же я получать эти письма!

— О, оставьте ее, умоляю васъ! — вскричалъ князь, — что вамъ дѣлать въ этомъ мракѣ; я употреблю всѣ усилія, чтобъ она вамъ не писала больше.

— Если такъ, то вы человѣкъ безъ сердца! — вскричала Аглая, — неужели вы не видите, что не въ меня она влюблена, а васъ, васъ одного она любитъ! Неужели вы все въ ней успѣли замѣтить, а этого не замѣтили? Знаете, что это такое, что означаютъ эти письма? Это ревность; это больше чѣмъ ревность! Она... вы думаете она въ самомъ дѣлѣ замужъ за Рогожина выйдетъ, какъ она пишетъ здѣсь въ письмахъ? Она убьетъ себя на другой день, только что мы обвѣнчаемся!

Князь вздрогнулъ; сердце его замерло. Но онъ въ удивленіи смотрѣлъ на Аглаю: странно ему было признать, что этотъ ребенокъ давно уже женщина.

— Богъ видитъ, Аглая, чтобы возвратить ей спокойствіе и сдѣлать ее счастливою, я отдалъ бы жизнь мою, но... я уже не могу любить ее, и она это знаетъ!

— Такъ пожертвуйте собой, это же такъ къ вамъ идетъ! Вы вѣдь такой великій благотворитель. И не

говорите мнѣ «Аглая»... Вы и давеча сказали мнѣ просто: «Аглая»... Вы должны, вы обязаны воскресить ее, вы должны уѣхать съ ней опять, чтобъ умирять и успокоивать ея сердце. Да вѣдь вы же ее и любите!

— Я не могу пожертвовать собой, хоть я и хотѣлъ одинъ разъ и... можетъ быть, и теперь хочу. Но я знаю *навѣрно*, что она со мной погибнетъ, и потому оставляю ее. Я долженъ былъ ее видѣть сегодня въ семъ часовъ; я, можетъ быть, не пойду теперь. Въ своей гордости она никогда не проститъ мнѣ любви моей, — и мы оба погибнемъ! Это неестественно, но тутъ все неестественно. Вы говорите, она любитъ меня, но развѣ это любовь? Неужели можетъ быть такая любовь послѣ того, что я уже вытерпѣлъ! Нѣтъ, тутъ другое, а не любовь!

— Какъ вы поблѣднѣли! — испугалась вдругъ Аглая.

— Ничего; я мало спалъ; ослабъ я... мы дѣйствительно про васъ говорили тогда, Аглая...

— Такъ это правда? Вы дѣйствительно *могли съ нею обо мнѣ* говорить и... и какъ могли вы меня полюбить, когда всего одинъ разъ меня видѣли?

— Я не знаю какъ. Въ моемъ тогдашнемъ мракѣ мнѣ мечталась... мерещилась, можетъ быть, новая заря. Я не знаю, какъ подумалъ о васъ объ первой. Я правду вамъ тогда написалъ, что не знаю. Все это была только мечта, отъ тогдашняго ужаса... Я потомъ сталъ заниматься; я три года бы сюда не пріѣхалъ...

— Стало быть, пріѣхали для нея?

И что-то задрожало въ голосѣ Аглаи.

— Да, для нея.

Прошло минуты двѣ мрачнаго молчанія съ обѣихъ сторонъ. Аглая поднялась съ мѣста.

— Если вы говорите, — начала она нетвердымъ

голосомъ, — если вы сами вѣрите, что эта... ваша женщина... безумная, то мнѣ вѣдь дѣла нѣтъ до ея безумныхъ фантазій... Прошу васъ, Левъ Николаевичъ, взять эти три письма и бросить ей отъ меня! И если она, — вскричала вдругъ Аглая, — если она осмѣлится еще разъ мнѣ прислать одну строчку, то скажите ей, что я пожалуюсь отцу и что ее сведутъ въ смирительный домъ...

Князь вскочилъ и въ испугѣ смотрѣлъ на внезапную ярость Аглаи; и вдругъ какъ бы туманъ упалъ предъ нимъ...

— Вы не можете такъ чувствовать... это неправда! — бормоталъ онъ.

— Это правда! Правда! — вскрикивала Аглая, почти не помня себя.

— Что такое правда? Какая правда? — раздался подлѣ нихъ испуганный голосъ.

Предъ ними стояла Лизавета Прокофьевна.

— То правда, что я за Гаврилу Ардаліоновича замужъ иду! Что я Гаврилу Ардаліоновича люблю и бѣгу съ нимъ завтра же изъ дому! — набросилась на нее Аглая. — Слышали вы? Удовлетворено ваше любопытство? Довольны въ этимъ?

И она побѣжала домой.

— Нѣтъ, ужъ вы, батюшка, теперь не уходите, — остановила князя Лизавета Прокофьевна, — сдѣлайте одолженіе, пожалуйте ко мнѣ объясниться... Что же это за мука такая, я и такъ всю ночь не спала...

Князь пошелъ за нею.

IX

Войдя въ свой домъ, Лизавета Прокофьевна остановилась въ первой же комнатѣ; дальше она идти не могла и опустилась на кушетку, совсѣмъ обезсилен-

ная, позабывъ даже пригласить князя садиться. Это была довольно большая зала, съ круглымъ столомъ посрединѣ, съ каминомъ, со множествомъ цвѣтовъ на этажеркахъ у оконъ, и съ другою стеклянною дверью въ садъ, въ задней стѣнѣ. Тотчасъ же вошли Аделаида и Александра, вопросительно и съ недоумѣніемъ смотря на князя и на мать.

Дѣвицы обыкновенно вставали на дачѣ около девяти часовъ; одна Аглая, въ послѣдніе два-три дня, повадилась вставать нѣсколько раньше и выходила гулять въ садъ, не все-таки не въ семь часовъ, а въ восемь или даже попозже. Лизавета Прокофьевна, дѣйствительно не спавшая ночь отъ разныхъ своихъ тревогъ, поднялась около восьми часовъ, нарочно съ тѣмъ чтобы встрѣтить въ саду Аглаю, предполагая, что та уже встала; но ни въ саду, ни въ спальнѣ ея не нашла. Тутъ она встревожилась окончательно и разбудила дочерей. Отъ служанки узнали, что Аглая Ивановна еще въ седьмомъ часу вышла въ паркъ. Дѣвицы усмѣхнулись новой фантазіи ихъ фантастической сестрицы и замѣтили мамашѣ, что Аглая, пожалуй, еще разсердится, если та пойдетъ въ паркъ ее отыскивать, и что, навѣрно, она сидитъ теперь съ книгой на зеленой скамейкѣ, о которой она еще три дня назадъ говорила, и за которую чуть не поссорилась съ княземъ Щ., потому что тотъ не нашелъ въ мѣстоположеніи этой скамейки ничего особеннаго. Заставъ свиданіе и слыша странныя слова дочери, Лизавета Прокофьевна была ужасно испугана по многимъ причинамъ; но приведя теперь съ собой князя, струсила, что начала дѣло: «почему жъ Аглая не могла бы встрѣтиться и разговориться съ княземъ въ паркѣ, даже, наконецъ, если бъ это было и напередъ условленное у нихъ свиданіе?»

— Не подумайте, батюшка-князь, — скрѣпилась она, наконецъ, — что я васъ допрашивать сюда при-

тащила... Я, голубчикъ, послѣ вчерашняго вечера, можетъ, и встрѣчаться-то съ тобой долго не пожелала бы...

Она была немного осѣклась.

— Но все-таки вамъ бы очень хотѣлось узнать, какъ мы встрѣтились сегодня съ Аглаей Ивановной? — весьма спокойно докончилъ князь.

— Ну, что жъ, и хотѣлось! — вспыхнула тотчасъ же Лизавета Прокофьевна. — Не струшу и прямыхъ словъ. Потому что никого не обижаю и никого не желала обидѣть...

— Помилуйте, и безъ обиды натурально хочется узнать; вы мать. Мы сошлись сегодня съ Аглаей Ивановной у зеленой скамейки ровно въ семь часовъ утра, вслѣдствіе ея вчерашняго приглашенія. Она дала мнѣ знать вчера вечеромъ запиской, что ей надо видѣть меня и говорить со мной о важномъ дѣлѣ. Мы свидѣлись и проговорили цѣлый часъ о дѣлахъ, собственно одной Аглаи Ивановны касающихся; вотъ и все.

— Конечно, все, батюшка, и безъ всякаго сомнѣнія все, — съ достоинствомъ произнесла Лизавета Прокофьевна.

— Прекрасно, князь! — сказала Аглая, вдругъ входя въ комнату, — благодарю васъ отъ всего сердца, что сочли и меня неспособною унизиться здѣсь до лжи. Довольно съ васъ, maman, или еще намѣрены допрашивать?

— Ты знаешь, что мнѣ предъ тобой краснѣть еще ни въ чемъ до сихъ поръ не приходилось... хотя ты, можетъ, и рада бы была тому, — назидательно отвѣтила Лизавета Прокофьевна. — Прощайте, князь, простите и меня, что обезпокоила. И надѣюсь, вы останетесь увѣрены въ неизмѣнномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

Князь тотчасъ же откланялся на обѣ стороны и молча вышелъ. Александра и Аделаида усмѣхнулись

и пошептались о чемъ-то промежъ собой. Лизавета Прокофьевна строго на нихъ поглядѣла.

— Мы только тому, maman, — засмѣялась Аделаида, — что князь такъ чудесно раскланялся: иной разъ совсѣмъ мѣшокъ, а тутъ вдругъ какъ... какъ Евгеній Павлычъ.

— Деликатности и достоинству само сердце учитъ, а не танцмейстеръ, — сентенціозно заключила Лизавета Прокофьевна и прошла къ себѣ наверхъ, даже и не поглядѣвъ на Аглаю.

Когда князь воротился къ себѣ, уже около девяти часовъ, то засталъ на террасѣ Вѣру Лукьяновну и служанку. Онѣ вмѣстѣ прибирали и подметали послѣ вчерашняго безпорядка.

— Слава Богу, успѣли покончить до приходу! — радостно сказала Вѣра.

— Здравствуйте; у меня немного голова кружится; я плохо спалъ; я бы заснулъ.

— Здѣсь на террасѣ, какъ вчера? Хорошо. Я скажу всѣмъ, чтобы васъ не будили. Папаша ушелъ куда-то.

Служанка вышла; Вѣра отправилась было за ней, но воротилась и озабоченно подошла къ князю.

— Князь, пожалѣйте этого... несчастнаго; не прогоняйте его сегодня.

— Ни за что не прогоню; какъ онъ самъ хочетъ.

— Онъ ничего теперь не сдѣлаетъ и... не будьте съ нимъ строги.

— О, нѣтъ, зачѣмъ же?

— И... не смѣйтесь надъ нимъ; вотъ это самое главное.

— О, отнюдь нѣтъ!

— Глупа я, что такому человѣку, какъ вы, говорю объ этомъ, — закраснѣлась Вѣра. — А хоть вы и устали, — засмѣялась она, полуобернувшись чтобъ

уйти, — а у васъ такіе славные глаза въ эту минуту . . . счастливые.

— Неужто счастливые? — съ живостью спросилъ князь и радостно разсмѣялся.

Но Вѣра, простодушная и нецеремонная, какъ мальчикъ, вдругъ что-то сконфузилась, покраснѣла еще больше и, продолжая смѣяться, торопливо вышла изъ комнаты.

«Какая . . . славная . . .» подумалъ князь и тотчасъ забылъ о ней. Онъ зашелъ въ уголъ террасы, гдѣ была кушетка и предъ нею столикъ, сѣлъ, закрылъ руками лицо и просидѣлъ минутъ десять; вдругъ торопливо и тревожно опустилъ въ боковой карманъ руку и вынулъ три письма.

Но опять отворилась дверь, и вошелъ Коля. Князь точно обрадовался, что пришлось положить назадъ въ карманъ письма и удалить минуту.

— Ну, происшествіе! — сказалъ Коля, усаживаясь на кушеткѣ и прямо подходя къ предмету, какъ и всѣ ему подобные. — Какъ вы теперь смотрите на Ипполита? Безъ уваженія?

— Почему же . . . но, Коля, я усталъ . . . При томъ же объ этомъ слишкомъ грустно опять начинать . . . Что онъ, однако?

— Спитъ и еще два часа проспитъ. Понимаю; вы дома не спали, ходили въ паркѣ . . . конечно, волненіе . . . еще бы!

— Почему вы знаете, что я ходилъ въ паркѣ и дома не спалъ?

— Вѣра сейчасъ говорила. Уговаривала не входить; я не утерпѣлъ, на минутку. Я эти два часа продежурилъ у постели; теперь Костю Лебедева посадилъ на очередь. Бурдовскій отправился. Такъ ложитесь же, князь; спокойной . . . ну, спокойнаго дня! Только, знаете, я пораженъ!

— Конечно . . . все это . . .

— Нѣтъ, князь, нѣтъ; я пораженъ «Исповѣдью». Главное тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ говоритъ о Провидѣніи и о будущей жизни. Тамъ есть одна ги-гант-ская мысль!

Князь ласково посмотрѣлъ на Колю, который, конечно, затѣмъ и зашелъ, чтобы поскорѣй поговорить про гигантскую мысль.

— Но главное, главное не въ одной мысли, а во всей обстановкѣ! Напиши это Вольтеръ, Руссо, Прудонъ, я прочту, замѣчу, но не поражусь до такой степени. Но человѣкъ, который знаетъ навѣрно, что ему остается десять минутъ, и говоритъ такъ, — вѣдь это гордо! Вѣдь это высшая независимость собственнаго достоинства, вѣдь это значитъ бравировать прямо... Нѣтъ, это гигантская сила духа! И послѣ этого утверждать, что онъ нарочно не положилъ капсюля, — это низко, неестественно! А знаете, вѣдь онъ обманулъ вчера, схитрилъ: я вовсе никогда съ нимъ сакъ не укладывалъ и никакого пистолета не видалъ; онъ самъ все укладывалъ, такъ что онъ меня вдругъ съ толку сбилъ. Вѣра говоритъ, что вы оставляете его здѣсь; клянусь, что не будетъ опасности, тѣмъ болѣе, что мы всѣ при немъ безотлучно.

— А кто изъ васъ тамъ былъ ночью?

— Я, Костя Лебедевъ, Бурдовскій; Келлеръ побылъ немного, а потомъ перешелъ спать къ Лебедеву, потому что у насъ не на чемъ было лечь. Фердыщенко тоже спалъ у Лебедева, въ семь часовъ ушелъ. Генералъ всегда у Лебедева, теперь тоже ушелъ... Лебедевъ, можетъ быть, къ вамъ придетъ сейчасъ; онъ, не знаю зачѣмъ, васъ искалъ, два раза спрашивалъ. Пускать его или не пускать, коли вы спать ляжете? Я тоже спать иду. Ахъ, да, сказалъ бы я вамъ одну вещь; удивилъ меня давеча генералъ: Бурдовскій разбудилъ меня въ седьмомъ часу на дежурство, почти даже въ шесть; я на минутку вышелъ, встрѣчаю вдругъ

генерала и до того еще хмельного, что меня не узналъ; стоитъ предо мной какъ столбъ, такъ и накинулся на меня, какъ очнулся: «что, дескать, больной? Я шелъ узнать про больного...» Я отрапортовалъ, ну — то, се. «Это все хорошо, говоритъ, но я главное шелъ, затѣмъ и всталъ, чтобы тебя предупредить; я имѣю основаніе предполагать, что при господинѣ Фердыщенкѣ нельзя всего говорить и... надо удерживаться». Понимаете, князь?

— Неужто? Впрочемъ... для насъ все равно.

— Да, безъ сомнѣнія, все равно, мы не масоны! Такъ что я даже подивился, что генералъ нарочно шелъ меня изъ-за этого ночью будить.

— Фердыщенко ушелъ, вы говорите?

— Въ семь часовъ; зашелъ ко мнѣ мимоходомъ: я дежурю! Сказалъ, что идетъ доночевывать къ Вилкину, — пьяница такой есть одинъ, Вилкинъ. Ну, иду! А вотъ и Лукьянъ Тимоѳеичъ... Князь хочетъ спать, Лукьянъ Тимоѳеичъ; оглобли назадъ!

— Единственно на минуту, многоуважаемый князь, по нѣкоторому значительному въ моихъ глазахъ дѣлу, — натянуто и какимъ-то проникнутымъ тономъ, вполголоса проговорилъ вошедшій Лебедевъ и съ важностію поклонился. Онъ только-что воротился и даже къ себѣ не успѣлъ зайти, такъ что и шляпу еще держалъ въ рукахъ. Лицо его было озабоченное и съ особеннымъ, необыкновеннымъ оттѣнкомъ собственнаго достоинства. Князь пригласилъ его садиться.

— Вы меня два раза спрашивали? Вы, можетъ быть, все безпокоитесь насчетъ вчерашняго...

— Насчетъ этого вчерашняго мальчика, предполагаете вы, князь? О, нѣтъ-съ; вчера мои мысли были въ безпорядкѣ... но сегодня я уже не предполагаю контрекарировать хотя бы въ чемъ-нибудь ваши предположенія.

— Контрека... какъ вы сказали?

— Я сказалъ: контрекарировать; слово французское, какъ и множество другихъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка; но особенно не стою за него.

— Что это вы сегодня, Лебедевъ, такой важный и чинный и говорите какъ по складамъ, — усмѣхнулся князь.

— Николай Ардаліоновичъ! — чуть не умиленнымъ голосомъ обратился Лебедевъ къ Колѣ, — имѣя сообщить князю о дѣлѣ, касающемся собственно...

— Ну да, разумѣется, не мое дѣло! До свиданія, князь! — тотчасъ же удалился Коля.

— Люблю ребенка за понятливость, — произнесъ Лебедевъ, смотря ему вслѣдъ, — мальчикъ пріткій, хотя и назойливый. Чрезвычайное несчастіе испыталъ я, многоуважаемый князь, вчера вечеромъ или сегодня на разсвѣтѣ... еще колеблюсь означить точное время.

— Что такое?

— Пропажа четырехсотъ рублей изъ бокового кармана, многоуважаемый князь, окрестили! — прибавилъ Лебедевъ съ кислою усмѣшкою.

— Вы потеряли четыреста рублей? Это жаль.

— И особенно бѣдному, благородно живущему своимъ трудомъ человѣку.

— Конечно, конечно; какъ такъ?

— Вслѣдствіе вина-съ. Я къ вамъ, какъ къ Провидѣнію, многоуважаемый князь. Сумму четырехсотъ рублей серебромъ получилъ я вчера въ пять часовъ пополудни отъ одного должника, и съ поѣздомъ воротился сюда. Бумажникъ имѣлъ въ карманѣ. Перемѣнивъ вицъ-мундиръ на сюртукъ, переложилъ деньги въ сюртукъ, имѣя въ виду держать при себѣ, разсчитывая вечеромъ же выдать ихъ по одной просьбѣ... ожидая повѣреннаго.

— Кстати, Лукьянъ Тимоѳеичъ, правда, что вы въ газетахъ публиковались, что даете деньги подъ золотыя и серебряныя вещи?

— Чрезъ повѣреннаго; собственнаго имени моего не означено, ниже адреса. Имѣя ничтожный капиталъ и въ видахъ приращенія фамиліи, согласитесь сами, что честный процентъ...

— Ну да, ну да; я только чтобъ освѣдомиться; извините, что прервалъ.

— Повѣренный не явился. Тѣмъ временемъ привезли несчастнаго; я уже былъ въ форсированномъ расположеніи пообѣдавъ; зашли эти гости, выпили... чаю, и... я повеселѣлъ къ моей пагубѣ. Когда же, уже поздно, вошелъ этотъ Келлеръ и возвѣстилъ о вашемъ торжественномъ днѣ и о распоряженіи насчетъ шампанскаго, то я, дорогой и многоуважаемый князь, имѣя сердце (что вы уже, вѣроятно, замѣтили, ибо я заслуживаю), имѣя сердце, не скажу чувствительное, но благодарное, чѣмъ и горжусь, — я, для пущей торжественности изготовляемой встрѣчи и во ожиданіи лично поздравить васъ, вздумалъ пойти перемѣнить старую рухлядь мою на снятый мною по возвращеніи моемъ вицъ-мундиръ, что и исполнилъ, какъ, вѣроятно, князь, и вы замѣтили, видя меня въ вицъ-мундирѣ весь вечеръ. Перемѣняя одежду, забылъ въ сюртукѣ бумажникъ... Подлинно, когда Богъ восхощетъ наказать, то прежде всего восхититъ разумъ. И только сегодня, уже въ половинѣ восьмого, пробудясь, вскочилъ какъ полоумный, схватился первымъ дѣломъ за сюртукъ, — одинъ пустой карманъ! Бумажника и слѣдъ простылъ.

— Ахъ, это непріятно!

— Именно непріятно; и вы съ истиннымъ тактомъ нашли сейчасъ надлежащее выраженіе, — не безъ коварства прибавилъ Лебедевъ.

— Какъ же, однако... — затревожился князь, задумываясь, — вѣдь это серьезно.

— Именно серьезно — еще другое отысканное вами слово, князь, для обозначенія...

— Ахъ, полноте, Лукьянъ Тимоѳеичъ, что тутъ

отыскивать? Важность не въ словахъ... Полагаете вы, что вы могли въ пьяномъ видѣ выронить изъ кармана?

— Могъ. Все возможно въ пьяномъ видѣ, какъ вы съ искренностью выразились, многоуважаемый князь. Но прошу разсудить-съ: если я вытрусилъ бумажникъ изъ кармана, перемѣняя сюртукъ, то вытрушенный предметъ долженъ былъ лежать тутъ же на полу. Гдѣ же этотъ предметъ-съ?

— Не заложили ли вы куда-нибудь въ ящикъ, въ столъ?

— Все перерискалъ, вездѣ перерылъ, тѣмъ болѣе, что никуда не пряталъ и никакого ящика не открывалъ, о чемъ ясно помню.

— Въ шкапчикѣ смотрѣли?

— Первымъ дѣломъ-съ, и даже нѣсколько разъ уже сегодня... Да и какъ бы могъ я заложить въ шкапчикъ, истинно уважаемый князь?

— Признаюсь, Лебедевъ, это меня тревожитъ. Стало быть, кто-нибудь нашелъ на полу?

— Или изъ кармана похитилъ! Двѣ альтернативы-съ.

— Меня это очень тревожитъ, потому что кто именно... Вотъ вопросъ!

— Безо всякаго сомнѣнія, въ этомъ главный вопросъ; вы удивительно точно находите слова и мысли и опредѣляете положенія, сіятельнѣйшій князь.

— Ахъ, Лукьянъ Тимоѳеичъ, оставьте насмѣшки, тутъ...

— Насмѣшки! — вскричалъ Лебедевъ, всплеснувъ руками.

— Ну, ну, ну, хорошо, я вѣдь не сержусь; тутъ совсѣмъ другое... Я за людей боюсь. Кого вы подозрѣваете?

— Вопросъ труднѣйшій и... сложнѣйшій! Слу-

жанку подозрѣвать не могу: она въ своей кухнѣ сидѣла. Дѣтей родныхъ тоже...

— Еще бы.

— Стало быть, кто-нибудь изъ гостей-съ.

— Но возможно ли это?

— Совершенно и въ высшей степени невозможно, но непремѣнно такъ должно быть. Согласенъ однакоже допустить и даже убѣжденъ, что если была покража, то совершилась не вечеромъ, когда всѣ были въ сборѣ, а уже ночью или даже подъ утро, кѣмъ-нибудь изъ заночевавшихъ.

— Ахъ, Боже мой!

— Бурдовскаго и Николая Ардаліоновича я естественно исключаю; они и не входили ко мнѣ-съ.

— Еще бы, да если бы даже и входили! Кто у васъ ночевалъ?

— Считая со мной ночевало насъ четверо, въ двухъ смежныхъ комнатахъ: я, генералъ, Келлеръ и господинъ Фердыщенко. Одинъ стало быть, изъ насъ четверыхъ-съ!

— Изъ трехъ, то-есть; но кто же?

— Я причелъ и себя для справедливости и для порядку; но согласитесь, князь, что я обокрасть себя самъ не могъ, хотя подобные случаи и бывали на свѣтѣ...

— Ахъ, Лебедевъ, какъ это скучно! — нетерпѣливо вскричалъ князь, — къ дѣлу, чего вы тянете!..

— Остаются, стало быть, трое-съ, и во-первыхъ, господинъ Келлеръ, человѣкъ непостоянный, человѣкъ пьяный и въ нѣкоторыхъ случаяхъ либералъ, то-есть насчетъ кармана-съ; въ остальномъ же съ наклонностями, такъ сказать, болѣе древнерыцарскими, чѣмъ либеральными. Онъ заночевалъ сначала здѣсь, въ комнатѣ больного, и уже ночью лишь перебрался къ намъ, подъ предлогомъ, что на голомъ полу жестко спать.

— Вы подозрѣваете его?

— Подозрѣвалъ-съ. Когда я въ восьмомъ часу утра вскочилъ какъ полоумный и хватилъ себя по лбу рукой, то тотчасъ же разбудилъ генерала, спавшаго сномъ невинности. Принявъ въ соображеніе странное исчезновеніе Фердыщенка, что уже одно возбудило въ насъ подозрѣніе, оба мы тотчасъ же рѣшились обыскать Келлера, лежавшаго какъ . . . какъ . . . почти подобно гвоздю-съ. Обыскали совершенно: въ карманахъ ни одного сантима, и даже ни одного кармана дыряваго не нашлось. Носовой платокъ синій, клѣтчатый, бумажный, въ состояніи неприличномъ-съ. Далѣе любовная записка одна, отъ какой-то горничной, съ требованіемъ денегъ и угрозами, и клочки извѣстнаго вамъ фельетона-съ. Генералъ рѣшилъ, что невиненъ. Для полнѣйшихъ свѣдѣній мы его самого разбудили, насилу дотолкались; едва понялъ въ чемъ дѣло; разинулъ ротъ, видъ пьяный, выраженіе лица нелѣпое и невинное, даже глупое — не онъ-съ!

— Ну, какъ я радъ! — радостно вздохнулъ князь, — я-таки за него боялся!

— Боялись? Стало быть, уже имѣли основанія къ тому? — прищурился Лебедевъ.

— О, нѣтъ, я такъ, — осѣкся князь, — я ужасно глупо сказалъ, что боялся. Сдѣлайте одолженіе, Лебедевъ, не передавайте никому . . .

— Князь, князь! Слова ваши въ моемъ сердцѣ . . . въ глубинѣ моего сердца! Тамъ могила-съ! . . — восторженно проговорилъ Лебедевъ, прижимая шляпу къ сердцу.

— Хорошо, хорошо! . . Стало быть, Фердыщенко? То-есть я хочу сказать, въ подозрѣваете Фердыщенка?

— Кого же болѣе? — тихо произнесъ Лебедевъ, пристально смотря на князя.

— Ну да, разумѣется . . . кого же болѣе . . . то-есть, опять таки, какія же улики?

— Улики есть-съ. Во-первыхъ, исчезновеніе въ семь часовъ или даже въ седьмомъ часу утра.

— Знаю, мнѣ Коля говорилъ, что онъ заходилъ къ нему и сказалъ, что идетъ доночевывать къ... забылъ къ кому, къ своему пріятелю.

— Вилкину-съ. Такъ, стало быть, Николай Ардаліоновичъ говорилъ уже вамъ?

— Онъ ничего не говорилъ о покражѣ.

— Онъ и не знаетъ, ибо я пока держу дѣло въ секретѣ. Итакъ, идетъ къ Вилкину; казалось бы, что мудренаго, что пьяный человѣкъ идетъ къ такому же, какъ и онъ самъ, пьяному человѣку, хотя бы даже и чѣмъ свѣтъ, и безо всякаго повода-съ? Но вотъ здѣсь-то и слѣдъ открывается: уходя, онъ оставляетъ адресъ... Теперь слѣдите, князь, вопросъ: зачѣмъ онъ оставилъ адресъ? Зачѣмъ онъ заходитъ нарочно къ Николаю Ардаліоновичу, дѣлая крюкъ-съ, и передаетъ ему, что «иду, дескать, доночевывать къ Вилкину». И кто станетъ интересоваться тѣмъ, что онъ уходитъ и даже именно къ Вилкину? Къ чему возвѣщать? Нѣтъ, тутъ тонкость-съ, воровская тонкость! Это значитъ: «вотъ, дескать, нарочно не утаиваю слѣдовъ моихъ, какой же я воръ послѣ этого? Развѣ бы воръ возвѣстилъ куда онъ уходитъ?» Излишняя заботливость отвести подозрѣнія и, такъ сказать, стереть свои слѣды на пескѣ... Поняли вы меня, многоуважаемый князь?

— Понялъ, очень хорошо понялъ, но вѣдь этого мало?

— Вторая улика-съ: слѣдъ оказывается ложный, а данный адресъ не точный. Часъ спустя, то-есть въ восемь часовъ, я уже стучался къ Вилкину; онъ тутъ въ Пятой улицѣ-съ, и даже знакомъ-съ. Никакого не оказалось Фердыщенка. Хоть и добился отъ служанки, совершенно глухой-съ, что назадъ тому часъ, дѣйствительно, кто-то стучался и даже довольно сильно, такъ

что и колокольчикъ сорвалъ. Но служанка не отворила, не желая будить господина Вилкина, а, можетъ быть, и сама не желая подняться. Это бываетъ-съ.

— И тутъ всѣ ваши улики. Этого мало.

— Князь, но кого же подозрѣвать-съ, разсудите? — умилительно заключилъ Лебедевъ, и что-то лукавое проглянуло въ его усмѣшкѣ.

— Осмотрѣли бы вы еще разъ комнаты и въ ящикахъ! — озабоченно произнесъ князь послѣ нѣкоторой задумчивости.

— Осматривалъ-съ! — еще умилительнѣе вздохнулъ Лебедевъ.

— Гм! . . . и зачѣмъ, зачѣмъ вамъ было перемѣнять этотъ сюртукъ! — воскликнулъ князь, въ досадѣ стукнувъ по столу.

— Вопросъ изъ одной старинной комедіи-съ. Но, благодушнѣйшій князь! Вы уже слишкомъ принимаете къ сердцу несчастье мое! Я не стòю того. То-есть, я одинъ не стòю того; но вы страдаете и за преступника . . . за ничтожнаго господина Фердыщенка?

— Ну да, да, вы, дѣйствительно, меня озаботили, — разсѣянно и съ неудовольствіемъ прервалъ его князь. — Итакъ, что же вы намѣрены дѣлать . . . если вы такъ увѣрены, что это Фердыщенко?

— Князь, многоуважаемый князь, кто же другой-съ? — съ возраставшимъ умиленіемъ извивался Лебедевъ, — вѣдь неимѣніе другого на кого помыслить и, такъ сказать, совершенная невозможность подозрѣвать кого-либо кромѣ господина Фердыщенка, вѣдь это, такъ сказать, еще улика противъ господина Фердыщенка, уже третья улика! Ибо опять-таки кто же другой? Вѣдь не господина же Бурдовскаго мнѣ заподозрить, хе-хе-хе!

— Ну, вотъ, вздоръ какой!

— Не генерала же, наконецъ, хе-хе-хе!

— Что за дичь? — почти сердито проговорилъ князь, нетерпѣливо поворачиваясь на мѣстѣ.

— Еще бы не дичь! Хе-хе-хе! И насмѣшилъ же меня человѣкъ, то-есть генералъ-то-съ! Идемъ мы съ нимъ давеча по горячимъ слѣдамъ къ Вилкину-съ... а надо вамъ замѣтить, что генералъ былъ еще болѣе моего пораженъ, когда я, послѣ пропажи, первымъ дѣломъ его разбудилъ, даже такъ, что въ лицѣ измѣнился, покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, и, наконецъ, вдругъ въ такое ожесточенное и благородное негодованіе вошелъ, что я даже и не ожидалъ такой степени-съ. Наиблагороднѣйшій человѣкъ! Лжетъ онъ безпрерывно, по слабости, но человѣкъ высочайшихъ чувствъ, человѣкъ при этомъ малосмысленный-съ, внушающій полнѣйшее довѣріе своею невинностью. Я вамъ уже говорилъ, многоуважаемый князь, что имѣю къ нему не только слабость, а даже любовь-съ. Вдругъ останавливается посрединѣ улицы, распахиваетъ сюртукъ, открываетъ грудь: «Обыскивай меня, говоритъ, ты Келлера обыскивалъ, зачѣмъ же ты меня не обыскиваешь? Того требуетъ, говоритъ, справедливость!» У самого руки и ноги трясутся, даже весь поблѣднѣлъ, грозный такой. Я засмѣялся и говорю: «Слушай, говорю, генералъ, если бы кто другой мнѣ это сказалъ про тебя, то я бы тутъ же собственными руками мою голову снялъ, положилъ бы ее на большое блюдо и самъ бы поднесъ ее на блюдѣ всѣмъ сомнѣвающимся: «вотъ, дескать, видите эту голову, такъ вотъ этою собственною своею головой я за него поручусь, и не только голову, но даже въ огонь». Вотъ какъ я, говорю, за тебя ручаться готовъ!» Тутъ онъ бросился мнѣ въ объятія, все среди улицы-съ, прослезился, дрожитъ и такъ крѣпко прижалъ меня къ груди, что я едва даже откашлялся: «ты, говоритъ, единственный другъ, который остался мнѣ въ несчастіяхъ моихъ!» Чувствительный человѣкъ-съ! Ну, разумѣется, тутъ же

дорогой и анекдотъ къ случаю разсказалъ о томъ, что его тоже будто бы разъ, еще въ юности, заподозрили въ покражѣ пятисотъ тысячъ рублей, но онъ на другой же день бросился въ пламень горѣвшаго дома и вытащилъ изъ огня подозрѣвавшаго его графа и Нину Александровну, еще бывшую въ дѣвицахъ. Графъ его обнялъ, и такимъ образомъ произошелъ бракъ его съ Ниной Александровной, а на другой же день въ пожарныхъ развалинахъ нашли и шкатулку съ пропавшими деньгами; была она желѣзная, англійскаго устройства, съ секретнымъ замкомъ, и какъ-то подъ полъ провалилась, такъ что никто и не замѣтилъ, и только чрезъ этотъ пожаръ отыскалась. Совершенная ложь-съ. Но когда о Нинѣ Александровнѣ заговорилъ, то даже захныкалъ. Благороднѣйшая особа Нина Александровна, хоть на меня и сердита.

— Вы незнакомы?

— Почти что нѣтъ-съ, но всею душой желалъ бы, хотя бы только для того, чтобы предъ нею оправдаться. Нина Александровна въ претензіи на меня, что я будто бы развращаю теперь ея супруга пьянствомъ. Но я не только не развращаю, но скорѣе укрощаю его; я его, можетъ быть, отвлекаю отъ компаніи пагубнѣйшей. При томъ же онъ мнѣ другъ-съ, и я, признаюсь вамъ, теперь ужъ не оставлю его-съ, то-есть даже такъ-съ: куда онъ, туда и я, потому что съ нимъ только чувствительностію одною и возьмешь. Теперь онъ даже совсѣмъ не посѣщаетъ свою капитаншу, хотя втайнѣ и рвется къ ней, и даже иногда стонетъ по ней, особенно каждое утро, вставая и надѣвая сапоги, не знаю ужъ почему въ это именно время. Денегъ у него нѣтъ-съ, вотъ бѣда, а къ той безъ денегъ явиться никакъ нельзя-съ. Не просилъ онъ денегъ у васъ, многоуважаемый князь?

— Нѣтъ, не просилъ.

— Стыдится. Онъ было и хотѣлъ; даже мнѣ при-

знавался, что хочетъ васъ безпокоить, но стыдливъ-съ, такъ какъ вы еще недавно его одолжили, и сверхъ того полагаетъ, что вы не дадите. Онъ мнѣ какъ другу это излилъ.

— А вы ему денегъ не даете?

— Князь! Многоуважаемый князь! Не только деньги, но за этого человѣка я, такъ сказать, даже жизнью... нѣтъ, впрочемъ, преувеличивать не хочу, — не жизнью, но если, такъ сказать, лихорадку, нарывъ какой-нибудь, или даже кашель, — то ей-Богу готовъ буду перенести, если только за очень большую нужду; ибо считаю его за великаго, но погибшаго человѣка! Вотъ-съ; не только деньги-съ!

— Стало быть, деньги даете?

— Н-нѣтъ-съ; денегъ я не давалъ-съ, и онъ самъ знаетъ, что я и не дамъ-съ, но вѣдь единственно въ видахъ воздержанія и исправленія его. Теперь увязался со мной въ Петербургъ; я въ Петербургъ вѣдь ѣду-съ, чтобы застать господина Фердыщенка по самымъ горячимъ слѣдамъ, ибо навѣрно знаю, что онъ уже тамъ-съ. Генералъ мой такъ и кипитъ-съ; но подозрѣваю, что въ Петербургѣ улизнетъ отъ меня, чтобы посѣтить капитаншу. Я, признаюсь, даже нарочно его отъ себя отпущу, какъ мы уже и условились по прiѣздѣ тотчасъ же разойтись въ разныя стороны, чтобъ удобнѣе изловить господина Фердыщенка. Такъ вотъ я его отпущу, а потомъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову, и застану его у капитанши, — собственно, чтобъ его пристыдить, какъ семейнаго человѣка, и какъ человѣка вообще говоря.

— Только не дѣлайте шуму, Лебедевъ, ради Бога не дѣлайте шуму, — вполголоса и въ сильномъ безпокойствѣ проговорилъ князь.

— О, нѣтъ-съ, собственно лишь чтобы пристыдить и посмотрѣть, какую онъ физiономiю сдѣлаетъ, — ибо многое можно по физiономiи заключить, много-

уважаемый князь, и особенно въ такомъ человѣкѣ! Ахъ, князь! Хоть и велика моя собственная бѣда, но не могу даже и теперь не подумать о немъ и объ исправленіи его нравственности. Чрезвычайная просьба у меня къ вамъ, многоуважаемый князь, даже признаюсь, затѣмъ собственно и пришелъ-съ: съ ихъ домомъ вы уже знакомы и даже жили у нихъ-съ; то если бы вы, благодушнѣйшій князь, рѣшились мнѣ въ этомъ способствовать, собственно лишь для одного генерала и для счастія его...

Лебедевъ даже руки сложилъ, какъ бы въ мольбѣ.

— Что же? Какъ же способствовать? Будьте увѣрены, что я весьма желаю васъ вполнѣ понять, Лебедевъ.

— Единственно въ сей увѣренности я къ вамъ и явился! Чрезъ Нину Александровну можно бы подѣйствовать; наблюдая и, такъ сказать, слѣдя за его превосходительствомъ постоянно, въ нѣдрахъ собственнаго его семейства. Я къ несчастію незнакомъ-съ... къ тому же тутъ и Николай Ардаліоновичъ, обожающій васъ, такъ сказать, всѣми нѣдрами своей юной души, пожалуй, могъ бы помочь...

— Н-нѣтъ... Нину Александровну въ это дѣло... Боже сохрани! Да и Колю... Я, впрочемъ, васъ еще, можетъ быть, и не понимаю, Лебедевъ.

— Да тутъ и понимать совсѣмъ нечего! — даже привскочилъ на стулѣ Лебедевъ, — одна, одна чувствительность и нѣжность — вотъ все лѣкарство для нашего больного. Вы, князь, позволяете мнѣ считать его за больного?

— Это даже показываетъ вашу деликатность и умъ.

— Объясню вамъ примѣромъ, для ясности взятымъ изъ практики. Видите какой это человѣкъ-съ: утъ у него теперь одна слабость къ этой капитаншѣ, къ которой безъ денегъ ему являться нельзя, и у кото-

рой я сегодня намѣренъ накрыть его, для его же счастія-съ; но, положимъ, что не одна капитанша, а соверши онъ даже настоящее преступленіе, ну, тамъ, безчестнѣйшій проступокъ какой-нибудь (хотя онъ и вполнѣ неспособенъ къ тому), то и тогда, говорю я, одною благородною, такъ сказать, нѣжностью съ нимъ до всего дойдешь, ибо чувствительнѣйшій человѣкъ-съ! Повѣрьте, что пяти дней не выдержитъ, самъ проговорится, заплачетъ и во всемъ сознается, — и особенно, если дѣйствовать ловко и благородно, чрезъ семейный и вашъ надзоръ за всѣми, такъ сказать, чертами и стопами его . . . О, благодушнѣйшій князь! — вскочилъ Лебедевъ, даже въ какомъ-то вдохновеніи, — я вѣдь и не утверждаю, что онъ навѣрно . . . Я, такъ сказать, всю кровь мою за него готовъ хоть сейчасъ излить, хотя согласитесь, что невоздержаніе и пьянство, и капитанша, и все это вмѣстѣ взятое, могутъ до всего довести.

— Такой цѣли я, конечно, всегда готовъ способствовать, — сказалъ князь, вставая, — только признаюсь вамъ, Лебедевъ, я въ безпокойствѣ ужасномъ; скажите, вѣдь вы все еще . . . однимъ словомъ, сами же вы говорите, что подозрѣваете господина Фердыщенка.

— Да кого же болѣе? Кого же болѣе, искреннѣйшій князь? — опять умилительно сложилъ руки Лебедевъ, умиленно улыбаясь.

Князь нахмурился и поднялся съ мѣста.

— Видите, Лукьянъ Тимоѳеичъ, тутъ страшное дѣло въ ошибкѣ. Этотъ Фердыщенко . . . я бы не желалъ говорить про него дурного . . . но этотъ Фердыщенко . . . то-есть, кто знаетъ, можетъ быть, это и онъ! . . Я хочу сказать, что, можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ способнѣе къ тому, чѣмъ . . . чѣмъ другой.

Лебедевъ навострилъ глаза и уши.

— Видите, — запутывался и все болѣе и болѣе

нахмуривался князь, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ и стараясь не взглядывать на Лебедева, — мнѣ дали знать... мнѣ сказали про господина Фердыщенка, что будто бы онъ, кромѣ всего, такой человѣкъ, при которомъ надо воздерживаться и не говорить ничего... лишняго, — понимаете? Я къ тому, что, можетъ быть, и дѣйствительно онъ былъ способнѣе чѣмъ другой... чтобы не ошибиться, — вотъ въ чемъ главное, понимаете?

— А кто вамъ сообщилъ это про господина Фердыщенка? — такъ и вскинулся Лебедевъ.

— Такъ, мнѣ шепнули; я, впрочемъ, самъ этому не вѣрю... мнѣ ужасно досадно, что я принужденъ былъ это сообщить, увѣряю васъ, я самъ этому не вѣрю... это какой-нибудь вздоръ... Фу, какъ я глупо сдѣлалъ!

— Видите, князь, — весь даже затрясся Лебедевъ, — это важно, это слишкомъ важно теперь, то-есть не насчетъ господина Фердыщенка, а насчетъ того, какъ къ вамъ дошло это извѣстіе. (Говоря это, Лебедевъ бѣгалъ вслѣдъ за княземъ взадъ и впередъ, стараясь ступать съ нимъ въ ногу). — Вотъ что, князь, и я теперь сообщу: давеча генералъ, когда мы съ нимъ шли къ этому Вилкину, послѣ того, какъ уже онъ мнѣ разсказалъ о пожарѣ, и, кипя, разумѣется, гнѣвомъ, вдругъ началъ намекать то же самое про господина Фердыщенка, но такъ нескладно и неладно, что я поневолѣ сдѣлалъ ему нѣкоторые вопросы, и вслѣдствіе того убѣдился вполнѣ, что все это извѣстіе единственно одно вдохновеніе его превосходительства... Собственно, такъ сказать, изъ одного благодушія. Ибо онъ и лжетъ единственно потому, что не можетъ сдержать умиленія. Теперь изволите видѣть-съ: если онъ солгалъ, а я въ этомъ увѣренъ, то какимъ же образомъ и вы могли объ этомъ услышать? Поймите, князь, вѣдь это было въ немъ вдохновеніе минуты, — то кто же,

стало быть, вамъ-то сообщилъ? Это важно-съ и... такъ сказать...

— Мнѣ сказалъ это сейчасъ Коля, а ему сказалъ давеча отецъ, котораго онъ встрѣтилъ въ шесть часовъ, въ седьмомъ, въ сѣняхъ, когда вышелъ за чѣмъ-то.

И князь разсказалъ все въ подробности.

— Ну вотъ-съ, это что называется слѣдъ-съ, — потирая руки, неслышно смѣялся Лебедевъ, — такъ я и думалъ-съ! Это значитъ, что его превосходительство нарочно прерывали свой сонъ невинности, въ шестомъ часу, чтобъ идти разбудить любимаго сына и сообщить о чрезвычайной опасности сосѣдства съ господиномъ Фердыщенкомъ! Каковъ же послѣ того опасный человѣкъ господинъ Фердыщенко, и каково родительское безпокойство его превосходительства, хе-хе-хе!...

— Послушайте, Лебедевъ, — смутился князь окончательно, — послушайте, дѣйствуйте тихо! Не дѣлайте шуму! Я васъ прошу, Лебедевъ, я васъ умоляю... Въ такомъ случаѣ клянусь, я буду содѣйствовать, но чтобы никто не зналъ; чтобы никто не зналъ!

— Будьте увѣрены, благодушнѣйшій, искреннѣйшій и благороднѣйшій князь, — вскричалъ Лебедевъ въ рѣшительномъ вдохновеніи, — будьте увѣрены, что все сіе умретъ въ моемъ благороднѣйшемъ сердцѣ! Тихими стопами-съ, вмѣстѣ! Тихими стопами-съ, вмѣстѣ! Я же всю даже кровь мою... Сіятельнѣйшій князь, я низокъ и душой и духомъ, но спросите всякаго даже подлеца, не только низкаго человѣка: съ кѣмъ ему лучше дѣло имѣть, съ такимъ ли какъ онъ подлецомъ, или съ наиблагороднѣйшимъ человѣкомъ какъ вы, искреннѣйшій князь? Онъ отвѣтитъ, что съ наиблагороднѣйшимъ человѣкомъ, и въ томъ торжество добродѣтели! До свиданія, многоуважаемый князь! Тихими стопами... тихими стопами и... вмѣстѣ-съ.

X

Князь понялъ, наконецъ, почему онъ холодѣлъ каждый разъ, когда прикасался къ этимъ тремъ письмамъ, и почему онъ отдалялъ минуту прочесть ихъ до самаго вечера. Когда онъ, еще давеча утромъ, забылся тяжелымъ сномъ на своей кушеткѣ, все еще не рѣшаясь раскрыть который-нибудь изъ этихъ трехъ кувертовъ, ему опять приснился тяжелый сонъ, и опять приходила къ нему та же «преступница». Она опять смотрѣла на него со сверкавшими слезами на длинныхъ рѣсницахъ, опять звала его за собой, и опять онъ пробудился, какъ давеча, съ мученіемъ припоминая ея лицо. Онъ хотѣлъ было пойти къ *ней* тотчасъ же, но не могъ; наконецъ, почти въ отчаяніи, развернулъ письма и сталъ читать.

Эти письма тоже походили на сонъ. Иногда снятся странные сны, невозможные и неестественные; пробудясь, вы припоминаете ихъ ясно и удивляетесь странному факту. Вы помните прежде всего, что разумъ не оставлялъ васъ во все продолженіе вашего сновидѣнія, вспоминаете даже, что вы дѣйствовали чрезвычайно хитро и логично во все это долгое, долгое время, когда васъ окружали убійцы, когда они съ вами хитрили, скрывали свое намѣреніе, обращались съ вами дружески, тогда какъ у нихъ уже было наготовѣ оружіе, и они лишь ждали какого-то знака; вы вспоминаете какъ хитро вы ихъ, наконецъ, обманули, спрятались отъ нихъ; потомъ вы догадались, что они наизусть знаютъ весь вашъ обманъ и не показываютъ вамъ только вида, что знаютъ, гдѣ вы спрятались; но вы схитрили и обманули ихъ опять, все это вы припоминаете ясно. Но почему же въ то же самое время разумъ вашъ могъ помириться съ такими очевидными нелѣпостями и невозможностями, которыми, между прочимъ, былъ сплошь наполненъ вашъ сонъ? Одинъ изъ ва-

шихъ убійцъ въ вашихъ глазахъ обратился въ женщину, а изъ женщины въ маленькаго, хитраго, гадкаго карлика, — и вы все это допустили тотчасъ же, какъ совершившійся фактъ, почти безъ малѣйшаго недоумѣнія, и именно въ то самое время, когда съ другой стороны вашъ разумъ былъ въ сильнѣйшемъ напряженіи, выказывалъ чрезвычайную силу, хитрость, догадку, логику? Почему тоже, пробудясь отъ сна и совершенно уже войдя въ дѣйствительность, вы чувствуете почти каждый разъ, а иногда съ необыкновенною силой впечатлѣнія, что вы оставляете вмѣстѣ со сномъ, что-то для васъ неразгаданное. Вы усмѣхаетесь нелѣпости вашего сна и чувствуете въ то же время, что въ сплетеніи этихъ нелѣпостей заключается какая-то мысль, но мысль дѣйствительная, нѣчто принадлежащее къ вашей настоящей жизни, нѣчто существующее и всегда существовавшее въ вашемъ сердцѣ; вамъ какъ будто было сказано вашимъ сномъ что-то новое, пророческое, ожидаемое вами; впечатлѣніе ваше сильно: оно радостное или мучительное, но въ чемъ оно заключается и что было сказано вамъ, — всего этого вы не можете ни понять, ни припомнить.

Почти то же было и послѣ этихъ писемъ. Но еще и не развертывая ихъ, князь почувствовалъ, что самый уже фактъ существованія и возможности ихъ похожъ на кошмаръ. Какъ рѣшилась *она ей* писать, спрашивалъ онъ, бродя вечеромъ одинъ (иногда даже самъ не помня, гдѣ ходитъ). Какъ могла она *объ этомъ* писать, и какъ могла такая безумная мечта зародиться въ ея головѣ? Но мечта эта осуществлена, и всего удивительнѣе для него было то, что пока онъ читалъ эти письма, онъ самъ почти вѣрилъ въ возможность и даже въ оправданіе этой мечты. Да, конечно, это былъ сонъ, кошмаръ и безуміе; но тутъ же заключалось и что-то такое, что было мучительно-дѣйствительное и страдальчески-справедливое, что

оправдывало и сонъ, и кошмаръ, и безуміе. Нѣсколько часовъ сряду онъ какъ будто бредилъ тѣмъ, что прочиталъ, припоминалъ поминутно отрывки, останавливался на нихъ, вдумывался въ нихъ. Иногда ему даже хотѣлось сказать себѣ, что онъ все это предчувствовалъ и предугадывалъ прежде; даже казалось ему, что какъ будто онъ уже читалъ это все, когда-то давно, давно, и все, о чемъ онъ тосковалъ съ тѣхъ поръ, все, чѣмъ онъ мучился и чего боялся, — все это заключалось въ этихъ, давно уже прочитанныхъ имъ письмахъ.

«Когда вы развернете это письмо (такъ начиналось первое посланіе), вы прежде всего взглянете на подпись. Подпись все вамъ скажетъ и все разъяснитъ, такъ что мнѣ нечего предъ вами оправдываться и нечего вамъ разъяснять. Будь я хоть сколько-нибудь вамъ равна, вы бы могли еще обидѣться такою дерзостью; но кто я, и кто вы? Мы двѣ такія противоположности, и я до того предъ вами изъ ряду вонъ, что я уже никакъ не могу васъ обидѣть, даже если бъ и захотѣла».

Далѣе въ другомъ мѣстѣ она писала:

«Не считайте моихъ словъ большимъ восторгомъ больного ума, но вы для меня — совершенство! Я васъ видѣла, я вижу васъ каждый день. Вѣдь я не сужу васъ; я не разсудкомъ дошла до того, что вы совершенство; я просто увѣровала. Но во мнѣ есть и грѣхъ предъ вами: я васъ люблю. Совершенство нельзя вѣдь любить; на совершенство можно только смотрѣть какъ на совершенство, не такъ ли? А между тѣмъ я въ васъ влюблена. Хоть любовь и равняетъ людей, но не безпокойтесь, я васъ къ себѣ не приравнивала, даже въ самой затаенной мысли моей. Я вамъ написала: «не безпокойтесь»; развѣ вы можете безпокоиться?.. Если бы было можно, я бы цѣловала слѣды вашихъ ногъ. О, я не равняюсь съ вами... Смотрите на подпись, скорѣе смотрите на подпись!»

«Я однакоже замѣчаю (писала она въ другомъ письмѣ), что я васъ съ нимъ соединяю, и ни разу не спросила еще, любите ли вы его? Онъ васъ полюбилъ, видя васъ только однажды. Онъ о васъ какъ о «свѣтѣ» вспоминалъ; это его собственныя слова, я ихъ отъ него слышала. Но я и безъ словъ поняла, что вы для него свѣтъ. Я цѣлый мѣсяцъ подлѣ него прожила и тутъ поняла, что и вы его любите; вы и онъ для меня одно».

«Что это (пишетъ она еще)? Вчера я прошла мимо васъ, и вы какъ будто покраснѣли? Не можетъ быть, это мнѣ такъ показалось. Если васъ привести даже въ самый грязный вертепъ и показать вамъ обнаженный порокъ, то вы не должны краснѣть; вы никакъ не можете негодовать изъ-за обиды. Вы можете ненавидѣть всѣхъ подлыхъ и низкихъ, но не за себя, а за другихъ, за тѣхъ, кого они обижаютъ. Васъ же никому нельзя обидѣть. Знаете, мнѣ кажется, вы даже любите меня. Для меня вы то же, что и для него: свѣтлый духъ; ангелъ не можетъ ненавидѣть, не можетъ и не любить. Можно ли любить всѣхъ, всѣхъ людей, всѣхъ своихъ ближнихъ, — я часто задавала себѣ этотъ вопросъ? Конечно нѣтъ и даже неестественно. Въ отвлеченной любви къ человѣчеству любишь почти всегда одного себя. Но это намъ невозможно, а вы другое дѣло: какъ могли бы вы не любить кого-нибудь, когда вы ни съ кѣмъ себя не можете сравнивать, и когда вы выше всякой обиды, выше всякаго личнаго негодованія? Вы однѣ можете любить безъ эгоизма, вы однѣ можете любить не для себя самой, а для того, кого вы любите. О, какъ горько было бы мнѣ узнать, что вы чувствуете изъ-за меня стыдъ или гнѣвъ! Тутъ ваша погибель: вы разомъ сравняетесь со мной...

«Вчера я, встрѣтивъ васъ, пришла домой и выдумала одну картину. Христа пишутъ живописцы все по евангельскимъ сказаніямъ; я бы написала иначе:

я бы изобразила Его одного, — оставляли же Его иногда ученики одного. Я оставила бы съ Нимъ только одного маленькаго ребенка. Ребенокъ игралъ подлѣ него; можетъ быть, разсказывалъ Ему что-нибудь на своемъ дѣтскомъ языкѣ, Христосъ его слушалъ, но теперь задумался; рука Его невольно, забывчиво осталась на свѣтлой головкѣ ребенка. Онъ смотритъ вдаль, въ горизонтъ; мысль великая, какъ весь міръ, покоится въ Его взглядѣ; лицо грустное. Ребенокъ замолкъ, облокотился на Его колѣна, и подперши ручкой щеку, поднялъ головку и задумчиво, какъ дѣти иногда задумываются, пристально на Него смотритъ. Солнце заходитъ... Вотъ моя картина! Вы невинны, и въ вашей невинности все совершенство ваше. О, помните только это! Что вамъ за дѣло до моей страсти къ вамъ? Вы теперь уже моя, я буду всю жизнь около васъ... Я скоро умру».

Наконецъ, въ самомъ послѣднемъ письмѣ было:

«Ради Бога, не думайте обо мнѣ ничего; не думайте тоже, что я унижаю себя тѣмъ, что такъ пишу вамъ, или что я принадлежу къ такимъ существамъ, которымъ наслажденіе себя унижать, хотя бы даже и изъ гордости. Нѣтъ, у меня свои утѣшенія; но мнѣ трудно вамъ разъяснить это. Мнѣ трудно было бы даже и себѣ сказать это ясно, хоть я и мучаюсь этимъ. Но я знаю, что не могу себя унизить даже и изъ припадка гордости. А къ самоуниженію отъ чистоты сердца я не способна. А стало быть, я вовсе и не унижаю себя.

«Почему я васъ хочу соединить: для васъ, или для себя? Для себя, разумѣется, тутъ всѣ разрѣшенія мои, я такъ сказала себѣ давно... Я слышала, что ваша сестра Аделаида сказала тогда про мой портретъ, что съ такою красотой можно міръ перевернуть. Но я отказалась отъ міра; вамъ смѣшно это слышать отъ меня, встрѣчая меня въ кружевахъ и въ брилліантахъ,

съ пьяницами и негодяями? Не смотрите на это, я уже почти что не существую и знаю это; Богъ знаетъ, что вмѣсто меня живетъ во мнѣ. Я читаю это каждый день въ двухъ ужасныхъ глазахъ, которые постоянно на меня смотрятъ, даже и тогда, когда ихъ нѣтъ предо мной. Эти глаза теперь *молчатъ* (они все молчатъ), но я знаю ихъ тайну. У него домъ мрачный, скучный, и въ немъ тайна. Я увѣрена, что у него въ ящикѣ спрятана бритва, обмотанная шелкомъ, какъ и у того, московскаго убійцы; тотъ тоже жилъ съ матерью въ одномъ домѣ и тоже перевязалъ бритву шелкомъ, чтобы перерѣзать одно горло. Все время, когда я была у нихъ въ домѣ, мнѣ все казалось, что гдѣ-нибудь, подъ половицей, еще отцомъ его, можетъ быть, спрятанъ мертвый и накрытъ клеенкой, какъ и тотъ московскій, и также обставленъ кругомъ стклянками со ждановскою жидкостью, я даже показала бы вамъ уголъ. Онъ все молчитъ; но вѣдь я знаю, что онъ до того меня любитъ, что уже не могъ не возненавидѣть меня. Ваша свадьба и моя свадьба — вмѣстѣ: такъ мы съ нимъ назначили. У меня тайнъ отъ него нѣтъ. Я бы его убила со страху... Но онъ меня убьетъ прежде... онъ засмѣялся сейчасъ и говоритъ, что я брежу; онъ знаетъ, что я къ вамъ пишу».

И много, много было такого же бреду въ этихъ письмахъ. Одно изъ нихъ, второе, было на двухъ почтовыхъ листахъ, мелко исписанныхъ, большого формата.

Князь вышелъ, наконецъ, изъ темнаго парка, въ которомъ долго скитался, какъ и вчера. Свѣтлая и прозрачная ночь показалась ему еще свѣтлѣе обыкновеннаго; «неужели еще такъ рано?» подумалъ онъ. (Часы онъ забылъ захватить). Гдѣ-то какъ будто послышалась ему отдаленная музыка; «въ вокзалѣ должно быть, — подумалъ онъ опять; — конечно, они не пошли туда сегодня». Сообразивъ это, онъ увидалъ, что сто-

итъ у самой ихъ дачи; онъ такъ и зналъ, что долженъ былъ непремѣнно очутиться, наконецъ, здѣсь и, замирая сердцемъ, ступилъ на террасу. Никто его не встрѣтилъ, терраса была пуста. Онъ подождалъ и отворилъ дверь въ залу. «Эта дверь никогда у нихъ не затворялась», мелькнуло въ немъ, но и зала была пуста; въ ней было совсѣмъ почти темно. Онъ сталъ среди комнаты въ недоумѣніи. Вдругъ отворилась дверь, и вошла Александра Ивановна со свѣчой въ рукахъ. Увидѣвъ князя, она удивилась и остановилась предъ нимъ, какъ бы спрашивая. Очевидно, она проходила только чрезъ комнату, изъ одной двери въ другую, совсѣмъ не думая застать кого-нибудь.

— Какъ вы здѣсь очутились? — проговорила она, наконецъ.

— Я... зашелъ...

— Maman не совсѣмъ здорова, Аглая тоже. Аделаида ложится спать, я тоже иду. Мы сегодня весь вечеръ дома однѣ просидѣли. Папаша и князь въ Петербургѣ.

— Я пришелъ... я пришелъ къ вамъ... теперь...

— Вы знаете, который часъ?

— Н-нѣтъ...

— Половина перваго. Мы всегда въ часъ ложимся.

— Ахъ, я думалъ, что... половина десятаго.

— Ничего! — засмѣялась она. — А зачѣмъ вы давеча не пришли? Васъ, можетъ быть, и ждали.

— Я... думалъ... — лепеталъ онъ, уходя.

— До свиданья! Завтра всѣхъ насмѣшу.

Онъ пошелъ по дорогѣ, огибающей паркъ, къ своей дачѣ. Сердце его стучало, мысли путались, и все кругомъ него какъ бы походило на сонъ. И вдругъ, такъ же какъ и давеча, когда онъ оба раза проснулся на одномъ и томъ же видѣніи, то же видѣніе опять

предстало ему. Та же женщина вышла изъ парка и стала предъ нимъ, точно ждала его тутъ. Онъ вздрогнулъ и остановился; она схватила его руку и крѣпко сжала ее. «Нѣтъ, это не видѣніе!»

И вотъ, наконецъ, она стояла предъ нимъ лицомъ къ лицу, въ первый разъ послѣ ихъ разлуки; она что-то говорила ему, но онъ молча смотрѣлъ на нее; сердце его переполнилось и заныло отъ боли. О, никогда потомъ не могъ онъ забыть эту встрѣчу съ ней и вспоминалъ всегда съ одинаковою болью. Она опустилась предъ нимъ на колѣна, тутъ же на улицѣ, какъ изступленная; онъ отступилъ въ испугѣ, а она ловила его руку, чтобы цѣловать ее, и точно такъ же, какъ и давеча въ его снѣ, слезы блистали теперь на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Встань, встань! — говорилъ онъ испуганнымъ шопотомъ, подымая ее, — встань скорѣе!

— Ты счастливъ? Счастливъ? — спрашивала она. — Мнѣ только одно слово скажи, счастливъ ты теперь? Сегодня, сейчасъ? У ней? Что она сказала?

Она не подымалась, она не слушала его; она спрашивала спѣша и спѣшила говорить, какъ будто за ней была погоня.

— Я ѣду завтра, какъ ты приказалъ. Я не буду . . . Въ послѣдній вѣдь разъ я тебя вижу, въ послѣдній! Теперь совсѣмъ вѣдь въ послѣдній разъ!

— Успокойся, встань! — проговорилъ онъ въ отчаяніи.

Она жадно всматривалась въ него, схватившись за его руки.

— Прощай! — сказала она, наконецъ, встала и быстро пошла отъ него, почти побѣжала. Князь видѣлъ, что подлѣ нея вдругъ очутился Рогожинъ, подхватилъ ее подъ руку и повелъ.

— Подожди, князь, — крикнулъ Рогожинъ, — я черезъ пять минутъ ворочусь на время.

Черезъ пять минутъ онъ пришелъ дѣйствительно; князь ждалъ его на томъ же мѣстѣ.

— Въ экипажъ посадилъ, — сказалъ онъ; — тамъ на углу съ десяти часовъ коляска ждала. Она такъ и знала, что ты у той весь вечеръ пробудешь. Давешнее, что ты мнѣ написалъ, въ точности передалъ. Писать она къ той больше не станетъ; обѣщалась; и отсюда, по желанію твоему, завтра уѣдетъ. Захотѣла тебя видѣть напослѣдяхъ, хоть ты и отказался; тутъ на этомъ мѣстѣ тебя и поджидали, какъ обратно пойдешь, вотъ тамъ на той скамьѣ.

— Она сама тебя съ собой взяла?

— А что жъ? — осклабился Рогожинъ: — увидѣлъ то, что и зналъ. Письма-то прочиталъ знать?

— А развѣ ты ихъ вправду читалъ? — спросилъ князь, пораженный этою мыслью.

— Еще бы; всякое письмо мнѣ сама показывала. Про бритву-то помнишь, хе! хе!

— Безумная! — вскричалъ князь, ломая свои руки.

— Кто про то знаетъ, можетъ и нѣтъ, — тихо проговорилъ Рогожинъ, какъ бы про себя.

Князь не отвѣтилъ.

— Ну, прощай, — сказалъ Рогожинъ, — вѣдь и я завтра поѣду; лихомъ не поминай! А что, братъ, — прибавилъ онъ, быстро обернувшись, — что жъ ты ей въ отвѣтъ ничего не сказалъ? Ты-то счастливъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ князь съ безпредѣльною скорбью.

— Еще бы сказалъ: «да»! — злобно разсмѣялся Рогожинъ и пошелъ не оглядываясь.

Часть четвертая

I

Прошло съ недѣлю послѣ свиданія двухъ лицъ нашего разсказа на зеленой скамейкѣ. Въ одно свѣтлое утро, около половины одиннадцатаго, Варвара Ардаліоновна Птицына, вышедшая посѣтить кой-кого изъ своихъ знакомыхъ, возвратилась домой въ большой и прискорбной задумчивости.

Есть люди, о которыхъ трудно сказать что-нибудь такое, что представило бы ихъ разомъ и цѣликомъ, въ ихъ самомъ типическомъ и характерномъ видѣ; это тѣ люди, которыхъ обыкновенно называютъ людьми «обыкновенными», «большинствомъ», и которые дѣйствительно составляютъ огромное большинство всякаго общества. Писатели въ своихъ романахъ и повѣстяхъ большею частію стараются брать типы общества и представлять ихъ образно и художественно, — типы чрезвычайно рѣдко встрѣчающіеся въ дѣйствительности цѣликомъ, и которые тѣмъ не менѣе почти дѣйствительнѣе самой дѣйствительности. Подколесинъ въ своемъ типическомъ видѣ, можетъ быть, даже и преувеличеніе, но отнюдь не небывальщина. Какое множество умныхъ людей, узнавъ отъ Гоголя про Подколесина, тотчасъ же стали находить, что десятки и сотни ихъ добрыхъ знакомыхъ и друзей ужасно похожи на Подколесина. Они и до Гоголя знали, что

эти друзья ихъ такіе, какъ Подколесинъ, но только не знали еще, что они именно такъ называются. Въ дѣйствительности женихи ужасно рѣдко прыгаютъ изъ окошекъ предъ своими свадьбами, потому что это, не говоря уже о прочемъ, даже и неудобно; тѣмъ не менѣе сколько жениховъ, даже людей достойныхъ и умныхъ, предъ вѣнцомъ сами себя въ глубинѣ совѣсти готовы были признать Подколесиными. Не всѣ тоже мужья кричатъ на каждомъ шагу: «Tu l'as voulu, George Dandin!» Но, Боже, сколько милліоновъ и билліоновъ разъ повторялся мужьями цѣлаго свѣта этотъ сердечный крикъ послѣ ихъ медоваго мѣсяца, и кто знаетъ, можетъ быть, и на другой же день послѣ свадьбы.

Итакъ, не вдаваясь въ болѣе серьезныя объясненія, мы скажемъ только, что въ дѣйствительности типичность лицъ какъ бы разбавляется водой, и всѣ эти Жоржъ-Дандены и Подколесины существуютъ дѣйствительно, снуютъ и бѣгаютъ предъ нами ежедневно, но какъ бы нѣсколько въ разжиженномъ состояніи. Оговорившись, наконецъ, въ томъ, для полноты истины, что и весь Жоржъ-Данденъ цѣликомъ, какъ его создалъ Мольеръ, тоже можетъ встрѣтиться въ дѣйствительности, хотя и рѣдко, мы тѣмъ закончимъ наше разсужденіе, которое начинаетъ становиться похожимъ на журнальную критику. Тѣмъ не менѣе, все-таки предъ нами остается вопросъ: что дѣлать романисту съ людьми ординарными, совершенно «обыкновенными», и какъ выставить ихъ передъ читателемъ, чтобы сдѣлать ихъ хоть сколько-нибудь интересными? Совершенно миновать ихъ въ разсказѣ никакъ нельзя, потому что ординарные люди поминутно и въ большинствѣ необходимое звено въ связи житейскихъ событій; миновавъ ихъ, стало быть, нарушимъ правдоподобіе. Наполнять романы одними типами или даже просто, для интереса, людьми странными и небывалыми, было бы неправдоподобно, да пожалуй, и не интересно. По-

нашему, писателю надо стараться отыскивать интересные и поучительные оттѣнки даже и между ординарностями. Когда же, напримѣръ, самая сущность нѣкоторыхъ ординарныхъ лицъ именно заключается въ ихъ всегдашней и неизмѣнной ординарности или, что еще лучше, когда, несмотря на всѣ чрезвычайныя усилія этихъ лицъ выйти во что бы то ни стало изъ колеи обыкновенности и рутины, они все-таки кончаютъ тѣмъ, что остаются неизмѣнно и вѣчно одною только рутиной, тогда такія лица получаютъ даже нѣкоторую своего рода и типичность, — какъ ординарность, которая ни за что не хочетъ остаться тѣмъ, что она есть, и во что бы то ни стало хочетъ стать оригинальною и самостоятельною, не имѣя ни малѣйшихъ средствъ къ самостоятельности.

Къ этому-то разряду «обыкновенныхъ» или «ординарныхъ» людей принадлежатъ и нѣкоторыя лица нашего разсказа, доселѣ (сознаюсь въ томъ) мало разъясненныя читателю. Таковы именно Варвара Ардаліоновна Птицына, супругъ ея, господинъ Птицынъ, Гаврила Ардаліоновичъ, ея братъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего досаднѣе, какъ быть, напримѣръ, богатымъ, порядочной фамиліи, приличной наружности, недурно образованнымъ, не глупымъ, даже добрымъ, и въ то же время не имѣть никакого таланта, никакой особенности, никакого даже чудачества, ни одной своей собственной идеи, быть рѣшительно «какъ и всѣ». Богатство есть, но не Ротшильдово; фамилія честная, но ничѣмъ никогда себя не ознаменовавшая; наружность приличная, но очень мало выражающая; образованіе порядочное, но не знаешь, на что его употребить; умъ есть, но безъ *своихъ идей;* сердце есть, но безъ великодушія, и т. д., и т. д. во всѣхъ отношеніяхъ. Такихъ людей на свѣтѣ чрезвычайное множество и даже гораздо болѣе, чѣмъ кажется; они раздѣляются, какъ и всѣ люди, на два главные

разряда: одни ограниченные, другіе «гораздо поумнѣй». Первые счастливѣе. Ограниченному «обыкновеняому» человѣку нѣтъ, напримѣръ, ничего легче, какъ вообразить себя человѣкомъ необыкновеннымъ и оригинальнымъ и усладиться тѣмъ безъ всякихъ колебаній. Стоило нѣкоторымъ изъ нашихъ барышень остричь себѣ волосы, надѣть синіе очки и наименоваться нигилистками, чтобы тотчасъ же убѣдиться, что, надѣвъ очки, онѣ немедленно стали имѣть свои собственныя «убѣжденія». Стоило иному только капельку почувствовать въ сердцѣ своемъ что-нибудь изъ какого-нибудь общечеловѣческаго и добраго ощущенія, чтобы немедленно убѣдиться, что ужъ никто такъ не чувствуетъ, какъ онъ, что онъ передовой въ общемъ развитіи. Стоило иному на слово принять какую-нибудь мысль или прочитать страничку чего-нибудь безъ начала и конца, чтобы тотчасъ повѣрить, что это «свои собственныя мысли» и въ его собственномъ мозгу зародились. Наглость наивности, если можно такъ выразиться, въ такихъ случаяхъ доходитъ до удивительнаго; все это невѣроятно, но встрѣчается поминутно. Эта наглость наивности, эта несомнѣваемость глупаго человѣка въ себѣ и въ своемъ талантѣ, превосходно выставлена Гоголемъ въ удивительномъ типѣ поручика Пирогова. Пироговъ даже и не сомнѣвается въ томъ, что онъ геній, даже выше всякаго генія; до того не сомнѣвается, что даже и вопроса себѣ объ этомъ ни разу не задаетъ; впрочемъ, вопросовъ для него и не существуетъ. Великій писатель принужденъ былъ его, наконецъ, высѣчь для удовлетворенія оскорбленнаго нравственнаго чувства своего читателя, но, увидѣвъ, что великій человѣкъ только встряхнулся и для подкрѣпленія силъ послѣ истязанія съѣлъ слоеный пирожокъ, развелъ въ удивленіи руки и такъ оставилъ своихъ читателей. Я всегда горевалъ, что великій Пироговъ взятъ Гоголемъ въ такомъ маленькомъ чинѣ, потому что Пироговъ до того

самоудовлетворимъ, что ему нѣтъ ничего легче, какъ вообразить себя, по мѣрѣ толстѣющихъ и крутящихся на немъ съ годами и «по линіи» эполетъ, чрезвычайнымъ, напримѣръ, полководцемъ; даже и не вообразить, а просто не сомнѣваться въ этомъ: произвели въ генералы, какъ же не полководецъ? И сколько изъ такихъ дѣлаютъ потомъ ужасныя фіаско на полѣ брани? А сколько было Пироговыхъ между нашими литераторами, учеными, пропагандистами. Я говорю «было», но ужъ, конечно, есть и теперь...

Дѣйствующее лицо нашего разсказа, Гаврила Ардаліоновичъ Иволгинъ, принадлежалъ къ другому разряду; онъ принадлежалъ къ разряду людей «гораздо поумнѣе», хотя весь, съ ногъ до головы, былъ зараженъ желаніемъ оригинальности. Но этотъ разрядъ, какъ мы уже и замѣтили выше, гораздо несчастнѣе перваго. Въ томъ-то и дѣло, что *умный* «обыкновенный» человѣкъ, даже если бъ и воображалъ себя мимоходомъ (а пожалуй, и во всю свою жизнь) человѣкомъ геніальнымъ и оригинальнѣйшимъ, тѣмъ не менѣе сохраняетъ въ сердцѣ своемъ червячка сомнѣнія, который доводитъ до того, что умный человѣкъ кончаетъ иногда совершеннымъ отчаяніемъ; если же и покоряется, то уже совершенно отравившись вогнаннымъ внутрь тщеславіемъ. Впрочемъ, мы во всякомъ случаѣ взяли крайность: въ огромномъ большинствѣ этого *умнаго* разряда людей дѣло происходитъ вовсе не такъ трагически; портится развѣ подъ конецъ лѣтъ печенка, болѣе или менѣе, вотъ и все. Но все-таки, прежде чѣмъ смириться и покориться, эти люди чрезвычайно долго иногда куралесятъ, начиная съ юности до покоряющагося возраста, и все изъ желанія оригинальности. Встрѣчаются даже странные случаи: изъза желанія оригинальности иной честный человѣкъ готовъ рѣшиться даже на низкое дѣло; бываетъ даже и такъ, что иной изъ этихъ несчастныхъ не только

честенъ, но даже и добръ, провидѣніе своего семейства, содержитъ и питаетъ своими трудами даже чужихъ, не только своихъ, и что же? всю-то жизнь не можетъ успокоиться! Для него нисколько не успокоительна и не утѣшительна мысль, что онъ такъ хорошо исполнилъ свои человѣческія обязанности; даже, напротивъ, она-то и раздражаетъ его: «Вотъ, дескать, на что ухлопалъ я всю мою жизнь, вотъ что связало меня по рукамъ и по ногамъ, вотъ что помѣшало мнѣ открыть порохъ! Не было бы этого, я, можетъ быть, непремѣнно бы открылъ — либо порохъ, либо Америку, — навѣрно еще не знаю что, но только непремѣнно бы открылъ!» Всего характернѣе въ этихъ господахъ то, что они дѣйствительно всю жизнь свою никакъ не могутъ узнать навѣрно, что именно имъ такъ надо открыть, и что именно они всю жизнь наготовѣ открыть: порохъ или Америку? Но страданія тоски по открываемому, право, достало бы въ нихъ на долю Колумба или Галилея.

Гаврила Ардаліоновичъ именно начиналъ въ этомъ родѣ; но только что еще начиналъ. Долго еще предстояло ему куралесить. Глубокое и безпрерывное самоощущеніе своей безталанности и, въ то же время, непреодолимое желаніе убѣдиться въ томъ, что онъ человѣкъ самостоятельнѣйшій, сильно поранили его сердце, даже чуть ли еще не съ отроческаго возраста. Это былъ молодой человѣкъ съ завистливыми и порывистыми желаніями и, кажется, даже такъ и родившійся съ раздраженными нервами. Порывчатость своихъ желаній онъ принималъ за ихъ силу. При своемъ страстномъ желаніи отличиться, онъ готовъ былъ иногда на самый безразсудный скачокъ; но только что дѣло доходило до безразсуднаго скачка, герой нашъ всегда оказывался слишкомъ умнымъ, чтобы на него рѣшиться. Это убивало его. Можетъ быть, онъ даже рѣшился бы, при случаѣ, и на крайне низкое дѣло, лишь

бы достигнуть чего-нибудь изъ мечтаемаго; но какъ нарочно, только что доходило до черты, онъ всегда оказывался слишкомъ честнымъ для крайне низкаго дѣла. (На маленькое низкое дѣло онъ, впрочемъ, всегда готовъ былъ согласиться). Съ отвращеніемъ и съ ненавистью смотрѣлъ онъ на бѣдность и на упадокъ своего семейства. Даже съ матерью обращался свысока и презрительно, несмотря на то, что самъ очень хорошо понималъ, что репутація и характеръ его матери составляли покамѣстъ главную опорную точку и его карьеры. Поступивъ къ Епанчину, онъ немедленно сказалъ себѣ: «Коли ужъ подличать, такъ ужъ подличать до конца, лишь бы выиграть», и — почти никогда не подличалъ до конца. Да и почему онъ вообразилъ, что ему непремѣнно надо будетъ подличать? Аглаи онъ просто тогда испугался, но не бросилъ съ нею дѣла, а тянулъ его, на всякій случай, хотя никогда не вѣрилъ серьезно, что она снизойдетъ до него. Потомъ, во время своей исторіи съ Настасьей Филипповной, онъ вдругъ вообразилъ себѣ, что достиженіе *всего* — въ деньгахъ. «Подличать, такъ подличать, — повторялъ онъ себѣ тогда каждый день съ самодовольствіемъ, но и съ нѣкоторымъ страхомъ; — ужъ коли подличать, такъ ужъ доходить до верхушки, — одобрялъ онъ себя поминутно; — рутина въ этихъ случаяхъ оробѣетъ, а мы не оробѣемъ!» Проигравъ Аглаю и раздавленный обстоятельствами, онъ совсѣмъ упалъ духомъ и дѣйствительно принесъ князю деньги, брошенныя ему тогда сумасшедшею женщиной, которой принесъ ихъ тоже сумасшедшій человѣкъ. Въ этомъ возвращеніи денегъ онъ потомъ тысячу разъ раскаивался, хотя и непрестанно этимъ тщеславился. Онъ дѣйствительно плакалъ три дня, пока князь оставался тогда въ Петербургѣ, но въ эти три дня онъ успѣлъ и возненавидѣть князя, за то, что тотъ смотрѣлъ на него слишкомъ ужъ сострадательно, тогда какъ фактъ, что онъ воз-

вратилъ такія деньги, «не всякій рѣшился бы сдѣлать». Но благородное самопризнаніе въ томъ, что вся тоска его есть только одно безпрерывно-раздавливаемое тщеславіе, ужасно его мучило. Только уже долгое время спустя разглядѣлъ онъ и убѣдился, какъ серьезно могло бы обернуться у него дѣло съ такимъ невиннымъ и страннымъ существомъ, какъ Аглая. Раскаяніе грызло его; онъ бросилъ службу и погрузился въ тоску и уныніе. Онъ жилъ у Птицына на его содержаніи, съ отцомъ и матерью, и презиралъ Птицына открыто, хотя въ то же время слушался его совѣтовъ и былъ настолько благоразуменъ, что всегда почти спрашивалъ ихъ у него. Гаврила Ардаліоновичъ сердился, напримѣръ, и на то, что Птицынъ не загадываетъ быть Ротшильдомъ и не ставитъ себѣ этой цѣли. «Коли ужъ ростовщикъ, такъ ужъ иди до конца, жми людей, чекань изъ нихъ деньги, стань характеромъ, стань королемъ іудейскимъ!» Птицынъ былъ скроменъ и тихъ; онъ только улыбался, но разъ нашелъ даже нужнымъ объясниться съ Ганей серьезно и исполнилъ это даже съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Онъ доказалъ Ганѣ, что ничего не дѣлаетъ безчестнаго, и что напрасно тотъ называетъ его жидомъ; что если деньги въ такой цѣнѣ, то онъ не виноватъ; что онъ дѣйствуетъ правдиво и честно и, по-настоящему, онъ только агентъ по «этимъ» дѣламъ, и, наконецъ, что благодаря его аккуратности въ дѣлахъ, онъ уже извѣстенъ съ весьма хорошей точки людямъ превосходнѣйшимъ, и дѣла его расширяются. «Ротшильдомъ не буду, да и не для чего, — прибавилъ онъ смѣясь, — а домъ на Литейной буду имѣть, даже, можетъ, и два, и на этомъ кончу». «А кто знаетъ, можетъ, и три!» — думалъ онъ про себя, но никогда не договаривалъ вслухъ и скрывалъ мечту. Природа любитъ и ласкаетъ такихъ людей: она вознаградитъ Птицына не тремя, а четырьмя домами навѣрно, и именно за то, что онъ

съ самаго дѣтства уже зналъ, что Ротшильдомъ никогда не будетъ. Но зато дальше четырехъ домовъ природа ни за что не пойдетъ, и съ Птицынымъ тѣмъ дѣло и кончится.

Совершенно другая особа была сестрица Гаврилы Ардаліоновича. Она тоже была съ желаніями сильными, но болѣе упорными, чѣмъ порывистыми. Въ ней было много благоразумія, когда дѣло доходило до послѣдней черты, но оно же не оставляло ея и до черты. Правда, и она была изъ числа «обыкновенныхъ» людей, мечтающихъ объ оригинальности, но зато она очень скоро успѣла сознать, что въ ней нѣтъ ни капли особенной оригинальности, и горевала объ этомъ не слишкомъ много, — кто знаетъ, можетъ быть, изъ особаго рода гордости. Она сдѣлала свой первый практическій шагъ съ чрезвычайною рѣшимостью, выйдя замужъ за господина Птицына; но выходя замужъ, она вовсе не говорила себѣ: «подличать, такъ ужъ подличать, лишь бы цѣли достичь», какъ не преминулъ бы выразиться при такомъ случаѣ Гаврила Ардаліоновичъ (да чуть ли и не выразился даже при ней самой, когда одобрялъ ея рѣшеніе, какъ старшій братъ). Совсѣмъ даже напротивъ: Варвара Ардаліоновна вышла замужъ послѣ того, какъ увѣрилась основательно, что будущій мужъ ея человѣкъ скромный, пріятный, почти образованный и большой подлости ни за что никогда не сдѣлаетъ. О мелкихъ подлостяхъ Варвара Ардаліоновна не справлялась, какъ о мелочахъ; да гдѣ же и нѣтъ такихъ мелочей? Не идеала же искать! Къ тому же она знала, что, выходя замужъ, даетъ тѣмъ уголъ своей матери, отцу, братьямъ. Видя брата въ несчастіи, она захотѣла помочь ему, несмотря на всѣ прежнія семейныя недоумѣнія. Птицынъ гналъ иногда Ганю, дружески, разумѣется, на службу. «Ты, вотъ, презираешь и генераловъ, и генеральство, — говорилъ онъ ему иногда

шутя, — а посмотри, всѣ «они» кончатъ тѣмъ, что будутъ въ свою очередь генералами; доживешь, такъ увидишь». «Да съ чего они берутъ, что я презираю генераловъ и генеральство?» — саркастически думалъ про себя Ганя. Чтобы помочь брату, Варвара Ардаліоновна рѣшилась расширить кругъ своихъ дѣйствій: она втерлась къ Епанчинымъ, чему много помогли дѣтскія воспоминанія; и она, и братъ еще въ дѣтствѣ играли съ Епанчиными. Замѣтимъ здѣсь, что если бы Варвара Ардаліоновна преслѣдовала какую-нибудь необычайную мечту, посѣщая Епанчиныхъ, то она, можетъ быть, сразу вышла бы тѣмъ самымъ изъ того разряда людей, въ который сама заключила себя; но преслѣдовала она не мечту; тутъ былъ даже довольно основательный расчетъ съ ея стороны: она основывалась на характерѣ этой семьи. Характеръ же Аглаи она изучала безъ устали. Она задала себѣ задачу обернуть ихъ обоихъ, брата и Аглаю, опять другъ къ другу. Можетъ быть, она кое-что и дѣйствительно достигла; можетъ быть, и впадала въ ошибки, разсчитывая, напримѣръ, слишкомъ много на брата и ожидая отъ него того, что онъ никогда и никоимъ образомъ не могъ бы дать. Во всякомъ случаѣ, она дѣйствовала у Епанчиныхъ довольно искусно: по недѣлямъ не упоминала о братѣ, была всегда чрезвычайно правдива и искренна, держала себя просто, но съ достоинствомъ. Что же касается глубины своей совѣсти, то она не боялась въ нее заглянуть и совершенно ни въ чемъ не упрекала себя. Это-то и придавало ей силу. Одно только иногда замѣчала въ себѣ, что и она, пожалуй, злится, что и въ ней очень много самолюбія и чуть ли даже не раздавленнаго тщеславія; особенно замѣчала она это въ иныя минуты, почти каждый разъ, какъ уходила отъ Епанчиныхъ.

И вотъ теперь она возвращалась отъ нихъ же и, какъ мы уже сказали, въ прискорбной задумчивости.

Въ этомъ прискорбіи проглядывало кое-что и горько-насмѣшливое. Птицынъ проживалъ въ Павловскѣ въ невзрачномъ, но помѣстительномъ деревянномъ домѣ, стоявшемъ на пыльной улицѣ, и который скоро долженъ былъ достаться ему въ полную собственность, такъ что онъ уже его, въ свою очередь, начиналъ продавать кому-то. Подымаясь на крыльцо, Варвара Ардаліоновна услышала чрезвычайный шумъ вверху дома и различила кричавшіе голоса брата и папаши. Войдя въ залу и увидѣвъ Ганю, бѣгавшаго взадъ и впередъ по комнатѣ, блѣднаго отъ бѣшенства и чуть не рвавшаго на себѣ волосы, она поморщилась и опустилась съ усталымъ видомъ на диванъ, не снимая шляпки. Очень хорошо понимая, что если она еще промолчитъ съ минуту и не спроситъ брата, зачѣмъ онъ такъ бѣгаетъ, то тотъ непремѣнно разсердится, Варя поспѣшила, наконецъ, произнести въ видѣ вопроса:

— Все прежнее?

— Какое тутъ прежнее! — воскликнулъ Ганя: — Прежнее! Нѣтъ, ужъ тутъ чортъ знаетъ что такое теперь происходитъ, а не прежнее! Старикъ до бѣшенства сталъ доходитъ... мать реветъ. Ей-Богу, Варя, какъ хочешь, я его выгоню изъ дому или... или самъ отъ васъ выйду, — прибавилъ онъ, вѣроятно вспомнивъ, что нельзя же выгонять людей изъ чужого дома.

— Надо имѣть снисхожденіе, — пробормотала Варя.

— Къ чему снисхожденіе? Къ кому? — вспыхнулъ Ганя: — къ его мерзостямъ? Нѣтъ, ужъ какъ хочешь, этакъ нельзя! Нельзя, нельзя, нельзя! И какая манера: самъ виноватъ и еще пуще куражится. «Не хочу въ ворота, разбирай заборъ»!.. Что ты такая сидишь? На тебѣ лица нѣтъ?

— Лицо какъ лицо, — съ неудовольствіемъ отвѣтила Варя.

Ганя пристальнѣе поглядѣлъ на нее.

— Тамъ была? — спросилъ онъ вдругъ.

— Тамъ.

— Стой, опять кричать! Этакой срамъ, да еще въ такое время!

— Какое такое время? Никакого такого особеннаго времени нѣтъ.

Ганя еще пристальнѣе оглядѣлъ сестру.

— Что-нибудь узнала? — спросилъ онъ.

— Ничего неожиданнаго, по крайней мѣрѣ. Узнала, что все это вѣрно. Мужъ былъ правѣе насъ обоихъ; какъ предрекъ съ самаго начала, такъ и вышло. Гдѣ онъ?

— Нѣтъ дома. Что вышло?

— Князь женихъ формальный, дѣло рѣшеное. Мнѣ старшія сказали. Аглая согласна; даже и скрываться перестали. (Вѣдь тамъ все такая таинственность была до сихъ поръ). Свадьбу Аделаиды опять оттянуть, чтобы вмѣстѣ обѣ свадьбы разомъ сдѣлать, въ одинъ день, — поэзія какая! На стихи похоже. Вотъ сочини-ка стихи на бракосочетаніе, чѣмъ даромъ-то по комнатѣ бѣгать. Сегодня вечеромъ у нихъ Бѣлоконская будетъ; кстати пріѣхала; гости будутъ. Его Бѣлоконской представятъ, хоть онъ уже съ ней и знакомъ; кажется, вслухъ объявятъ. Боятся только, чтобъ онъ чего не уронилъ и не разбилъ, когда въ комнату при гостяхъ войдетъ, или самъ бы не шлепнулся; отъ него станется.

Ганя выслушалъ очень внимательно, но къ удивленію сестры, это поразительное для него извѣстіе, кажется, вовсе не произвело на него такого поражающаго дѣйствія.

— Что жъ, это ясно было, — сказалъ онъ, подумавъ: — конецъ, значитъ! — прибавилъ онъ съ какою-то странною усмѣшкой, лукаво заглядывая въ лицо сестры и все еще продолжая ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, но уже гораздо потише.

— Хорошо еще, что ты принимаешь философомъ; я, право, рада, — сказала Варя.

— Да, съ плечъ долой; съ твоихъ, по крайней мѣрѣ.

— Я, кажется, тебѣ искренно служила, не разсуждая и не докучая; я не спрашивала тебя, какого ты счастья хотѣлъ у Аглаи искать.

— Да развѣ я... счастья у Аглаи искалъ?

— Ну, пожалуйста, не вдавайся въ философію! Конечно, такъ. Конечно, и довольно съ насъ: въ дуракахъ. Я на это дѣло, признаюсь тебѣ, никогда серьезно не могла смотрѣть; только «на всякій случай» взялась за него, на смѣшной ея характеръ разсчитывая, а главное, чтобы тебя потѣшить; девяносто шансовъ было, что лопнетъ. Я даже до сихъ поръ сама не знаю, чего ты и добивался-то.

— Теперь пойдете вы съ мужемъ меня на службу гнать; лекціи про упорство и силу воли читать, малымъ не пренебрегать и такъ далѣе, наизусть знаю, — захохоталъ Ганя.

«Что-нибудь новое у него на умѣ!» — подумала Варя.

— Что жъ тамъ — рады, отцы-то? — спросилъ вдругъ Ганя.

— Н-нѣтъ, кажется. Впрочемъ, самъ заключить можешь; Иванъ Ѳедоровичъ доволенъ; мать боится; и прежде съ отвращеніемъ на него какъ на жениха смотрѣла; извѣстно.

— Я не про то; женихъ невозможный и немыслимый, это ясно. Я про теперешнее спрашиваю, теперь-то тамъ, какъ? Формальное дала согласіе?

— Она не сказала до сихъ поръ: «нѣтъ», — вотъ и все; но иначе и не могло отъ нея быть. Ты знаешь, до какого сумасбродства она до сихъ поръ застѣнчива и стыдлива: въ дѣтствѣ она въ шкапъ залѣзала и просиживала въ немъ часа по два, по три, чтобы только

не выходитъ къ гостямъ; дылда выросла, а вѣдь и теперь то же самое. Знаешь, я почему-то думаю, что тамъ дѣйствительно что-то серьезное, даже съ ея стороны. Надъ княземъ она, говорятъ, смѣется изо всѣхъ силъ, съ утра до ночи, чтобы виду не показать, что ужъ навѣрно умѣетъ сказать ему каждый день что-нибудь потихоньку, потому что онъ точно по небу ходитъ, сіяетъ... Смѣшонъ, гоовoрятъ, ужасно. Отъ нихъ же и слышала. Мнѣ показалось тоже, что онѣ надо мной въ глаза смѣялись, старшія-то.

Ганя, наконецъ, сталъ хмуриться; можетъ, Варя и нарочно углублялась въ эту тему, чтобы проникнуть въ его настоящія мысли. Но раздался опять крикъ наверху.

— Я его выгоню! — такъ и рявкнулъ Ганя, какъ будто обрадовавшись сорвать досаду.

— И тогда онъ пойдетъ опять насъ повсемѣстно срамить, какъ вчера.

— Какъ, какъ вчера? Что такое: какъ вчера? Да развѣ... — испугался вдругъ ужасно Ганя.

— Ахъ, Боже мой, развѣ ты не знаешь? — спохватилась Варя.

— Какъ... такъ неужели правда, что онъ тамъ былъ? — воскликнулъ Ганя, вспыхнувъ отъ стыда и бѣшенства, — Боже, да вѣдь ты оттуда! Узнала ты что-нибудь? Былъ тамъ старикъ? Былъ или нѣтъ?

И Ганя бросился къ дверямъ; Варя кинулась къ нему и схватила его обѣими руками.

— Что ты? Ну, куда ты? — говорила она, — выпустишь его теперь, онъ еще хуже надѣлаетъ, по всѣмъ пойдетъ!..

— Что онъ тамъ надѣлалъ? Что говорилъ?

— Да они и сами не умѣли разсказать и не поняли; только всѣхъ напугалъ. Пришелъ къ Ивану Ѳедоровичу, — того не было; потребовалъ Лизавету Прокофьевну. Сначала мѣста просилъ у ней, на служ-

бу поступить, а потомъ сталъ на насъ жаловаться, на меня, на мужа, на тебя особенно... много чего наговорилъ.

— Ты не могла узнать? — трепеталъ, какъ въ истерикѣ, Ганя.

— Да гдѣ ужъ тутъ! Онъ и самъ-то врядъ ли понималъ, что говорилъ, а, можетъ, мнѣ и не передали всего.

Ганя схватился за голову и побѣжалъ къ окну; Варя сѣла у другого окна.

— Смѣшная Аглая, — замѣтила она вдругъ, — останавливаетъ меня и говоритъ: «передайте отъ меня особенное, личное уваженіе вашимъ родителямъ; я навѣрно найду на-дняхъ случай видѣться съ вашимъ папашей». И этакъ серьезно говоритъ. Странно ужасно...

— Не въ насмѣшку? Не въ насмѣшку?

— То-то и есть, что нѣтъ; тѣмъ-то и странно.

— Знаетъ она или не знаетъ про старика, какъ ты думаешь?

— Что въ домѣ у нихъ не знаютъ, такъ въ этомъ нѣтъ для меня и сомнѣнія; но ты мнѣ мысль подалъ: Аглая, можетъ быть, и знаетъ. Одна она и знаетъ, потому что сестры были тоже удивлены, когда она такъ серьезно передавала поклонъ отцу. И съ какой стати именно ему? Если знаетъ, такъ ей князь передалъ!

— Нехитро узнать, кто передалъ! Воръ! Этого еще недоставало. Воръ въ нашемъ семействѣ, «глава семейства»!

— Ну, вздоръ! — крикнула Варя, совсѣмъ разсердившись, — пьяная исторія, больше ничего. И кто это выдумалъ? Лебедевъ, князь... сами-то они хороши: ума палата. Я вотъ во столечко это цѣню.

— Старикъ воръ и пьяница, — желчно продолжалъ Ганя, — я нищій, мужъ сестры ростовщикъ, —

было на что позариться Аглаѣ! Нечего сказать, красиво!

— Этотъ мужъ сестры, ростовщикъ, тебя...

— Кормитъ, что ли? Ты не церемонься, пожалуйста.

— Чего ты злишься? — спохватилась Варя. — Ничего-то не понимаешь, точно школьникъ. Ты думаешь, все это могло повредить тебѣ въ глазахъ Аглаи? Не знаешь ты ея характера; она отъ первѣйшаго жениха отвернется, а къ студенту какому-нибудь умирать съ голоду, на чердакъ, съ удовольствіемъ бы побѣжала, — вотъ ея мечта! Ты никогда и понять не могъ, какъ бы ты въ ея глазахъ интересенъ сталъ, если бы съ твердостью и гордостью умѣлъ переносить нашу обстановку. Князь ее на удочку тѣмъ и поймалъ, что, во-первыхъ, совсѣмъ и не ловилъ, и во-вторыхъ, что онъ на глаза всѣхъ идіотъ. Ужъ одно то, что она семью изъ-за него перемутитъ, — вотъ что ей теперь любо. Э-эхъ, ничего-то вы не понимаете!

— Ну, еще увидимъ, понимаемъ или не понимаемъ, — загадочно пробормоталъ Ганя, — только я все-таки бы не хотѣлъ, чтобъ она узнала о старикѣ. Я думалъ, князь удержится и не разскажетъ. Онъ и Лебедева сдержалъ; онъ и мнѣ не хотѣлъ всего выговорить, когда я присталъ...

— Стало быть, самъ видишь, что и мимо его все уже извѣстно. Да и чего тебѣ теперь? Чего надѣешься? А если бъ и оставалась надежда, то это бы только страдальческій видъ тебѣ въ ея глазахъ придало.

— Ну, скандалу-то и она бы струсила, несмотря на весь романизмъ. Все до извѣстной черты, и всѣ до извѣстной черты; всѣ вы таковы.

— Аглая-то бы струсила? — вспылила Варя, презрительно поглядѣвъ на брата; — а низкая, однакоже, у тебя душонка! Не стòите вы всѣ ничего. Пусть

она смѣшная и чудачка, да зато благороднѣе всѣхъ насъ на тысячу разъ.

— Ну, ничего, ничего, не сердись! — самодовольно пробормоталъ опять Ганя.

— Мнѣ мать только жаль, — продолжала Варя, — боюсь, чтобъ эта отцовская исторія до нея не дошла, ахъ, боюсь!

— И навѣрно дошла, — замѣтилъ Ганя.

Варя было встала, чтобъ отправиться наверхъ къ Нинѣ Александровнѣ, но остановилась и внимательно посмотрѣла на брата.

— Кто же ей могъ сказать?

— Ипполитъ, должно быть. Первымъ удовольствіемъ, я думаю, почелъ матери это отрапортовать, какъ только къ намъ переѣхалъ.

— Да почему онъ-то знаетъ, скажи мнѣ, пожалуйста? Князь и Лебедевъ никому рѣшили не говорить, Коля даже ничего не знаетъ.

— Ипполитъ-то? Самъ узналъ. Представить не можешь, до какой степени это хитрая тварь; какой онъ сплетникъ, какой у него носъ, чтобъ отыскать чутьемъ все дурное, все, что скандально. Ну, вѣрь не вѣрь, а я убѣжденъ, что онъ Аглаю успѣлъ въ руки взять! А не взялъ, такъ возьметъ. Рогожинъ съ нимъ тоже въ сношенія вошелъ. Какъ это князь не замѣчаетъ! И ужъ какъ ему теперь хочется меня подсидѣть! За личнаго врага меня почитаетъ, я это давно раскусилъ, и съ чего, что ему тутъ, вѣдь умретъ, — я понять не могу! Но я его надую; увидишь, что не онъ меня, а я его подсижу.

— Зачѣмъ же ты переманилъ его, когда такъ ненавидишь? И стòитъ онъ того, чтобъ его подсиживать?

— Ты же переманить его къ намъ посовѣтовала.

— Я думала, что онъ будетъ полезенъ; а зна-

ешь, что онъ самъ теперь влюбился въ Аглаю и писалъ къ ней? Меня разспрашивали... чуть ли онъ къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ не писалъ.

— Въ этомъ смыслѣ неопасенъ! — сказалъ Ганя, злобно засмѣявшись; — впрочемъ, вѣрно что-нибудь да не то. Что онъ влюбленъ, это очень можетъ быть, потому что мальчишка! Но... онъ не станетъ анонимныя письма старухѣ писать. Это такая злобная, ничтожная, самодовольная посредственность!.. Я убѣжденъ, я знаю навѣрно, что онъ меня предъ нею интриганомъ выставилъ, съ того и началъ. Я, признаюсь, какъ дуракъ ему проговорился сначала; я думалъ, что онъ изъ одного мщенія къ князю въ мои интересы войдетъ; онъ такая хитрая тварь! О, я раскусилъ его теперь совершенно. А про эту покражу онъ отъ своей же матери слышалъ, отъ капитанши. Старикъ, если и рѣшился на это, такъ для капитанши. Вдругъ мнѣ, ни съ того ни съ сего, сообщаетъ, что «генералъ» его матери четыреста рублей обѣщалъ, и совершенно этакъ ни съ того, ни съ сего, безо всякихъ церемоній. Тутъ я все понялъ. И такъ мнѣ въ глаза и заглядываетъ, съ наслажденіемъ съ какимъ-то; мамашѣ онъ, навѣрно, то же сказалъ, единственно изъ удовольствія сердце ей разорвать. И чего онъ не умираетъ, скажи мнѣ, пожалуйста! Вѣдь обязался чрезъ три недѣли умереть, а здѣсь еще потолстѣлъ! Перестаетъ кашлять; вчера вечеромъ самъ говорилъ, что другой уже день кровью не кашляетъ.

— Выгони его.

— Я не ненавижу его, а презираю, — гордо произнесъ Ганя. — Ну да, да, пусть я его ненавижу, пусть! — вскричалъ онъ вдругъ съ необыкновенною яростью, — и я ему выскажу это въ глаза, когда онъ даже умирать будетъ, на своей подушкѣ! Если бы ты читала его исповѣдь, — Боже, какая наивность наглости. Это поручикъ Пироговъ, это Ноздревъ въ

трагедіи, а главное — мальчишка! О, съ какимъ бы наслажденіемъ я тогда его высѣкъ, именно чтобъ удивить его. Теперь онъ всѣмъ мститъ за то, что тогда не удалось... Но что это? Тамъ опять шумъ! Да что это, наконецъ, такое? Я этого, наконецъ, не потерплю! — вскричалъ онъ входящему въ комнату Птицыну, — что это, до чего у насъ дѣло дойдетъ, наконецъ... Это... это...

Но шумъ быстро приближался, дверь вдругъ распахнулась, и старикъ Иволгинъ, въ гнѣвѣ, багровый, потрясенный, внѣ себя, тоже набросился на Птицына. За старикомъ слѣдовали Нина Александровна, Коля и сзади всѣхъ Ипполитъ.

II

Ипполитъ уже пять дней какъ переселился въ домъ Птицына. Это случилось какъ-то натурально, безъ особыхъ словъ и безъ всякой размолвки между нимъ и княземъ; они не только не поссорились, но, съ виду, какъ будто даже разстались друзьями. Гаврила Ардаліоновичъ, такъ враждебный къ Ипполиту на тогдашнемъ вечерѣ, самъ пришелъ навѣстить его, уже на третій, впрочемъ, день послѣ происшествія, вѣроятно, руководимый какою-нибудь внезапною мыслью. Почему-то и Рогожинъ сталъ тоже приходить къ больному. Князю въ первое время казалось, что даже и лучше будетъ для «бѣднаго мальчика», если онъ переселится изъ его дома. Но и во время своего переселенія Ипполитъ уже выражался, что онъ переселяется къ Птицыну, «который такъ добръ, что даетъ ему уголъ», и ни разу, точно нарочно, не выразился, что переѣзжаетъ къ Ганѣ, хотя Ганя-то и настоялъ, чтобъ его приняли въ домъ. Ганя это тогда же замѣтилъ и обидчиво заключилъ въ свое сердце.

Онъ былъ правъ, говоря сестрѣ, что больной поправился. Дѣйствительно, Ипполиту было нѣсколько лучше прежняго, что замѣтно было съ перваго на него взгляда. Онъ вошелъ въ комнату, не торопясь, позади всѣхъ, съ насмѣшливою и недоброю улыбкой. Нина Александровна вошла очень испуганная. (Она сильно перемѣнилась въ эти полгода, похудѣла; выдавъ замужъ дочь и переѣхавъ къ ней жить, она почти перестала вмѣшиваться наружно въ дѣла своихъ дѣтей). Коля былъ озабоченъ и какъ бы въ недоумѣніи; онъ многаго не понималъ въ «сумасшествіи генерала», какъ онъ выражался, конечно, не зная основныхъ причинъ этой новой сумятицы въ домѣ. Но ему ясно было, что отецъ до того уже вздоритъ, ежечасно и повсемѣстно, и до того вдругъ перемѣнился, что какъ будто совсѣмъ сталъ не тотъ человѣкъ, какъ прежде. Безпокоило его тоже, что старикъ въ послѣдніе три дня совсѣмъ даже пересталъ пить. Онъ зналъ, что онъ разошелся и даже поссорился съ Лебедевымъ и съ княземъ. Коля только что воротился домой съ полуштофомъ водки, который пріобрѣлъ на собственныя деньги.

— Право, мамаша, — увѣрялъ онъ еще наверху Нину Александровну, — право, лучше пусть выпьетъ. Вотъ уже три дня, какъ не прикасался; тоска, стало быть. Право, лучше; я ему и въ долговое носилъ...

Генералъ растворилъ дверь наотлетъ и сталъ на порогѣ, какъ бы дрожа отъ негодованія.

— Милостивый государь! — закричалъ онъ громовымъ голосомъ Птицыну, — если вы, дѣйствительно, рѣшились пожертвовать молокососу и атеисту почтеннымъ старикомъ, отцомъ вашимъ, то-есть по крайней мѣрѣ отцомъ жены вашей, заслуженнымъ у государя своего, то нога моя, съ сего же часу, перестанетъ быть въ домѣ вашемъ. Избирайте, сударь, избирайте немедленно: или я, или этотъ... винтъ! Да, винтъ! Я ска-

залъ нечаянно, но это — винтъ! Потому что онъ винтомъ сверлитъ мою душу, и безо всякаго уваженія... винтомъ!

— Не штопоръ ли? — вставилъ Ипполитъ.

— Нѣтъ, не штопоръ, ибо я предъ тобой генералъ, а не бутылка. Я знаки имѣю, знаки отличія... а ты шишъ имѣешь. Или онъ, или я! Рѣшайте, сударь, сейчасъ же, сей же часъ! — крикнулъ онъ опять въ изступленіи Птицыну. Тутъ Коля подставилъ ему стулъ, и онъ опустился на него почти въ изнеможеніи.

— Право бы, вамъ лучше... заснуть, — пробормоталъ было ошеломленный Птицынъ.

— Онъ же еще и угрожаетъ! — проговорилъ сестрѣ вполголоса Ганя.

— Заснуть! — крикнулъ генералъ, — я не пьянъ, милостивый государь, и вы меня оскорбляете. Я вижу, — продолжалъ онъ, вставая опять, — я вижу, что здѣсь все противъ меня, все и всѣ. Довольно! Я ухожу... Но знайте, милостивый государь, знайте...

Ему не дали договорить и усадили опять; стали упрашивать успокоиться. Ганя въ ярости ушелъ въ уголъ. Нина Александровна трепетала и плакала.

— Да что я сдѣлалъ ему? На что онъ жалуется! — вскричалъ Ипполитъ, скаля зубы.

— А развѣ не сдѣлали? — замѣтила вдругъ Нина Александровна; — ужъ вамъ-то особенно стыдно и... безчеловѣчно старика мучить... да еще на вашемъ мѣстѣ.

— Во-первыхъ, какое такое мое мѣсто, сударыня! Я васъ очень уважаю, васъ именно, лично, но...

— Это винтъ! — кричалъ генералъ, — онъ сверлитъ мою душу и сердце! Онъ хочетъ, чтобъ я атеизму повѣрилъ! Знай, молокососъ, что еще ты не родился, а я уже былъ осыпанъ почестями; а ты только завистливый червь, перерванный надвое, съ кашлемъ... и

умирающій отъ злобы и отъ невѣрія... И зачѣмъ тебя Гаврила перевелъ сюда? Всѣ на меня, отъ чужихъ до родного сына!

— Да полноте, трагедію завелъ! — крикнулъ Ганя, — не срамили бы насъ по всему городу, такъ лучше бы было!

— Какъ, я срамлю тебя, молокососъ! Тебя? Я честь только сдѣлать могу тебѣ, а не обезчестить тебя!

Онъ вскочилъ, и его уже не могли сдержать; но и Гаврила Ардаліоновичъ, видимо, прорвался.

— Туда же о чести! — крикнулъ онъ злобно.

— Что ты сказалъ? — загремѣлъ генералъ, блѣднѣя и шагнувъ къ нему шагъ.

— А то, что мнѣ стоитъ только ротъ открыть, чтобы... — завопилъ вдругъ Ганя и не договорилъ. Оба стояли другъ предъ другомъ, не въ мѣру потрясенные, особенно Ганя.

— Ганя, что ты? — крикнула Нина Александровна, бросаясь останавливать сына.

— Экой вздоръ со всѣхъ сторонъ! — отрѣзала въ негодованіи Варя, — полноте, мамаша, — схватила она ее.

— Только для матери и щажу, — трагически произнесъ Ганя.

— Говори! — ревѣлъ генералъ въ совершенномъ изступленіи, — говори, подъ страхомъ отцовскаго проклятія... говори!

— Ну, вотъ, такъ я испугался вашего проклятія! И кто въ томъ виноватъ, что вы восьмой день какъ помѣшанный? Восьмой день, видите, я по числамъ знаю... Смотрите, не доведите меня до черты; все скажу... Вы зачѣмъ къ Епанчинымъ вчера потащились? Еще старикомъ называется, сѣдые волосы, отецъ семейства! Хорошъ!

— Молчи, Ганька! — закричалъ Коля, — молчи, дуракъ!

— Да чѣмъ я-то, я-то чѣмъ его оскорбилъ? — настаивалъ Ипполитъ, но все какъ будто тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ. — Зачѣмъ онъ меня виштомъ называетъ, вы слышали? Самъ ко мнѣ присталъ; пришелъ сейчасъ и заговорилъ о какомъ-то капитанѣ Еропѣговѣ. Я вовсе не желаю вашей компаніи, генералъ; избѣгалъ и прежде, сами знаете. Что мнѣ за дѣло до капитана Еропѣгова, согласитесь сами? Я не для капитана Еропѣгова сюда переѣхалъ. Я только выразилъ ему вслухъ мое мнѣніе, что, можетъ, этого капитана Еропѣгова совсѣмъ никогда не существовало. Онъ и поднялъ дымъ коромысломъ.

— Безъ сомнѣнія не существовало! — отрѣзалъ Ганя.

Но генералъ стоялъ какъ ошеломленный и только безсмысленно озирался кругомъ. Слова сына поразили его своею чрезвычайною откровенностью. Въ первое мгновеніе онъ не могъ даже и словъ найти. И, наконецъ, только когда Ипполитъ расхохотался на отвѣтъ Гани и прокричалъ: «Ну, вотъ, слышали, собственный вашъ сынъ тоже говоритъ, что никакого капитана Еропѣгова не было», — старикъ пробормоталъ, совсѣмъ сбившись:

— Капитона Еропѣгова, а не капитана... Капитона... подполковникъ въ отставкѣ, Еропѣговъ... Капитонъ.

— Да и Капитона не было! — совсѣмъ ужъ разозлился Ганя.

— По... почему не было? — пробормоталъ генералъ, и краска бросилась ему въ лицо.

— Да полноте, — унимали Птицынъ и Варя.

— Молчи, Ганька! — крикнулъ опять Коля.

Но заступничество какъ бы опамятовало и генерала.

— Какъ не было? Почему не существовало? — грозно вскинулся онъ на сына.

— Такъ, потому что не было. Не было да и только, да совсѣмъ и не можетъ быть! Вотъ вамъ. Отстаньте, говорю вамъ.

— И это сынъ... это мой родной сынъ, котораго я... о, Боже! Еропѣгова, Ерошки Еропѣгова не было!

— Ну, вотъ, то Ерошки, то Капитошки! — ввернулъ Ипполитъ.

— Капитошки, сударь, Капитошки, а не Ерошки! Капитонъ, Капитанъ Алексѣевичъ, то бишь, Капитонъ... подполковникъ... въ отставкѣ... женился на Марьѣ... на Марьѣ Петровнѣ Су... Су... другъ и товарищъ... Сутуговой... съ самаго даже юнкерства. Я за него пролилъ... я заслонилъ... убитъ. Капитошки Еропѣгова не было! Не существовало!

Генералъ кричалъ въ азартѣ, но такъ, что можно было подумать, что дѣло шло объ одномъ, а крикъ шелъ о другомъ. Правда, въ другое время онъ, конечно, вынесъ бы что-нибудь и гораздо пообиднѣе извѣстія о совершенномъ небытіи Капитона Еропѣгова, покричалъ бы, затѣялъ бы исторію, вышелъ бы изъ себя, но все-таки въ концѣ концовъ удалился бы къ себѣ наверхъ спать. Но теперь, по чрезвычайной странности сердца человѣческаго, случилось такъ, что именно подобная обида, какъ сомнѣніе въ Еропѣговѣ, и должна была переполнить чашу. Старикъ побагровѣлъ, поднялъ руки и прокричалъ:

— Довольно! Проклятіе мое... прочь изъ этого дома! Николай, неси мой сакъ, иду... прочь!

Онъ вышелъ, торопясь и въ чрезвычайномъ гнѣвѣ. За нимъ бросились Нина Александровна, Коля и Птицынъ.

— Ну что ты надѣлалъ теперь! — сказала Варя брату, — онъ опять, пожалуй, туда потащится. Сраму-то, сраму-то!

— А не воруй! — крикнулъ Ганя, чуть не за-

хлебываясь отъ злости; вдругъ взглядъ его встрѣтился съ Ипполитомъ; Ганя чуть не затрясся. — А вамъ, милостивый государь, — крикнулъ онъ, — слѣдовало бы помнить, что вы все-таки въ чужомъ домѣ и... пользуетесь гостепріимствомъ, а не раздражать старика, который, очевидно, съ ума сошелъ...

Ипполита тоже какъ будто передернуло, но онъ мигомъ сдержалъ себя.

— Я не совсѣмъ съ вами согласенъ, что вашъ папаша съ ума сошелъ, — спокойно отвѣтилъ онъ; — мнѣ кажется напротивъ, что ему ума даже прибыло въ послѣднее время, ей-Богу; вы не вѣрите? Такой сталъ осторожный, мнительный, все-то вывѣдываеть, каждое слово взвѣшиваетъ... Объ этомъ Капитошкѣ онъ со мной вѣдь съ цѣлью заговорилъ; представьте, онъ хотѣлъ навести меня на...

— Э, чортъ ли мнѣ въ томъ, на что онъ хотѣлъ васъ навести! Прошу васъ не хитрить и не вилять со мной, сударь! — взвизгнулъ Ганя, — если вы тоже знаете настоящую причину, почему старикъ въ такомъ состояніи (а вы такъ у меня шпіонили въ эти пять дней, что навѣрно знаете), то вамъ вовсе бы не слѣдовало раздражать... несчастнаго и мучить мою мать преувеличеніемъ дѣла, потому что все это дѣло вздоръ, одна только пьяная исторія, больше ничего, ничѣмъ даже не доказанная, и я вотъ во столечко ее не цѣню... Но вамъ надо язвить и шпіонить, потому что вы... вы...

— Винтъ, — усмѣхнулся Ипполитъ.

— Потому что вы дрянь, полчаса мучили людей, думая испугать ихъ, что застрѣлитесь вашимъ незаряженнымъ пистолетомъ, съ которымъ вы такъ постыдно сбрендили, манкированный самоубійца, разлившаяся желчь... на двухъ ногахъ. Я вамъ гостепріимство далъ, вы потолстѣли, кашлять перестали, и вы же платите...

— Два слова только, позвольте-съ; я у Варвары Ардаліоновны, а не у васъ; вы мнѣ не давали никакого гостепріимства, и я даже думаю, что вы сами пользуетесь гостепріимствомъ господина Птицына. Четыре дня тому я просилъ мою мать отыскать въ Павловскѣ для меня квартиру и самой переѣхать, потому что я, дѣйствительно, чувствую себя здѣсь легче, хотя вовсе не потолстѣлъ и все-таки кашляю. Мать увѣдомила меня вчера вечеромъ, что квартира готова, а я спѣшу васъ увѣдомить съ своей стороны, что, отблагодаривъ вашу маменьку и сестрицу, сегодня же переѣзжаю къ себѣ, о чемъ и рѣшилъ еще вчера вечеромъ. Извините, я васъ прервалъ; вамъ, кажется, хотѣлось еще много сказать.

— О, если такъ... — задрожалъ Ганя.

— А если такъ, то позвольте мнѣ сѣсть, — прибавилъ Ипполитъ, преспокойно усаживаясь на стулѣ, на которомъ сидѣлъ генералъ, — я вѣдь все-таки боленъ; ну, теперь готовъ васъ слушать, тѣмъ болѣе, что это послѣдній нашъ разговоръ и даже, можетъ быть, послѣдняя встрѣча.

Ганѣ вдругъ стало совѣстно.

— Повѣрьте, что я не унижусь до счетовъ съ вами, — сказалъ онъ, — и если вы...

— Напрасно вы такъ свысока, — прервалъ Ипполитъ; — я, съ своей стороны, еще въ первый день переѣзда моего сюда, далъ себѣ слово, не отказать себѣ въ удовольствіи, отчеканить вамъ все и совершенно откровеннѣйшимъ образомъ, когда мы будемъ прощаться. Я намѣренъ это исполнить именно теперь, послѣ васъ, разумѣется.

— А я прошу васъ оставить эту комнату.

— Лучше говорите, вѣдь будете раскаиваться, что не высказались.

— Перестаньте, Ипполитъ; все это ужасно стыдно; сдѣлайте одолженіе, перестаньте! — сказала Варя.

— Развѣ только для дамы, — разсмѣялся Ипполитъ, вставая. — Извольте, Варвара Ардаліоновна, для васъ я готовъ сократить, но только сократить, потому что нѣкоторое объясненіе между мной и вашимъ братцемъ стало совершенно необходимымъ, а я ни за что не рѣшусь уйти, оставивъ недоумѣнія.

— Просто-запросто, вы сплетникъ, — вскричалъ Ганя, — оттого и не рѣшаетесь безъ сплетенъ уйти.

— Вотъ видите, — хладнокровно замѣтилъ Ипполитъ, — вы ужъ и не удержались. Право, будете раскаиваться, что не высказались. Еще разъ уступаю вамъ слово. Я подожду.

Гаврила Ардаліоновичъ молчалъ и смотрѣлъ презрительно.

— Не хотите. Выдержать характеръ намѣрены, — воля ваша. Съ своей стороны, буду кратокъ по возможности. Два или три раза услышалъ я сегодня упрекъ въ гостепріимствѣ; это несправедливо. Приглашая меня къ себѣ, вы сами меня ловили въ сѣти; вы разсчитывали, что я хочу отмстить князю. Вы услышали къ тому же, что Аглая Ивановна изъявила ко мнѣ участіе и прочла мою исповѣдь. Разсчитывая почему-то, что я весь такъ и предамся въ ваши интересы, вы надѣялись, что можетъ быть, найдете во мнѣ подмогу. Я не объясняюсь подробнѣе! Съ вашей стороны тоже не требую ни признанія, ни подтвержденія; довольно того, что я васъ оставляю съ вашею совѣстью, и что мы отлично понимаемъ теперь другъ друга.

— Но вы Богъ знаетъ что изъ самаго обыкновеннаго дѣла дѣлаете! — вскричала Варя.

— Я сказалъ тебѣ: «сплетникъ и мальчишка», — промолвилъ Ганя.

— Позвольте, Варвара Ардаліоновна, я продолжаю. Князя я, конечно, не могу ни любить, ни уважать; но это человѣкъ рѣшительно добрый, хотя и...

довольно смѣшной. Но ненавидѣть мнѣ его было бы совершенно не за что; я не подалъ виду вашему братцу, когда онъ самъ подстрекалъ меня противъ князя; я именно разсчитывалъ посмѣяться при развязкѣ. Я зналъ, что вашъ братъ мигѣ проговорится и промахнется въ высшей степени. Такъ и случилось... Я готовъ теперь пощадить его, но единственно изъ уваженія къ вамъ, Варвара Ардаліоновна. Но разъяснивъ вамъ, что меня не такъ-то легко поймать на удочку, я разъясню вамъ и то, почему мнѣ такъ хотѣлось поставить вашего братца предъ собой въ дураки. Знайте, что я исполнилъ это изъ ненависти, сознаюсь откровенно. Умирая (потому что я все-таки умру, хоть и потолстѣлъ, какъ вы увѣряете), умирая, я почувствовалъ, что уйду въ рай несравненно спокойнѣе, если успѣю одурачить хоть одного представителя того безчисленнаго сорта людей, который преслѣдовалъ меня всю мою жизнь, который я ненавидѣлъ всю мою жизнь, и котораго такимъ выпуклымъ изображеніемъ служитъ многоуважаемый братъ вашъ. Ненавижу я васъ, Гаврила Ардаліоновичъ, единственно за то, — вамъ это, можетъ быть, покажется удивительнымъ, — *единственно за то*, что вы типъ и воплощеніе, олицетвореніе и верхъ самой наглой, самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности! Вы ординарность напыщенная, ординарность не сомнѣвающаяся и олимпійски успокоенная, вы рутина изъ рутинъ! Ни малѣйшей собственной идеи не суждено воплотиться ни въ умѣ, ни въ сердцѣ вашемъ никогда. Но вы завистливы безконечно; вы твердо убѣждены, что вы величайшій геній, но сомнѣніе все-таки посѣщаетъ васъ иногда въ черныя минуты, и вы злитесь и завидуете. О, у васъ есть еще черныя точки на горизонтѣ; онѣ пройдутъ, когда вы поглупѣете окончательно, что недалеко; но все-таки вамъ предстоитъ длинный и разнообразный путь, не скажу веселый, и этому радъ. Во-

первыхъ, предрекаю вамъ, что вы не достигнете извѣстной особы.

— Ну, это невыносимо! — вскричала Варя. — Кончите ли вы, противная злючка?

Ганя поблѣднѣлъ, дрожалъ и молчалъ. Ипполитъ остановился, пристально и съ наслажденіемъ посмотрѣлъ на него, перевелъ свои глаза на Варю, усмѣхнулся, поклонился и вышелъ, не прибавивъ болѣе ни единаго слова.

Гаврила Ардаліоновичъ справедливо могъ бы пожаловаться на судьбу и неудачу. Нѣкоторое время Варя не рѣшалась заговорить съ нимъ, даже не взглянула на него, когда онъ шагалъ мимо нея крупными шагами; наконецъ, онъ отошелъ къ окну и сталъ къ ней спиной. Варя думала о русской пословицѣ: «палка о двухъ концахъ». Наверху опять послышался шумъ.

— Идешь? — обернулся къ ней вдругъ Ганя, заслышавъ, что она встаетъ съ мѣста. — Подожди; посмотри-ка это.

Онъ подошелъ и кинулъ предъ нею на стулъ маленькую бумажку, сложенную въ видѣ маленькой записочки.

— Господи! — вскричала Варя и всплеснула руками.

Въ запискѣ было ровно семь строкъ:

«Гаврила Ардаліоновичъ! Убѣдившись въ вашемъ добромъ расположеніи ко мнѣ, рѣшаюсь спросить вашего совѣта въ одномъ важномъ для меня дѣлѣ. Я желала бы встрѣтить васъ завтра, ровно въ семь часовъ утра, на зеленой скамейкѣ. Это недалеко отъ нашей дачи. Варвара Ардаліоновна, которая *непремѣнно* должна сопровождать васъ, очень хорошо знаетъ это мѣсто. А. Е.»

— Поди, считайся съ ней послѣ этого! — развела руками Варвара Ардаліоновна.

Какъ ни хотѣлось пофанфаронить въ эту минуту Ганѣ, но не могъ же онъ не выказать своего торжества, да еще послѣ такихъ унизительныхъ предреканій Ипполита. Самодовольная улыбка откровенно засіяла на его лицѣ, да и Варя сама вся просвѣтлѣла отъ радости.

— И это въ тотъ самый день, когда у нихъ объявляютъ о помолвкѣ! Поди, считайся съ ней послѣ этого!

— Какъ ты думаешь, о чемъ она завтра говорить собирается? — спросилъ Ганя.

— Это все равно, главное, видѣться пожелала послѣ шести мѣсяцевъ въ первый разъ. Слушай же меня, Ганя: что бы тамъ ни было, какъ бы ни обернулось, знай, что это *важно!* Слишкомъ это важно! Не фанфаронь опять, не дай опять промаха, но и не трусь, смотри! Могла ли она не раскусить, зачѣмъ я полгода таскалась туда? И представь: ни слова мнѣ не сказала сегодня, виду не подала. Я вѣдь и зашла-то къ нимъ контрабандой, старуха не знала, что я сижу, а то, пожалуй, и прогнала бы. На рискъ для тебя ходила, во что бы то ни стало узнать...

Опять крикъ и шумъ послышались сверху; нѣсколько человѣкъ сходили съ лѣстницы.

— Ни за что теперь этого не допускать! — вскричала Варя впопыхахъ и испуганная, — чтобъ и тѣни скандала не было! Ступай, прощенія проси!

— Но отецъ семейства былъ уже на улицѣ. Коля тащилъ за нимъ сакъ. Нина Александровна стояла на крыльцѣ и плакала; она хотѣла было бѣжать за нимъ, но Птицынъ удержалъ ее.

— Вы только еще болѣе поджигаете его этимъ, — говорилъ онъ ей, — некуда ему идти, чрезъ полчаса его опять приведутъ, а я съ Колей уже говорилъ; дайте подурачиться.

— Что куражитесь-то, куда пойдете-то! — закричалъ Ганя изъ окна, — и идти-то вамъ некуда!

— Воротитесь, папаша! — крикнула Варя. — Сосѣди слышатъ.

Генералъ остановился, обернулся, простеръ свою руку и воскликнулъ:

— Проклятіе мое дому сему!

— И непремѣнно на театральный тонъ! — пробормоталъ Ганя, со стукомъ запирая окно.

Сосѣди, дѣйствительно, слушали. Варя побѣжала изъ комнаты.

Когда Варя вышла, Ганя взялъ со стола записку, поцѣловалъ ее, прищелкнулъ языкомъ и сдѣлалъ антраша.

III

Суматоха съ генераломъ во всякое другое время кончилась бы ничѣмъ. И прежде бывали съ нимъ случаи внезапной блажни, въ этомъ же родѣ, хотя и довольно рѣдко, потому что, вообще говоря, это былъ человѣкъ очень смирный и съ наклонностями почти добрыми. Онъ сто разъ, можетъ быть, вступалъ въ борьбу съ овладѣвшимъ имъ въ послѣдніе годы безпорядкомъ. Онъ вдругъ вспоминалъ, что онъ «отецъ семейства», мирился съ женой, плакалъ искренно. Онъ до обожанія уважалъ Нину Александровну за то, что она такъ много и молча прощала ему, и любила его даже въ его шутовскомъ и унизительномъ видѣ. Но великодушная борьба съ безпорядкомъ обыкновенно продолжалась недолго; генералъ былъ тоже человѣкъ слишкомъ «порывчатый», хотя и въ своемъ родѣ; онъ обыкновенно не выносилъ покаяннаго и празднаго житья въ своемъ семействѣ и кончалъ бунтомъ; впадалъ въ азартъ, въ которомъ самъ, можетъ быть, въ тѣ же самыя минуты и упрекалъ себя, но выдержать не могъ: ссорился, начиналъ говорить пышно и краснорѣчиво, требовалъ безмѣрнаго и невозможнаго къ себѣ почтенія и въ концѣ концовъ исчезалъ изъ

дому, иногда даже на долгое время. Въ послѣдніе два года про дѣла своего семейства онъ зналъ развѣ только вообще или по наслышкѣ; подробнѣе же перестать въ нихъ входить, не чувствуя къ тому ни малѣйшаго призванія.

Но на этотъ разъ въ «суматохѣ съ генераломъ» проявилось нѣчто необыкновенное; всѣ какъ будто про что-то знали, и всѣ какъ будто боялись про что-то сказать. Генералъ «формально» явился въ семейство, то-есть къ Нинѣ Александровнѣ, всего только три дня назадъ, но какъ-то не смиренно и не съ покаяніемъ, какъ это случалось всегда при прежнихъ «явкахъ», а напротивъ — съ необыкновенною раздражительностью. Онъ былъ говорливъ, безпокоенъ, заговаривалъ со всѣми встрѣчавшимися съ нимъ съ жаромъ, и какъ будто такъ и набрасываясь на человѣка, но все о предметахъ до того разнообразныхъ и неожиданныхъ, что никакъ нельзя было добиться, что въ сущности его такъ теперь безпокоитъ. Минутами бывалъ веселъ, но чаще задумывался, самъ, впрочемъ, не зная о чемъ именно; вдругъ начиналъ о чемъ-то разсказывать, — о Епанчиныхъ, о князѣ, о Лебедевѣ, — и вдругъ обрывалъ и переставалъ совсѣмъ говорить, а на дальнѣйшіе вопросы отвѣчалъ только тупою улыбкой, впрочемъ, даже и не замѣчая, что его спрашиваютъ, а онъ улыбается. Послѣднюю ночь онъ провелъ охая и стоная и измучилъ Нину Александровну, которая всю ночь грѣла ему для чего-то припарки; подъ утро вдругъ заснулъ, проспалъ четыре часа и проснулся въ сильнѣйшемъ и безпорядочномъ припадкѣ ипохондріи, который и кончился ссорой съ Ипполитомъ и «проклятіемъ дому сему». Замѣтили тоже, что въ эти три дня онъ безпрерывно впадалъ въ сильнѣйшее честолюбіе, а вслѣдствіе того и въ необыкновенную обидчивость. Коля же настаивалъ, увѣряя мать, что все это тоска по хмельномъ, а можетъ, и по Лебедевѣ,

съ которымъ генералъ необыкновенно сдружился въ послѣднее время. Но три дня тому назадъ съ Лебедевымъ онъ вдругъ поссорился и разошелся въ ужасной ярости; даже съ княземъ была какая-то сцена. Коля просилъ у князя объясненія и сталъ, наконецъ, подозрѣвать, что и тотъ чего-то какъ бы не хочетъ сказать ему. Если и происходилъ, какъ предполагалъ съ совершенною вѣроятностью Ганя, какой-нибудь особенный разговоръ между Ипполитомъ и Ниной Александровной, то странно, что этотъ злой господинъ, котораго Ганя такъ прямо назвалъ сплетникомъ, не нашелъ удовольствія вразумить такимъ же образомъ и Колю. Очень можетъ быть, что это былъ не такой уже злой «мальчишка», какимъ его очерчивалъ Ганя, говоря съ сестрой, а злой какого-нибудь другого сорта; да и Нинѣ Александровнѣ врядъ ли онъ сообщилъ какое-нибудь свое наблюденіе, единственно для того только, чтобы «разорвать ей сердце». Не забудемъ, что причины дѣйствій человѣческихъ обыкновенно безчисленно сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ мы ихъ всегда потомъ объясняемъ, и рѣдко опредѣленно очерчиваются. Всего лучше иногда разсказчику ограничиваться простымъ изложеніемъ событій. Такъ и поступимъ мы при дальнѣйшемъ разъясненіи теперешней катастрофы съ генераломъ; ибо, какъ мы ни бились, а поставлены въ рѣшительную необходимость удѣлить и этому второстепенному лицу нашего разсказа нѣсколько болѣе вниманія и мѣста, чѣмъ до сихъ поръ предполагали.

Событія эти слѣдовали одно за другимъ въ такомъ порядкѣ:

Когда Лебедевъ, послѣ поѣздки своей въ Петербургъ для разысканія Фердыщенки, воротился въ тотъ же день назадъ, вмѣстѣ съ генераломъ, то ничего особеннаго не сообщилъ князю. Если бы князь не былъ въ то время слишкомъ отвлеченъ и занятъ дру-

гими важными для него впечатлѣніями, то онъ могъ скоро замѣтить, что и въ слѣдовавшіе за тѣмъ два дня Лебедевъ не только не представилъ ему никакихъ разъясненій, но даже, напротивъ, какъ бы самъ избѣгалъ почему-то встрѣчи съ нимъ. Обративъ, наконецъ, на это вниманіе, князь подивился, что въ эти два дня, при случайныхъ встрѣчахъ съ Лебедевымъ, онъ припоминалъ его не иначе, какъ въ самомъ сіяющемъ расположеніи духа и всегда почти вмѣстѣ съ генераломъ. Оба друга не разставались уже ни на минуту. Князь слышалъ иногда доносившіеся къ нему сверху громкіе и быстрые разговоры, хохотливый, веселый споръ; даже разъ, очень поздно вечеромъ, донеслись къ нему звуки внезапно и неожиданно раздавшейся военно-вакхической пѣсни, и онъ тотчасъ же узналъ сиплый басъ генерала. Но раздавшаяся пѣсня не состоялась и вдругъ смолкла. Затѣмъ около часа еще продолжался сильно-одушевленный и по всѣмъ признакамъ пьяный разговоръ. Угадать можно было, что забавлявшіеся наверху друзья обнимались, и кто-то, наконецъ, заплакалъ. Затѣмъ вдругъ послѣдовала сильная ссора, тоже быстро и скоро замолкшая. Все это время Коля былъ въ какомъ-то особенно озабоченномъ настроеніи. Князь большею частью не бывалъ дома и возвращался къ себѣ иногда очень поздно; ему всегда докладывали, что Коля весь день искалъ его и спрашивалъ. Но при встрѣчахъ Коля ничего не могъ сказать особеннаго, кромѣ того, что рѣшительно «недоволенъ» генераломъ и теперешнимъ его поведеніемъ: «таскаются, пьянствуютъ здѣсь недалеко въ трактирѣ, обнимаются и бранятся на улицѣ, поджигаютъ другъ друга и разстаться не могутъ». Когда князь замѣтилъ ему, что и прежде то же самое чуть не каждый день было, то Коля рѣшительно не зналъ, что на это отвѣтить и какъ объяснить, въ чемъ именно заключается настоящее его безпокойство.

На утро послѣ вакхической пѣсни и ссоры, когда князь, часовъ около одиннадцати, выходилъ изъ дому, предъ нимъ вдругъ явился генералъ, чрезвычайно чѣмъ-то взволнованный, почти потрясенный.

— Давно искалъ чести и случая встрѣтить васъ, многоуважаемый Левъ Николаевичъ, давно, очень давно, — пробормоталъ онъ, чрезвычайно крѣпко, почти до боли сжимая руку князя, — очень, очень давно.

Князь попросилъ садиться.

— Нѣтъ, не сяду, къ тому же я васъ задерживаю, я — въ другой разъ. Кажется, я могу при этомъ поздравить съ... исполненіемъ... желаній сердца.

— Какихъ желаній сердца?

Князь смутился. Ему, какъ и очень многимъ въ его положеніи, казалось, что рѣшительно никто ничего не видитъ, не догадывается и не понимаетъ.

— Будьте покойны, будьте покойны! Не потревожу деликатнѣйшихъ чувствъ. Самъ испытывалъ и самъ знаю, когда чужой... такъ сказать, носъ... по пословицѣ... лѣзетъ туда, куда его не спрашиваютъ. Я это каждое утро испытываю. Я по другому дѣлу пришелъ, по важному. По очень важному дѣлу, князь.

Князь еще разъ попросилъ сѣсть и сѣлъ самъ.

— Развѣ на одну секунду... Я пришелъ за совѣтомъ. Я, конечно, живу безъ практическихъ цѣлей, но уважая самого себя и... дѣловитость, въ которой такъ манкируетъ русскій человѣкъ, говоря вообще... желаю поставить себя, и жену мою, и дѣтей моихъ въ положеніе... однимъ словомъ, князь, я ищу совѣта.

Князь съ жаромъ похвалилъ его намѣреніе.

— Ну, это все вздоръ, — быстро прервалъ генералъ, — я, главное, не о томъ, я о другомъ и о важномъ. И именно рѣшился разъяснить вамъ, Левъ Николаевичъ, какъ человѣку, въ искренности пріема и

въ благородствѣ чувствъ которагю я увѣренъ, какъ... какъ... Вы не удивляетесь моимъ словамъ, князь?

Князь, если не съ особеннымъ удивленіемъ, то съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и любопытствомъ слѣдилъ за своимъ гостемъ. Старикъ былъ нѣсколько блѣденъ, губы его иногда слегка вздрагивали, руки какъ бы не могли найти спокойнаго мѣста. Онъ сидѣлъ только нѣсколько минутъ и уже раза два успѣлъ для чего-то вдругъ подняться со стула и вдругъ опять сѣсть, очевидно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на свои маневры. На столѣ лежали книги; онъ взялъ одну, продолжая говорить, заглянулъ въ развернутую страницу, тотчасъ же опять сложилъ и положилъ на столъ, схватилъ другую книгу, которую уже не развертывалъ, а продержалъ все остальное время въ правой рукѣ, безпрерывно махая ею по воздуху.

— Довольно! — вскричалъ онъ вдругъ, — вижу, что я васъ сильно обезпокоилъ.

— Да нисколько же, помилуйте, сдѣлайте одолженіе, я, напротивъ, вслушиваюсь и желаю догадаться...

— Князь! Я желаю поставить себя въ положеніе уважаемое... я желаю уважать самого себя и... права мои.

— Человѣкъ съ такимъ желаніемъ уже тѣмъ однимъ достоинъ всякаго уваженія.

Князь высказалъ свою фразу изъ прописей въ твердой увѣренности, что она произведетъ прекрасное дѣйствіе. Онъ какъ-то инстинктивно догадался, что какою-нибудь подобною пустозвонною, но пріятною фразой, сказанною кстати, можно вдругъ покорить и умирить душу такого человѣка и особенно въ такомъ положеніи, какъ генералъ. Во всякомъ случаѣ надо было отпустить такого гостя съ облегченнымъ сердцемъ, и въ томъ была задача.

Фраза польстила, тронула и очень понравилась:

генералъ вдругъ расчувствовался, мгновенно перемѣнилъ тонъ и пустился въ восторженно-длинныя объясненія. Но какъ ни напрягался князь, какъ ни вслушивался, онъ буквально ничего не могъ понять. Генералъ говорилъ минутъ десять, горячо, быстро, какъ бы не успѣвая выговаривать свои тѣснившіяся толпой мысли; даже слезы заблистали подъ конецъ въ его глазахъ, но все-таки это были однѣ фразы безъ начала и конца, неожиданныя слова и неожиданныя мысли, быстро и неожиданно прорывавшіяся и перескакивавшія одна чрезъ другую.

— Довольно! Вы меня поняли, и я спокоенъ, — заключилъ онъ вдругъ, вставая; — сердце, какъ ваше, не можетъ не понять страждущаго. Князь, вы благородны какъ идеалъ! Что предъ вами другіе? Но вы молоды, и я благословляю васъ. Въ концѣ концовъ я пришелъ васъ просить назначить мнѣ часъ для важнаго разговора, и вотъ въ чемъ главнѣйшая надежда моя. Я ищу одной дружбы и сердца, князь; я никогда не могъ сладить съ требованіями моего сердца.

— Но почему же не сейчасъ? Я готовъ выслушать...

— Нѣтъ, князь, нѣтъ! — горячо прервалъ генералъ, — не сейчасъ! Сейчасъ есть мечта! Это слишкомъ, слишкомъ важно, слишкомъ важно! Этотъ часъ разговора будетъ часомъ окончательной судьбы. Это будетъ часъ *мой*, и я бы не желалъ, чтобы насъ могъ прервать въ такую святую минуту первый вошедшій, первый наглецъ, и нерѣдко такой наглецъ, — нагнулся онъ вдругъ къ князю со страннымъ, таинственнымъ и почти испуганнымъ шопотомъ, — такой наглецъ, который не стóитъ каблука... съ ноги вашей, возлюбленный князь! О, я не говорю: съ моей ноги! Особенно замѣтьте себѣ, что я не упоминалъ про мою ногу; ибо слишкомъ уважаю себя, чтобы

высказать это безъ обиняковъ, но только вы одинъ и способны понять, что, отвергая въ такомъ случаѣ и мой каблукъ, я выказываю, можетъ быть, чрезвычайную гордость достоинства. Кромѣ васъ никто другой не пойметъ, а *онъ* во главѣ всѣхъ другихъ. *Онъ* ничего не понимаетъ, князь; совершенно, совершенно неспособенъ понять! Нужно имѣть сердце, чтобы понять!

Подъ конецъ князь почти испугался и назначилъ генералу свиданіе на завтра въ этотъ же часъ. Тотъ вышелъ съ бодростью, чрезвычайно утѣшенный и почти успокоенный. Вечеромъ, въ седьмомъ часу, князь послалъ попросить къ себѣ на минутку Лебедева.

Лебедевъ явился съ чрезвычайною поспѣшностью «за честь почелъ», какъ онъ тотчасъ же и началъ при входѣ; какъ бы и тѣни не было того, что онъ три дня точно прятался и видимо избѣгалъ встрѣчи съ княземъ. Онъ сѣлъ на край стула, съ гримасами, съ улыбками, со смѣющимися и выглядывающими глазками, съ потираніемъ рукъ и съ видомъ наивнѣйшаго ожиданія, что-нибудь услышать, въ родѣ какого-нибудь капитальнаго сообщенія, давно ожидаемаго и всѣми угаданнаго. Князя опять покоробило; ему становилось яснымъ, что всѣ вдругъ стали чего-то ждать отъ него, что всѣ взглядываютъ на него, какъ бы желая его съ чѣмъ-то поздравить, съ намеками, улыбками и подмигиваніями. Келлеръ уже раза три забѣгалъ на минутку, и тоже съ видимымъ желаніемъ поздравить: начиналъ каждый разъ восторженно и неясно, ничего не оканчивалъ и быстро стушевывался. (Онъ гдѣ-то особенно сильно запилъ въ послѣдніе дни и гремѣлъ въ какой-то билліардной). Даже Коля, несмотря на свою грусть, тоже начиналъ раза два о чемъ-то неясно заговаривать съ княземъ.

Князь прямо и нѣсколько раздражительно спросилъ Лебедева, что думаетъ онъ о теперешнемъ со-

стояніи генерала, и почему тотъ въ такомъ безпокойствѣ? Въ нѣсколькихъ словахъ онъ разсказалъ ему давешнюю сцену.

— Всякій имѣетъ свое безпокойство, князь, и... особенно въ нашъ странный и безпокойный вѣкъ-съ; такъ-съ; — съ нѣкоторою сухостью отвѣтилъ Лебедевъ и обиженно замолкъ, съ видомъ человѣка, сильно обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ.

— Какая философія! — усмѣхнулся князь.

— Философія нужна-съ, очень бы нужна была-съ въ нашемъ вѣкѣ, въ практическомъ приложеніи, но ею пренебрегаютъ-съ, вотъ что-съ. Съ моей стороны, многоуважаемый князь, я хоть и бывалъ почтенъ вашею ко мнѣ довѣрчивостью въ нѣкоторомъ извѣстномъ вамъ пунктѣ-съ, но до извѣстной лишь степени и никакъ не далѣе обстоятельствъ, касавшихся собственно одного того пункта... Это я понимаю и нисколько не жалуюсь.

— Лебедевъ, вы какъ будто за что-то сердитесь?

— Нисколько, нимало, многоуважаемый и лучезарнѣйшій князь, нимало! — восторженно вскричалъ Лебедевъ, прикладывая руку къ сердцу, — напротивъ, именно и тотчасъ постигъ, что ни положеніемъ въ свѣтѣ, ни развитіемъ ума и сердца, ни накопленіемъ богатствъ, ни прежнимъ поведеніемъ моимъ, ниже познаніями, — ничѣмъ вашей почтенной и высоко предстоящей надеждамъ моимъ довѣренности не заслуживаю; а что если и могу служить вамъ, то какъ рабъ и наемщикъ, не иначе... я не сержусь, а грущу-съ.

— Лукьянъ Тимоѳеичъ, помилуйте!

— Не иначе! Такъ и теперь, такъ и въ настоящемъ случаѣ! Встрѣчая васъ и слѣдя за вами сердцемъ и мыслью, говорилъ самъ себѣ: дружескихъ сообщеній я недостоинъ, но въ качествѣ хозяина квартиры, можетъ быть, и могу получить въ надлежащее время, къ ожидаемому сроку, такъ сказать, предпи-

саніе, или много что увѣдомленіе въ виду извѣстныхъ предстоящихъ и ожидаемыхъ измѣненій...

Выговаривая это, Лебедевъ такъ и впился своими востренькими глазками въ глядѣвшаго на него съ изумленіемъ князя; онъ все еще былъ въ надеждѣ, удовлетворить свое любопытство.

— Рѣшительно ничего не понимаю, — вскричалъ князь чуть ли не съ гнѣвомъ, — и... вы ужаснѣйшій интриганъ! — разсмѣялся онъ вдругъ самымъ искреннимъ смѣхомъ.

Мигомъ разсмѣялся и Лебедевъ, и просіявшій взглядъ его такъ и выразилъ, что надежды его прояснились и даже удвоились.

— И знаете, что я вамъ скажу, Лукьянъ Тимоѳеичъ? Вы только на меня не сердитесь, а я удивляюсь вашей наивности, да и не одной вашей! Вы съ такою наивностью чего-то отъ меня ожидаете, вотъ именно теперь въ эту минуту, что мнѣ даже совѣстно и стыдно предъ вами, что у меня нѣтъ ничего, чтобъ удовлетворить васъ; но клянусь же вамъ, что рѣшительно нѣтъ ничего, можете себѣ это представить!

Князь опять засмѣялся.

Лебедевъ пріосанился. Это правда, что онъ бывалъ иногда даже слишкомъ наивенъ и назойливъ въ своемъ любопытствѣ; но въ то же время это былъ человѣкъ довольно хитрый и извилистый, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже слишкомъ коварно-молчаливый; безпрерывными отталкиваніями князь почти приготовилъ въ немъ себѣ врага. Но отталкивалъ его князь не потому, что его презиралъ, а потому, что тема любопытства его была деликатна. На нѣкоторыя мечты свои князь смотрѣлъ еще назадъ тому нѣсколько дней какъ на преступленіе, а Лукьянъ Тимоѳеичъ принималъ отказы князя за одно лишь личное къ себѣ отвращеніе и недовѣрчивость, уходилъ съ сердцемъ уязвленнымъ и ревновалъ къ князю не только

Колю и Келлера, но даже собственную дочь свою, Вѣру Лукьяновну. Даже въ самую эту минуту онъ, можетъ быть, могъ бы и желалъ искренно сообщить князю одно въ высшей степени интересное для князя извѣстіе, но мрачно замолкъ и не сообщилъ.

— Чѣмъ же собственно могу услужить вамъ, многоуважаемый князь, такъ какъ все-таки вы меня теперь... кликнули? — проговорилъ онъ, наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да вотъ я собственно о генералѣ, — встрепенулся князь, тоже на минутку задумавшійся, — и... насчетъ вашей этой покражи, о которой вы мнѣ сообщили...

— Это насчетъ чего же-съ?

— Ну вотъ, точно вы теперь меня и не понимаете! Ахъ Боже, что, Лукьянъ Тимоѳеичъ, у васъ все за роли! Деньги, деньги, четыреста рублей, которые вы тогда потеряли, въ бумажникѣ, и про которые приходили сюда разсказывать, поутру, отправляясь въ Петербургъ, — поняли, наконецъ?

— Ахъ, это вы про тѣ четыреста рублей! — протянулъ Лебедевъ, точно лишь сейчасъ только догадался. — Благодарю васъ, князь, за ваше искреннее участіе; оно слишкомъ для меня лестно, но... я ихъ нашелъ-съ, и давно уже.

— Нашли! Ахъ, слава Богу!

— Восклицаніе съ вашей стороны благороднѣйшее, ибо четыреста рублей — слишкомъ не маловажное дѣло для бѣднаго, жившаго тяжелымъ трудомъ человѣка, съ многочисленнымъ семействомъ сиротъ...

— Да я вѣдь не про то! Конечно, я и тому радъ, что вы нашли, — поправился поскорѣе князь, — но... какъ же вы нашли?

— Чрезвычайно просто-съ, нашелъ подъ стуломъ, на которомъ былъ повѣшенъ сюртукъ, такъ что, очевидно, бумажникъ скользнулъ изъ кармана на полъ.

— Какъ подъ стулъ? Не можетъ быть, вѣдь вы же мнѣ говорили, что во всѣхъ углахъ обыскивали; какъ же вы въ этомъ самомъ главномъ мѣстѣ просмотрѣли?

— То-то и есть, что смотрѣлъ-съ! Слишкомъ, слишкомъ хорошо помню, что смотрѣлъ-съ! На карачкахъ ползалъ, щупалъ на этомъ мѣстѣ руками, отставивъ стулъ, собственнымъ глазамъ своимъ не вѣруя: и вижу, что нѣтъ ничего, пустое и гладкое мѣсто, вотъ какъ моя ладонь-съ, а все-таки продолжаю щупать. Подобное малодушіе-съ всегда повторяется съ человѣкомъ, когда ужъ очень хочется отыскать... при значительныхъ и печальныхъ пропажахъ-съ: и видитъ, что нѣтъ ничего, мѣсто пустое, а все-таки разъ пятнадцать въ него заглянетъ.

— Да, положимъ; только какъ же это однако?.. Я все не понимаю, — бормоталъ князь, сбитый съ толку, — прежде, вы говорили, тутъ не было, и вы на этомъ мѣстѣ искали, а тутъ вдругъ очутилось?

— А тутъ вдругъ и очутилось-съ.

Князь странно посмотрѣлъ на Лебедева.

— А генералъ? — вдругъ спросилъ онъ.

— То-есть что же-съ, генералъ-съ? — не понялъ опять Лебедевъ.

— Ахъ, Боже мой! Я спрашиваю, что сказалъ генералъ, когда вы отыскали подъ стуломъ бумажникъ? Вѣдь вы же вмѣстѣ прежде отыскивали.

— Прежде вмѣстѣ-съ. Но въ этотъ разъ я, признаюсь, промолчалъ-съ и предпочелъ не объявлять ему, что бумажникъ уже отысканъ мною, наединѣ.

— Но... почему же?.. А деньги цѣлы?

— Я раскрывалъ бумажникъ; всѣ цѣлы, до единаго даже рубля-съ.

— Хоть бы мнѣ-то пришли сказать, — задумчиво замѣтилъ князь.

— Побоялся лично обезпокоить, князь, при ва-

шихъ личныхъ и, можетъ быть, чрезвычайныхъ, такъ сказать, впечатлѣніяхъ; а кромѣ того, я и самъ-то-съ принялъ видъ, что какъ бы и не находилъ ничего. Бумажникъ развернулъ, осмотрѣлъ, потомъ закрылъ да и опять подъ стулъ положилъ.

— Да для чего же?

— Т-такъ-съ; изъ дальнѣйшаго любопытства-съ, — хихикнулъ вдругъ Лебедевъ, потирая руки.

— Такъ онъ и теперь тамъ лежитъ, съ третьяго дня?

— О, нѣтъ-съ; полежалъ только сутки. Я, видите ли, отчасти хотѣлъ, чтобъ и генералъ отыскалъ-съ. Потому что если я, наконецъ, нашелъ, такъ почему же и генералу не замѣтить предметъ, такъ сказать, бросающійся въ глаза, торчащій изъ-подъ стула. Я нѣсколько разъ поднималъ этотъ стулъ и переставлялъ, такъ что бумажникъ уже совсѣмъ на виду оказывался, но генералъ никакъ не замѣчалъ, и такъ продолжалось цѣлыя сутки. Очень ужъ онъ, видно, разсѣянъ теперь, и не разберешь; говоритъ, разсказываетъ, смѣется, хохочетъ, а то вдругъ ужасно на меня разсердится, не знаю почему-съ. Стали мы, наконецъ, выходить изъ комнаты, а дверь нарочно отпертою и оставляю; онъ-таки поколебался, хотѣлъ что-то сказать, вѣроятно, за бумажникъ съ такими деньгами испугался, но ужасно вдругъ разсердился и ничего не сказалъ-съ; двухъ шаговъ по улицѣ не прошли, онъ меня бросилъ и ушелъ въ другую сторону. Вечеромъ только въ трактирѣ сошлись.

— Но, наконецъ, вы все-таки взяли изъ-подъ стула бумажникъ?

— Нѣтъ-съ; въ ту же ночь онъ изъ-подъ стула пропалъ-съ.

— Такъ гдѣ же онъ теперь-то?

— Да здѣсь-съ, — засмѣялся вдругъ Лебедевъ, подымаясь во весь ростъ со стула и пріятно смотря на

князя, — очутился вдругъ здѣсь, въ полѣ собственнаго моего сюртука. Вотъ, изволите сами посмотрѣть, ощупайте-съ.

Дѣйствительно, въ лѣвой полѣ сюртука, прямо спереди, на самомъ виду, образовался какъ бы цѣлый мѣшокъ, и на ощупь тотчасъ же можно было угадать, что тутъ кожаный бумажникъ, провалившійся туда изъ прорвавшагося кармана.

— Вынималъ и смотрѣлъ-съ, все цѣло-съ. Опять опустилъ, и такъ со вчерашняго утра и хожу, въ полѣ ношу, по ногамъ даже бьетъ.

— А вы и не примѣчаете?

— А я и не примѣчаю-съ, хе-хе! И представьте себѣ, многоуважаемый князь, хотя предметъ и не достоинъ такого особеннаго вниманія вашего, всегда-то карманы у меня цѣлехоньки, а тутъ вдругъ въ одну ночь такая дыра! Сталъ высматривать любопытнѣе, какъ бы перочиннымъ ножичкомъ кто прорѣзалъ; невѣроятно почти-съ?

— А . . . генералъ?

— Цѣлый день сердился, и вчера, и сегодня; ужасно недоволенъ-съ; то радостенъ и вакхиченъ даже до льстивости, то чувствителенъ даже до слезъ, а то вдругъ разсердится, да такъ, что я даже и струшу-съ, ей-Богу-съ; я, князь, все-таки человѣкъ не военный-съ. Вчера въ трактирѣ сидимъ, а у меня какъ бы невзначай пола выставилась на самый видъ, гора горой; косится онъ, сердится. Прямо въ глаза онъ мнѣ теперь давно уже не глядитъ-съ, развѣ когда ужъ очень хмеленъ или расчувствуется; но вчера раза два такъ поглядѣлъ, что просто морозъ по спинѣ прошелъ. Я, впрочемъ, завтра намѣренъ бумажникъ найти, а до завтра еще съ нимъ вечерокъ погуляю.

— За что вы такъ его мучаете? — вскричалъ князь.

— Не мучаю, князь, не мучаю, — съ жаромъ под-

хватилъ Лебедевъ; — я искренно его люблю-съ и... уважаю-съ; а теперь, вотъ вѣрьте не вѣрьте, онъ еще дороже мнѣ сталъ-съ; еще болѣе сталъ цѣнить-съ!

Лебедевъ проговорилъ все это до того серьезно и искренно, что князь пришелъ даже въ негодованіе.

— Любите, а такъ мучаете! Помилуйте, да ужъ тѣмъ однимъ, что онъ такъ на видъ положилъ вамъ пропажу, подъ стулъ да въ сюртукъ, ужъ этимъ однимъ онъ вамъ прямо показываетъ, что не хочетъ съ вами хитрить, а простодушно у васъ прощенія проситъ! Слышите: прощенія проситъ! Онъ на деликатность чувствъ вашихъ, стало быть, надѣется; стало быть, вѣритъ въ дружбу вашу къ нему. А вы до такого униженія доводите такого... честнѣйшаго человѣка!

— Честнѣйшаго, князь, честнѣйшаго! — подхватилъ Лебедевъ, сверкая глазами; — и именно только вы одни, благороднѣйшій князь, въ состояніи были такое справедливое слово сказать! За это-то я и преданъ вамъ даже до обожанія-съ, хоть и прогнилъ отъ разныхъ пороковъ! Рѣшено! Отыскиваю бумажникъ теперь же, сейчасъ же, а не завтра; вотъ, вынимаю его въ вашихъ глазахъ-съ; вотъ онъ; вотъ и деньги всѣ налицо; вотъ, возьмите, благороднѣйшій князь, возьмите и сохраните до завтра. Завтра или послѣзавтра возьму-съ; а знаете, князь, очевидно, что у меня гдѣ-нибудь въ садикѣ подъ камушкомъ пролежали въ первую-то ночь пропажи-съ; какъ вы думаете?

— Смотрите же, не говорите ему такъ прямо въ глаза, что бумажникъ нашли. Пусть просто-запросто онъ увидитъ, что въ полѣ больше нѣтъ ничего, и пойметъ.

— Такъ ли-съ? Не лучше ли сказать, что нашелъ-съ, и притвориться, что до сихъ поръ не догадывался?

— Н-нѣтъ, — задумался князь, — нѣтъ, теперь уже поздно; это опаснѣе; право, лучше не говорите!

А съ нимъ будьте ласковы, но... не слишкомъ дѣлайте видъ, и... и... знаете...

— Знаю, князь, знаю, то-есть знаю, что, пожалуй, и не выполню; ибо тутъ надо сердце такое, какъ ваше, имѣть. Да и къ тому же и самъ раздражителенъ и повадливъ, слишкомъ ужъ онъ свысока сталъ со мной иногда теперь обращаться; то хныческъ и обнимается, а то вдругъ начнетъ унижать и презрительно издѣваться; ну, тутъ я возьму, да нарочно полу-то и выставлю, хе-хе! До свиданья, князь, ибо очевидно задерживаю и мѣшаю, такъ сказать, интереснѣйшимъ чувствамъ...

— Но, ради Бога, прежній секретъ!

— Тихими стопами-съ, тихими стопами-съ!

Но хоть дѣло было и кончено, а князь остался озабоченъ чуть ли не болѣе прежняго. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ завтрашняго свиданія съ генераломъ.

IV

Назначенный часъ былъ двѣнадцатый, но князь совершенно неожиданно опоздалъ. Воротясь домой, онъ засталъ у себя ожидавшаго его генерала. Съ перваго взгляда замѣтилъ онъ, что тотъ недоволенъ и, можетъ быть, именно тѣмъ, что пришлось подождать. Извинившись, князь поспѣшилъ сѣсть, но какъ-то странно робѣя, точно гость его былъ фарфоровый, а онъ поминутно боялся его разбить. Прежде онъ никогда не робѣлъ съ генераломъ, да и въ умъ не приходило робѣть. Скоро князь разглядѣлъ, что это совсѣмъ другой человѣкъ чѣмъ вчера: вмѣсто смятенія и разсѣянности, проглядывала какая-то необыкновенная сдержанность; можно было заключить, что это человѣкъ на что-то рѣшившійся окончательно. Спокойствіе, впрочемъ, было болѣе наружное, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ, гость былъ благородно развязенъ, хотя и со сдержаннымъ достоинствомъ; даже

въ началѣ обращался съ княземъ какъ бы съ видомъ нѣкотораго снисхожденія, — именно такъ, какъ бываютъ иногда благородно развязны иные гордые, но несправедливо обиженные люди. Говорилъ ласково, хотя и не безъ нѣкотораго прискорбія въ выговорѣ.

— Ваша книга, которую я бралъ у васъ намедни, — значительно кивнулъ онъ на принесенную имъ и лежавшую на столѣ книгу, — благодаренъ.

— Ахъ, да; прочли вы эту статью, генералъ? Какъ вамъ понравилась? Вѣдь любопытно? — обрадовался князь возможности поскорѣе начать разговоръ по-постороннѣе.

— Любопытно, пожалуй, но грубо и, конечно, вздорно. Можетъ, и ложь на каждомъ шагу.

Генералъ говорилъ съ апломбомъ, и даже немного растягивая слова.

— Ахъ, это такой простодушный разсказъ; разсказъ стараго солдата очевидца о пребываніи французовъ въ Москвѣ; нѣкоторыя вещи прелесть. Къ тому же всякія записки очевидцевъ драгоцѣнность, даже кто бы ни былъ очевидецъ. Не правда ли?

— На мѣстѣ редактора, я бы не напечаталъ; что же касается вообще до записокъ очевидцевъ, то повѣрятъ скорѣе грубому лгуну, но забавнику, чѣмъ человѣку достойному и заслуженному. Я знаю нѣкоторыя записки о двѣнадцатомъ году, которыя... Я принялъ рѣшеніе, князь, я оставляю этотъ домъ, — домъ господина Лебедева.

Генералъ значительно поглядѣлъ на князя.

— Вы имѣете свою квартиру, въ Павловскѣ, у... у дочери вашей... — проговорилъ князь, не зная что сказать. Онъ вспомнилъ, что вѣдь генералъ пришелъ за совѣтомъ по чрезвычайному дѣлу, отъ котораго зависитъ судьба его.

— У моей жены; другими словами, у себя и въ домѣ моей дочери.

— Извините, я...

— Я оставляю домъ Лебедева потому, милый князь, потому что съ этимъ человѣкомъ порвалъ; порвалъ вчера вечеромъ съ раскаяніемъ, что не раньше. Я требую уваженія, князь, и желаю получить его даже и отъ тѣхъ лицъ, которымъ дарю, такъ сказать, мое сердце. Князь, я часто дарю мое сердце и почти всегда бываю обманутъ. Этотъ человѣкъ былъ недостоинъ моего подарка.

— Въ немъ много безпорядка, — сдержанно замѣтилъ князь, — и нѣкоторыя черты... но среди всего этого замѣчается сердце, хитрый, а иногда и забавный умъ.

Утонченность выраженій, почтительный тонъ видимо польстили генералу, хотя онъ все еще иногда взглядывалъ со внезапною недовѣрчивостью. Но тонъ князя былъ такъ натураленъ и искрененъ, что невозможно было усомниться.

— Что въ немъ есть и хорошія качества, — подхватилъ генералъ, — то я первый заявилъ объ этомъ, чуть не подаривъ этому индивидууму дружбу мою. Не нуждаюсь же я въ его домѣ и въ его гостепріимствѣ, имѣя собственное семейство. Я свои пороки не оправдываю; я невоздерженъ; я пилъ съ нимъ вино и теперь, можетъ быть, плачу объ этомъ. Но вѣдь не для одного же питья (извините, князь, грубость откровенности въ человѣкѣ раздраженномъ), не для одного же питья я связался съ нимъ? Меня именно прельстили, какъ вы говорите, качества. Но все до извѣстной черты, даже и качества; и если онъ вдругъ въ глаза имѣетъ дерзость увѣрять, что въ двѣнадцатомъ году, еще ребенкомъ, въ дѣтствѣ, онъ лишился лѣвой своей ноги и похоронилъ ее на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ, то ужъ это заходитъ за предѣлы, являетъ неуваженіе, показываетъ наглость...

— Можетъ быть, это была только шутка для веселаго смѣха.

— Понимаю-съ. Невинная ложь для веселаго смѣха, хотя бы и грубая, не обижаетъ сердца человѣческаго. Иной и лжетъ-то, если хотите, изъ одной только дружбы, чтобы доставить тѣмъ удовольствіе собесѣднику; но если просвѣчиваетъ неуваженіе, если именно, можетъ быть, подобнымъ неуваженіемъ хотятъ показать, что тяготятся связью, то человѣку благородному остается лишь отвернуться и порвать связь, указавъ обидчику его настоящее мѣсто.

Генералъ даже покраснѣлъ, говоря.

— Да Лебедевъ и не могъ быть въ двѣнадцатомъ году въ Москвѣ; онъ слишкомъ молодъ для этого; это смѣшно.

— Во-первыхъ, это; но положимъ, онъ тогда уже могъ родиться, но какъ же увѣрять въ глаза, что французскій шассеръ навелъ на него пушку и отстрѣлилъ ему ногу, такъ, для забавы; что онъ ногу эту поднялъ и отнесъ домой, потомъ похоронилъ ее на Ваганьковскомъ кладбищѣ, и говоритъ, что поставилъ надъ нею памятникъ, съ надписью, съ одной стороны: «здѣсь погребена нога коллежскаго секретаря Лебедева», а съ другой: «покойся, милый прахъ, до радостнаго утра», и что, наконецъ, служитъ ежегодно по ней панихиду (что уже святотатство) и для этого ежегодно ѣздитъ въ Москву. Въ доказательство же зоветъ въ Москву, чтобы показать и могилу, и даже ту самую французскую пушку въ Кремлѣ, попавшую въ плѣнъ; увѣряетъ, что одиннадцатая отъ воротъ, французскій фальконетъ прежняго устройства.

— И при томъ же вѣдь у него обѣ ноги цѣлы, на виду! — засмѣялся князь, — увѣряю васъ, что это невинная шутка; не сердитесь.

— Но позвольте же и мнѣ понимать-съ; насчетъ ногъ на виду, — что это еще, положимъ, не совсѣмъ невѣроятно; увѣряетъ, что нога Черносвитовская...

— Ахъ да, съ Черносвитовскою ногой, говорятъ, танцовать можно.

— Совершенно знаю-съ, Черносвитовъ, изобрѣтя свою ногу, первымъ дѣломъ тогда забѣжалъ ко мнѣ показать. Но Черносвитовская нога изобрѣтена несравненно позже... И къ тому же увѣряетъ, что даже покойница жена его, въ продолженіе всего ихъ брака, не знала, что у него, у мужа ея, деревянная нога. «Если ты, — говоритъ, когда я замѣтилъ ему всѣ нелѣпости, — если ты въ двѣнадцатомъ году былъ у Наполеона въ камеръ-пажахъ, то и мнѣ позволь похоронить ногу на Ваганьковскомъ».

— А развѣ вы... — началъ было князь и смутился.

Генералъ тоже какъ бы чуть-чуть смутился, но въ то же самое мгновеніе посмотрѣлъ на князя рѣшительно свысока и чуть не съ насмѣшкой.

— Договаривайте, князь, — особенно плавно протянулъ онъ, — договаривайте. Я снисходителенъ, говорите все: признайтесь, что вамъ смѣшна даже мысль видѣть предъ собой человѣка въ настоящемъ его униженіи и... безполезности, и въ то же время слышать, что этотъ человѣкъ былъ личнымъ свидѣтелемъ... великихъ событій. *Онъ* ничего еще не успѣлъ вамъ... насплетничать?

— Нѣтъ; я ничего не слыхалъ отъ Лебедева, если вы говорите про Лебедева...

— Гм... я полагалъ напротивъ. Собственно и разговоръ-то зашелъ вчера между нами все по поводу этой... странной статьи въ «Архивѣ». Я замѣтилъ ея нелѣпость, и такъ какъ я самъ былъ личнымъ свидѣтелемъ... вы улыбаетесь, князь, вы смотрите на мое лицо.

— Н-нѣтъ, я...

— Я моложавъ на видъ, — тянулъ слова генералъ, — но я нѣсколько старѣе годами, чѣмъ кажусь въ самомъ дѣлѣ. Въ двѣнадцатомъ году я былъ лѣтъ

десяти или одиннадцати. Лѣтъ моихъ я и самъ хорошенько не знаю. Въ формулярѣ убавлено, я же имѣлъ слабость убавлять себѣ года и самъ въ продолженіе жизни.

— Увѣряю васъ, генералъ, что совсѣмъ не нахожу страннымъ, что въ двѣнадцатомъ году вы были въ Москвѣ и... конечно, вы можете сообщить... также, какъ и всѣ бывшіе. Одинъ изъ нашихъ автобіографовъ начинаетъ свою книгу именно тѣмъ, что въ двѣнадцатомъ году его, груднаго ребенка, въ Москвѣ, кормили хлѣбомъ французскіе солдаты.

— Вотъ видите, — снисходительно одобрилъ генералъ, — случай со мной, конечно, выходитъ изъ обыкновенныхъ, но не заключаетъ въ себѣ и ничего необычайнаго. Весьма часто правда кажется невозможною. Камеръ-пажъ! Странно слышать, конечно. Но приключеніе съ десятилѣтнимъ ребенкомъ, можетъ быть, именно объясняется его возрастомъ. Съ пятнадцатилѣтнимъ того уже не было бы, и это непремѣнно такъ, потому что пятнадцатилѣтній я бы не убѣжалъ изъ нашего деревяннаго дома, въ Старой Басманной, въ день вшествія Наполеона въ Москву, отъ моей матери, опоздавшей выѣхать изъ Москвы и трепетавшей отъ страха. Пятнадцати лѣтъ и я бы струсилъ, а десяти я ничего не испугался и пробился сквозь толпу къ самому даже крыльцу дворца, когда Наполеонъ слѣзалъ съ лошади.

— Безъ сомнѣнія, вы отлично замѣтили, что именно десяти лѣтъ можно было не испугаться... — поддакнулъ князь, робѣя и мучаясь мыслью, что сейчасъ покраснѣетъ.

— Безъ сомнѣнія, и все произошло такъ просто и натурально, какъ только можетъ происходить въ самомъ дѣлѣ; возьмись за это дѣло романистъ, онъ наплететъ небылицъ и невѣроятностей.

— О, это такъ! — вскричалъ князь, — эта мысль

и меня поражала и даже недавно. Я знаю одно истинное убійство за часы, оно уже теперь въ газетахъ. Пусть бы выдумалъ это сочинитель, — знатоки народной жизни и критики тотчасъ же крикнули бы, что это невѣроятно; а прочтя въ газетахъ какъ фактъ, вы чувствуете, что изъ такихъ-то именно фактовъ поучаетесь русской дѣйствительности. Вы это прекрасно замѣтили, генералъ! — съ жаромъ закончилъ князь, ужасно обрадовавшись, что могъ ускользнуть отъ явной краски въ лицѣ.

— Не правда ли? Не правда ли? — вскричалъ генералъ, засверкавъ даже глазами отъ удовольствія. — Мальчикъ, ребенокъ, не понимающій опасности, пробирается сквозь толпу, чтобъ увидѣть блескъ, мундиры, свиту и, наконецъ, великаго человѣка, о которомъ такъ много накричали ему. Потому что тогда всѣ нѣсколько лѣтъ сряду только и кричали о немъ. Міръ былъ наполненъ этимъ именемъ; я, такъ сказать, съ молокомъ всосалъ. Наполеонъ, проходя въ двухъ шагахъ, нечаянно различаетъ мой взглядъ; я же былъ въ костюмѣ барченка, меня одѣвали хорошо. Одинъ я такой, въ этой толпѣ, согласитесь сами...

— Безъ сомнѣнія, это должно было его поразить и доказало ему, что не всѣ выѣхали, и что остались и дворяне съ дѣтьми.

— Именно, именно! Онъ хотѣлъ привлечь бояръ! Когда онъ бросилъ на меня свой орлиный взглядъ, мои глаза, должно быть, сверкнули въ отвѣтъ ему: «Voilà un garçon bien éveillé! Qui est ton père?» Я тотчасъ отвѣчалъ ему, почти задыхаясь отъ волненія: «генералъ, умершій на поляхъ своего отечества». «Le fils d'un boyard et d'un brave pardessus le marché! J'aime les boyards. M'aimes-tu petit?» На этотъ быстрый вопросъ я такъ же быстро отвѣтилъ: «русское сердце въ состояніи даже въ самомъ врагѣ своего отечества отличить великаго человѣка!» То-

есть, собственно не помню, буквально ли я такъ выразился... я былъ ребенокъ... но смыслъ навѣрно былъ тотъ! Наполеонъ былъ пораженъ, онъ подумалъ и сказалъ своей свитѣ: «я люблю гордость этого ребенка! Но если всѣ русскіе мыслятъ, какъ это дитя, то...» онъ не договорилъ и вошелъ во дворецъ. Я тотчасъ же вмѣшался въ свиту и побѣжалъ за нимъ. Въ свитѣ уже разступались предо мной и смотрѣли на меня какъ на фаворита. Но все это только мелькнуло... Помню только, что, войдя въ первую залу, императоръ вдругъ остановился предъ портретомъ императрицы Екатерины, долго смотрѣлъ на него въ задумчивости и, наконецъ, произнесъ: «Это была великая женщина!» и прошелъ мимо. Чрезъ два дня меня всѣ уже знали во дворцѣ и въ Кремлѣ, и звали «le petit boyard». Я только ночевать уходилъ домой. Дома чуть съ ума не сошли. Еще чрезъ два дня умираетъ камеръ-пажъ Наполеона, баронъ де-Базанкуръ, не вынесшій похода. Наполеонъ вспомнилъ обо мнѣ; меня взяли, привели, не объясняя дѣла, примѣрили на меня мундиръ покойнаго, мальчика лѣтъ двѣнадцати, и когда уже привели меня въ мундирѣ къ императору, и онъ кивнулъ на меня головой, объявили мнѣ, что я удостоенъ милостью и произведенъ въ камеръ-пажи его величества. Я былъ радъ, я дѣйствительно чувствовалъ къ нему, и давно уже, горячую симпатію... ну, и кромѣ того, согласитесь, блестящій мундиръ, что для ребенка составляетъ многое. Я ходилъ въ темно-зеленомъ фракѣ, съ длинными и узкими фалдами; золотыя пуговицы, красныя опушки на рукавахъ съ золотымъ шитьемъ, высокій, стоячій, открытый воротникъ, шитый золотомъ, шитье на фалдахъ; бѣлые лосинные панталоны въ обтяжку, бѣлый шелковый жилетъ, шелковые чулки, башмаки съ пряжками... а во время прогулокъ императора на конѣ, и если я участвовалъ въ свитѣ, высокіе бот-

форты. Хотя положеніе было не блестящее и предчувствовались уже огромныя бѣдствія, но этикетъ соблюдался по возможности, и даже тѣмъ пунктуальнѣе, чѣмъ сильнѣе предчувствовались эти бѣдствія.

— Да, конечно... — пробормоталъ князь, почти съ потеряннымъ видомъ, — ваши записки были бы... чрезвычайно интересны.

Генералъ, конечно, передавалъ уже то, что еще вчера разсказывалъ Лебедеву, и передавалъ, стало быть, плавно; но тутъ опять недовѣрчиво покосился на князя.

— Мои записки, — произнесъ онъ съ удвоенною гордостью, — написать мои записки? Не соблазнило меня это, князь! Если хотите, мои записки уже написаны, но... лежатъ у меня въ пюпитрѣ. Пусть, когда засыплютъ мнѣ глаза землей, пусть тогда появятся и, безъ сомнѣнія, переведутся и на другіе языки, не по литературному ихъ достоинству, нѣтъ, но по важности громаднѣйшихъ фактовъ, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, хотя и ребенкомъ; но тѣмъ паче: какъ ребенокъ, я проникнулъ въ самую интимную, такъ сказать, спальню «великаго человѣка»! Я слышалъ по ночамъ стоны этого «великаго въ несчастіи», онъ не могъ совѣститься стонать и плакать предъ ребенкомъ, хотя я уже и понималъ, что причина его страданій — молчаніе императора Александра.

— Да, вѣдь онъ писалъ письма... съ предложеніями о мирѣ... — робко поддакнулъ князь.

— Собственно намъ неизвѣстно, съ какими именно предложеніями онъ писалъ, но писалъ каждый день, каждый часъ, и письмо за письмомъ! Волновался ужасно. Однажды ночью, наединѣ, я бросился къ нему со слезами (о, я любилъ его!): «Попросите, попросите прощенія у императора Александра!» закричалъ я ему. То-есть, мнѣ надо было бы выразиться: «Помиритесь съ импера-

торомъ Александромъ», но какъ ребенокъ, я наивно высказалъ всю мою мысль. «О, дитя мое! — отвѣчалъ онъ, — онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, — о, дитя мое! — онъ какъ бы не замѣчалъ тогда, что мнѣ десять лѣтъ и даже любилъ разговаривать со мной. — О, дитя мое, я готовъ цѣловать ноги императора Александра, но зато королю Прусскому, но зато Австрійскому императору, о, этимъ вѣчная ненависть и... наконецъ... ты ничего не смыслишь въ политикѣ!» — Онъ какъ бы вспомнилъ вдругъ, съ кѣмъ говоритъ, и замолкъ, но глаза его еще долго метали искры. Ну, опиши я всѣ эти факты, — а я бывалъ свидѣтелемъ и величайшихъ фактовъ, — издай я ихъ теперь, и всѣ эти критики, всѣ эти литературныя тщеславія, всѣ эти зависти, партіи и... нѣтъ-съ, слуга покорный!

— Насчетъ партій вы, конечно, справедливо замѣтили, и я съ вами согласенъ, — тихо отвѣтилъ князь, капельку помолчавъ, — я вотъ тоже очень недавно прочелъ книгу Шарраса о Ватерлооской кампаніи. Книга, очевидно, серьезная, и спеціалисты увѣряютъ, что съ чрезвычайнымъ знаніемъ дѣла написана. Но проглядываетъ на каждой страницѣ радость въ униженіи Наполеона, и если бы можно было оспорить у Наполеона даже всякій признакъ таланта и въ другихъ кампаніяхъ, то Шаррасъ, кажется, былъ бы этому чрезвычайно радъ; а это ужъ нехорошо въ такомъ серьезномъ сочиненіи, потому что это духъ партій. Очень вы были заняты тогда вашею службой у... императора?

Генералъ былъ въ восторгѣ. Замѣчаніе князя своею серьезностью и простодушіемъ разсѣяло послѣдніе остатки его недовѣрчивости.

— Шаррасъ! О, я былъ самъ въ негодованіи! Я тогда же писалъ къ нему, но... я собственно не помню теперь... Вы спрашиваете, занятъ ли я былъ

службой? О, нѣтъ! Меня назвали камеръ-пажемъ, но я уже и тогда не считалъ это серьезнымъ. При томъ же Наполеонъ очень скоро потерялъ всякую надежду приблизить къ себѣ русскихъ, и ужъ, конечно, забылъ бы и обо мнѣ, котораго приблизилъ изъ политики, если бы... если бъ онъ не полюбилъ меня лично, я смѣло говорю это теперь. Меня же влекло къ нему сердце. Служба не спрашивалась; надо было являться иногда во дворецъ и... сопровождать верхомъ императора на прогулкахъ, вотъ и все. Я ѣздилъ верхомъ порядочно. Выѣзжалъ онъ предъ обѣдомъ, въ свитѣ обыкновенно бывали Даву, я, мамелюкъ Рустанъ...

— Констанъ, — выговорилось съ чего-то вдругъ у князя.

— Н-нѣтъ, Констана тогда не было; онъ ѣздилъ тогда съ письмомъ... къ императрицѣ Жозефинѣ; но вмѣсто него два ординарца, нѣсколько польскихъ уланъ... ну, вотъ и вся свита, кромѣ генераловъ, разумѣется, и маршаловъ, которыхъ Наполеонъ бралъ съ собой, чтобъ осматривать съ ними мѣстность, расположеніе войскъ, совѣтоваться... Всего чаще находился при немъ Даву, какъ теперь помню: огромный, полный, хладнокровный человѣкъ въ очкахъ, съ страннымъ взглядомъ. Съ нимъ чаще всего совѣтовался императоръ. Онъ цѣнилъ его мысли. Помню, они совѣщались уже нѣсколько дней; Даву приходилъ и утромъ, и вечеромъ, часто даже спорили; наконецъ, Наполеонъ какъ бы сталъ соглашаться. Они были вдвоемъ въ кабинетѣ, я третій, почти не замѣченный ими. Вдругъ взглядъ Наполеона случайно падаетъ на меня, странная мысль мелькаетъ въ глазахъ его: «Ребенокъ! — говоритъ онъ мнѣ вдругъ: — какъ ты думаешь: если я приму православіе и освобожу вашихъ рабовъ, пойдутъ за мной русскіе или нѣтъ?» — «Никогда!» — вскричалъ я въ негодованіи. На-

полеонъ былъ пораженъ. «Въ заблиставшихъ патріотизмомъ глазахъ этого ребенка, — сказалъ онъ, — я прочелъ мнѣніе всего русскаго народа. Довольно, Даву! Все это фантазіи! Изложите вашъ другой проектъ».

— Да, но и этотъ проектъ была сильная мысль! — сказалъ князь, видимо интересуясь: — такъ вы приписываете этотъ проектъ Даву?

— По крайней мѣрѣ, они совѣщались вмѣстѣ. Конечно, мысль была Наполеоновская, орлиная мысль, но и другой проектъ былъ тоже мысль... Это тотъ самый знаменитый «conseil du lion», какъ самъ Наполеонъ назвалъ этотъ совѣтъ Даву. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы затвориться въ Кремлѣ со всѣмъ войскомъ, настроить бараковъ, окопаться укрѣпленіями, разставить пушки, убить по возможности болѣе лошадей и посолить ихъ мясо; по возможности болѣе достать и намародерничать хлѣба, и прозимовать до весны; а весной пробиться чрезъ русскихъ. Этотъ проектъ сильно увлекъ Наполеона. Мы ѣздили каждый день кругомъ кремлевскихъ стѣнъ, онъ указывалъ, гдѣ ломать, гдѣ строить, гдѣ люнетъ, гдѣ равелинъ, гдѣ рядъ блокъ-гаузовъ, — взглядъ, быстрота, ударъ! Все было, наконецъ, рѣшено; Даву приставалъ за окончательнымъ рѣшеніемъ. Опять они были наединѣ, и я третій. Опять Наполеонъ ходилъ по комнатѣ, скрестя руки. Я не могъ оторваться отъ его лица, сердце мое билось. — «Я иду», — сказалъ Даву. — «Куда?» — спросилъ Наполеонъ. — «Солить лошадей», — сказалъ Даву. Наполеонъ вздрогнулъ, рѣшалась судьба. «Дитя! — сказалъ онъ мнѣ вдругъ: — что ты думаешь о нашемъ намѣреніи?» Разумѣется, онъ спросилъ у меня такъ, какъ иногда человѣкъ величайшаго ума, въ послѣднее мгновеніе, обращается къ орлу или рѣшеткѣ. Вмѣсто Наполеона, я обращаюсь къ Даву и говорю, какъ бы во

вдохновеніи: «Улепетывайте-ка, генералъ, во-свояси!» Проектъ былъ разрушенъ. Даву пожалъ плечами и, выходя, сказалъ шопотомъ: «Bah! Il devient superstiсieux!» А назавтра же было объявлено выступленіе.

— Все это чрезвычайно интересно, — произнесъ князь ужасно тихо, — если это все такъ и было... то-есть, я хочу сказать... — поспѣшилъ было онъ поправиться.

— О, князь! — вскричалъ генералъ, упоенный своимъ разсказомъ до того, что, можетъ быть, уже не могъ бы остановиться даже предъ самою крайнею неосторожностью: — вы говорите: «все это было»! Но было болѣе, увѣряю васъ, что было гораздо болѣе! Все это только факты мизерные, политическіе. Но повторяю же вамъ, я былъ свидѣтелемъ ночныхъ слезъ и стоновъ этого великаго человѣка; а этого ужъ никто не видѣлъ, кромѣ меня! Подъ конецъ, правда, онъ уже не плакалъ, слезъ не было, но только стоналъ иногда; но лицо его все болѣе и болѣе подергивалось какъ бы мракомъ. Точно вѣчность уже осѣняла его мрачнымъ крыломъ своимъ. Иногда, по ночамъ, мы проводили цѣлые часы одни, молча, — мамелюкъ Рустанъ храпитъ, бывало, въ сосѣдней комнатѣ; ужасно крѣпко спалъ этотъ человѣкъ. «Зато онъ вѣренъ мнѣ и династіи», говорилъ про него Наполеонъ. Однажды мнѣ было страшно больно, и вдругъ онъ замѣтилъ слезы на глазахъ моихъ; онъ посмотрѣлъ на меня съ умиленіемъ: «Ты жалѣешь меня! — вскричалъ онъ: — ты, дитя, да еще, можетъ быть, пожалѣетъ меня и другой ребенокъ, мой сынъ, le roi de Rome; остальные всѣ, всѣ меня ненавидятъ, а братья первые продадутъ меня въ несчастіи!» Я зарыдалъ и бросился къ нему; тутъ и онъ не выдержалъ; мы обнялись, и слезы наши смѣшались. «Напишите, напишите письмо къ императрицѣ Жозефинѣ!» прорыдалъ я ему. Наполеонъ вздрогнулъ, подумалъ

и сказалъ мнѣ: «Ты напомнилъ мнѣ о третьемъ сердцѣ, которое меня любитъ; благодарю тебя, другъ мой!» Тутъ же сѣлъ и написалъ то письмо къ Жозефинѣ, съ которымъ назавтра же былъ отправленъ Констанъ.

— Вы сдѣлали прекрасно, — сказалъ князь; — среди злыхъ мыслей, вы навели его на доброе чувство.

— Именно, князь, и какъ прекрасно вы это объясняете, сообразно съ собственнымъ вашимъ сердцемъ! — восторженно вскричалъ генералъ, и, странно, настоящія слезы заблистали въ глазахъ его. — Да, князь, да, это было великое зрѣлище! И знаете ли, я чуть не уѣхалъ за нимъ въ Парижъ и ужъ, конечно, раздѣлилъ бы съ нимъ «знойный островъ заточенья», но увы! судьбы наши раздѣлились! Мы разошлись: онъ — на знойный островъ, гдѣ хотя разъ, въ минуту ужасной скорби, вспомнилъ, можетъ быть, о слезахъ бѣднаго мальчика, обнимавшаго и простившаго его въ Москвѣ; я же былъ отправленъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ нашелъ одну муштровку, грубость товарищей и . . . Увы! Все пошло прахомъ! «Я не хочу тебя отнять у твоей матери и не беру съ собой! — сказалъ онъ мнѣ въ день ретирады, — но я желалъ бы что-нибудь для тебя сдѣлать». Онъ уже садился на коня: «Напишите мнѣ что-нибудь въ альбомъ моей сестры, на память», произнесъ я, робѣя, потому что онъ былъ очень разстроенъ и мраченъ. Онъ вернулся, спросилъ перо, взялъ альбомъ: «Какихъ лѣтъ твоя сестра?» — спросилъ онъ меня, уже держа перо. — «Трехъ лѣтъ», — отвѣчалъ я. — «Petite fille alors». И черкнулъ въ альбомъ:

«Ne mentez jamais».
«*Napoléon, votre ami sincère*».

Такой совѣтъ и въ такую минуту, согласитесь, князь!

— Да, это знаменательно.

— Этотъ листокъ въ золотой рамкѣ, подъ стек-

ломъ, всю жизнь провисѣлъ у сестры моей въ гостиной, на самомъ видномъ мѣстѣ, до самой смерти ея — умерла въ родахъ; гдѣ онъ теперь — не знаю... но... ахъ, Боже мой! Уже два часа! Какъ задержалъ я васъ, князь! Это непростительно.

Генералъ всталъ со стула.

— О, напротивъ, — промямлилъ князь: — вы такъ меня заняли и... наконецъ... это такъ интересно; я вамъ такъ благодаренъ!

— Князь! — сказалъ генералъ, опять сжимая до боли его руку и сверкающими глазами пристально смотря на него, какъ бы самъ вдругъ опомнившись и точно ошеломленный какою-то внезапною мыслію: — князь! Вы до того добры, до того простодушны, что мнѣ становится даже васъ жаль иногда. Я съ умиленіемъ смотрю на васъ; о, благослови васъ Богъ! Пусть жизнь ваша начнется и процвѣтетъ... въ любви. Моя же кончена! О, простите, простите!

Онъ быстро вышелъ, закрывъ лицо руками. Въ искренности его волненія князь не могъ усомниться. Онъ понималъ также, что старикъ вышелъ въ упоеніи отъ своего успѣха; но ему все-таки предчувствовалось, что это былъ одинъ изъ того разряда лгуновъ, которые хотя и лгутъ до сладострастія и даже до самозабвенія, но и на самой высшей точкѣ своего упоенія все-таки подозрѣваютъ про себя, что вѣдь имъ не вѣрятъ, да и не могутъ вѣрить. Въ настоящемъ положеніи своемъ, старикъ могъ опомниться, не въ мѣру устыдиться, заподозрить князя въ безмѣрномъ состраданіи къ нему, оскорбиться. «Не хуже ли я сдѣлалъ, что довелъ его до такого вдохновенія?» — тревожился князь, и вдругъ не выдержалъ и расхохотался ужасно, минутъ на десять. Онъ было сталъ укорять себя за этотъ смѣхъ; но тутъ же понялъ, что не въ чемъ укорять, потому что ему безконечно было жаль генерала.

Предчувствія его сбылись. Вечеромъ же онъ получилъ странную записку, краткую, но рѣшительную. Генералъ увѣдомлялъ, что онъ и съ нимъ разстается навѣки, что уважаетъ его и благодаренъ ему, но даже и отъ него не приметъ «знаковъ состраданія, унижающихъ достоинство и безъ того уже несчастнаго человѣка». Когда князь услышалъ, что старикъ заключился у Нины Александровны, то почти успокоился за него. Но мы уже видѣли, что генералъ надѣлалъ какихъ-то бѣдъ и у Лизаветы Прокофьевны. Здѣсь мы не можемъ сообщить подробностей, но замѣтимъ вкратцѣ, что сущность свиданія состояла въ томъ, что генералъ испугалъ Лизавету Прокофьевну, а горькими намеками на Ганю привелъ ее въ негодованіе. Онъ былъ выведенъ съ позоромъ. Вотъ почему онъ и провелъ такую ночь и такое утро, свихнулся окончательно и выбѣжалъ на улицу чуть не въ помѣшательствѣ.

Коля все еще не понималъ дѣла вполнѣ и даже надѣялся взять строгостію.

— Ну куда мы теперь потащимся, какъ вы думаете, генералъ, — сказалъ онъ: — къ князю не хотите, съ Лебедевымъ разссорились, денегъ у васъ нѣтъ, у меня никогда не бываетъ: вотъ и сѣли теперь на бобахъ, среди улицы.

— Пріятнѣе, сидѣть съ бобами, чѣмъ на бобахъ, — пробормоталъ генералъ, — этимъ ... каламбуромъ я возбудилъ восторгъ ... въ офицерскомъ обществѣ ... сорокъ четвертаго ... Тысяча ... восемьсотъ ... сорокъ четвертаго года, да! .. Я не помню ... О, не напоминай, не напоминай! «Гдѣ моя юность, гдѣ моя свѣжесть!» Какъ вскричалъ ... кто это вскричалъ, Коля?

— Это у Гоголя, въ *Мертвыхъ Душахъ*, папаша, — отвѣтилъ Коля и трусливо покосился на отца.

— Мертвыя души! О, да, мертвыя! Когда похо-

ронишь меня, напиши на могилѣ: «Здѣсь лежитъ мертвая душа!»

«Позоръ преслѣдуетъ меня!»

Это кто сказалъ, Коля?

— Не знаю, папаша.

— Еропѣгова не было! Ерошки Еропѣгова!.. — вскричалъ онъ въ изступленіи, пріостанавливаясь на улицѣ: — и это сынъ, родной сынъ! Еропѣговъ, человѣкъ, замѣнявшій мнѣ одиннадцать мѣсяцевъ брата, за котораго я на дуэль... Ему князь Выгорѣцкій, нашъ капитанъ, говоритъ за бутылкой: «Ты, Гриша, гдѣ свою Анну получилъ, вотъ что скажи?» — «На поляхъ моего отечества, вотъ гдѣ получилъ!» — Я кричу: «Браво, Гриша!» Ну, тутъ и вышла дуэль, а потомъ повѣнчался... съ Марьей Петровной Су... Сутугиной и былъ убитъ на поляхъ... Пуля отскочила отъ моего креста на груди и прямо ему въ лобъ: «Ввѣкъ не забуду!» крикнулъ, и палъ на мѣстѣ. Я... я служилъ честно, Коля; я служилъ благородно, но позоръ — «позоръ преслѣдуетъ меня!» Ты и Нина придете ко мнѣ на могилку... «Бѣдная Нина!» Я прежде ее такъ называлъ, Коля, давно, въ первое время еще, и она такъ любила... Нина, Нина! Что я сдѣлалъ съ твоею участью! За что ты можешь любить меня, терпѣливая душа! У твоей матери душа ангельская, Коля, слышишь ли, ангельская!

— Это я знаю, папаша. Папаша, голубчикъ, воротимтесь домой къ мамашѣ! Она бѣжала за нами. Ну, что вы стали? Точно не понимаете... Ну, чего вы-то плачете?

Коля самъ плакалъ и цѣловалъ у отца руки.

— Ты цѣлуешь мнѣ руки, мнѣ!

— Ну да, вамъ, вамъ. Ну что жъ удивительнаго? Ну, чего вы ревете-то среди улицы, а еще генералъ называется, военный человѣкъ, ну, пойдемте!

— Благослови тебя Богъ, милый мальчикъ, за то,

что почтителенъ былъ къ позорному, — да! къ позорному старикашкѣ, отцу своему... да будетъ и у тебя такой же мальчикъ... le roi de Rome... О, «проклятіе, проклятіе дому сему!»

— Да что жъ это въ самомъ дѣлѣ здѣсь происходитъ! — закипѣлъ вдругъ Коля. — Что такое случилось? Почему вы не хотите вернуться домой теперь? Чего вы съ ума-то сошли?

— Я объясню, я объясню тебѣ... я все скажу тебѣ; не кричи, услышатъ... le roi de Rome... О, тошно мнѣ, грустно мнѣ!

«Няня, гдѣ твоя могила!»

Это кто воскликнулъ, Коля?

— Не знаю, не знаю, кто воскликнулъ! Пойдемте домой сейчасъ, сейчасъ! Я Ганьку исколочу, если надо... да куда жъ вы опять?

Но генералъ тянулъ его на крыльцо одного ближняго дома.

— Куда вы? Это чужое крыльцо!

Генералъ сѣлъ на крыльцо и за руку все притягивалъ къ себѣ Колю.

— Нагнись, нагнись! — бормоталъ онъ: — я тебѣ все скажу... позоръ... нагнись .. ухомъ, ухомъ; я на ухо скажу...

— Да чего вы! — испугался ужасно Коля, подставляя однакоже ухо.

— Le roi de Rome... — прошепталъ генералъ, тоже какъ будто весь дрожа.

— Чего?.. Да какой вамъ дался le roi de Rome?.. Что?

— Я... я... — зашепталъ опять генералъ, все крѣпче и крѣпче цѣпляясь за плечо «своего мальчика», — я... хочу... я тебѣ.. все, Марья, Марья... Петровна Су-су-су...

Коля вырвался, схватилъ самъ генерала за плечи и, какъ помѣшанный, смотрѣлъ на него. Старикъ по-

багровѣлъ, губы его посинѣли, мелкія судороги пробѣгали еще по лицу. Вдругъ онъ склонился и началъ тихо падать на руки Коли.

— Ударъ! — вскричалъ тотъ на всю улицу, догадавшись, наконецъ, въ чемъ дѣло.

V

По правдѣ, Варвара Ардаліоновна, въ разговорѣ съ братомъ, нѣсколько преувеличила точность своихъ извѣстій о сватовствѣ князя за Аглаю Епанчину. Можетъ быть, какъ прозорливая женщина, она предугадала то, что должно было случиться въ близкомъ будущемъ; можетъ быть, огорчившись изъ-за разлетѣвшейся дымомъ мечты (въ которую и сама, по правдѣ, не вѣрила), она, какъ человѣкъ, не могла отказать себѣ въ удовольствіи, преувеличеніемъ бѣды, подлить еще болѣе яду въ сердце брата, впрочемъ, искренно и сострадательно ею любимаго. Но во всякомъ случаѣ она не могла получить отъ подругъ своихъ, Епанчиныхъ, такихъ точныхъ извѣстій; были только намеки, недосказанныя слова, умолчанія, загадки. А можетъ быть, сестры Аглаи и намѣренно въ чемъ-нибудь проболтались, чтобъ и самимъ что-нибудь узнать отъ Варвары Ардаліоновны; могло быть, наконецъ, и то, что и онѣ не хотѣли отказать себѣ въ женскомъ удовольствіи немного подразнить подругу, хотя бы и дѣтства: не могли же онѣ не усмотрѣть во столько времени хоть маленькаго краюшка ея намѣреній.

Съ другой стороны и князь, хотя и совершенно былъ правъ, увѣряя Лебедева, что ничего не можетъ сообщить ему и что съ нимъ ровно ничего не случилось особеннаго, тоже, можетъ быть, ошибался. Дѣйствительно, со всѣми произошло какъ бы нѣчто очень странное: ничего не случилось, и какъ будто въ то же время и очень много случилось. Послѣднее-то и угадала Вар-

вара Ардаліоновна своимъ вѣрнымъ женскимъ инстинктомъ.

Какъ вышло, однакоже, что у Епанчиныхъ всѣ вдругъ разомъ задались одною и согласною мыслію о томъ, что съ Аглаей произошло нѣчто капитальное, и что рѣшается судьба ея, — это очень трудно изложить въ порядкѣ. Но только что блеснула эта мысль, разомъ у всѣхъ, какъ тотчасъ же всѣ разомъ и стали на томъ, что давно уже все разглядѣли и все это ясно предвидѣли; что все ясно было еще съ «бѣднаго рыцаря», даже и раньше, только тогда еще не хотѣли вѣрить въ такую нелѣпость. Такъ утверждали сестры; конечно, и Лизавета Прокофьевна раньше всѣхъ все предвидѣла и узнала, и давно уже у ней «болѣло сердце», но — давно ли, нѣтъ ли, — теперь мысль о князѣ вдругъ стала ей слишкомъ не понутру, собственно потому, что сбивала ее съ толку. Тутъ предстоялъ вопросъ, который надо было немедленно разрѣшить; но не только разрѣшить его нельзя было, а даже и вопроса-то бѣдная Лизавета Прокофьевна не могла поставить предъ собой въ полной ясности, какъ ни билась. Дѣло было трудное: «хорошъ или не хорошъ князь? Хорошо все это или не хорошо? Если не хорошо (что несомнѣнно), то чѣмъ же именно не хорошо? А если, можетъ быть, и хорошо (что тоже возможно), то чѣмъ же опять хорошо?» Самъ отецъ семейства, Иванъ Ѳедоровичъ, былъ, разумѣется, прежде всего удивленъ, но потомъ вдругъ сдѣлалъ признаніе, что вѣдь «ей-Богу, и ему что-то въ этомъ родѣ все это время мерещилось, нѣтъ-нѣтъ, и вдругъ какъ будто и померещится!» Онъ тотчасъ же умолкъ подъ грознымъ взглядомъ своей супруги, но умолкъ онъ утромъ, а вечеромъ, наединѣ съ супругой и принужденный опять говорить, вдругъ и какъ бы съ особенною бодростью выразилъ нѣсколько неожиданныхъ мыслей: «Вѣдь въ сущности что жъ?.. (Умолчаніе). Конечно, все это очень странно, если

только правда, и что онъ не споритъ, но»... (Опять умолчаніе). «А съ другой стороны, если глядѣть на вещи прямо, то князь, вѣдь, ей-Богу, чудеснѣйшій парень, и... и, и — ну, наконецъ, имя же, родовое наше имя, все это будетъ имѣть видъ, такъ сказать, поддержки родового имени, находящагося въ униженіи, въ глазахъ свѣта, то-есть, смотря съ этой точки зрѣнія, то-есть, потому... конечно, свѣтъ; свѣтъ есть свѣтъ; но все же и князь не безъ состоянія, хотя бы только даже и нѣкотораго. У него есть... и... и... и»... (Продолжительное умолчаніе и рѣшительная осѣчка). Выслушавъ супруга, Лизавета Прокофьевна вышла изъ всякихъ границъ.

По ея мнѣнію, все происшедшее было «непростительнымъ и даже преступнымъ вздоромъ, фантастическая картина какая-то, глупая и нелѣпая!» Прежде всего ужъ то, что «этотъ князишка — больной идіотъ, второе — дуракъ, ни свѣта не знаетъ, ни мѣста на свѣтѣ не имѣетъ: кому его покажешь, куда приткнешь? Демократъ какой-то непозволительный, даже и чинишка-то нѣтъ, и... и... и... что скажетъ Бѣлоконская? Да и такого ли, такого ли мужа воображали и прочили мы Аглаѣ?» Послѣдній аргументъ былъ, разумѣется, самый главный. Сердце матери дрожало отъ этого помышленія, кровью обливалось и слезами, хотя въ то же время что-то и шевелилось внутри этого сердца, вдругъ говорившее ей: «а чѣмъ бы князь не такой, какого вамъ надо?» Ну, вотъ эти-то возраженія собственнаго сердца и были всего хлопотливѣе для Лизаветы Прокофьевны.

Сестрамъ Аглаи почему-то понравилась мысль о князѣ; даже казалась не очень и странною; однимъ словомъ, онѣ вдругъ могли очутиться даже совсѣмъ на его сторонѣ. Но обѣ онѣ рѣшились молчать. Разъ навсегда замѣчено было въ семействѣ, что чѣмъ упорнѣе и настойчивѣе возрастали иногда, въ какомъ-ни-

будь общемъ и спорномъ семейномъ пунктѣ, возраженія и отпоры Лизаветы Прокофьевны, тѣмъ болѣе это могло служить для всѣхъ признакомъ, что она, можетъ быть, ужъ и соглашается съ этимъ пунктомъ. Но Александрѣ Ивановнѣ нельзя было, впрочемъ, совершенно умолкнуть. Давно уже, признавъ ее за свою совѣтчицу, мамаша поминутно призывала ее теперь и требовала ея мнѣній, а главное — воспоминаній, то-есть: «какъ же это все случилось? Почему этого никто не видалъ? Почему тогда не говорили? Что означалъ тогда этотъ скверный «бѣдный рыцарь»? Почему она одна, Лизавета Прокофьевна, осуждена обо всѣхъ заботиться, все замѣчать и предугадывать, а всѣ прочіе — однѣхъ воронъ считать?» и пр., и пр. Александра Ивановна сначала была осторожна и замѣтила только, что ей кажется довольно вѣрною идея папаши о томъ, что въ глазахъ свѣта можетъ показаться очень удовлетворительнымъ выборъ князя Мышкина въ мужья для одной изъ Епанчиныхъ. Мало-по-малу, разгорячившись, она прибавила даже, что князь вовсе не «дурачокъ» и никогда такимъ не былъ, а насчетъ значенія, — то вѣдь еще Богъ знаетъ, въ чемъ будетъ полагаться черезъ нѣсколько лѣтъ значеніе порядочнаго человѣка у насъ въ Россіи: въ прежнихъ ли обязательныхъ успѣхахъ по службѣ, или въ чемъ другомъ? На все это мамаша немедленно отчеканила, что Александра «вольнодумка, и что все это ихъ проклятый женскій вопросъ». Затѣмъ чрезъ полчаса отправилась въ городъ, а оттуда на Каменный островъ, чтобы застать Бѣлоконскую, какъ нарочно въ то время случившуюся въ Петербургѣ, но скоро, впрочемъ, отъѣзжавшую. Бѣлоконская была крестною матерью Аглаи.

«Старуха» Бѣлоконская выслушала всѣ лихорадочныя и отчаянныя признанія Лизаветы Прокофьевны и нисколько не тронулась слезами сбитой съ толку ма-

тери семейства, даже посмотрѣла на нее насмѣшливо. Это была страшная деспотка; въ дружбѣ, даже въ самой старинной, не могла терпѣть равенства, а на Лизавету Прокофьевну смотрѣла рѣшительно какъ на свою protegée, какъ и тридцать пять лѣтъ назадъ, и никакъ не могла примириться съ рѣзкостью и самостоятельностью ея характера. Она замѣтила, между прочимъ, что, «кажется, они тамъ всѣ, по своей всегдашней привычкѣ, слишкомъ забѣжали впередъ и изъ мухи сочинили слона; что сколько она ни вслушивалась, не убѣдилась, чтобъ у нихъ дѣйствительно произошло что-нибудь серьезное; что не лучше ли подождать, пока что-нибудь еще выйдетъ; что князь, по ея мнѣнію, порядочный молодой человѣкъ, хотя больной, странный и слишкомъ ужъ незначительный. Хуже всего, что онъ любовницу открыто содержитъ». Лизавета Прокофьевна очень хорошо поняла, что Бѣлоконская немного сердита за неуспѣхъ Евгенія Павловича, ею отрекомендованнаго. Воротилась она къ себѣ въ Павловскъ еще въ большемъ раздраженіи, чѣмъ когда поѣхала, и тотчасъ же всѣмъ досталось, главное, за то, что «съ ума сошли», что ни у кого рѣшительно такъ не ведутся дѣла, только у нихъ однихъ; «чего заторопились? Что вышло? Сколько я ни всматриваюсь, никакъ не могу заключить, что дѣйствительно что-нибудь вышло! Подождите, пока еще выйдетъ! Мало ли что Ивану Ѳедоровичу могло померещиться, не изъ мухи же дѣлать слона?» и пр., и пр.

Выходило, стало быть, что надобно успокоиться, смотрѣть хладнокровно и ждать. Но увы, спокойствіе не продержалось и десяти минутъ. Первый ударъ хладнокровію былъ нанесенъ извѣстіями о томъ, что произошло во время отсутствія мамаши на Каменный островъ. (Поѣздка Лизаветы Прокофьевны происходила на другое же утро, послѣ того, какъ князь, наканунѣ, приходилъ въ первомъ часу, вмѣсто десята-

го). Сестры на нетерпѣливые разспросы мамаши отвѣчали очень подробно, и во-первыхъ, что «ровно ничего, кажется, безъ нея не случилось», что князь приходилъ, что Аглая долго къ нему не выходила, съ полчаса, потомъ вышла, и какъ вышла, тотчасъ же предложила князю играть въ шахматы; что въ шахматы князь и ступить не умѣетъ, и Аглая его тотчасъ же побѣдила; стала очень весела и ужасно стыдила князя за его неумѣнье, ужасно смѣялась надъ нимъ, такъ что на князя жалко стало смотрѣть. Потомъ предложила играть въ карты, въ дураки. Но тутъ вышло совсѣмъ наоборотъ: князь оказался въ дураки такой силы, какъ... какъ профессоръ; игралъ мастерски; ужъ Аглая и плутовала и карты подмѣняла, и въ глазахъ у него же взятки воровала, а все-таки онъ каждый разъ оставлялъ ее въ дурахъ; разъ пять сряду. Аглая взбѣсилась ужасно, даже совсѣмъ забылась; наговорила князю такихъ колкостей и дерзостей, что онъ уже пересталъ смѣяться, и совсѣмъ поблѣднѣлъ, когда она сказала ему, наконецъ, что «нога ея не будетъ въ этой комнатѣ, пока онъ тутъ будетъ сидѣть, и что даже безсовѣстно съ его стороны къ нимъ ходить, да еще по ночамъ, въ первомъ часу, *послѣ всего, что случилось*». Затѣмъ хлопнула дверью и вышла. Князь ушелъ, какъ съ похоронъ, несмотря на всѣ ихъ утѣшенія. Вдругъ, четверть часа спустя, какъ ушелъ князь, Аглая сбѣжала сверху на террасу и съ такою поспѣшностью, что даже глазъ не вытерла, а глаза у нея были заплаканы; сбѣжала же потому, что пришелъ Коля и принесъ ежа. Всѣ онѣ стали смотрѣть ежа; на вопросы ихъ Коля объяснилъ, что ежъ не его, а что онъ идетъ теперь вмѣстѣ съ товарищемъ, другимъ гимназистомъ, Костей Лебедевымъ, который остался на улицѣ и стыдится войти, потому что несетъ топоръ; что и ежа, и топоръ они купили сейчасъ у встрѣчнаго мужика. Ежа мужикъ продавалъ и взялъ за него пять-

десятъ копеекъ, а топоръ они уже сами уговорили его продать, потому что кстати, да и очень ужъ хорошій топоръ. Тутъ вдругъ Аглая начала ужасно приставать къ Колѣ, чтобъ онъ ей сейчасъ же продалъ ежа, изъ себя выходила, даже «милымъ» назвала Колю. Коля долго не соглашался, но, наконецъ, не выдержалъ и позвалъ Костю Лебедева, который, дѣйствительно, вошелъ съ топоромъ и очень сконфузился. Но тутъ вдругъ оказалось, что ежъ вовсе не ихъ, а принадлежитъ какому-то третьему мальчику, Петрову, который далъ имъ обоимъ денегъ, чтобы купили ему у какого-то четвертаго мальчика *Исторію* Шлоссера, которую тотъ, нуждаясь въ деньгахъ, выгодно продавалъ; что они пошли покупать *Исторію* Шлоссера, но не утерпѣли и купили ежа, такъ что, стало быть, и ежъ, и топоръ принадлежатъ тому третьему мальчику, которому они ихъ теперь и несутъ, вмѣсто *Исторіи* Шлоссера. Но Аглая такъ приставала, что, наконецъ, рѣшились и продали ей ежа. Какъ только Аглая получила ежа, тотчасъ же уложила его съ помощію Коли въ плетеную корзинку, накрыла салфеткой и стала просить Колю, чтобъ онъ сейчасъ же, и никуда не заходя, отнесъ ежа къ князю, отъ ея имени, съ просьбой принять въ «знакъ глубочайшаго ея уваженія». Коля съ радостью согласился и далъ слово, что доставитъ, но сталъ немедленно приставать: «Что означаетъ ежъ и подобный подарокъ?» Аглая отвѣчала ему, что не его дѣло. Онъ отвѣчалъ, что убѣжденъ, тутъ заключается аллегорія. Аглая разсердилась и отрѣзала ему, что онъ мальчишка и больше ничего. Коля тотчасъ же возразилъ ей, что если бъ онъ не уважалъ въ ней женщину, и сверхъ того свои убѣжденія, то немедленно доказалъ бы ей, что умѣетъ отвѣтить на подобное оскорбленіе. Кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что Коля все-таки съ восторгомъ пошелъ относить ежа, а за нимъ бѣжалъ и Костя Лебедевъ; Аглая не вытерпѣла и, видя, что Коля слишкомъ ма-

хаетъ корзинкой, закричала ему вслѣдъ съ террасы: «Пожалуйста, Коля, не выроните, голубчикъ!» точно съ нимъ и не бранилась сейчасъ; Коля остановился и тоже, точно и не бранился, закричалъ съ величайшею готовностью: «Нѣтъ, не выроню, Аглая Ивановна. Будьте совершенно покойны!» и побѣжалъ опять сломя голову. Аглая послѣ того расхохоталась ужасно и побѣжала къ себѣ чрезвычайно довольная, и весь день потомъ была очень веселая.

Такое извѣстіе совершенно ошеломило Лизавету Прокофьевну. Кажется, что бы? Но ужъ такое, видно, пришло настроеніе. Тревога ея была возбуждена въ чрезвычайной степени, и главное — ежъ; что означаетъ ежъ? Что тутъ условлено? Что тутъ подразумѣвается? Какой это знакъ? Что за телеграмма? Къ тому же бѣдный Иванъ Ѳедоровичъ, случившійся тутъ же при допросѣ, совершенно испортилъ все дѣло отвѣтомъ. По его мнѣнію, телеграммы тутъ не было никакой, а что ежъ — «просто ежъ и только, — развѣ означаетъ, кромѣ того, дружество, забвеніе обидъ и примиреніе, однимъ словомъ, все это шалость, но во всякомъ случаѣ невинная и простительная».

Въ скобкахъ замѣтимъ, что онъ угадалъ совершенно. Князь, воротившись домой отъ Аглаи, осмѣянный и изгнанный ею, сидѣлъ уже съ полчаса въ самомъ мрачномъ отчаяніи, когда вдругъ явился Коля съ ежомъ. Тотчасъ же прояснилось небо; князь точно изъ мертвыхъ воскресъ; разспрашивалъ Колю, висѣлъ надъ каждымъ словомъ его, переспрашивалъ по десяти разъ, смѣялся, какъ ребенокъ, и поминутно пожималъ руки обоимъ смѣющимся и ясно смотрѣвшимъ на него мальчикамъ. Выходило, стало быть, что Аглая прощаетъ, и князю опять можно идти къ ней сегодня же вечеромъ, а для него это было не только главное, а даже и все.

— Какія мы еще дѣти, Коля! и... и... какъ

это хорошо, что мы дѣти! — съ упоеніемъ воскликнулъ онъ, наконецъ.

— Просто-запросто, она въ васъ влюблена, князь, и больше ничего! — съ авторитетомъ и внушительно отвѣтилъ Коля.

Князь вспыхнулъ, но на этотъ разъ не сказалъ ни слова, а Коля только хохоталъ и хлопалъ въ ладоши; минуту спустя разсмѣялся и князь, а потомъ до самаго вечера каждыя пять минутъ смотрѣлъ на часы, много ли прошло, и много ли до вечера остается.

Но настроеніе взяло верхъ: Лизавета Прокофьевна, наконецъ, не выдержала и поддалась истерической минутѣ. Несмотря на всѣ возраженія супруга и дочерей, она немедленно послала за Аглаей, съ тѣмъ чтобъ ужъ задать ей послѣдній вопросъ и отъ нея получить самый ясный и послѣдній отвѣтъ. «Чтобы все это разомъ и покончить, и съ плечъ долой, такъ, чтобъ ужъ и не поминать!» «Иначе, — объявила она, — я и до вечера не доживу!» И тутъ только всѣ догадались, до какой безтолковщины довели дѣло. Кромѣ притворнаго удивленія, негодованія, хохота и насмѣшекъ надъ княземъ и надо всѣми допрашивавшими, — ничего отъ Аглаи не добились. Лизавета Прокофьевна слегла въ постель и вышла только къ чаю къ тому времени, когда ожидала князя. Князя она ожидала съ трепетомъ, и когда онъ явился, съ нею чуть не сдѣлалась истерика.

А князь и самъ вошелъ робко, чуть не ощупью, странно улыбаясь, засматривая всѣмъ въ глаза и всѣмъ какъ бы задавая вопросъ, потому что Аглаи опять не было въ комнатѣ, чего онъ тотчасъ же испугался. Въ этотъ вечеръ никого не было постороннихъ, одни только члены семейства. Князь Щ. былъ еще въ Петербургѣ по поводу дѣла о дядѣ Евгенія Павловича. «Хоть бы онъ-то случился и что-нибудь сказалъ», горевала о немъ Лизавета Прокофьевна. Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ съ чрезвычайно озабоченною миной; сестры были

серьезны и, какъ нарочно, молчали. Лизавета Прокофьевна не знала съ чего начать разговоръ. Наконецъ, вдругъ энергически выбранила желѣзную дорогу и посмотрѣла на князя съ рѣшительнымъ вызовомъ.

Увы! Аглая не выходила, и князь пропадалъ. Чуть лепеча и потерявшись, онъ было выразилъ мнѣніе, что починить дорогу чрезвычайно полезно, но Аделаида вдругъ засмѣялась, и князь опять уничтожился. Въ это-то самое мгновеніе и вошла Аглая спокойно и важно, церемонно отдала князю поклонъ и торжественно заняла самое видное мѣсто у круглаго стола. Она вопросительно посмотрѣла на князя. Всѣ поняли, что настало разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній.

— Получили вы моего ежа? — твердо и почти сердито спросила она.

— Получилъ, — отвѣтилъ князь, краснѣя и замирая.

— Объясните же немедленно, что вы объ этомъ думаете? Это необходимо для спокойствія мамаши и всего нашего семейства.

— Послушай, Аглая... — забезпокоился вдругъ генералъ.

— Это, это изъ всякихъ границъ! — испугалась вдругъ чего-то Лизавета Прокофьевна.

— Никакихъ всякихъ границъ тутъ нѣту, maman, — строго и тотчасъ же отвѣтила дочка. — Я сегодня послала князю ежа и желаю знать его мнѣніе. Что же, князь?

— То-есть, какое мнѣніе, Аглая Ивановна?

— Объ ежѣ.

— То-есть... я думаю, Аглая Ивановна, что вы хотите узнать, какъ я принялъ... ежа... или, лучше сказать, какъ я взглянулъ... на эту посылку... ежа, то-есть... въ такомъ случаѣ я полагаю, что... однимъ словомъ...

Онъ задохся и умолкъ.

— Ну, немного сказали, — подождала секундъ пять Аглая. — Хорошо, я согласна оставить ежа; но я очень рада, что могу, наконецъ, покончить всѣ накопившіяся недоумѣнія. Позвольте, наконецъ, узнать отъ васъ самого и лично: сватаетесь вы за меня или нѣтъ?

— Ахъ, Господи! — вырвалось у Лизаветы Прокофьевны.

Князь вздрогнулъ и отшатнулся; Иванъ Ѳедоровичъ остолбенѣлъ; сестры нахмурились.

— Не лгите, князь, говорите правду. Изъ-за васъ меня преслѣдуютъ странными допросами; имѣютъ же эти допросы какое-нибудь основаніе? Ну!

— Я за васъ не сватался, Аглая Ивановна, — проговорилъ князь, вдругъ оживляясь, — но... вы знаете сами, какъ я люблю васъ и вѣрю въ васъ... даже теперь...

— Я васъ спрашивала: просите вы моей руки иль нѣтъ?

— Прошу, — замирая отвѣтилъ князь.

Послѣдовало общее и сильное движеніе.

— Все это не такъ, милый другъ, — проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, сильно волнуясь, — это... это почти невозможно, если это такъ, Глаша... Извините, князь, извините, дорогой мой!.. Лизавета Прокофьевна! — обратился онъ къ супругѣ за помощью, — надо бы... вникнуть...

— Я отказываюсь, я отказываюсь! — замахала руками Лизавета Прокофьевна.

— Позвольте же, maman, и мнѣ говорить; вѣдь я и сама въ такомъ дѣлѣ что-нибудь значу: рѣшается чрезвычайная минута судьбы моей (Аглая именно такъ и выразилась), и я хочу узнать сама и, кромѣ того, рада, что при всѣхъ... Позвольте же спросить васъ, князь, если вы «питаете такія намѣренія», то чѣмъ же вы именно полагаете составить мое счастье?

— Я не знаю, право, Аглая Ивановна, какъ вамъ отвѣтить; тутъ... тутъ что же отвѣчать? Да и... надо ли?

— Вы кажется, сконфузились и задыхаетесь; отдохните немного и соберитесь съ новыми силами; выпейте стаканъ воды; впрочемъ, вамъ сейчасъ чаю дадутъ.

— Я васъ люблю, Аглая Ивановна, я васъ очень люблю; я одну васъ люблю и... не шутите, пожалуйста, я васъ очень люблю.

— Но однакоже это дѣло важное; мы не дѣти, и надо взглянуть положительно... Потрудитесь теперь объяснить, въ чемъ заключается ваше состояніе?

— Ну-ну-ну, Аглая. Что ты! Это не такъ, не такъ... — испуганно бормоталъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Позоръ! — громко прошептала Лизавета Прокофьевна.

— Съ ума сошла! — такъ же громко прошептала Александра.

— Состояніе... то-есть, деньги? — удивился князь.

— Именно.

— У меня... у меня теперь сто тридцать пять тысячъ, — пробормоталъ князь, закраснѣвшись.

— Только-то? — громко и откровенно удивилась Аглая, нисколько не краснѣя, — впрочемъ, ничего; особенно если съ экономіей... Намѣрены служить?

— Я хотѣлъ держать экзаменъ на домашняго учителя...

— Очень кстати; конечно, это увеличитъ наши средства. Полагаете вы быть камеръ-юнкеромъ?

— Камеръ-юнкеромъ? Я никакъ этого не воображалъ, но...

Но тутъ не утерпѣли обѣ сестры и прыснули со смѣху. Аделаида давно уже замѣтила въ подергивающихся чертахъ лица Аглаи признаки быстраго и не-

удержимаго смѣха, который она сдерживала покамѣстъ изо всей силы. Аглая грозно было посмотрѣла на разсмѣявшихся сестеръ, но и секунды сама не выдержала, и залилась самымъ сумасшедшимъ, почти истерическимъ хохотомъ; наконецъ, вскочила и выбѣжала изъ комнаты.

— Я такъ и знала, что одинъ только смѣхъ и больше ничего! — вскричала Аделаида, — съ самаго начала, съ ежа.

— Нѣтъ, вотъ этого ужъ не позволю, не позволю! — вскипѣла вдругъ гнѣвомъ Лизавета Прокофьевна и быстро устремилась вслѣдъ за Аглаей. За нею тотчасъ же побѣжали и сестры. Въ комнатѣ остались князь и отецъ семейства.

— Это, это... могъ ты вообразить что-нибудь подобное, Левъ Николаичъ? — рѣзко вскричалъ генералъ, видимо, самъ не понимая, что хочетъ сказать; — нѣтъ, серьезно, серьезно говоря?

— Я вижу, что Аглая Ивановна надо мной смѣялась, — грустно отвѣтилъ князь.

— Подожди, братъ; я пойду, а ты подожди... потому... объясни мнѣ хоть ты, Левъ Николаичъ, хоть ты: какъ все это случилось, и что все это означаетъ, во всемъ, такъ сказать, его цѣломъ? Согласись, братъ, самъ, — я отецъ; все-таки вѣдь отецъ же, потому я ничего не понимаю; такъ хоть ты-то объясни!

— Я люблю Аглаю Ивановну; она это знаетъ и... давно, кажется, знаетъ.

Генералъ вскинулъ плечами.

— Странно, странно... и очень любишь?

— Очень люблю.

— Странно, странно это мнѣ все. То-есть такой сюрпризъ и ударъ, что... Видишь ли, милый, я не насчетъ состоянія (хоть и ожидалъ, что у тебя побольше), но... мнѣ счастье дочери... наконецъ... способенъ ли ты, такъ сказать, составить это...

счастье-то? И... и... что это: шутка или правда съ ея-то стороны? То-есть не съ твоей, а съ ея стороны?

Изъ-за дверей раздался голосъ Александры Ивановны; звали папашу.

— Подожди, братъ, подожди! Подожди и обдумай, а я сейчасъ... — проговорилъ онъ второпяхъ и почти испуганно устремился на зовъ Александры.

Онъ засталъ супругу и дочку въ объятіяхъ одну у другой и обливавшихъ другъ друга слезами. Это были слезы счастья, умиленія и примиренія. Аглая цѣловала у матери руки, щеки, губы; обѣ горячо прижимались другъ къ дружкѣ.

— Ну, вотъ, погляди на нее, Иванъ Ѳедорычъ, вотъ она вся теперь! — сказала Лизавета Прокофьевна.

Аглая отвернула свое счастливое и заплаканное личико отъ мамашиной груди, взглянула на папашу, громко разсмѣялась, прыгнула къ нему, крѣпко обняла его и нѣсколько разъ поцѣловала. Затѣмъ опять бросилась къ мамашѣ и совсѣмъ уже спряталась лицомъ на ея груди, чтобъ ужъ никто не видалъ, и тотчасъ опять заплакала. Лизавета Прокофьевна прикрыла ее концомъ своей шали.

— Ну, что же, что же ты съ нами-то дѣлаешь, жестокая ты дѣвочка, послѣ этого, вотъ что! — проговорила она, но уже радостно, точно ей дышать стало вдругъ легче.

— Жестокая! Да, жестокая! — подхватила вдругъ Аглая. — Дрянная! Избалованная! Скажите это папашѣ. Ахъ, да вѣдь онъ тутъ. Папа, вы тутъ? Слышите! — разсмѣялась она сквозь слезы.

— Милый другъ, идолъ ты мой! — цѣловалъ ея руку весь просіявшій отъ счастья генералъ. (Аглая не отнимала руки). — Такъ ты, стало быть, любишь этого... молодого человѣка?..

— Ни-ни-ни! Терпѣть не могу... вашего молодого человѣка, терпѣть не могу! — вдругъ вскипѣла Аглая и подняла голову, — и если вы, папаша, еще разъ осмѣлитесь... я вамъ серьезно говорю; слышите: серьезно говорю!

И она, дѣйствительно, говорила серьезно: вся даже покраснѣла, и глаза блистали. Папаша осѣкся и испугался, но Лизавета Прокофьевна сдѣлала ему знакъ изъ-за Аглаи, и онъ понялъ въ немъ: «не разспрашивай».

— Если такъ, ангелъ мой, то вѣдь какъ хочешь, воля твоя, онъ тамъ ждетъ одинъ; не намекнуть ли ему, деликатно, чтобъ онъ уходилъ?

Генералъ, въ свою очередь, мигнулъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ лишнее; особенно, если «деликатно»: выйдите къ нему сами; я выйду потомъ, сейчасъ. Я хочу у этого... молодого человѣка извиненія попросить, потому что я его обидѣла.

— И очень обидѣла, — серьезно подтвердилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Ну, такъ... оставайтесь лучше вы всѣ здѣсь, а я пойду сначала одна, вы же сейчасъ за мной, въ ту же секунду приходите; такъ лучше.

Она уже дошла до дверей, но вдругъ воротилась.

— Я разсмѣюсь! Я умру со смѣху! — печально сообщила она.

Но въ ту же секунду повернулась и побѣжала къ князю.

— Ну, что жъ это такое? Какъ ты думаешь? — на̀скоро проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Боюсь и выговорить, — такъ же на̀скоро отвѣтила Лизавета Прокофьевна, — а по-моему ясно.

— И по-моему ясно. Ясно, какъ день. Любитъ.

— Мало того, что любитъ, влюблена! — отозвалась Александра Ивановна, — только въ кого бы, кажется?

— Благослови ее Богъ, коли ея такая судьба! — набожно перекрестилась Лизавета Прокофьевна.

— Судьба, значитъ, — подтвердилъ генералъ, — и отъ судьбы не уйдешь!

И всѣ пошли въ гостиную, а тамъ опять ждалъ сюрпризъ.

Аглая не только не расхохоталась, подойдя къ князю, какъ опасалась того, но даже чуть не съ робостью сказала ему:

— Простите глупую, дурную избалованную дѣвушку (она взяла его за руку) и будьте увѣрены, что всѣ мы безмѣрно васъ уважаемъ. А если я осмѣлилась обратить въ насмѣшку ваше прекрасное... доброе простодушіе, то простите меня, какъ ребенка, за шалость; простите, что я настаивала на нелѣпости, которая, конечно, не можетъ имѣть ни малѣйшихъ послѣдствій...

Послѣднія слова Аглая выговорила съ особеннымъ удареніемъ.

Отецъ, мать и сестры, всѣ поспѣли въ гостиную, чтобы все это видѣть и выслушать, и всѣхъ поразила «нелѣпость, которая не можетъ имѣть ни малѣйшихъ послѣдствій», а еще болѣе серьезное настроеніе Аглаи, съ какимъ она высказалась объ этой нелѣпости. Всѣ переглянулись вопросительно; но князь, кажется, не понялъ этихъ словъ и былъ на высшей степени счастья.

— Зачѣмъ вы такъ говорите, — бормоталъ онъ, — зачѣмъ вы... просите... прощенія...

Онъ хотѣлъ даже выговорить, что онъ недостоинъ, чтобъ у него просили прощенія. Кто знаетъ, можетъ, онъ и замѣтилъ значеніе словъ «о нелѣпости, которая не можетъ имѣть ни малѣйшихъ послѣдствій», но какъ странный человѣкъ, можетъ быть, даже обрадовался этимъ словамъ. Безспорно, для него составляло уже верхъ блаженства одно то, что онъ опять

будетъ безпрепятственно приходить къ Аглаѣ, что ему позволятъ съ нею говорить, съ нею сидѣть, съ нею гулять, и, кто знаетъ, можетъ быть, этимъ однимъ онъ остался бы доволенъ на всю свою жизнь! (Вотъ этого-то довольства, кажется, и боялась Лизавета Прокофьевна про себя; она угадывала его; многаго она боялась про себя, чего и выговорить сама не умѣла).

Трудно представить, до какой степени князь оживился и ободрился въ этотъ вечеръ. Онъ былъ веселъ такъ, что ужъ на него глядя, становилось весело, — такъ выражались потомъ сестры Аглаи. Онъ разговорился, а этого съ нимъ еще не повторялось съ того самаго утра, когда, полгода назадъ, произошло его первое знакомство съ Епанчиными; по возвращеніи же въ Петербургъ онъ былъ замѣтно и намѣренно молчаливъ и очень недавно, при всѣхъ, проговорился князю Щ., что ему надо сдерживать себя и молчать, потому что онъ не имѣетъ права унижать мысль, самъ излагая ее. Почти онъ одинъ и говорилъ во весь этотъ вечеръ, много разсказывалъ; ясно, съ радостью и подробно отвѣчалъ на вопросы. Но ничего, впрочемъ, похожаго на любовный разговоръ не проглядывало въ словахъ его. Все это были такія серьезныя, такія даже мудреныя иногда мысли. Князь изложилъ даже нѣсколько своихъ взглядовъ, своихъ собственныхъ затаенныхъ наблюденій, такъ что все это было бы даже смѣшно, если бы не было такъ «хорошо изложено», какъ согласились потомъ всѣ слушавшіе. Генералъ хоть и любилъ серьезныя разговорныя темы, но и онъ, и Лизавета Прокофьевна нашли про себя, что ужъ слишкомъ много учености, такъ что стали подъ конецъ вечера даже грустны. Впрочемъ, князь до того дошелъ подъ конецъ, что разсказалъ нѣсколько пресмѣшныхъ анекдотовъ, которымъ самъ же первый и смѣялся, такъ что другіе смѣялись болѣе уже на его радостный смѣхъ, чѣмъ самимъ анекдотамъ. Что

же касается Аглаи, то она почти даже и не говорила весь вечеръ, зато, не отрываясь, слушала Льва Николаевича, и даже не столько слушала его, сколько смотрѣла на него.

— Такъ и глядитъ, глазъ не сводитъ; надъ каждымъ-то словечкомъ его виситъ; такъ и ловитъ, такъ и ловитъ! — говорила потомъ Лизавета Прокофьевна своему супругу, — а скажи ей, что любитъ, такъ и святыхъ вонъ понеси!

— Что дѣлать — судьба! — вскидывалъ плечами генералъ, и долго еще онъ повторялъ это полюбившееся ему словечко. Прибавимъ, что, какъ дѣловому человѣку, ему тоже многое чрезвычайно не понравилось въ настоящемъ положенiи всѣхъ этихъ вещей, а главное — неясность дѣла; но до времени онъ тоже рѣшился молчать и глядѣть... въ глаза Лизаветѣ Прокофьевнѣ.

Радостное настроенiе семейства продолжалось недолго. На другой же день Аглая опять поссорилась съ княземъ, и такъ продолжалось безпрерывно во всѣ слѣдующiе дни. По цѣлымъ часамъ она поднимала князя насмѣхъ и обращала его чуть не въ шута. Правда, они просиживали иногда по часу и по два въ ихъ домашнемъ садикѣ, въ бесѣдкѣ, но замѣтили, что въ это время князь почти всегда читаетъ Аглаѣ газеты или какую-нибудь книгу.

— Знаете ли, — сказала ему разъ Аглая, прерывая газету, — я замѣтила, что вы ужасно необразованы; вы ничего хорошенько не знаете, если справляться у васъ: ни кто именно, ни въ которомъ году, ни по какому трактату? Вы очень жалки.

— Я вамъ сказалъ, что я небольшой учености, — отвѣтилъ князь.

— Что же въ васъ послѣ этого? Какъ же я могу васъ уважать послѣ этого? Читайте дальше; а впрочемъ, не надо, перестаньте читать.

И опять въ тотъ же вечеръ промелькнуло что-то очень для всѣхъ загадочное съ ея стороны. Воротился князь Щ. Аглая была къ нему очень ласкова, много разспрашивала объ Евгеніи Павловичѣ. (Князь Левъ Николаевичъ еще не приходилъ). Вдругъ князь Щ. какъ-то позволилъ себѣ намекнуть на «близкій и новый переворотъ въ семействѣ», на нѣсколько словъ, проскользнувшихъ у Лизаветы Прокофьевны, что, можетъ быть, придется опять оттянуть свадьбу Аделаиды, чтобъ обѣ свадьбы пришлись вмѣстѣ. Невозможно было и вообразить, какъ вспылила Аглая на «всѣ эти глупыя предположенія»; и, между прочимъ, у ней вырвались слова, что «она еще не намѣрена замѣщать собой ничьихъ любовницъ».

Эти слова поразили всѣхъ, но преимущественно родителей. Лизавета Прокофьевна настаивала въ тайномъ совѣтѣ съ мужемъ, чтобъ объясниться съ княземъ рѣшительно насчетъ Настасьи Филипповны.

Иванъ Ѳедоровичъ клялся, что все это одна только «выходка» и произошла отъ Аглаиной «стыдливости»; что если бъ князь Щ. не заговорилъ о свадьбѣ, то не было бы и выходки, потому что Аглая и сама знаетъ, знаетъ достовѣрно, что все это одна клевета недобрыхъ людей, и что Настасья Филипповна выходитъ за Рогожина; что князь тутъ не состоитъ ни причемъ, не только въ связяхъ; и даже никогда и не состоялъ, если ужъ говорить всю правду-истину.

А князь все-таки ничѣмъ не смущался и продолжалъ блаженствовать. О, конечно, и онъ замѣчалъ иногда что-то какъ бы мрачное и нетерпѣливое во взглядахъ Аглаи, но онъ болѣе вѣрилъ чему-то другому, и мракъ исчезалъ самъ собой. Разъ увѣровавъ, онъ уже не могъ поколебаться ничѣмъ. Можетъ быть, онъ уже слишкомъ былъ спокоенъ; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось и Ипполиту, однажды случайно встрѣтившемуся съ нимъ въ паркѣ.

— Ну, не правду ли я вамъ сказалъ тогда, что вы влюблены, — началъ онъ, самъ подойдя къ князю и остановивъ его. Тотъ протянулъ ему руку и поздравилъ его съ «хорошимъ видомъ». Больной казался и самъ ободреннымъ, что такъ свойственно чахоточнымъ.

Онъ съ тѣмъ и подошелъ къ князю, чтобы сказать ему что-нибудь язвительное насчетъ его счастливаго вида, но тотчасъ же сбился и заговорилъ о себѣ. Онъ сталъ жаловаться, жаловался много и долго, и довольно безсвязно.

— Вы не повѣрите, — заключилъ онъ, — до какой степени они всѣ тамъ раздражительны, мелочны, эгоистичны, тщеславны, ординарны; вѣрите ли, что они взяли меня не иначе какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ я какъ можно скорѣе померъ, и вотъ, всѣ въ бѣшенствѣ, что я не помираю, и что мнѣ, напротивъ, легче. Комедія! Бьюсь объ закладъ, что вы мнѣ не вѣрите!

Князю не хотѣлось возражать.

— Я даже иногда думаю опять къ вамъ переселиться, — небрежно прибавилъ Ипполитъ. — Такъ вы, однако, не считаете ихъ способными принять человѣка съ тѣмъ, чтобъ онъ непремѣнно и какъ можно скорѣе померъ?

— Я думалъ, они пригласили васъ въ какихъ-нибудь другихъ видахъ.

— Эге! Да вы-таки совсѣмъ не такъ просты, какъ васъ рекомендуютъ! Теперь не время, а то бы я вамъ кое-что открылъ про этого Ганечку и про надежды его. Подъ васъ подкапываются, князь, безжалостно подкапываются и... даже жалко, что вы такъ спокойны. Но увы, — вы не можете иначе!

— Вотъ о чемъ пожалѣли! — засмѣялся князь, — что жъ, по-вашему, я былъ бы счастливѣе, если бъ былъ безпокойнѣе?

— Лучше быть несчастнымъ, но *знать*, чѣмъ

счастливымъ и жить... въ дуракахъ. Вы, кажется, нисколько не вѣрите, что съ вами соперничаютъ и... съ той стороны?

— Ваши слова о соперничествѣ нѣсколько циничны, Ипполитъ; мнѣ жаль, что я не имѣю права отвѣчать вамъ. Что же касается Гаврилы Ардаліоновича, то согласитесь сами, можетъ ли онъ оставаться спокойнымъ послѣ всего, что онъ потерялъ, если вы только знаете его дѣла хоть отчасти? Мнѣ кажется, что съ этой точки зрѣнія лучше взглянуть. Онъ еще успѣетъ перемѣниться; ему много жить, а жизнь богата... а впрочемъ... впрочемъ, — потерялся вдругъ князь, — насчетъ подкоповъ... я даже и не понимаю, про что вы говорите; оставимъ лучше этотъ разговоръ, Ипполитъ.

— Оставимъ до времени; къ тому же вѣдь нельзя и безъ благородства, съ вашей-то стороны. Да, князь, вамъ нужно самому пальцемъ пощупать, чтобъ опять не повѣрить, ха! ха! А очень вы меня презираете теперь, какъ вы думаете?

— За что? За то, что вы больше насъ страдали и страдаете?

— Нѣтъ, а за то, что недостоинъ своего страданія.

— Кто могъ страдать больше, стало быть, и достоинъ страдать больше. Аглая Ивановна, когда прочла вашу исповѣдь, хотѣла васъ видѣть, но...

— Откладываетъ... ей нельзя, понимаю, понимаю... — перебилъ Ипполитъ, какъ бы стараясь поскорѣе отклонить разговоръ. — Кстати, говорятъ, вы сами читали ей всю эту галиматью вслухъ; подлинно, въ бреду написано и... сдѣлано. И не понимаю, до какой степени надо быть, — не скажу жестокимъ (это для меня унизительно), но дѣтски тщеславнымъ и мстительнымъ, чтобъ укорять меня этою исповѣдью и употреблять ее противъ меня же, какъ оружіе! Не безпокойтесь, я не на вашъ счетъ говорю...

— Но мнѣ жаль, что вы отказываетесь отъ этой тетрадки, Ипполитъ, она искренняя, и знаете, что даже самыя смѣшныя стороны ея, а ихъ много (Ипполитъ сильно поморщился), искуплены страданіемъ, потому что признаваться въ нихъ было тоже страданіе и... можетъ быть, большое мужество. Мысль васъ подвигшая имѣла непремѣнно благородное основаніе, что бы тамъ ни казалось. Чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе я это вижу, клянусь вамъ. Я васъ не сужу, я говорю, чтобы высказаться, и мнѣ жаль, что я тогда молчалъ...

Ипполитъ вспыхнулъ. У него было мелькнула мысль, что князь притворяется и ловитъ его; но вглядѣвшись въ лицо его, онъ не могъ не повѣрить его искренности; лицо его прояснилось.

— А вотъ все-таки умирать! — проговорилъ онъ, чуть не прибавивъ: «такому человѣку, какъ я!» — И вообразите, какъ меня допекаетъ вашъ Ганечка; онъ выдумалъ въ видѣ возраженія, что, можетъ быть, изъ тѣхъ, кто тогда слушалъ мою тетрадку, трое, четверо умрутъ, пожалуй, раньше меня! Каково! Онъ думаетъ, что это мнѣ утѣшеніе, ха! ха! Во-первыхъ, еще не умерли; да если бы даже эти люди и перемерли, то какое же мнѣ въ этомъ утѣшеніе, согласитесь сами! Онъ по себѣ судитъ; впрочемъ, онъ еще дальше пошелъ, онъ теперь просто ругается, говоритъ, что порядочный человѣкъ умираетъ въ такомъ случаѣ молча, и что во всемъ этомъ съ моей стороны былъ одинъ только эгоизмъ! Каково! Нѣтъ, каковъ эгоизмъ съ его-то стороны! Какова утонченность или, лучше сказать, какова въ то же время воловья грубость ихъ эгоизма, котораго они все-таки никакъ не могутъ замѣтить въ себѣ!.. Читали вы, князь, про одну смерть, одного Степана Глѣбова, въ восемнадцатомъ столѣтіи? Я случайно вчера прочелъ...

— Какого Степана Глѣбова?

— Былъ посаженъ на колъ при Петрѣ.

— Ахъ, Боже мой, знаю! Просидѣлъ пятнадцать часовъ на колѣ, въ морозъ, въ шубѣ, и умеръ съ чрезвычайнымъ великодушіемъ; какъ же, читалъ... а что?

— Даетъ же Богъ такія смерти людямъ, а намъ-таки нѣтъ! Вы, можетъ быть, думаете, что я не способенъ умереть такъ, какъ Глѣбовъ?

— О, совсѣмъ нѣтъ, — сконфузился князь, — я хотѣлъ только сказать, что вы... то-есть, не то, что вы не походили бы на Глѣбова, но... что вы... что вы скорѣе были бы тогда...

— Угадываю: Остерманомъ, а не Глѣбовымъ, — вы это хотите сказать?

— Какимъ Остерманомъ? — удивился князь.

—Остерманомъ, дипломатомъ Остерманомъ, Петровскимъ Остерманомъ, — пробормоталъ Ипполитъ, вдругъ нѣсколько сбившись. Послѣдовало нѣкоторое недоумѣніе.

— О, н-н-нѣтъ! Я не то хотѣлъ сказать, — протянулъ вдругъ князь послѣ нѣкотораго молчанія, — вы, мнѣ кажется... никогда бы не были Остерманомъ.

Ипполитъ нахмурился.

— Впрочемъ, я вѣдь почему это такъ утверждаю, — вдругъ подхватилъ князь, видимо желая поправиться, — потому что тогдашніе люди (клянусь вамъ, меня это всегда поражало) совсѣмъ точно и не тѣ люди были, какъ мы теперь, не то племя было, какое теперь въ нашъ вѣкъ, право, точно порода другая... Тогда люди были какъ-то объ одной идеѣ, а теперь нервнѣе, развитѣе, сенситивнѣе, какъ-то о двухъ, о трехъ идеяхъ за разъ... теперешній человѣкъ шире, — и, клянусь, это-то и мѣшаетъ ему быть такимъ односоставнымъ человѣкомъ, какъ въ тѣхъ вѣкахъ... Я... я этого единственно къ тому сказалъ, а не...

— Понимаю; за наивность, съ которою вы не

согласились со мной, вы теперь лѣзете утѣшать меня, ха! ха! Вы совершенное дитя, князь. Однакожъ, я замѣчаю, что вы всѣ третируете меня, какъ... какъ фарфоровую чашку... Ничего, ничего, я не сержусь. Во всякомъ случаѣ, у насъ очень смѣшной разговоръ вышелъ; вы совершенное иногда дитя, князь. Знайте, впрочемъ, что я, можетъ быть, и получше желалъ быть чѣмъ-нибудь, чѣмъ Остерманомъ; для Остермана не стоило бы воскресать изъ мертвыхъ... А впрочемъ, я вижу, что мнѣ надо какъ можно скорѣе умирать, не то я самъ... Оставьте меня. До свиданія! Ну, хорошо, ну, скажите мнѣ сами, ну, какъ по-вашему: какъ мнѣ всего лучше умереть? Чтобы вышло какъ можно... добродѣтельнѣе, то-есть? Ну, говорите!

— Пройдите мимо насъ и простите намъ наше счастье! — проговорилъ князь тихимъ голосомъ.

— Ха-ха-ха! Такъ я и думалъ! Непремѣнно чего-нибудь ждалъ въ этомъ родѣ! Однакоже вы... однакоже вы... Ну, ну! Краснорѣчивые люди! До свиданья, до свиданья!

VI

О вечернемъ собраніи на дачѣ Епанчиныхъ, на которое ждали Бѣлоконскую, Варвара Ардаліоновна тоже совершенно вѣрно сообщила брату: гостей ждали именно въ тотъ же день вечеромъ; но опять-таки она выразилась объ этомъ нѣсколько рѣзче, чѣмъ слѣдовало. Правда, дѣло устроилось слишкомъ поспѣшно и даже съ нѣкоторымъ, совсѣмъ бы ненужнымъ, волненіемъ, и именно потому, что въ этомъ семействѣ «все дѣлалось такъ, какъ ни у кого». Все объяснялось нетерпѣливостью «не желавшей болѣе сомнѣваться» Лизаветы Прокофьевны и горячими содроганіями обоихъ родительскихъ сердецъ о счастіи любимой до-

чери. Къ тому же Бѣлоконская и въ самомъ дѣлѣ скоро уѣзжала; а такъ какъ ея протекція дѣйствительно много значила въ свѣтѣ, и такъ какъ надѣялись, что она къ князю будетъ благосклонна, то родители и разсчитывали, что «свѣтъ» приметъ жениха Аглаи прямо изъ рукъ всемощной «старухи», а стало быть, если и будетъ въ этомъ что-нибудь странное, то подъ такимъ покровительствомъ покажется гораздо менѣе страннымъ. Въ томъ-то и состояло все дѣло, что родители никакъ не были въ силахъ сами рѣшить: «есть ли, и насколько именно во всемъ этомъ дѣлѣ есть страннаго? Или нѣтъ совсѣмъ страннаго?» Дружеское и откровенное мнѣніе людей авторитетныхъ и компетентныхъ именно годилось бы въ настоящій моментъ, когда, благодаря Аглаѣ, еще ничего не было рѣшено окончательно. Во всякомъ же случаѣ, рано или поздно, князя надо было ввести въ свѣтъ, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Короче, его намѣрены были «показать». Вечеръ проектировался однакоже запросто; ожидались одни только «друзья дома», въ самомъ маломъ числѣ. Кромѣ Бѣлоконской, ожидали одну даму, жену весьма важнаго барина и сановника. Изъ молодыхъ людей разсчитывали чуть ли не на одного Евгенія Павловича; онъ долженъ былъ явиться, сопровождая Бѣлоконскую.

О томъ, что будетъ Бѣлоконская, князь услыхалъ еще чуть ли не за три дня до вечера; о званомъ же вечерѣ узналъ только наканунѣ. Онъ, разумѣется, замѣтилъ и хлопотливый видъ членовъ семейства, и даже по нѣкоторымъ намекающимъ и озабоченнымъ съ нимъ заговариваніямъ, проникъ, что боятся за впечатлѣніе, которое онъ можетъ произвести. Но у Епанчиныхъ, какъ-то у всѣхъ до единаго, составилось понятіе, что онъ, по простотѣ своей, ни за что не въ состояніи самъ догадаться о томъ, что за него

такъ безпокоятся. Потому, глядя на него, всѣ внутренно тосковали. Впрочемъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ почти не придавалъ никакого значенія предстоящему событію; онъ былъ занятъ совершенно другимъ: Аглая съ каждымъ часомъ становилась все капризнѣе и мрачнѣе — это его убивало. Когда онъ узналъ, что ждутъ и Евгенія Павловича, то очень обрадовался и сказалъ, что давно желалъ его видѣть. Почему-то эти слова никому не понравились; Аглая вышла въ досадѣ изъ комнаты и только поздно вечеромъ, часу въ двѣнадцатомъ, когда князь уже уходилъ, она улучила случай сказать ему нѣсколько словъ наединѣ, провожая его.

— Я бы желала, чтобы вы завтра весь день не приходили къ намъ, а пришли бы вечеромъ, когда уже соберутся эти... гости. Вы знаете, что будутъ гости?

Она заговорила нетерпѣливо и усиленно сурово: въ первый разъ она заговорила объ этомъ «вечерѣ». Для нея тоже мысль о гостяхъ была почти нестерпима; всѣ это замѣтили. Можетъ быть, ей и ужасно хотѣлось бы поссориться за это съ родителями, но гордость и стыдливость помѣшали заговорить. Князь тотчасъ же понялъ, что и она за него боится (и не хочетъ признаться, что боится), и вдругъ самъ испугался.

— Да, я приглашенъ, — отвѣтилъ онъ.

Она видимо затруднялась продолженіемъ.

— Съ вами можно говорить о чемъ-нибудь серьезно? Хоть разъ въ жизни? — разсердилась она вдругъ чрезвычайно, не зная за что, и не въ силахъ сдержать себя.

— Можно, и я васъ слушаю; я очень радъ, — бормоталъ князь.

Аглая промолчала опять съ минуту и начала съ видимымъ отвращеніемъ:

— Я не захотѣла съ ними спорить объ этомъ; въ иныхъ случаяхъ ихъ не вразумишь. Отвратительны мнѣ были всегда правила, какія иногда у maman бываютъ. Я про папашу не говорю, съ него нечего и спрашивать. Maman, конечно, благородная женщина; осмѣльтесь ей предложить что-нибудь низкое, и увидите. Ну, а предъ этою.. дрянью — преклоняется! Я не про Бѣлоконскую говорю: дрянная старушонка и дрянная характеромъ, да умна и ихъ всѣхъ въ рукахъ умѣетъ держать, — хоть тѣмъ хороша. О, низость! И смѣшно: мы всегда были люди средняго круга, самаго средняго, какого только можно быть; зачѣмъ же лѣзть въ тотъ великосвѣтскій кругъ? Сестры туда же; это князь Щ. всѣхъ смутилъ. Зачѣмъ вы радуетесь, что Евгеній Павлычъ будетъ?

— Послушайте, Аглая, — сказалъ князь, — мнѣ кажется, вы за меня очень боитесь, чтобъ я завтра не срѣзался... въ этомъ обществѣ?

— За васъ? Боюсь? — вся вспыхнула Аглая, — отчего мнѣ бояться за васъ, хоть вы бы... хоть бы вы совсѣмъ осрамились? Что мнѣ? И какъ вы можете такія слова употреблять? Что значитъ «срѣзался»? Это дрянное слово, пошлое.

— Это... школьное слово.

— Ну да, школьное слово! Дрянное слово! Вы намѣрены, кажется, говорить завтра все такими словами. Подыщите еще побольше дома въ вашемъ лексиконѣ такихъ словъ: то-то эффектъ произведете! Жаль, что вы, кажется, умѣете войти хорошо; гдѣ это вы научились? Вы сумѣете взять и выпить прилично чашку чаю, когда на васъ всѣ будутъ нарочно смотрѣть?

— Я думаю, что сумѣю.

— Это жаль; а то бы я посмѣялась. Разбейте, по крайней мѣрѣ, китайскую вазу въ гостиной! Она дорого стоитъ: пожалуйста, разбейте; она дареная;

мамаша съ ума сойдетъ и при всѣхъ заплачетъ, — такъ она ей дорога. Сдѣлайте какой-нибудь жестъ, какъ вы всегда дѣлаете, ударьте и разбейте. Сядьте нарочно подлѣ.

— Напротивъ, постараюсь, сѣсть какъ можно дальше: спасибо, что предупреждаете.

— Стало быть, заранѣе боитесь, что будете большіе жесты дѣлать. Я бьюсь объ закладъ, что вы о какой-нибудь «темѣ» заговорите, о чемъ-нибудь серьезномъ, ученомъ, возвышенномъ? Какъ это будетъ... прилично!

— Я думаю, это было бы глупо... если не кстати.

— Слушайте, разъ навсегда, — не вытерпѣла, наконецъ, Аглая, — если вы заговорите о чемъ-нибудь въ родѣ смертной казни, или объ экономическомъ состояніи Россіи, или о томъ, что «міръ спасетъ красота», то... я, конечно, порадуюсь и посмѣюсь очень, но... предупреждаю васъ заранѣе: не кажитесь мнѣ потомъ на глаза! Слышите: я серьезно говорю! На этотъ разъ я ужъ серьезно говорю!

Она дѣйствительно *серьезно* проговорила свою угрозу, такъ что даже что-то необычайное послышалось въ ея словахъ и проглянуло въ ея взглядѣ, чего прежде никогда не замѣчалъ князь, и что ужъ, конечно, не походило на шутку.

— Ну, вы сдѣлали такъ, что я теперь непремѣнно «заговорю» и даже... можетъ быть... и вазу разобью. Давеча я ничего не боялся, а теперь всего боюсь. Я непремѣнно срѣжусь.

— Такъ молчите. Сидите и молчите.

— Нельзя будетъ; я увѣренъ, что я отъ страха заговорю, и отъ страха разобью вазу. Можетъ быть, я упаду на гладкомъ полу, или что-нибудь въ этомъ родѣ выйдетъ, потому что со мной ужъ случалось; мнѣ это будетъ сниться всю ночь сегодня; зачѣмъ вы заговорили!

Аглая мрачно на него посмотрѣла.

— Знаете что: я лучше завтра совсѣмъ не приду! Отрапортуюсь больнымъ, и кончено! — рѣшилъ онъ, наконецъ.

Аглая топнула ногой и даже поблѣднѣла отъ гнѣва.

— Господи! Да видано ли гдѣ-нибудь это! Онъ не придетъ, когда нарочно для него же и... о, Боже! Вотъ удовольствіе, имѣть дѣло съ такимъ... безтолковымъ человѣкомъ, какъ вы!

— Ну, я приду, приду! — поскорѣе перебилъ князь, — и даю вамъ честное слово, что просижу весь вечеръ, ни слова не говоря. Ужъ я такъ сдѣлаю.

— Прекрасно сдѣлаете. Вы сейчасъ сказали: «отрапортуюсь больнымъ»; откуда вы берете въ самомъ дѣлѣ этакія выраженія? Что у васъ за охота говорить со мной такими словами? Дразните вы меня, что ли?

— Виноватъ; это тоже школьное слово; не буду. Я очень хорошо понимаю, что вы... за меня боитесь... (да не сердитесь же!), и я ужасно радъ этому. Вы не повѣрите, какъ я теперь боюсь и — какъ радуюсь вашимъ словамъ. Но весь этотъ страхъ, клянусь вамъ, все это мелочь и вздоръ. Ей-Богу, Аглая! А радость останется. Я ужасно люблю, что вы такой ребенокъ, такой хорошій и добрый ребенокъ! Ахъ, какъ вы прекрасны можете быть, Аглая!

Аглая конечно бы разсердилась, и уже хотѣла, но вдругъ какое-то неожиданное для нея самой чувство захватило всю ея душу, въ одно мгновеніе.

— А вы не попрекнете меня за теперешнія грубыя слова... когда-нибудь... послѣ? — вдругъ спросила она.

— Что вы, что вы! И чего вы опять вспыхнули? Вотъ и опять смотрите мрачно! Вы слишкомъ мрачно стали иногда смотрѣть, Аглая, какъ никогда не смотрѣли прежде. Я знаю, отчего это...

— Молчите, молчите!

— Нѣтъ, лучше сказать. Я давно хотѣлъ сказать; я уже сказалъ, но... этого мало, потому что вы мнѣ не повѣрили. Между нами все-таки стоитъ одно существо...

— Молчите, молчите, молчите, молчите, — вдругъ перебила Аглая, крѣпко схвативъ его за руку и чуть не въ ужасѣ смотря на него. Въ эту минуту ее кликнули; точно обрадовавшись, она бросила его и убѣжала.

Князь былъ всю ночь въ лихорадкѣ. Странно, уже нѣсколько ночей сряду съ нимъ была лихорадка. Въ этотъ же разъ, въ полубреду, ему пришла мысль: что, если завтра, при всѣхъ, съ нимъ случится припадокъ? Вѣдь бывали же съ нимъ припадки наяву? Онъ леденѣлъ отъ этой мысли; всю ночь представлялъ себя въ какомъ-то чудномъ и неслыханномъ обществѣ, между какими-то странными людьми. Главное, то, что онъ «заговорилъ»; онъ зналъ, что не надо говорить, но онъ все время говорилъ, онъ въ чемъ-то ихъ уговаривалъ. Евгеній Павловичъ и Ипполитъ были тоже въ числѣ гостей и казались въ чрезвычайной дружбѣ.

Онъ проснулся въ девятомъ часу, съ головною болью, съ безпорядкомъ въ мысляхъ, съ странными впечатлѣніями. Ему ужасно почему-то захотѣлось видѣть Рогожина; видѣть и много говорить съ нимъ, — о чемъ именно, онъ и самъ не зналъ; потомъ онъ уже совсѣмъ рѣшился было пойти зачѣмъ-то къ Ипполиту. Что-то смутное было въ его сердцѣ до того, что приключенія, случившіяся съ нимъ въ это утро, произвели на него хотя и чрезвычайно сильное, но все-таки какое-то неполное впечатлѣніе. Одно изъ этихъ приключеній состояло въ визитѣ Лебедева.

Лебедевъ явился довольно рано, въ началѣ десятаго, и почти совсѣмъ хмельной. Хоть и не замѣт-

ливъ былъ князь въ послѣднее время, но ему какъ-то въ глаза бросилось, что со времени переселенія отъ нихъ генерала Иволгина, вотъ уже три дня, Лебедевъ очень дурно велъ себя. Онъ сталъ какъ-то вдругъ чрезвычайно саленъ и запачканъ, галстукъ его сбивался на сторону, а воротникъ сюртука былъ надорванъ. У себя онъ даже бушевалъ, и это было слышно черезъ дворикъ: Вѣра приходила разъ въ слезахъ и что-то разсказывала. Представъ теперь, онъ какъ-то очень странно заговорилъ, бія себя въ грудь, и въ чемъ-то винился...

— Получилъ... получилъ возмездіе за измѣну и подлость мою... Пощечину получилъ! — заключилъ онъ, наконецъ, трагически.

— Пощечину! Отъ кого?.. И такъ спозаранку?

— Спозаранку? — саркастически улыбнулся Лебедевъ; — время тутъ ничего не значитъ... даже и для возмездія физическаго... но я нравственную... нравственную пощечину получилъ, а не физическую!

Онъ вдругъ усѣлся безъ церемоніи и началъ разсказывать. Разсказъ его былъ очень безсвязенъ; князь было поморщился и хотѣлъ уйти; но вдругъ нѣсколько словъ поразили его. Онъ остолбенѣлъ отъ удивленія... Странныя вещи разсказалъ господинъ Лебедевъ.

Сначала дѣло шло, повидимому, о какомъ-то письмѣ; произнесено было имя Аглаи Ивановны. Потомъ вдругъ Лебедевъ съ горечью началъ обвинять самого князя; можно было понять, что онъ обиженъ княземъ. Сначала, дескать, князь почтилъ его своею довѣренностью въ дѣлахъ съ извѣстнымъ «персонажемъ» (съ Настасьей Филипповной); но потомъ совсѣмъ разорвалъ съ нимъ и отогналъ его отъ себя со срамомъ, и даже до такой обидной степени, что въ послѣдній разъ съ грубостью будто бы отклонилъ «невинный вопросъ о ближайшихъ перемѣнахъ въ домѣ». Съ пьяными слезами признавался Лебедевъ, что «послѣ это-

го онъ уже никакъ не могъ перенести, тѣмъ паче, что многое зналъ... очень многое... и отъ Рогожина, и отъ Настасьи Филипповны, и отъ пріятельницы Настасьи Филипповны, и отъ Варвары Ардаліоновны... самой-съ... и отъ... и отъ самой даже Аглаи Ивановны, можете вы это вообразить-съ, чрезъ посредство Вѣры-съ, черезъ дочь мою любимую Вѣру, единородную... да-съ... а впрочемъ, не единородную, ибо у меня ихъ три. А кто увѣдомлялъ письмами Лизавету Прокофьевну, даже въ наиглубочайшемъ секретѣ-съ, хе-хе! Кто отписывалъ ей про всѣ отношенія и... про движенія персонажа Настасьи Филипповны, хе-хе-хе! Кто, кто сей анонимъ, позвольте спросить?»

— Неужто вы? — вскричалъ князь.

— Именно, — съ достоинствомъ отвѣтилъ пьяница, — и сегодня же въ половинѣ девятаго, всего полчаса... нѣтъ-съ, три четверти уже часа, какъ извѣстилъ благороднѣйшую мать, что имѣю ей передать одно приключеніе... значительное. Запиской извѣстилъ черезъ дѣвушку съ задняго крыльца-съ. Приняла.

— Вы видѣли сейчасъ Лизавету Прокофьевну? — спросилъ князь, едва вѣря ушамъ своимъ.

— Видѣлъ сейчасъ и получилъ пощечину... нравственную. Воротила письмо назадъ, даже шваркнула, не распечатанное... а меня прогнала въ три шеи... впрочемъ, только нравственно, а не физически... а впрочемъ, почти что и физически, немного недостало!

— Какое письмо она вамъ шваркнула, не распечатанное?

— А развѣ... хе-хе-хе! Да вѣдь я еще вамъ не сказалъ! А я думалъ, что ужъ сказалъ... Я одно такое письмецо получилъ, для передачи-съ...

— Отъ кого? Кому?

Но нѣкоторыя «объясненія» Лебедева чрезвычайно трудно было разобрать и хоть что-нибудь въ нихъ

понять. Князь однакоже сообразилъ сколько могъ, что письмо было передано рано утромъ, чрезъ служанку, Вѣрѣ Лебедевой, для передачи по адресу... «такъ же, какъ и прежде... такъ же, какъ и прежде, извѣстному персонажу и отъ того же лица-съ... (ибо одну изъ нихъ я обозначаю названіемъ «лица»-съ, а другую лишь только «персонажа», для униженія и для различія; ибо есть великая разница между невинною и высокоблагородною генеральскою дѣвицей и... камеліей-съ) и такъ, письмо было отъ «лица»-съ, начинающагося съ буквы *А*»...

— Какъ это можно? Настасьѣ Филипповнѣ? Вздоръ! — вскричалъ князь.

— Было, было-съ, а не ей, такъ Рогожину-съ, все равно, Рогожину-съ... и даже господину Терентьеву было, для передачи, однажды-съ, отъ лица съ буквы *А*, — подмигнулъ и улыбнулся Лебедевъ.

Такъ какъ онъ часто сбивался съ одного на другое и позабывалъ, о чемъ начиналъ говорить, то князь затихъ, чтобы дать ему высказаться. Но все-таки было чрезвычайно неясно: чрезъ него ли именно шли письма, или чрезъ Вѣру? Если онъ самъ увѣрялъ, что «къ Рогожину все равно что къ Настасьѣ Филипповнѣ», то, значитъ, вѣрнѣе, что не чрезъ него шли они, если только были письма. Случай же, какимъ образомъ попалось къ нему теперь письмо, остался рѣшительно необъясненнымъ; вѣрнѣе всего надо было предположить, что онъ какъ-нибудь похитилъ его у Вѣры... тихонько укралъ и отнесъ съ какимъ-то намѣреніемъ къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ. Такъ сообразилъ и понялъ, наконецъ, князь.

— Вы съ ума сошли! — вскричалъ онъ въ чрезвычайномъ смятеніи.

— Не совсѣмъ, многоуважаемый князь, — не безъ злости отвѣтилъ Лебедевъ; — правда, я хотѣлъ было вамъ вручить, вамъ, въ ваши собственныя руки, чтобъ

услужить... но разсудилъ лучше тамъ услужить и обо всемъ объявить благороднѣйшей матери... такъ какъ и прежде однажды письмомъ извѣстилъ, анонимнымъ; и когда написалъ давеча на бумажкѣ, предварительно, прося пріема, въ восемь часовъ двадцать минутъ, тоже подписался: «вашъ тайный корреспондентъ», тотчасъ допустили, немедленно, даже съ усиленною поспѣшностью заднимъ ходомъ... къ благороднѣйшей матери...

— Ну?..

— А тамъ ужъ извѣстно-съ, чуть не прибила-съ; то-есть чуть-чуть-съ, такъ что даже, можно считать, почти что и прибила-съ. А письмо мнѣ шваркнула. Правда, хотѣла было у себя удержать, — видѣлъ, замѣтилъ, но раздумала и шваркнула: «коли тебѣ, такому, довѣрили передать, такъ и передай»... Обидѣлась даже. Ужъ коли предо мной не постыдилась сказать, то, значитъ, обидѣлась. Характеромъ вспыльчивы!

— Гдѣ же письмо-то теперь?

— Да все у меня же, вотъ-съ.

И онъ передалъ князю записку Аглаи къ Гаврилѣ Ардаліоновичу, которую тотъ съ торжествомъ, въ это же утро, два часа спустя, показалъ сестрѣ.

— Это письмо не можетъ оставаться у васъ.

— Вамъ, вамъ! Вамъ и приношу-съ, — съ жаромъ подхватилъ Лебедевъ, — теперь опять вашъ, весь вашъ, съ головы до сердца, слуга-съ, послѣ мимолетной измѣны-съ! Казните сердце, пощадите бороду, какъ сказалъ Томасъ Морусъ... въ Англіи и въ Великобританіи-съ. Mea culpa, mea culpa, какъ говоритъ Римская папа... то-есть: онъ — Римскій папа, а я его называю: «Римская папа».

— Это письмо должно быть сейчасъ отослано, — захлопоталъ князь, — я передамъ.

— А не лучше ли, а не лучше ли, благовоспитаннѣйшій князь, а не лучше ли-съ... эфтово-съ!

Лебедевъ сдѣлалъ странную, умильную гримасу; онъ ужасно завозился на мѣстѣ, точно его укололи вдругъ иголкой, и лукаво подмигивая глазами, дѣлалъ и показывалъ что-то руками.

— Что такое? — грозно спросилъ князь.

— Предварительно бы вскрыть-съ! — прошепталъ онъ умилительно и какъ бы конфиденціально.

Князь вскочилъ въ такой ярости, что Лебедевъ пустился было бѣжать; но добѣжавъ до двери, пріостановился, выжидая, не будетъ ли милости.

— Эхъ, Лебедевъ! Можно ли, можно ли доходить до такого низкаго безпорядка, до котораго вы дошли? — вскричалъ князь горестно.

Черты Лебедева прояснились.

— Низокъ! Низокъ! — приблизился онъ тотчасъ же, со слезами бія себя въ грудь.

— Вѣдь это мерзости!

— Именно мерзости-съ. Настоящее слово-съ!

— И что у васъ за повадка такъ... странно поступать? Вѣдь вы... просто шпіонъ! Почему вы писали анонимомъ и тревожили... такую благороднѣйшую и добрѣйшую женщину? Почему, наконецъ, Аглая Ивановна не имѣетъ права писать, кому ей угодно? Что вы жаловаться, что ли, ходили сегодня? Что вы надѣялись тамъ получить? Что подвинуло васъ доносить?

— Единственно изъ пріятнаго любопытства и... изъ услужливости благородной души, да-съ! — бормоталъ Лебедевъ, — теперь же весь вашъ, весь опять! Хоть повѣсьте!

— Вы такимъ, какъ теперь, и являлись къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, — съ отвращеніемъ полюбопытствовалъ князь.

— Нѣтъ-съ... свѣжѣе-съ... и даже приличнѣе-съ; это я уже послѣ униженія достигъ... сего вида-съ.

— Ну, хорошо, оставьте меня.

Впрочемъ, эту просьбу надо было повторить нѣсколько разъ, прежде чѣмъ гость рѣшился, наконецъ, уйти. Уже совсѣмъ отворивъ дверь, онъ опять воротился, дошелъ до средины комнаты на цыпочкахъ и снова началъ дѣлать знаки руками, показывая, какъ вскрываютъ письмо; проговорить же свой совѣтъ словами онъ не осмѣлился; затѣмъ вышелъ, тихо и ласково улыбаясь.

Все это было чрезвычайно тяжело услышать. Изъ всего выставлялся одинъ главный и чрезвычайный фактъ: то, что Аглая была въ большой тревогѣ, въ большой нерѣшимости, въ большой мукѣ почему-то («отъ ревности» прошепталъ про себя князь). Выходило тоже, что ее, конечно, смущали и люди недобрые, и ужъ очень странно было, что она имъ такъ довѣрялась. Конечно, въ этой неопытной, но горячей и гордой головкѣ созрѣвали какіе-то особенные планы, можетъ быть, и пагубные и... ни на что не похожіе... Князь былъ чрезвычайно испуганъ и въ смущеніи своемъ не зналъ, на что рѣшиться. Надо было непремѣнно что-то предупредить, онъ это чувствовалъ. Онъ еще разъ поглядѣлъ на адресъ запечатаннаго письма; о, тутъ для него не было сомнѣній и безпокойствъ, потому что онъ вѣрилъ; его другое безпокоило въ этомъ письмѣ: онъ не вѣрилъ Гаврилѣ Ардаліоновичу. И однакоже онъ самъ было рѣшился передать ему это письмо, лично, и уже вышелъ для этого изъ дому, но на дорогѣ раздумалъ. Почти у самаго дома Птицына, какъ нарочно, попался Коля, и князь поручилъ ему передать письмо въ руки брата, какъ бы прямо отъ самой Аглаи Ивановны. Коля не разспрашивалъ и доставилъ, такъ что Ганя и не воображалъ, что письмо прошло чрезъ столько станцій. Воротясь домой, князь попросилъ къ себѣ Вѣру Лукьяновну, разсказалъ ей что надо и успо-

коилъ ее, потому что она до сихъ поръ все искала письмо и плакала. Она пришла въ ужасъ, когда узнала, что письмо унесъ отецъ. (Князь узналъ отъ нея уже потомъ, что она не разъ служила въ секретѣ Рогожину и Аглаѣ Ивановнѣ; ей и въ голову не приходило, что тутъ могло быть что-нибудь во вредъ князю)...

А князь сталъ, наконецъ, до того разстроенъ, что когда, часа два спустя, къ нему прибѣжалъ посланный отъ Коли съ извѣстіемъ о болѣзни отца, то, въ первую минуту, онъ почти не могъ понять, въ чемъ дѣло. Но это же происшествіе и возстановило его, потому что сильно отвлекло. Онъ пробылъ у Нины Александровны (куда, разумѣется, перенесли больного) почти вплоть до самаго вечера. Онъ не принесъ почти никакой пользы, но есть люди, которыхъ почему-то пріятно видѣть подлѣ себя въ иную тяжелую минуту. Коля былъ ужасно пораженъ, плакалъ истерически, но однакоже все время былъ на побѣгушкахъ: бѣгалъ за докторомъ и сыскалъ троихъ, бѣгалъ въ аптеку, въ цырюльню. Генерала оживили, но не привели въ себя; доктора выражались, что «во всякомъ случаѣ паціентъ въ опасности». Варя и Нина Александровна не отходили отъ больного; Ганя былъ смущенъ и потрясенъ, но не хотѣлъ всходить наверхъ и даже боялся увидѣть больного; онъ ломалъ себѣ руки, и въ безсвязномъ разговорѣ съ княземъ ему удалось выразиться, что вотъ, дескать, «такое несчастье и, какъ нарочно, въ такое время!» Князю показалось, что онъ понимаетъ, про какое именно время тотъ говоритъ. Ипполита князь уже не засталъ въ домѣ Птицына. Къ вечеру прибѣжалъ Лебедевъ, который, послѣ утренняго «объясненія», спалъ до сихъ поръ безъ просыпу. Теперь онъ былъ почти трезвъ и плакалъ надъ больнымъ настоящими слезами, точно надъ роднымъ своимъ братомъ. Онъ винился вслухъ,

не объясняя однакоже, въ чемъ дѣло, и приставалъ къ Нинѣ Александровнѣ, увѣряя ее поминутно, что «это онъ, онъ самъ причиной, и никто какъ онъ... единственно изъ пріятнаго любопытства... и что «усопшій» (такъ онъ почему-то упорно называлъ еще живого генерала) былъ даже геніальнѣйшій человѣкъ!» Онъ особенно серьезно настаивалъ на геніальности, точно отъ этого могла произойти въ эту минуту какая-нибудь необыкновенная польза. Нина Александровна, видя искреннія слезы его, проговорила ему, наконецъ, безо всякаго упрека и чуть ли даже не съ лаской: «ну, Богъ съ вами, ну, не плачьте, ну, Богъ васъ проститъ!» Лебедевъ былъ до того пораженъ этими словами и тономъ ихъ, что во весь этотъ вечеръ не хотѣлъ уже и отходить отъ Нины Александровны (и во всѣ слѣдующіе дни, до самой смерти генерала, онъ почти съ утра до ночи проводилъ время въ ихъ домѣ). Въ продолженіе дня, два раза приходилъ къ Нинѣ Александровнѣ посланный отъ Лизаветы Прокофьевны узнать о здоровьѣ больного. Когда же вечеромъ, въ девять часовъ, князь явился въ гостиную Епанчиныхъ, уже наполненную гостями, Лизавета Прокофьевна тотчасъ же начала разспрашивать его о больномъ, съ участіемъ и подробно, и съ важностью отвѣтила Бѣлоконской на ея вопросъ: «кто таковъ больной, и кто такая Нина Александровна?» Князю это очень понравилось. Самъ онъ, объясняясь съ Лизаветой Прокофьевной, говорилъ «прекрасно», какъ выражались потомъ сестры Аглаи: «скромно, тихо, безъ лишнихъ словъ, безъ жестовъ, съ достоинствомъ; вошелъ прекрасно; одѣтъ былъ превосходно», и не только не «упалъ на гладкомъ полу», какъ боялся наканунѣ, но видно произвелъ на всѣхъ даже пріятное впечатлѣніе.

Съ своей стороны, усѣвшись и осмотрѣвшись, онъ тотчасъ же замѣтилъ, что все это собраніе отнюдь не походило на вчерашніе призраки, которыми его на-

пугала Аглая, или на кошмары, которые ему снились ночью. Въ первый разъ въ жизни онъ увидѣлъ уголокъ того, что называется страшнымъ именемъ «свѣта». Онъ давно уже, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ намѣреній, соображеній и влеченій своихъ, жаждалъ проникнуть въ этотъ заколдованный кругъ людей, и потому былъ сильно заинтересованъ первымъ впечатлѣніемъ. Это первое впечатлѣніе его было даже очаровательное. Какъ-то тотчасъ и вдругъ ему показалось, что всѣ эти люди какъ будто такъ и родились, чтобъ быть вмѣстѣ; что у Епанчиныхъ нѣтъ никакого «вечера» въ этотъ вечеръ и никакихъ званыхъ гостей, что все это самые «свои люди», и что онъ самъ какъ будто давно уже былъ ихъ преданнымъ другомъ и единомышленникомъ и воротился къ нимъ теперь послѣ недавней разлуки. Обаяніе изящныхъ манеръ, простоты и кажущагося чистосердечія было почти волшебное. Ему и въ мысль не могло придти, что все это простосердечіе и благородство, остроуміе и высокое собственное достоинство есть, можетъ быть, только великолѣпная художественная выдѣлка. Большинство гостей состояло даже, несмотря на внушающую наружность, изъ довольно пустыхъ людей, которые, впрочемъ, и сами не знали, въ самодовольствѣ своемъ, что многое въ нихъ хорошее — одна выдѣлка, въ которой притомъ они не виноваты, ибо она досталась имъ безсознательно и по наслѣдству. Этого князь даже и подозрѣвать не хотѣлъ подъ обаяніемъ прелести своего перваго впечатлѣнія. Онъ видѣлъ, напримѣръ, что этотъ старикъ, этотъ важный сановникъ, который по лѣтамъ годился бы ему въ дѣды, даже прерываетъ свой разговоръ, чтобы выслушать его, такого молодого и неопытнаго человѣка, и не только выслушиваетъ его, но видимо цѣнитъ его мнѣніе, такъ ласковъ съ нимъ, такъ искренно добродушенъ, а между тѣмъ они чужіе и видятся всего въ первый разъ. Мо-

жетъ быть, на горячую воспріимчивость князя подѣйствовала наиболѣе утонченность этой вѣжливости. Можетъ быть, онъ и заранѣе былъ слишкомъ расположенъ и даже подкупленъ къ счастливому впечатлѣнію.

А между тѣмъ всѣ эти люди, — хотя, конечно, были «друзьями дома и между собой», — были однакоже далеко не такими друзьями ни дому, ни между собой, какими принялъ ихъ князь, только что его представили и познакомили съ ними. Тутъ были люди, которые никогда и ни за что не признали бы Епанчиныхъ хоть сколько-нибудь себѣ равными. Тутъ были люди даже совершенно ненавидѣвшіе другъ друга; старуха Бѣлоконская всю жизнь свою «презирала» жену «старичка-сановника», а та, въ свою очередь, далеко не любила Лизавету Прокофьевну. Этотъ «сановникъ», мужъ ея, почему-то покровитель Епанчиныхъ съ самой ихъ молодости, предсѣдательствовавшій тутъ же, былъ до того громаднымъ лицомъ въ глазахъ Ивана Ѳедоровича, что тотъ кромѣ благоговѣнія и страху ничего не могъ ощущать въ его присутствіи, и даже презиралъ бы себя искренно, если бы хоть одну минуту почелъ себя ему равнымъ, а его не Юпитеромъ Олимпійскимъ. Были тутъ люди, не встрѣчавшіеся другъ съ другомъ по нѣскольку лѣтъ и не ощущавшіе другъ къ другу ничего, кромѣ равнодушія, если не отвращенія, но встрѣтившіеся теперь какъ будто вчера еще только видѣлись въ самой дружеской и пріятной компаніи. Впрочемъ, собраніе было немногочисленное. Кромѣ Бѣлоконской и «старичка-сановника», въ самомъ дѣлѣ важнаго лица, кромѣ его супруги, тутъ былъ, во-первыхъ, одинъ очень солидный военный генералъ, баронъ или графъ, съ нѣмецкимъ именемъ, — человѣкъ чрезвычайной молчаливости, съ репутаціей удивительнаго знанія правительственныхъ дѣлъ и чуть ли даже не съ репутаціей уче-

ности, — одинъ изъ тѣхъ олимпійцевъ-администраторовъ, которые знаютъ все, «кромѣ развѣ самой Россіи», человѣкъ, говорящій въ пять лѣтъ по одному «замѣчательному по глубинѣ своей» изреченію, но, впрочемъ, такому, которое непремѣнно входитъ въ поговорку, и о которомъ узнается даже въ самомъ чрезвычайномъ кругу; одинъ изъ тѣхъ начальствующихъ чиновниковъ, которые обыкновенно послѣ чрезвычайно продолжительной (даже до странности) службы, умираютъ въ большихъ чинахъ, на прекрасныхъ мѣстахъ и съ большими деньгами, хотя и безъ большихъ подвиговъ и даже съ нѣкоторою враждебностью къ подвигамъ. Этотъ генералъ былъ непосредственный начальникъ Ивана Ѳедоровича по службѣ и котораго тотъ, по горячности своего благодарнаго сердца и даже по особенному самолюбію, тоже считалъ своимъ благодѣтелемъ, но который отнюдь не считалъ себя благодѣтелемъ Ивана Ѳедоровича, относился къ нему совершенно спокойно, хотя и съ удовольствіемъ пользовался многоразличными его услугами, и сейчасъ же замѣстилъ бы его другимъ чиновникомъ, если бъ это потребовалось какими-нибудь соображеніями, даже вовсе и не высшими. Тутъ былъ еще одинъ пожилой, важный баринъ, какъ будто даже и родственникъ Лизаветы Прокофьевны, хотя это было рѣшительно несправедливо; человѣкъ въ хорошемъ чинѣ и званіи, человѣкъ богатый и родовой, плотный собою и очень хорошаго здоровья, большой говорунъ и даже имѣвшій репутацію человѣка недовольнаго (хотя, впрочемъ, въ самомъ позволительномъ смыслѣ слова), человѣка даже желчнаго (но и это въ немъ было пріятно), съ замашками англійскихъ аристократовъ и съ англійскими вкусами (относительно, напримѣръ, кроваваго ростбифа, лошадиной упряжи, лакеевъ и пр.). Онъ былъ большимъ другомъ «сановника», развлекалъ его, и кромѣ того, Лизавета Прокофьевна почему-то питала одну

странную мысль, что этотъ пожилой господинъ (человѣкъ нѣсколько легкомысленный и отчасти любитель женскаго пола) вдругъ да и вздумаетъ осчастливить Александру своимъ предложеніемъ. За этимъ, самымъ высшимъ и солиднымъ слоемъ собранія слѣдовалъ слой болѣе молодыхъ гостей, хотя и блестящихъ тоже весьма изящными качествами. Кромѣ князя Щ. и Евгенія Павловича, къ этому слою принадлежалъ и извѣстный, очаровательный князь N., бывшій обольститель и побѣдитель женскихъ сердецъ во всей Европѣ, человѣкъ теперь уже лѣтъ сорока пяти, все еще прекрасной наружности, удивительно умѣвшій разсказывать, человѣкъ съ состояніемъ, нѣсколько, впрочемъ, разстроеннымъ и, по привычкѣ, проживавшій болѣе за границей. Тутъ были, наконецъ, люди, какъ будто составлявшіе даже третій особенный слой и которые не принадлежали сами по себѣ къ «заповѣдному кругу» общества, но которыхъ, такъ же какъ и Епанчиныхъ, можно было иногда встрѣтить почему-то въ этомъ «заповѣданномъ» кругу. По нѣкоторому такту, принятому ими за правило, Епанчины любили смѣшивать, въ рѣдкихъ случаяхъ бывавшихъ у нихъ званыхъ собраній, общество высшее съ людьми слоя болѣе низшаго, съ избранными представителями «средняго рода людей». Епанчиныхъ даже хвалили за это и относились объ нихъ, что они понимаютъ свое мѣсто и люди съ тактомъ, а Епанчины гордились такимъ объ нихъ мнѣніемъ. Однимъ изъ представителей этого средняго рода людей былъ въ этотъ вечеръ одинъ техникъ, полковникъ, серьезный человѣкъ, весьма близкій пріятель князю Щ. и имъ же введенный къ Епанчинымъ, человѣкъ, впрочемъ, въ обществѣ молчаливый и носившій на большомъ указательномъ пальцѣ правой руки большой и видный перстень, по всей вѣроятности, пожалованный. Тутъ былъ, наконецъ, даже одинъ литераторъ-поэтъ, изъ нѣмцевъ, но русскій поэтъ, и сверхъ того совер-

шенно приличный, такъ что его можно было безъ опасенія ввести въ хорошее общество. Онъ былъ счастливой наружности, хотя почему-то нѣсколько отвратительной, лѣтъ тридцати восьми, одѣвался безукоризненно, принадлежалъ къ семейству нѣмецкому, въ высшей степени буржуазному, но и въ высшей степени почтенному; умѣлъ пользоваться разными случаями, пробиться въ покровительство высокихъ людей и удержаться въ ихъ благосклонности. Когда-то онъ перевелъ съ нѣмецкаго какое-то важное сочиненіе какого-то важнаго нѣмецкаго поэта, въ стихахъ, умѣлъ посвятить свой переводъ, умѣлъ похвастаться дружбой съ однимъ знаменитымъ, но умершимъ русскимъ поэтомъ (есть цѣлый слой писателей, чрезвычайно любящихъ приписываться печатно въ дружбу къ великимъ, но умершимъ писателямъ) и введенъ былъ очень недавно къ Епанчинымъ женой «старичка-сановника». Эта барыня слыла за покровительницу литераторовъ и ученыхъ и дѣйствительно одному или двумъ писателямъ доставила даже пенсіонъ, чрезъ посредство высокопоставленныхъ лицъ, у которыхъ имѣла значеніе. А значеніе въ своемъ родѣ она имѣла. Это была дама лѣтъ сорока пяти (стало быть, весьма молодая жена для такого стараго старичка, какъ ея мужъ), бывшая красавица, любившая и теперь, по маніи, свойственной многимъ сорокапятилѣтнимъ дамамъ, одѣваться слишкомъ уже пышно; ума была небольшого, а знанія литературы весьма сомнительнаго. Но покровительство литераторамъ было въ ней такого же рода маніей, какъ пышно одѣваться. Ей посвящалось много сочиненій и переводовъ; два-три писателя, съ ея позволенія, напечатали свои, писанныя ими къ ней, письма о чрезвычайно важныхъ предметахъ... И вотъ все-то это общество князь принялъ за самую чистую монету, за чистѣйшее золото, безъ лигатуры. Впрочемъ, всѣ эти люди были тоже, какъ нарочно,

въ самомъ счастливомъ настроеніи въ этотъ вечеръ и весьма довольны собой. Всѣ они до единаго знали, что дѣлаютъ Епанчинымъ своимъ посѣщеніемъ великую честь. Но, увы, князь и не подозрѣвалъ такихъ тонкостей. Онъ не подозрѣвалъ, напримѣръ, что Епанчины, имѣя въ предположеніи такой важный шагъ, какъ рѣшеніе судьбы ихъ дочери, и не посмѣли бы не показать его, князя Льва Николаевича, старичку-сановнику, признанному покровителю ихъ семейства. Старичокъ же сановникъ, хотя, съ своей стороны, совершенно спокойно бы перенесъ извѣстіе даже о самомъ ужасномъ несчастіи съ Епанчиными, непремѣнно бы обидѣлся, если бъ Епанчины помолвили свою дочь безъ его совѣта и, такъ сказать, безъ его спросу. Князь N., этотъ милый, этотъ безспорно остроумный и такого высокаго чистосердечія человѣкъ, былъ на высшей степени убѣжденія, что онъ — нѣчто въ родѣ солнца, взошедшаго въ эту ночь надъ гостиной Епанчиныхъ. Онъ считалъ ихъ безконечно ниже себя, и именно эта простодушная и благородная мысль и порождала въ немъ его удивительно милую развязность и дружелюбность къ этимъ же самымъ Епанчинымъ. Онъ зналъ очень хорошо, что въ этотъ вечеръ долженъ непремѣнно что-нибудь разсказать для очарованія общества и готовился къ этому даже съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ. Князь Левъ Николаевичъ, выслушавъ потомъ этотъ разсказъ, сознавалъ, что не слыхалъ никогда ничего подобнаго такому блестящему юмору и такой удивительной веселости и наивности, почти трогательной въ устахъ такого Донъ-Жуана, какъ князь N. А между тѣмъ, если бъ онъ только вѣдалъ, какъ этотъ самый разсказъ старъ, изношенъ; какъ заученъ наизусть и какъ уже истрепался и надоѣлъ во всѣхъ гостиныхъ, и только у невинныхъ Епанчиныхъ являлся опять за новость, за внезапное, искреннее и блестящее воспоминаніе блестящаго и пре-

краснаго человѣка! Даже, наконецъ, нѣмчикъ-поэтикъ, хоть и держалъ себя необыкновенно любезно и скромно, но и тотъ чуть не считалъ себя дѣлающимъ честь этому дому своимъ посѣщеніемъ. Но князь не замѣтилъ оборотной стороны, не замѣчалъ никакой подкладки. Этой бѣды Аглая и не предвидѣла. Сама она была удивительно хороша собой въ этотъ вечеръ. Всѣ три барышни были пріодѣты, хоть и не очень пышно, и даже какъ-то особенно причесаны. Аглая сидѣла съ Евгеніемъ Павловичемъ и необыкновенно дружески съ нимъ разговаривала и шутила. Евгеній Павловичъ держалъ себя какъ бы нѣсколько солиднѣе, чѣмъ въ другое время, тоже, можетъ быть, изъ уваженія къ сановникамъ. Его, впрочемъ, въ свѣтѣ уже давно знали; это былъ тамъ уже свой человѣкъ, хотя и молодой человѣкъ. Въ этотъ вечеръ онъ явился къ Епанчинымъ съ крепомъ на шляпѣ, и Бѣлоконская похвалила его за этотъ крепъ: другой свѣтскій племянникъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, и не надѣлъ бы по такомъ дядѣ крепа. Лизавета Прокофьевна тоже была этимъ довольна, но вообще она казалась какъ-то ужъ слишкомъ озабоченною. Князь замѣтилъ, что Аглая раза два на него внимательно посмотрѣла и, кажется, осталась имъ довольною. Мало-по-малу онъ становился ужасно счастливъ. Давешнія «фантастическія» мысли и опасенія его (послѣ разговора съ Лебедевымъ) казались ему теперь, при внезапныхъ, но частыхъ припоминаніяхъ, такимъ несбыточнымъ, невозможнымъ и даже смѣшнымъ сномъ! (И безъ того первымъ, хотя и безсознательнымъ, желаніемъ и влеченіемъ его, давеча и во весь день, было — какъ-нибудь сдѣлать такъ, чтобы не повѣрить этому сну!) Говорилъ онъ мало, и то только на вопросы, и, наконецъ, совсѣмъ замолкъ, сидѣлъ и все слушалъ, но видимо утопая въ наслажденіи. Мало-по-малу въ немъ самомъ подготовилось

нѣчто въ родѣ какого-то вдохновенія, готоваго вспыхнуть при случаѣ... Заговорилъ же онъ случайно, тоже отвѣчая на вопросъ, и, казалось, вовсе безъ особыхъ намѣреній...

VII

Пока онъ съ наслажденіемъ засматривался на Аглаю, весело разговаривавшую съ княземъ N. и Евгеніемъ Павловичемъ, вдругъ пожилой баринъ англоманъ, занимавшій «сановника» въ другомъ углу и разсказывавшій ему о чемъ-то съ одушевленіемъ, произнесъ имя Николая Андреевича Павлищева. Князь быстро повернулся въ ихъ сторону и сталъ слушать.

Дѣло шло о нынѣшнихъ порядкахъ и о какихъ-то безпорядкахъ по помѣщичьимъ имѣніямъ въ —ской губерніи. Разсказы англомана заключали въ себѣ, должно быть, что-нибудь и веселое, потому что старичокъ началъ, наконецъ, смѣяться желчному задору разсказчика. Онъ разсказывалъ плавно, и какъ-то брюзгливо растягивая слова, съ нѣжными удареніями на гласныя буквы, почему онъ принужденъ былъ, и именно теперешними порядками, продать одно великолѣпное свое имѣніе въ —ской губерніи и даже, не нуждаясь особенно въ деньгахъ, за полцѣны, и въ то же время сохранить имѣніе разоренное, убыточное и съ процессомъ, и даже за него приплатить. «Чтобъ избѣжать еще процесса и съ Павлищевскимъ участкомъ, я отъ нихъ убѣжалъ. Еще одно или два такія наслѣдства, и вѣдь я разоренъ. Мнѣ тамъ, впрочемъ, три тысячи десятинъ превосходной земли доставалось!»

— Вѣдь вотъ... Иванъ-то Петровичъ покойному Николаю Андреевичу Павлищеву родственникъ... ты вѣдь искалъ, кажется, родственниковъ-то, — проговорилъ вполголоса князю Иванъ Өедоровичъ, вдругъ очутившійся подлѣ и замѣтившій чрезвычайное внима-

ніе князя къ разговору. До сихъ поръ онъ занималъ своего генерала-начальника, но давно уже замѣчалъ исключительное уединеніе Льва Николаевича и сталъ безпокоиться, ему захотѣлось ввести его до извѣстной степени въ разговоръ и такимъ образомъ второй разъ показать и отрекомендовать «высшимъ лицамъ».

— Левъ Николаевичъ, воспитанникъ Николая Андреевича Павлищева, послѣ смерти своихъ родителей, — ввернулъ онъ, встрѣтивъ взглядъ Ивана Петровича.

— О-чень прі-ятно, — замѣтилъ тотъ, — и очень помню даже. Давеча, когда насъ Иванъ Ѳедорычъ познакомилъ, я васъ тотчасъ призналъ, и даже въ лицо. Вы, право, мало измѣнились на видъ, хоть я васъ видѣлъ только ребенкомъ, лѣтъ десяти или одиннадцати вы были. Что-то этакое, напоминающее въ чертахъ...

— Вы меня видѣли ребенкомъ? — спросилъ князь съ какимъ-то необыкновеннымъ удивленіемъ.

— О, очень уже давно, — продолжалъ Иванъ Петровичъ, — въ Златоверховомъ, гдѣ вы проживали тогда у моихъ кузинъ. Я прежде довольно часто заѣзжалъ въ Златоверхово, — вы меня не помните? О-чень можетъ быть, что не помните... Вы были тогда... въ какой-то болѣзни были тогда, такъ что я даже разъ на васъ подивился...

— Ничего не помню! — съ жаромъ подтвердилъ князь.

Еще нѣсколько словъ объясненія, крайне спокойнаго со стороны Ивана Петровича и удивительно взволнованнаго со стороны князя, и оказалось, что двѣ барыни, пожилыя дѣвушки, родственницы покойнаго Павлищева, проживавшія въ его имѣніи Златоверховомъ, и которымъ князь порученъ былъ на воспитаніе, были въ свою очередь кузинами Ивану Петровичу. Иванъ Петровичъ, тоже какъ и всѣ, почти ничего не могъ объяснить изъ причинъ, по которымъ

Павлищевъ такъ заботился о маленькомъ князѣ, своемъ пріемышѣ. «Да и забылъ тогда объ этомъ поинтересоваться», но все-таки оказалось, что у него превосходная память, потому что онъ даже припомнилъ, какъ строга была къ маленькому воспитаннику старшая кузина, Марѳа Никитишна, «такъ что я съ ней даже побранился разъ изъ-за васъ за систему воспитанія, потому что все розги и розги больному ребенку — вѣдь это... согласитесь сами...» и какъ, напротивъ, нѣжна была къ бѣдному мальчику младшая кузина, Наталья Никитишна... «Обѣ онѣ теперь, — пояснилъ онъ дальше, проживаютъ уже въ —ской губерніи (вотъ не знаю только, живы ли теперь?), гдѣ имъ отъ Павлищева досталось весьма и весьма порядочное маленькое имѣніе. Марѳа Никитишна, кажется, въ монастырь хотѣла пойти; впрочемъ, не утверждаю; можетъ, я о другомъ о комъ слышалъ... да, это я про докторшу намедни слышалъ...

Князь выслушалъ это съ глазами, блестѣвшими отъ восторга и умиленія. Съ необыкновеннымъ жаромъ возвѣстилъ онъ, въ свою очередь, что никогда не проститъ себѣ, что въ эти шесть мѣсяцевъ поѣздки своей во внутреннія губерніи онъ не улучилъ случая отыскать и навѣстить своихъ бывшихъ воспитательницъ. «Онъ каждый день хотѣлъ ѣхать и все былъ отвлеченъ обстоятельствами... но что теперь онъ даяснилъ онъ дальше, — проживаютъ уже въ —ской гугубернію... Такъ вы знаете Наталью Никитишну? Какая прекрасная, какая святая душа! Но и Марѳа Никитишна... простите меня, но вы, кажется, ошибаетесь въ Марѳѣ Никитишнѣ! Она была строга, но... вѣдь нельзя же было не потерять терпѣніе... съ такимъ идіотомъ, какимъ я тогда былъ (хи! хи!). Вѣдь я былъ тогда совсѣмъ идіотъ, вы не повѣрите (ха! ха!). Впрочемъ... впрочемъ, вы меня тогда видѣли и... Какъ же это я васъ не помню, скажите пожалуйста?

Такъ вы... ахъ, Боже мой, такъ неужели же вы въ самомъ дѣлѣ родственникъ Николаю Андреевичу Павлищеву?

— У-вѣ-ряю васъ, — улыбнулся Иванъ Петровичъ, оглядывая князя.

— О, я вѣдь не потому сказалъ, чтобъ я... сомнѣвался... и, наконецъ, въ этомъ развѣ можно сомнѣваться (хе! хе!)... хоть сколько-нибудь? То-есть, даже хоть сколько-нибудь!! (Хе! хе!) Но я къ тому, что покойный Николай Андреичъ Павлищевъ былъ такой превосходный человѣкъ! Великодушнѣйшій человѣкъ, право, увѣряю васъ!

Князь не то, чтобы задыхался, а, такъ сказать, «захлебывался отъ прекраснаго сердца», какъ выразилась объ этомъ на другой день утромъ Аделаида, въ разговорѣ съ женихомъ своимъ, княземъ Щ.

— Ахъ, Боже мой! — разсмѣялся Иванъ Петровичъ, — почему же я не могу быть родственникомъ даже и ве-ли-кодушному человѣку?

— Ахъ, Боже мой! — вскричалъ князь, конфузясь, торопясь и воодушевляясь все больше и больше, — я... я опять сказалъ глупость, но... такъ и должно было быть, потому что я... я... я, впрочемъ, опять не къ тому! Да и что теперь во мнѣ, скажите пожалуйста, при такихъ интересахъ... при такихъ огромныхъ интересахъ! И въ сравненіи съ такимъ великодушнѣйшимъ человѣкомъ, потому что вѣдь, ей-Богу, онъ былъ великодушнѣйшій человѣкъ, не правда ли? Не правда ли?

Князь даже весь дрожалъ. Почему онъ вдругъ такъ растревожился, почему пришелъ въ такой умиленный восторгъ, совершенно ни съ того, ни съ сего и, казалось, нисколько не въ мѣру съ предметомъ разговора, — это трудно было бы рѣшить. Въ такомъ ужъ онъ былъ настроеніи и даже чуть ли не ощущалъ въ эту минуту, къ кому-то и за что-то, самой

горячей и чувствительной благодарности, — можетъ быть, даже и къ Ивану Петровичу, а чуть ли и не ко всѣмъ гостямъ вообще. Слишкомъ ужъ онъ «разсчастливился». Иванъ Петровичъ сталъ на него, наконецъ, заглядываться гораздо пристальнѣе; пристально очень разсматривалъ его и «сановникъ». Бѣлоконская устремила на князя гнѣвный взоръ и сжала губы. Князь N., Евгеній Павловичъ, князь Щ., дѣвицы, всѣ прервали разговоръ и слушали. Казалось, Аглая была испугана, Лизавета же Прокофьевна просто струсила. Странны были и онѣ, дочки съ маменькой: онѣ же предположили и рѣшили, что князю бы лучше просидѣть вечеръ молча; но только что увидали его въ углу, въ полнѣйшемъ уединеніи и совершенно довольнаго своею участью, какъ тотчасъ же и растревожились. Александра ужъ хотѣла пойти къ нему и осторожно, черезъ всю комнату, присоединиться къ ихъ компаніи, то-есть къ компаніи князя N., подлѣ Бѣлоконской. И вотъ только-что князь самъ заговорилъ, онѣ еще болѣе растревожились.

— Что превосходнѣйшій человѣкъ, то вы правы, — внушительно, и уже не улыбаясь, произнесъ Иванъ Петровичъ, — да, да... это былъ человѣкъ прекрасный! Прекрасный и достойный, — прибавилъ онъ, помолчавъ. — Достойный даже, можно сказать, всякаго уваженія, — прибавилъ онъ еще внушительнѣе послѣ третьей остановки, — и... и очень даже пріятно видѣть съ вашей стороны...

— Не съ этимъ ли Павлищевымъ исторія вышла какая-то... странная... съ аббатомъ... съ аббатомъ... забылъ, съ какимъ аббатомъ, только всѣ тогда что-то разсказывали, — произнесъ, какъ бы припоминая, «сановникъ».

— Съ аббатомъ Гуро, іезуитомъ, — напомнилъ Иванъ Петровичъ, — да-съ, вотъ-съ превосходнѣйшіе-то люди наши и достойнѣйшіе-то! Потому что все-

таки человѣкъ былъ родовой, съ состояніемъ, камергеръ и если бы... продолжалъ служить... И вотъ бросаетъ вдругъ службу и все, чтобы перейти въ католицизмъ и стать іезуитомъ, да еще чуть не открыто, съ восторгомъ какимъ-то. Право, кстати умеръ... да; тогда всѣ говорили...

Князь былъ внѣ себя.

— Павлищевъ... Павлищевъ перешелъ въ католицизмъ? Быть этого не можетъ! — вскричалъ онъ въ ужасѣ.

— Ну, «быть не можетъ»! — солидно прошамкалъ Иванъ Петровичъ: — это ужъ много сказать и, согласитесь, мой милый князь, сами... Впрочемъ, вы такъ цѣните покойнаго... дѣйствительно, человѣкъ былъ добрѣйшій, чему я и приписываю, въ главныхъ чертахъ, успѣхъ этого пройдохи Гуро. Но вы меня спросите, меня, сколько хлопотъ и возни у меня потомъ было по этому дѣлу... и именно съ этимъ самымъ Гуро! Представьте, — обратился онъ вдругъ къ старичку, — они даже претензіи по завѣщанію хотѣли выставить, и мнѣ даже приходилось тогда прибѣгать къ самымъ, то-есть, энергическимъ мѣрамъ... чтобы вразумить... потому что мастера дѣла! Удивительные! Но, слава Богу, это происходило въ Москвѣ, я тотчасъ къ графу, и мы ихъ... вразумили...

— Вы не повѣрите, какъ вы меня огорчили и поразили! — вскричалъ опять князь.

— Жалѣю; но въ сущности все это, собственно говоря, пустяки и пустяками бы кончилось, какъ и всегда; я увѣренъ. Прошлымъ лѣтомъ, — обратился онъ опять къ старичку, — графиня К. тоже, говорятъ, пошла въ какой-то католическій монастырь за границей; наши какъ-то не выдерживаютъ, если разъ поддадутся этимъ... пронырамъ... особенно за границей.

— Это все отъ нашей, я думаю... усталости, — авторитетно промямлилъ старичокъ; — ну, и манера

у нихъ проповѣдывать... изящная, своя... и напугать умѣютъ. Меня тоже въ тридцать второмъ году, въ Вѣнѣ, напугали, увѣряю васъ; только я не поддался и убѣжалъ отъ нихъ, ха-ха! Право отъ нихъ убѣжалъ.

— Я слышала, что ты тогда, батюшка, съ красавицей, графиней Ливицкой изъ Вѣны въ Парижъ убѣжалъ, свой постъ бросилъ, а не отъ іезуита, — вставила вдругъ Бѣлоконская.

— Ну, да вѣдь отъ іезуита же, все-таки выходитъ, что отъ іезуита! — подхватилъ старичокъ, разсмѣявшись при пріятномъ воспоминаніи; — вы, кажется, очень религіозны, что такъ рѣдко встрѣтишь теперь въ молодомъ человѣкѣ, — ласково обратился онъ къ князю Льву Николаевичу, слушавшему раскрывъ ротъ и все еще пораженному; старичку видимо хотѣлось разузнать князя ближе; по нѣкоторымъ причинамъ онъ сталъ очень интересовать его.

— Павлищевъ былъ свѣтлый умъ и христіанинъ, истинный христіанинъ, — произнесъ вдругъ князь, — какъ же могъ онъ подчиниться вѣрѣ... нехристіанской?.. Католичество — все равно что вѣра нехристіанская! — прибавилъ онъ вдругъ, засверкавъ глазами и смотря предъ собой, какъ-то вообще обводя глазами всѣхъ вмѣстѣ.

— Ну, это слишкомъ, — пробормоталъ старичокъ и съ удивленіемъ поглядѣлъ на Ивана Ѳедоровича.

— Какъ такъ это католичество вѣра нехристіанская? — повернулся на стулѣ Иванъ Петровичъ; — а какая же?

— Нехристіанская вѣра, во-первыхъ! — въ чрезвычайномъ волненіи и не въ мѣру рѣзко заговорилъ опять князь: — это во-первыхъ, а во-вторыхъ, католичество римское даже хуже самаго атеизма, таково мое мнѣніе! Да! таково мое мнѣніе! Атеизмъ только проповѣдуетъ нуль, а католицизмъ идетъ дальше: онъ искаженнаго Христа проповѣдуетъ, имъ же оболганнаго и

поруганнаго, Христа противоположнаго! Онъ антихриста проповѣдуетъ, клянусь вамъ, увѣряю васъ! Это мое личное и давнишнее убѣжденіе, и оно меня самого измучило... Римскій католицизмъ вѣруетъ, что безъ всемірной государственной власти церковь не устоитъ на землѣ, и кричитъ: Non possumus! По-моему, римскій католицизмъ даже и не вѣра, а рѣшительно продолженіе Западной Римской имперіи, и въ немъ все подчинено этой мысли, начиная съ вѣры. Папа захватилъ землю, земной престолъ и взялъ мечъ; съ тѣхъ поръ все такъ и идетъ, только къ мечу прибавили ложь, пронырство, обманъ, фанатизмъ, суевѣріе, злодѣйство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все промѣняли за деньги, за низкую земную власть. И это не ученіе антихристово?! Какъ же было не выйти отъ нихъ атеизму? Атеизмъ отъ нихъ вышелъ, изъ самаго римскаго католичества! Атеизмъ, прежде всего, съ нихъ самихъ начался: могли ли они вѣровать себѣ сами? Онъ укрѣпился изъ отвращенія къ нимъ; онъ порожденіе ихъ лжи и безсилія духовнаго! Атеизмъ! У насъ не вѣруютъ еще только сословія исключительныя, какъ великолѣпно выразился намедни Евгеній Павловичъ, корень потерявшія; а тамъ, въ Европѣ, уже страшныя массы самого народа начинаютъ не вѣровать, — прежде отъ тьмы и отъ лжи, а теперь ужъ изъ фанатизма, изъ ненависти къ церкви и къ христіанству!

Князь остановился перевести духъ. Онъ ужасно скоро говорилъ. Онъ былъ блѣденъ и задыхался. Всѣ переглядывались; но, наконецъ, старичокъ откровенно разсмѣялся. Князь N. вынулъ лорнетъ и, не отрываясь, разсматривалъ князя. Нѣмчикъ-поэтъ выползъ изъ угла и подвинулся поближе къ столу, улыбаясь зловѣщею улыбкой.

— Вы очень пре-у-вели-чиваете, — протянулъ

Иванъ Петровичъ съ нѣкоторою скукой и даже какъ будто чего-то совѣстясь, — въ тамошней церкви тоже есть представители достойные всякаго уваженія и добродѣтельные...

— Я никогда и не говорилъ объ отдѣльныхъ представителяхъ церкви. Я о римскомъ католичествѣ въ его сущности говорилъ, я о Римѣ говорю. Развѣ можетъ церковь совершенно исчезнуть? Я никогда этого не говорилъ!

— Согласенъ, но все это извѣстно и даже — не нужно и... принадлежитъ богословію...

— О, нѣтъ, о, нѣтъ! Не одному богословію, увѣряю васъ, что нѣтъ! Это гораздо ближе касается насъ, чѣмъ вы думаете. Въ этомъ-то вся и ошибка наша, что мы не можемъ еще видѣть, что это дѣло не исключительно одно только богословское! Вѣдь и соціализмъ порожденіе католичества и католической сущности! Онъ тоже, какъ и братъ его атеизмъ, вышелъ изъ отчаянія, въ противоположность католичеству въ смыслѣ нравственномъ, чтобы замѣнить собой потерянную нравственную власть религіи, чтобъ утолить жажду духовную возжаждавшаго человѣчества и спасти его не Христомъ, а тоже насиліемъ! Это тоже свобода чрезъ насиліе, это тоже объединеніе чрезъ мечъ и кровь! «Не смѣй вѣровать въ Бога, не смѣй имѣть собственности, не смѣй имѣть личности, fraternité ou la mort, два милліона головъ!» По дѣламъ ихъ вы узнаете ихъ — это сказано! И не думайте, чтобъ это было все такъ невинно и безстрашно для насъ; о, намъ нуженъ отпоръ, и скорѣй, скорѣй! Надо, чтобы возсіялъ въ отпоръ Западу нашъ Христосъ, котораго мы сохранили и котораго они и не знали! Не рабски попадаясь на крючокъ іезуитамъ, а нашу русскую цивилизацію имъ неся, мы должны теперь стать предъ ними, и пусть не говорятъ у насъ, что проповѣдь ихъ изящна, какъ сейчасъ сказалъ кто-то...

— Но позвольте же, позвольте же, — забезпокоился ужасно Иванъ Петровичъ, озираясь кругомъ и даже начиная трусить, — всѣ ваши мысли, конечно, похвальны и полны патріотизма, но все это въ высшей степени преувеличено и . . . даже лучше объ этомъ оставить . . .

— Нѣтъ, не преувеличено, а скорѣй уменьшено; именно уменьшено, потому что я не въ силахъ выразиться, но . . .

— По-золь-те же!

Князь замолчалъ. Онъ сидѣлъ выпрямившись на стулѣ и неподвижно, огненнымъ взглядомъ глядѣлъ на Ивана Петровича.

— Мнѣ кажется, что васъ слишкомъ уже поразилъ случай съ вашимъ благодѣтелемъ, — ласково и не теряя спокойствія, замѣтилъ старичокъ: — вы воспламенены . . . можетъ быть, уединеніемъ. Если бы вы пожили больше съ людьми, а въ свѣтѣ, я надѣюсь, вамъ будутъ рады, какъ замѣчательному молодому человѣку, то, конечно, успокоите ваше одушевленіе и увидите, что все это гораздо проще . . . и къ тому же такіе рѣдкіе случаи . . . происходятъ, по моему взгляду, отчасти отъ нашего пресыщенія, а отчасти отъ . . . скуки . . .

— Именно, именно такъ, — вскричалъ князь, — великолѣпнѣйшая мысль! Именно «отъ скуки, отъ нашей скуки», не отъ пресыщенія, а, напротивъ, отъ жажды . . . не отъ пресыщенія, вы въ этомъ ошиблись! Не только отъ жажды, но даже отъ воспаленія, отъ жажды горячечной! И . . . и не думайте, что это въ такомъ маленькомъ видѣ, что можно только смѣяться; извините меня, надо умѣть предчувствовать! Наши какъ доберутся до берега, какъ увѣруютъ, что это берегъ, то ужъ такъ обрадуются ему, что немедленно доходятъ до послѣднихъ столповъ; отчего это? Вы вотъ дивитесь на Павлищева, вы все приписываете его сумасше-

ствію, или добротѣ, но это не такъ! И не насъ однихъ, а всю Европу дивитъ, въ такихъ случаяхъ, русская страстность наша; у насъ коль въ католичество перейдетъ, то ужъ непремѣнно іезуитомъ станетъ, да еще изъ самыхъ подземныхъ; коль атеистомъ станетъ, то непремѣнно начнетъ требовать искорененія вѣры въ Бога насиліемъ, то-есть, стало быть, и мечомъ! Отчего это, отчего разомъ такое изступленіе? Неужто не знаете? Отъ того, что онъ отечество нашелъ, которое здѣсь просмотрѣлъ, и обрадовался; берегъ, землю нашелъ и бросился ее цѣловать! Не изъ одного вѣдь тщеславія, не все вѣдь отъ однихъ скверныхъ тщеславныхъ чувствъ происходятъ русскіе атеисты и русскіе іезуиты, а и изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу, по родинѣ, въ которую вѣровать перестали, потому что никогда ея и не знали! Атеистомъ же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку, легче чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ! И наши не просто становятся атеистами, а непремѣнно *увѣруютъ* въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ и не замѣчая, что увѣровали въ нуль. Такова наша жажда! «Кто почвы подъ собой не имѣетъ, тотъ и Бога не имѣетъ». Это не мое выраженіе. Это выраженіе одного купца изъ старообрядцевъ, съ которымъ я встрѣтился, когда ѣздилъ. Онъ, правда, не такъ выразился, онъ сказалъ: «Кто отъ родной земли отказался, тотъ и отъ Бога своего отказался». Вѣдь подумать только, что у насъ образованнѣйшіе люди въ хлыстовщину даже пускались... Да и чѣмъ, впрочемъ, въ такомъ случаѣ хлыстовщина хуже чѣмъ нигилизмъ, іезуитизмъ, атеизмъ? Даже, можетъ, и поглубже еще! Но вотъ до чего доходила тоска!.. Откройте жаждущимъ и воспаленнымъ Колумбовымъ спутникамъ берегъ «Новаго Свѣта», откройте русскому человѣку русскій «Свѣтъ», дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое отъ

него въ землѣ! Покажите ему въ будущемъ обновленіе всего человѣчества и воскресеніе его, можетъ быть, одною только русскою мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ, и увидите, какой исполинъ могучій и правдивый, мудрый и кроткій, выраститъ предъ изумленнымъ міромъ, изумленнымъ и испуганнымъ, потому что они ждутъ отъ насъ одного лишь меча, меча и насилія, потому что они представить себѣ насъ не могутъ, судя по себѣ, безъ варварства. И это до сихъ поръ, и это чѣмъ дальше, тѣмъ больше! И...

Но тутъ вдругъ случилось одно событіе, и рѣчь оратора прервалась самымъ неожиданнымъ образомъ.

Вся эта горячечная тирада, весь этотъ наплывъ страстныхъ и безпокойныхъ словъ и безпорядочно восторженныхъ мыслей, какъ бы толкавшихся въ какой-то суматохѣ и перескакивавшихъ одна черезъ другую, все это предрекало что-то опасное, что-то особенное въ настроеніи такъ внезапно вскипѣвшаго, повидимому, ни съ того ни съ сего, молодого человѣка. Изъ присутствовавшихъ въ гостиной всѣ знавшіе князя боязливо (а иные и со стыдомъ) дивились его выходкѣ, столь несогласовавшейся со всегдашнею и даже робкою его сдержанностью, съ рѣдкимъ и особеннымъ тактомъ его въ иныхъ случаяхъ, и съ инстинктивнымъ чутьемъ высшихъ приличій. Понять не могли, отчего это вышло: не извѣстіе же о Павлищевѣ было причиной. Въ дамскомъ углу смотрѣли на него, какъ на помѣшавшагося, а Бѣлоконская призналась потомъ, что «еще минуту, и она уже хотѣла спасаться». «Старички» почти потерялись отъ перваго изумленія; генералъ-начальникъ недовольно и строго смотрѣлъ съ своего стула. Техникъ-полковникъ сидѣлъ въ совершенной неподвижности. Нѣмчикъ даже поблѣднѣлъ, но все еще улыбался своею фальшивой улыбкой, поглядывая на другихъ: какъ другіе отзовутся? Впрочемъ, все это и «весь скандалъ» могли бы разрѣшиться самымъ обыкновен-

нымъ и естественнымъ способомъ, можетъ быть, даже чрезъ минуту; удивленный чрезвычайно, но раньше прочихъ спохватившійся, Иванъ Өедоровичъ уже нѣсколько разъ пробовалъ было остановить князя; не достигнувъ успѣха, онъ пробирался теперь къ нему съ цѣлями твердыми и рѣшительными. Еще минута и, если ужъ такъ бы понадобилось, то онъ, можетъ быть, рѣшился бы дружески вывести князя, подъ предлогомъ его болѣзни, что, можетъ быть, и дѣйствительно было правда, и чему очень вѣрилъ про себя Иванъ Өедоровичъ... Но дѣло обернулось другимъ образомъ.

Еще вначалѣ, какъ только князь вошелъ въ гостиную, онъ сѣлъ какъ можно дальше отъ китайской вазы, которою такъ напугала его Аглая. Можно ли повѣрить, что послѣ вчерашнихъ словъ Аглаи въ него вселилось какое-то неизгладимое убѣжденіе, какое-то удивительное и невозможное предчувствіе, что онъ непремѣнно и завтра же разобьетъ эту вазу, какъ бы ни сторонился отъ нея, какъ бы не избѣгалъ бѣды! Но это было такъ. Въ продолженіе вечера другія сильныя, но свѣтлыя впечатлѣнія стали наплывать въ его душу; мы уже говорили объ этомъ. Онъ забылъ свое предчувствіе. Когда онъ услышалъ о Павлищевѣ, и Иванъ Өедоровичъ подвелъ и показалъ его снова Ивану Петровичу, онъ пересѣлъ ближе къ столу и прямо попалъ на кресло подлѣ огромной, прекрасной китайской вазы, стоявшей на пьедесталѣ, почти рядомъ съ его локтемъ, чуть-чуть позади.

При послѣднихъ словахъ своихъ онъ вдругъ всталъ съ мѣста, неосторожно махнулъ рукой, какъ-то двинулъ плечомъ и... раздался всеобщій крикъ! Ваза покачнулась, сначала какъ бы въ нерѣшимости: не упасть ли на голову которому-нибудь изъ старичковъ, но вдругъ склонилась въ противоположную сторону, въ сторону едва отскочившаго въ ужасѣ нѣмчика и рухнула на полъ. Громъ, крикъ, драгоцѣнные осколки, разсыпав-

шіеся по ковру, испугъ, изумленіе — о, что было съ княземъ, то трудно, да почти и не надо изображать! Но не можемъ не упомянуть объ одномъ странномъ ощущеніи, поразившемъ его именно въ это самое мгновеніе и вдругъ ему выяснившемся изъ толпы всѣхъ другихъ смутныхъ и страшныхъ ощущеній: не стыдъ, не скандалъ, не страхъ, не внезапность поразили его больше всего, а сбывшееся пророчество! Что именно было въ этой мысли такого захватывающаго, онъ не могъ бы и разъяснить себѣ; онъ только чувствовалъ, что пораженъ до сердца, и стоялъ въ испугѣ чуть не мистическомъ. Еще мгновеніе, и какъ будто все предъ нимъ расширилось, вмѣсто ужаса — свѣтъ и радость, восторгъ; стало спирать дыханіе, и . . . но мгновеніе прошло. Слава Богу, это было не то! Онъ перевелъ духъ и осмотрѣлся кругомъ.

Онъ долго какъ бы не понималъ суматохи, кипѣвшей кругомъ него, то-есть понималъ совершенно и все видѣлъ, но стоялъ какъ бы особеннымъ человѣкомъ, ни въ чемъ не принимавшимъ участія, и который, какъ невидимка въ сказкѣ, пробрался въ комнату и наблюдаетъ посторонних, но интересныхъ ему людей. Онъ видѣлъ, какъ убирали осколки, слышалъ быстрые разговоры, видѣлъ Аглаю, блѣдную и странно смотрѣвшую на него, очень странно: въ глазахъ ея совсѣмъ не было ненависти, нисколько не было гнѣва; она смотрѣла на него испуганнымъ, но такимъ симпатичнымъ взглядомъ, а на другихъ такимъ сверкающимъ взглядомъ . . . сердце его вдругъ сладко заныло. Наконецъ, онъ увидѣлъ со страннымъ изумленіемъ, что всѣ усѣлись и даже смѣются, точно ничего и не случилось! Еще минута, и смѣхъ увеличился: смѣялись уже на него глядя, на его остолбенѣлое онѣмѣніе, но смѣялись дружески, весело; многіе съ нимъ заговаривали и говорили такъ ласково, во главѣ всѣхъ Лизавета Прокофьевна: она говорила смѣясь и что-то очень, очень

доброе. Вдругъ онъ почувствовалъ, что Иванъ Ѳедоровичъ дружески треплетъ его по плечу; Иванъ Петровичъ тоже смѣялся; но еще лучше, еще привлекательнѣе и симпатичнѣе былъ старичокъ; онъ взялъ князя за руку и, слегка пожимая, слегка ударяя по ней ладонью другой руки, уговаривалъ его опомниться, точно маленькаго испуганнаго мальчика, что ужасно понравилось князю, и, наконецъ, посадилъ его вплоть возлѣ себя. Князь съ наслажденіемъ вглядывался въ его лицо и все еще не въ силахъ былъ почему-то заговорить, ему духъ спирало; лицо старика ему такъ нравилось.

— Какъ? — пробормоталъ онъ, наконецъ: — вы прощаете меня въ самомъ дѣлѣ? И... вы, Лизавета Прокофьевна?

Смѣхъ усилился, у князя выступили на глазахъ слезы; онъ не вѣрилъ себѣ и былъ очарованъ.

— Конечно, ваза была прекрасная. Я ее помню здѣсь уже лѣтъ пятнадцать, да... пятнадцать... — произнесъ было Иванъ Петровичъ.

— Ну, вотъ бѣда какая! И человѣку конецъ приходитъ, а тутъ изъ-за глинянаго горшка! — громко сказала Лизавета Прокофьевна: — неужто ужъ ты такъ испугался, Левъ Николаичъ? — даже съ боязнью прибавила она: — полно, голубчикъ, полно; пугаешь ты меня въ самомъ дѣлѣ.

— И за *все* прощаете? За *все*, кромѣ вазы? — всталъ было князь вдругъ съ мѣста, но старичокъ тотчасъ же опять притянулъ его за руку. Онъ не хотѣлъ упускать его.

— C'est très curieux et c'est très sérieux! — шепнулъ онъ черезъ столъ Ивану Потровичу, впрочемъ, довольно громко; князь, можетъ, и слышалъ.

— Такъ я васъ никого не оскорбилъ? Вы не повѣрите, какъ я счастливъ отъ этой мысли; но такъ и должно быть! Развѣ могъ я здѣсь кого-нибудь оскор-

бить? Я опять оскорблю васъ, если такъ подумаю.

— Успокойтесь, мой другъ, это — преувеличеніе. И вамъ вовсе не за что такъ благодарить; это чувство прекрасное, но преувеличенное.

— Я васъ не благодарю, я только... любуюсь вами, я счастливъ, глядя на васъ; можетъ быть, я говорю глупо, но — мнѣ говорить надо, надо объяснить... даже хоть изъ уваженія къ самому себѣ.

Все въ немъ было порывисто, смутно и лихорадочно; очень можетъ быть, что слова, которыя онъ выговаривалъ, были часто не тѣ, которыя онъ хотѣлъ сказать. Взглядомъ онъ какъ бы спрашивалъ: можно ли ему говорить? Взглядъ его упалъ на Бѣлоконскую.

— Ничего, батюшка, продолжай, продолжай, только не задыхайся, — замѣтила она, — ты и давеча съ одышки началъ и вотъ до чего дошелъ; а говорить не бойся; эти господа и почуднѣй тебя видывали, не удивишь, а ты еще и Богъ знаетъ какъ мудренъ, только вотъ вазу-то разбилъ, да напугалъ.

Князь улыбаясь ее выслушалъ.

— Вѣдь это вы, — обратился онъ вдругъ къ старичку, — вѣдь это вы студента Подкумова и чиновника Швабрина три мѣсяца назадъ отъ ссылки спасли?

Старичокъ даже покраснѣлъ немного и пробормоталъ, что надо бы успокоиться.

— Вѣдь это я про васъ слышалъ, — обратился онъ тотчасъ же къ Ивану Петровичу, — въ —ской губерніи, что вы погорѣвшимъ мужикамъ вашимъ, уже вольнымъ и надѣлавшимъ вамъ непріятностей, даромъ дали лѣсу обстроиться?

— Ну, это пре-у-ве-личеніе, — пробормоталъ Иванъ Петровичъ, впрочемъ, пріятно пріосанившись; но на этотъ разъ онъ былъ совершенно правъ, что

«это преувеличеніе»; это былъ только невѣрный слухъ, дошедшій до князя.

— А вы, княгиня, — обратился онъ вдругъ къ Бѣлоконской со свѣтлою улыбкой, — развѣ не вы, полгода назадъ, приняли меня въ Москвѣ, какъ родного сына, по письму Лизаветы Прокофьевны, и дѣйствительно, какъ родному сыну, одинъ совѣтъ дали, который я никогда не забуду. Помните?

— Что ты на стѣны-то лѣзешь? — досадливо проговорила Бѣлоконская: — человѣкъ ты добрый, да смѣшной: два гроша тебѣ дадутъ, а ты благодаришь, точно жизнь спасли. Ты думаешь это похвально, анъ это противно.

Она было уже совсѣмъ разсердилась, но вдругъ разсмѣялась и на этотъ разъ добрымъ смѣхомъ. Просвѣтлѣло лицо и Лизаветы Прокофьевны; просіялъ и Иванъ Ѳедоровичъ.

— Я говорилъ, что Левъ Николаичъ человѣкъ... человѣкъ... однимъ словомъ, только бы вотъ не задыхался, какъ княгиня замѣтила... — пробормоталъ генералъ въ радостномъ упоеніи, повторяя поразившія его слова Бѣлоконской.

Одна Аглая была какъ-то грустна; но лицо ея все еще пылало, можетъ быть, и негодованіемъ.

— Онъ, право, очень милъ, — пробормоталъ опять старичокъ Ивану Петровичу.

— Я вошелъ сюда съ мукой въ сердцѣ, — продолжалъ князь, все съ какимъ-то возроставшимъ смятеніемъ, все быстрѣе и быстрѣе, все чуднѣе и одушевленнѣе, — я... я боялся васъ, боялся и себя. Всего болѣе себя. Возвращаясь сюда, въ Петербургъ, я далъ себѣ слово непремѣнно увидѣть нашихъ первыхъ людей, старшихъ, исконныхъ, къ которымъ самъ принадлежу, между которыми самъ изъ первыхъ по роду. Вѣдь я теперь съ такими же князьями, какъ самъ, сижу, вѣдь такъ? Я хотѣлъ васъ узнать, и это было надо;

очень, очень надо!.. Я всегда слышалъ про васъ слишкомъ много дурного, больше чѣмъ хорошаго, о мелочности и исключительности вашихъ интересовъ, объ отсталости, о мелкой образованности, о смѣшныхъ привычкахъ, — о, вѣдь такъ много о васъ пишутъ и говорятъ! Я съ любопытствомъ шелъ сюда сегодня, со смятеніемъ; мнѣ надо было видѣть самому и лично убѣдиться: дѣйствительно ли весь этотъ верхній слой русскихъ людей ужъ никуда не годится, отжилъ свое время, изсякъ исконною жизнью и только способенъ умереть, но все еще въ мелкой завистливой борьбѣ съ людьми... будущими, мѣшая имъ, не замѣчая, что самъ умираетъ? Я и прежде не вѣрилъ этому мнѣнію вполнѣ, потому что у насъ и сословія-то высшаго никогда не бывало, развѣ придворное, по мундиру, или... по случаю, а теперь ужъ и совсѣмъ исчезло, вѣдь такъ, вѣдь такъ?

— Ну, это вовсе не такъ, — язвительно разсмѣялся Иванъ Петровичъ.

— Ну, опять застучалъ! — не утерпѣла и проговорила Бѣлоконская.

— Laissez le dire, онъ весь даже дрожитъ, — предупредилъ опять старичокъ вполголоса.

Князь былъ рѣшительно внѣ себя.

— И что жъ? Я увидѣлъ людей изящныхъ, простодушныхъ, умныхъ; я увидѣлъ старца, который ласкаетъ и выслушиваетъ мальчика, какъ я; вижу людей, способныхъ понимать и прощать, людей русскихъ и добрыхъ, почти такихъ же добрыхъ и сердечныхъ, какихъ я встрѣтилъ тамъ, почти не хуже. Судите же, какъ радостно я былъ удивленъ! О, позвольте мнѣ это высказать! Я много слышалъ и самъ очень вѣрилъ, что въ свѣтѣ все манера, все дряхлая форма, а сущность изсякла, но вѣдь я самъ теперь вижу, что этого быть не можетъ у насъ; это гдѣ-нибудь, а только не у насъ. Неужели же вы всѣ теперь іезуиты и

обманщики? Я слышалъ, какъ давеча разсказывалъ князь N.: развѣ это не простодушный, но вдохновенный юморъ, развѣ это не истинное добродушіе? Развѣ такія слова могутъ выходить изъ устъ человѣка... мертваго, съ изсохшимъ сердцемъ и талантомъ? Развѣ мертвецы могли бы обойтись со мной, какъ вы обошлись? Развѣ это не матеріалъ... для будущаго, для надеждъ? Развѣ такіе люди могутъ не понять и отстать?

— Еще разъ прошу, успокойтесь, мой милый, мы обо всемъ этомъ въ другой разъ, и я съ удовольствіемъ... — усмѣхнулся «сановникъ».

Иванъ Петровичъ крякнулъ и поворотился въ своихъ креслахъ; Иванъ Ѳедоровичъ зашевелился; генералъ-начальникъ разговаривалъ съ супругой сановника, не обращая уже ни малѣйшаго вниманія на князя; но супруга сановника часто вслушивалась и поглядывала.

— Нѣтъ, знаете, лучше ужъ мнѣ говорить! — съ новымъ лихорадочнымъ порывомъ продолжалъ князь, какъ-то особенно довѣрчиво и даже конфиденціально обращаясь къ старичку. — Мнѣ Аглая Ивановна запретила вчера говорить и даже темы назвала, о которыхъ нельзя говорить; она знаетъ, что я въ нихъ смѣшонъ! Мнѣ двадцать седьмой годъ, а вѣдь я знаю, что я какъ ребенокъ. Я не имѣю права выражать мою мысль, я это давно говорилъ; я только въ Москвѣ, съ Рогожинымъ, говорилъ откровенно... Мы съ нимъ Пушкина читали, всего прочли; онъ ничего не зналъ, даже имени Пушкина... Я всегда боюсь моимъ смѣшнымъ видомъ скомпрометировать мысль и *главную идею.* Я не имѣю жеста. Я имѣю жестъ всегда противоположный, а это вызываетъ смѣхъ и унижаетъ идею. Чувства мѣры тоже нѣтъ, а это главное; это даже самое главное.. Я знаю, что мнѣ лучше сидѣть и молчать. Когда я упрусь и замолчу, то даже очень благоразумнымъ кажусь, и къ тому же обдумываю. Но теперь мнѣ

лучше говорить. Я потому заговорилъ, что вы такъ прекрасно на меня глядите; у васъ прекрасное лицо! Я вчера Аглаѣ Ивановнѣ слово далъ, что весь вечеръ буду молчать.

— Vraiment? — улыбнулся старичокъ.

— Но я думаю минутами, что я и не правъ, что такъ думаю: искренность вѣдь стоитъ жеста, такъ ли? Такъ ли?

— Иногда.

— Я хочу все объяснить, все, все, все! О, да! Вы думаете — я утопистъ? Идеологъ? О, нѣтъ, у меня, ей-Богу, все такія простыя мысли... Вы не вѣрите? Вы улыбаетесь? Знаете, что я подлъ иногда, потому что вѣру теряю; давеча я шелъ сюда и думалъ: «Ну какъ я съ ними заговорю? Съ какого слова надо начать, чтобъ они хоть что-нибудь поняли?» Какъ я боялся, но за васъ я боялся больше, ужасно, ужасно! А между тѣмъ, могъ ли я бояться, не стыдно ли было бояться? Что въ томъ, что на одного передового такая бездна отсталыхъ и недобрыхъ? Въ томъ-то и радость моя, что я теперь убѣжденъ, что вовсе не бездна, а все живой матеріалъ! Нечего смущаться и тѣмъ, что мы смѣшны, не правда ли? Вѣдь это дѣйствительно такъ, мы смѣшны, легкомысленны, съ дурными привычками, скучаемъ, глядѣть не умѣемъ, понимать не умѣемъ, мы вѣдь всѣ таковы, всѣ, и вы, и я, и они! Вѣдь вы, вотъ, не оскорбляетесь же тѣмъ, что я въ глаза говорю вамъ, что вы смѣшны? А коли такъ, то развѣ вы не матеріалъ? Знаете, по-моему, быть смѣшнымъ даже иногда хорошо, да и лучше: скорѣе простить можно другъ другу, скорѣе и смириться; не все же понимать сразу, не прямо же начинать съ совершенства! Чтобы достичь совершенства, надо прежде многаго не понимать. А слишкомъ скоро поймемъ, такъ, пожалуй, и не хорошо поймемъ. Это я вамъ говорю, вамъ, которые уже такъ

много умѣли понять и... не понять. Я теперь не боюсь за васъ; вы вѣдь не сердитесь, что вамъ такія слова говоритъ такой мальчикъ? Конечно, нѣтъ! О, вы сумѣете забыть и простить тѣмъ, которые васъ обидѣли, и тѣмъ, которые васъ ничѣмъ не обидѣли; потому что всего вѣдь труднѣе простить тѣмъ, которые васъ ничѣмъ не обидѣли, и именно потому, что они *не* обидѣли, и что, стало быть, жалоба ваша неосновательна: вотъ чего я ждалъ отъ высшихъ людей, вотъ что торопился имъ, ѣхавъ сюда, сказать, и не зналъ какъ сказать... Вы смѣетесь, Иванъ Петровичъ? Вы думаете: я за *тѣхъ* боялся, *ихъ* адвокатъ, демократъ, равенства ораторъ? — засмѣялся онъ истерически (онъ поминутно смѣялся короткимъ и восторженнымъ смѣхомъ). — Я боюсь за васъ, за васъ всѣхъ и за всѣхъ насъ вмѣстѣ. Я вѣдь самъ князь исконный и съ князьями сижу. Я чтобы спасти всѣхъ насъ говорю, чтобы не исчезло сословіе даромъ, въ потемкахъ, ни о чемъ не догадавшись, за все бранясь и все проигравъ. Зачѣмъ исчезать и уступать другимъ мѣсто, когда можно остаться передовыми и старшими? Будемъ передовыми, такъ будемъ и старшими. Станемъ слугами, чтобъ быть старшинами.

Онъ сталъ порываться вставать съ кресла, но старичокъ его постоянно удерживалъ, съ возраставшимъ, однакожъ, безпокойствомъ смотря на него.

— Слушайте! Я знаю, что говорить не хорошо; лучше просто примѣръ, лучше просто начать... я уже началъ... и — и неужели въ самомъ дѣлѣ можно быть несчастнымъ? О, что такое мое горе и моя бѣда, если я въ силахъ быть счастливымъ? Знаете, я не понимаю, какъ можно проходить мимо дерева и не быть счастливымъ, что видишь его? Говорить съ человѣкомъ и не быть счастливымъ, что любишь его! О, я только не умѣю высказать... а сколько вещей на каждомъ шагу такихъ прекрасныхъ, которыя даже

самый потерявшійся человѣкъ находитъ прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божію зарю, посмотрите на травку, какъ она растетъ, посмотрите въ глаза, которые на васъ смотрятъ и васъ любятъ...

Онъ давно уже стоялъ, говоря. Старичокъ уже испуганно смотрѣлъ на него. Лизавета Прокофьевна вскрикнула: «Ахъ, Боже мой!», прежде всѣхъ догадавшись, и всплеснула руками. Аглая быстро подбѣжала къ нему, успѣла принять его въ свои руки и съ ужасомъ, съ искаженнымъ болью лицомъ, услышала дикій крикъ «духа, сотрясшаго и повергшаго» несчастнаго. Больной лежалъ на коврѣ. Кто-то успѣлъ поскорѣе подложить ему подъ голову подушку.

Этого никто не ожидалъ. Чрезъ четверть часа князь N., Евгеній Павловичъ, старичокъ, попробовали оживить опять вечеръ, но еще чрезъ полчаса уже всѣ разъѣхались. Было высказано много сочувственныхъ словъ, много сѣтованій, нѣсколько мнѣній. Иванъ Петровичъ выразился, между прочимъ, что «молодой человѣкъ сла-вя-но-филъ, или въ этомъ родѣ, но что, впрочемъ, это не опасно». Старичокъ ничего не высказалъ. Правда, уже потомъ, на другой и на третій день, всѣ нѣсколько и посердились; Иванъ Петровичъ даже обидѣлся, но не много. Начальникъ-генералъ нѣкоторое время былъ нѣсколько холоденъ къ Ивану Ѳедоровичу. «Покровитель» семейства, сановникъ, тоже кое-что промямлилъ съ своей стороны отцу семейства въ назиданіе, при чемъ лестно выразился, что очень и очень интересуется судьбой Аглаи. Онъ былъ человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько добрый; но въ числѣ причинъ его любопытства относительно князя, въ теченіе вечера, была и давнишняя исторія князя съ Настасьей Филипповной; объ этой исторіи онъ кое-что слышалъ и очень даже интересовался, хотѣлъ бы даже и разспросить.

Бѣлоконская, уѣзжая съ вечера, сказала Лизаветѣ Прокофьевнѣ:

— Что жъ, и хорошъ, и дуренъ; а коли хочешь мое мнѣніе знать, то больше дуренъ. Сама видишь, какой человѣкъ, больной человѣкъ!

Лизавета Прокофьевна рѣшила про себя окончательно, что женихъ «невозможенъ», и за ночь дала себѣ слово, что «покамѣстъ она жива, не быть князю мужемъ ея Аглаи». Съ этимъ и встала поутру. Но поутру же, въ первомъ часу, за завтракомъ, она впала въ удивительное противорѣчіе самой себѣ.

На одинъ, чрезвычайно, впрочемъ, осторожный спросъ сестеръ, Аглая вдругъ отвѣтила холодно, но заносчиво, точно отрѣзала:

— Я никогда никакого слова не давала ему, никогда въ жизни не считала его моимъ женихомъ. Онъ мнѣ такой же посторонній человѣкъ, какъ и всякій.

Лизавета Прокофьевна вдругъ вспыхнула.

— Этого я не ожидала отъ тебя, — проговорила она съ огорченіемъ, — женихъ онъ невозможный, я знаю, и слава Богу, что такъ сошлось, но отъ тебя-то я такихъ словъ не ждала! Я думала, другое отъ тебя будетъ. Я бы тѣхъ всѣхъ вчерашнихъ прогнала, а его оставила, вотъ онъ какой человѣкъ!..

Тутъ она вдругъ остановилась, испугавшись сама того, что сказала. Но если бы знала она, какъ была несправедлива въ эту минуту къ дочери? Уже все было рѣшено въ головѣ Аглаи; она тоже ждала своего часа, который долженъ былъ все рѣшить, и всякій намекъ, всякое неосторожное прикосновеніе глубокою раной раздирали ей сердце.

VIII

И для князя это утро началось подъ вліяніемъ тяжелыхъ предчувствій; ихъ можно было объяснить его болѣзненнымъ состояніемъ, но онъ былъ слишкомъ неопредѣленно грустенъ, и это было для него всего мучительнѣе. Правда, предъ нимъ стояли факты яркіе, тяжелые и язвительные, но грусть его заходила дальше всего, что онъ припоминалъ и соображалъ; онъ понималъ, что ему не успокоить себя одному. Мало-по-малу, въ немъ укоренилось ожиданіе, что сегодня же съ нимъ случится что-то особенное и окончательное. Припадокъ, бывшій съ нимъ наканунѣ, былъ изъ легкихъ; кромѣ ипохондріи, нѣкоторой тягости въ головѣ и боли въ членахъ, онъ не ощущалъ никакого другого разстройства. Голова его работала довольно отчетливо, хотя душа и была больна. Всталъ онъ довольно поздно и тотчасъ же ясно припомнилъ вчерашній вечеръ; хоть и не совсѣмъ отчетливо, но все-таки припомнилъ и то, какъ черезъ полчаса послѣ припадка его довели домой. Онъ узналъ, что уже являлся къ нему посланный отъ Епанчиныхъ узнать о его здоровьѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго явился другой; это было ему пріятно. Вѣра Лебедева изъ первыхъ пришла навѣстить его и прислужить ему. Въ первую минуту, какъ она его увидала, она вдругъ заплакала, но когда князь тотчасъ же успокоилъ ее, разсмѣялась. Его какъ-то вдругъ поразило сильное состраданіе къ нему этой дѣвушки; онъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Вѣра вспыхнула.

— Ахъ, что вы, что вы! — воскликнула она въ испугѣ, быстро отнявъ свою руку.

Она скоро ушла въ какомъ-то странномъ смущеніи. Между прочимъ, она успѣла разсказать, что отецъ ея сегодня, еще чѣмъ свѣтъ, побѣжалъ къ «покойнику»,

какъ называлъ онъ генерала, узнать не померъ ли онъ за ночь, и что слышно, говорятъ, навѣрно скоро помретъ. Въ двѣнадцатомъ часу явился домой и къ князю и самъ Лебедевъ, но собственно «на минуту, чтобъ узнать о драгоцѣнномъ здоровьи» и т. д., и кромѣ того, навѣдаться въ «шкапчикъ». Онъ больше ничего какъ ахалъ и охалъ, и князь скоро отпустилъ его, но все-таки тотъ попробовалъ поразспросить о вчерашнемъ припадкѣ, хотя и видно было, что объ этомъ онъ уже знаетъ въ подробностяхъ. За нимъ забѣжалъ Коля, тоже на минуту; этотъ въ самомъ дѣлѣ торопился и былъ въ сильной и мрачной тревогѣ. Онъ началъ съ того, что прямо и настоятельно попросилъ у князя разъясненія всего, что отъ него скрывали, промолвивъ, что уже почти все узналъ во вчерашній же день. Онъ былъ сильно и глубоко потрясенъ.

Со всѣмъ возможнымъ сочувствіемъ, къ какому только былъ способенъ, князь разсказалъ все дѣло, возстановивъ факты въ полной точности, и поразилъ бѣднаго мальчика какъ громомъ. Онъ не могъ вымолвить ни слова и молча заплакалъ. Князь почувствовалъ, что это было одно изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя остаются навсегда и составляютъ переломъ въ жизни юноши навѣки. Онъ поспѣшилъ передать ему свой взглядъ на дѣло, прибавивъ, что, по его мнѣнію, можетъ быть, и смерть-то старика происходитъ главное отъ ужаса, оставшагося въ его сердцѣ послѣ проступка, и что къ этому не всякій способенъ. Глаза Коли засверкали, когда онъ выслушалъ князя:

— Негодные Ганька, и Варя, и Птицынъ! Я съ ними не буду ссориться, но у насъ разныя дороги съ этой минуты! Ахъ, князь, я со вчерашняго очень много почувствовалъ новаго; это мой урокъ! Мать я тоже считаю теперь прямо на моихъ рукахъ; хотя она и обезпечена у Вари, но это все не то...

Онъ вскочилъ, вспомнивъ, что его ждутъ, наскоро

спросилъ о состояніи здоровья князя и, выслушавъ отвѣтъ, вдругъ съ поспѣшностью прибавилъ:

— Нѣтъ ли и другого чего? Я слышалъ, вчера... (впрочемъ, я не имѣю права), но если вамъ когда-нибудь и въ чемъ-нибудь понадобится вѣрный слуга, то онъ передъ вами. Кажется, мы оба не совсѣмъ-то счастливы, вѣдь такъ? Но... я не разспрашиваю, не разспрашиваю...

Онъ ушелъ, и князь еще больше задумался; всѣ пророчествуютъ несчастья, всѣ уже сдѣлали заключенія, всѣ глядятъ какъ бы что-то знаютъ и такое, чего онъ не знаетъ; Лебедевъ выспрашиваетъ, Коля прямо намекаетъ, а Вѣра плачетъ. Наконецъ, онъ въ досадѣ махнулъ рукой: «проклятая, болѣзненная мнительность», подумалъ онъ. Лицо его просвѣтлѣло, когда, во второмъ часу, онъ увидѣлъ Епанчиныхъ, входящихъ навѣстить его «на минутку». Эти уже дѣйствительно зашли на минуту. Лизавета Прокофьевна, вставъ отъ завтрака, объявила, что гулять пойдутъ всѣ сейчасъ и всѣ вмѣстѣ. Увѣдомленіе было дано въ формѣ приказанія, отрывисто, сухо, безъ объясненій. Всѣ вышли, то-есть маменька, дѣвицы, князь Щ. Лизавета Прокофьевна прямо направилась въ сторону, противоположную той, въ которую направлялись каждодневно. Всѣ понимали, въ чемъ дѣло, и всѣ молчали, боясь раздражить мамашу, а она, точно прячась отъ упрека и возраженій, шла впереди всѣхъ, не оглядываясь. Наконецъ, Аделаида замѣтила, что на прогулкѣ нечего такъ бѣжать, и что за мамашей не поспѣешь.

— Вотъ что, — обернулась вдругъ Лизавета Прокофьевна, — мы теперь мимо него проходимъ. Какъ бы тамъ ни думала Аглая, и что бы тамъ ни случилось потомъ, а онъ намъ не чужой, а теперь еще вдобавокъ и въ несчастіи и боленъ; я, по крайней мѣрѣ, зайду навѣстить. Кто хочетъ со мной, тотъ иди, кто не хочетъ — проходи мимо; путь не загороженъ.

Всѣ вошли, разумѣется. Князь, какъ слѣдуетъ, поспѣшилъ еще разъ попросить прощенія за вчерашнюю вазу и... скандалъ.

— Ну, это ничего, — отвѣтила Лизавета Прокофьевна, — вазы не жаль, жаль тебя. Стало быть, самъ теперь примѣчаешь, что былъ скандалъ: вотъ что значитъ «на другое-то утро»... но и это ничего, потому что всякій теперь видитъ, что съ тебя нечего спрашивать. Ну, до свиданья однакожъ; если въ силахъ, такъ погуляй и опять засни — мой совѣтъ. А вздумаешь, заходи попрежнему; увѣренъ будь, разъ навсегда, что что бы ни случилось, что бы ни вышло, ты все-таки останешься другомъ нашего дома: моимъ, по крайней мѣрѣ. За себя-то, по крайней мѣрѣ, отвѣтить могу...

На вызовъ отвѣтили всѣ и подтвердили мамашины чувства. Онѣ ушли, но въ этой простодушной поспѣшности сказать что-нибудь ласковое и ободряющее таилось много жестокаго, о чемъ и не спохватилась Лизавета Прокофьевна. Въ приглашеніи приходить «попрежнему» и въ словахъ «моимъ, по крайней мѣрѣ» — опять зазвучало что-то предсказывающее. Князь сталъ припоминать Аглаю; правда, она ему удивительно улыбнулась, при входѣ и при прощаньи, но не сказала ни слова, даже и тогда, когда всѣ заявляли свои увѣренія въ дружбѣ, хотя два раза пристально на него посмотрѣла. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, точно она худо проспала ночь. Князь рѣшилъ вечеромъ же идти къ нимъ непремѣнно «попрежнему» и лихорадочно взглянулъ на часы. Вошла Вѣра, ровно три минуты спустя по уходѣ Епанчиныхъ.

— Мнѣ, Левъ Николаевичъ, Аглая Ивановна сейчасъ словечко къ вамъ потихоньку передала.

Князь такъ и задрожалъ.

— Записка?

— Нѣтъ-съ, на словахъ; и то едва успѣла. Про-

ситъ васъ очень весь сегодняшній день ни на одну минуту не отлучаться со двора, вплоть до семи часовъ по вечеру, или даже до девяти, не совсѣмъ я тутъ разслышала.

— Да... для чего же это? Что это значитъ?

— Ничего этого я не знаю; только велѣла нàкрѣпко передать.

— Такъ и сказала: «нàкрѣпко»?

— Нѣтъ-съ, прямо не сказала: едва успѣла отвернувшись выговорить, благо я ужъ сама подскочила. Но ужъ по лицу видно было, какъ приказывала: нàкрѣпко или нѣтъ. Такъ на меня посмотрѣла, что у меня сердце замерло...

Нѣсколько разспросовъ еще, и князь, хотя ничего больше не узналъ, но зато еще пуще встревожился. Оставшись одинъ, онъ легъ на диванъ и сталъ опять думать. «Можетъ, тамъ кто-нибудь будетъ у нихъ до девяти часовъ, и она опять за меня боится, чтобъ я чего при гостяхъ не накуралесилъ», выдумалъ онъ, наконецъ, и опять сталъ нетерпѣливо ждать вечера и глядѣть на часы. Но разгадка послѣдовала гораздо раньше вечера и тоже въ формѣ новаго визита, разгадка въ формѣ новой, мучительной загадки: ровно полчаса по уходѣ Епанчиныхъ, къ нему вошелъ Ипполитъ, до того усталый и изнуренный, что, войдя и ни слова не говоря, какъ бы безъ памяти, буквально упалъ въ кресла и мгновенно погрузился въ нестерпимый кашель. Онъ докашлялся до крови. Глаза его сверкали, и красныя пятна зардѣлись на щекахъ. Князь пробормоталъ ему что-то, но тотъ не отвѣтилъ, и еще долго не отвѣчая, отмахивался только рукой, чтобъ его покамѣстъ не безпокоили. Наконецъ, онъ очнулся.

— Ухожу! — черезъ силу произнесъ онъ, наконецъ, хриплымъ голосомъ.

— Хотите, я васъ доведу, — сказалъ князь, при-

вставъ съ мѣста, и осѣкся, вспомнивъ недавній запретъ уходить со двора.

Ипполитъ засмѣялся.

— Я не отъ васъ ухожу, — продолжалъ онъ съ безпрерывною одышкой и перхотой, — я, напротивъ, нашелъ нужнымъ къ вамъ придти и за дѣломъ... безъ чего не сталъ бы безпокоить. Я *туда* ухожу, и въ этотъ разъ, кажется, серьезно. Капутъ! Я не для состраданія, повѣрьте... я ужъ и легъ сегодня, съ десяти часовъ, чтобъ ужъ совсѣмъ не вставать до самаго *того* времени, да вотъ раздумалъ и всталъ еще разъ, чтобы къ вамъ идти... стало быть, надо.

— Жаль на васъ смотрѣть; вы бы кликнули меня лучше, чѣмъ самимъ трудиться.

— Ну, вотъ и довольно. Пожалѣли, стало быть, и довольно для свѣтской учтивости... Да, забылъ: ваше-то какъ здоровье?

— Я здоровъ. Я вчера былъ... не очень.

— Слышалъ, слышалъ. Вазѣ досталось китайской; жаль, что меня не было! Я за дѣломъ. Во-первыхъ, я сегодня имѣлъ удовольствіе видѣть Гаврилу Ардаліоновича на свиданіи съ Аглаей Ивановной, у зеленой скамейки. Подивился на то, до какой степени человѣку можно имѣть глупый видъ. Замѣтилъ это самой Аглаѣ Ивановнѣ по уходѣ Гаврилы Ардаліоновича... Вы, кажется, ничему не удивляетесь, князь, — прибавилъ онъ, недовѣрчиво смотря на спокойное лицо князя, — ничему не удивляться, говорятъ, есть признакъ большого ума; по-моему, это, въ равной же мѣрѣ, могло бы служить и признакомъ большой глупости... Я, впрочемъ, не на васъ намекаю, извините... Я очень несчастливъ сегодня въ моихъ выраженіяхъ.

— Я еще вчера зналъ, что Гаврила Ардаліоновичъ... — осѣкся князь, видимо смутившись, хотя Ипполитъ и досадовалъ, зачѣмъ онъ не удивляется.

— Знали! Вотъ это новость! А впрочемъ, пожалуй, и не разсказывайте... А свидѣтелемъ свиданія сегодня не были?

— Вы видѣли, что меня тамъ не было, коли сами тамъ были.

— Ну, можетъ, за кустомъ гдѣ-нибудь просидѣли. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ я радъ за васъ, разумѣется, а то я думалъ уже, что Гаврилѣ Ардаліоновичу — предпочтеніе!

— Я васъ прошу не говоритъ объ этомъ со мной, Ипполитъ, и въ такихъ выраженіяхъ.

— Тѣмъ болѣе, что уже все знаете.

— Вы ошибаетесь. Я почти ничего не знаю, и Аглая Ивановна знаетъ навѣрно, что я ничего не знаю. Я даже и про свиданіе это ничего ровно не зналъ... Вы говорите, было свиданіе? Ну, и хорошо, и оставимъ это...

— Да какъ же это: то знали, то не знали? Вы говорите: «хорошо, и оставимъ»? Ну, нѣтъ, не будьте такъ довѣрчивы! Особенно, коли ничего не знаете. Вы и довѣрчивы потому, что не знаете. А знаете ли вы, какіе расчеты у этихъ двухъ лицъ, у братца съ сестрицей? Это-то, можетъ быть, подозрѣваете?.. Хорошо, хорошо, я оставлю, — прибавилъ онъ, замѣтивъ нетерпѣливый жестъ князя; — но я пришелъ за собственнымъ дѣломъ и про это хочу... объясниться. Чортъ возьми, никакъ нельзя умереть безъ объясненій; ужасъ какъ я много объясняюсь. Хотите выслушать?

— Говорите, я слушаю.

— И однакожъ я опять перемѣняю мнѣніе: я все-таки начну съ Ганечки. Можете себѣ представить, что и мнѣ сегодня назначено было тоже придти на зеленую скамейку. Впрочемъ, лгать не хочу: я самъ настоялъ на свиданіи, напросился, тайну открыть обѣщалъ. Не знаю, пришелъ ли я слишкомъ рано (кажется, дѣйствительно, рано пришелъ), но только я за-

нялъ мое мѣсто, подлѣ Аглаи Ивановны, смотрю, являются Гаврила Ардаліоновичъ и Варвара Ардаліоновна, оба подъ ручку, точно гуляютъ. Кажется, оба были очень поражены, меня встрѣтивъ, не того ожидали, даже сконфузились. Аглая Ивановна вспыхнула и, вѣрьте не вѣрьте, немножко даже потерялась, оттого ли, что я тутъ былъ, или просто увидавъ Гаврилу Ардаліоновича, потому что ужъ вѣдь слишкомъ хорошъ, но только вся вспыхнула и дѣло кончила въ одну секунду, очень смѣшно: привстала, отвѣтила на поклонъ Гаврилы Ардаліоновича, на заигрывающую улыбку Варвары Ардаліоновны и вдругъ отрѣзала: «я только затѣмъ, чтобы вамъ выразить лично мое удовольствіе за ваши искреннія и дружелюбныя чувства, и если буду въ нихъ нуждаться, то, повѣрьте»... Тутъ она откланялась, и оба они ушли, — не знаю, въ дуракахъ или съ торжествомъ; Ганечка, конечно, въ дуракахъ; онъ ничего не разобралъ и покраснѣлъ, какъ ракъ (удивительное у него иногда выраженіе лица!), но Варвара Ардаліоновна, кажется, поняла, что надо поскорѣе улепетывать, и что ужъ и этого слишкомъ довольно отъ Аглаи Ивановны, и утащила брата. Она умнѣе его и, я увѣренъ, теперь торжествуетъ. Я же приходилъ поговорить съ Аглаей Ивановной, чтобъ условиться насчетъ свиданія съ Настасьей Филипповной.

— Съ Настасьей Филипповной! — вскричалъ князь.

— Ага! Вы, кажется, теряете хладнокровіе и начинаете удивляться? Очень радъ, что вы на человѣка хотите походить. За это я васъ потѣшу. Вотъ что значитъ услуживать молодымъ и высокимъ душой дѣвицамъ: я сегодня отъ нея пощечину получилъ!

— Нр-нравственную? — невольно какъ-то спросилъ князь.

— Да, не физическую. Мнѣ кажется, ни у кого рука не подымется на такого, какъ я; даже и женщина теперь не ударитъ; даже Ганечка не ударитъ! Хоть

одно время вчера я такъ и думалъ, что онъ на меня наскочитъ... Бьюсь объ закладъ, что знаю, о чемъ вы теперь думаете? Вы думаете: «положимъ, его не надо бить, зато задушить его можно подушкой, или мокрою тряпкою во снѣ, — даже должно»... У васъ на лицѣ написано, что вы это думаете въ эту самую секунду.

— Никогда я этого не думалъ! — съ отвращеніемъ проговорилъ князь.

— Не знаю, мнѣ ночью снилось сегодня, что меня задушилъ мокрою тряпкой... одинъ человѣкъ... ну, я вамъ скажу кто: представьте себѣ — Рогожинъ! Какъ вы думаете, можно задушить мокрою тряпкой человѣка?

— Не знаю.

— Я слышалъ, что можно. Хорошо, оставимъ. Ну, за что же я сплетникъ? За что она сплетникомъ меня обругала сегодня? И замѣтьте себѣ, когда уже все до послѣдняго словечка выслушала и даже переспросила... Но таковы женщины! Для нея же я въ сношенія съ Рогожинымъ вошелъ, съ интереснымъ человѣкомъ; для ея же интереса ей личное свиданіе съ Настасьей Филипповной устроилъ. Ужъ не за то ли, что я самолюбіе задѣлъ, намекнувъ, что она «объѣдкамъ» Настасьи Филипповны обрадовалась? Да я это въ ея же интересахъ все время ей толковалъ, не отпираюсь, два письма ей написалъ въ этомъ родѣ, и вотъ сегодня третье, свиданіе... Я ей давеча съ того и началъ, что это унизительно съ ея стороны... Да къ тому же и слово-то объ «объѣдкахъ» собственно не мое, а чужое; по крайней мѣрѣ, у Ганечки всѣ говорили; да она же и сама подтвердила. Ну, такъ за что же я у ней сплетникъ? Вижу, вижу: вамъ ужасно смѣшно теперь, на меня глядя, и бьюсь объ закладъ, что вы ко мнѣ глупые стихи примѣриваете:

«И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной».

Ха-ха-ха! — залился онъ вдругъ истерическимъ смѣхомъ и закашлялся. — Замѣтьте себѣ, — прохрипѣлъ онъ сквозь кашель, — каковъ Ганечка: говоритъ про «объѣдки», а самъ-то теперь чѣмъ желаетъ воспользоваться!

Князь долго молчалъ; онъ былъ въ ужасѣ.

— Вы сказали про свиданье съ Настасьей Филипповной? — пробормоталъ онъ, наконецъ.

— Э, да неужели и вправду вамъ неизвѣстно, что сегодня будетъ свиданіе Аглаи Ивановны съ Настасьей Филипповной, для чего Настасья Филипповна и выписана изъ Петербурга нарочно, чрезъ Рогожина, по приглашенію Аглаи Ивановны и моими стараніями, и находится теперь вмѣстѣ съ Рогожинымъ, весьма недалеко отъ васъ, въ прежнемъ домѣ, у той госпожи, у Дарьи Алексѣевны... очень двусмысленной госпожи, подруги своей, и туда-то, сегодня, въ этотъ двусмысленный домъ, и направится Аглая Ивановна для пріятельскаго разговора съ Настасьей Филипповной и для разрѣшенія разныхъ задачъ. Ариѳметикой заниматься хотятъ. Не знали? Честное слово?

— Это невѣроятно!

— Ну, и хорошо, коли невѣроятно; впрочемъ, откуда же вамъ знать? Хотя здѣсь муха пролетитъ — и уже извѣстно: таково мѣстечко! Но я васъ однакоже предупредилъ, и вы можете быть мнѣ благодарны. Ну, до свиданья, — на томъ свѣтѣ, вѣроятно. Да, вотъ еще что: я хоть и подличалъ предъ вами, потому... для чего же я стану свое терять, разсудите на милость? Въ вашу пользу что ли? Вѣдь я ей «Исповѣдь» мою посвятилъ (вы этого не знали?). Да еще какъ приняла-то! Хе-хе! Но ужъ предъ нею-то я не подличалъ, предъ ней-то ужъ ни въ чемъ не ви-

новатъ; она же меня осрамила и подвела... А, впрочемъ, и предъ вами не виноватъ ничѣмъ; если тамъ и упоминалъ насчетъ этихъ «объѣдковъ» и все въ этомъ смыслѣ, то зато теперь вамъ и день, и часъ, и адресъ свиданія сообщаю, и всю эту игру открываю... съ досады, разумѣется, а не изъ великодушія. Прощайте, я болтливъ какъ заика, или какъ чахоточный; смотрите же, принимайте мѣры и скорѣе, если вы только стоите названія человѣческаго. Свиданіе сегодня по вечеру, это вѣрно.

Ипполитъ направился къ двери, но князь крикнулъ ему, и тотъ остановился въ дверяхъ.

— Стало быть, Аглая Ивановна, по вашему, сама придетъ сегодня къ Настасьѣ Филипповнѣ? — спросилъ князь. Красныя пятна выступили на щекахъ и на лбу его.

— Въ точности не знаю, но, вѣроятно, такъ, — отвѣтилъ Ипполитъ, полуоглядываясь; — да иначе, впрочемъ, и не можетъ быть. Не Настасья же Филипповна къ ней? Да и не у Ганечки же: у того у самого почти покойникъ. Генералъ-то каковъ?

— Ужъ по одному этому быть не можетъ! — подхватилъ князь. — Какъ же она выйдетъ, если бы даже и хотѣла? Вы не знаете... обычаевъ въ этомъ домѣ: она не можетъ отлучиться одна къ Настасьѣ Филипповнѣ; это вздоръ!

— Вотъ видите, князь: никто не прыгаетъ изъ окошекъ, а случись пожаръ, такъ, пожалуй, и первѣйшій джентльменъ и первѣйшая дама выпрыгнетъ изъ окошка. Коли ужъ придетъ нужда, такъ нечего дѣлать, и къ Настасьѣ Филипповнѣ наша барышня отправится. А развѣ ихъ тамъ никуда не выпускаютъ, вашихъ барышень-то?

— Нѣтъ, я не про то...

— А не про то, такъ ей стоитъ только сойти съ крыльца и пойти прямо, а тамъ хоть и не воз-

вращайся домой. Есть случаи, что и корабли сжигать иногда можно и домой можно даже не возвращаться: жизнь не изъ однихъ завтраковъ, да обѣдовъ, да князей Щ. состоитъ. Мнѣ кажется, вы Аглаю Ивановну за барышню или за пансіонерку какую-то принимаете, я уже про это ей говорилъ; она, кажется, согласилась. Ждите часовъ въ семь или въ восемь... Я бы на вашемъ мѣстѣ послалъ туда посторожить, чтобъ ужъ такъ ровно ту минуту улучить, когда она съ крыльца сойдетъ. Ну, хоть Колю пошлите; онъ съ удовольствіемъ пошпіонитъ, будьте увѣрены, для васъ, то-есть... потому что все вѣдь это относительно... Ха-ха!

Ипполитъ вышелъ. Князю не для чего было просить кого-нибудь шпіонить, если бы даже онъ былъ и способенъ на это. Приказаніе ему Аглаи сидѣть дома теперь почти объяснялось: можетъ быть, она хотѣла за нимъ зайти. Правда, можетъ быть, она именно не хотѣла, чтобъ онъ туда попалъ, а потому и велѣла ему дома сидѣть... Могло быть и это. Голова его кружилась; вся комната ходила кругомъ. Онъ легъ на диванъ и закрылъ глаза.

Такъ или этакъ, а дѣло было рѣшительное, окончательное. Нѣтъ, князь не считалъ Аглаю за барышню или за пансіонерку: онъ чувствовалъ теперь, что давно уже боялся и именно чего-нибудь въ этомъ родѣ; но для чего она хочетъ ее видѣть? Ознобъ проходилъ по всему тѣлу князя; опять онъ былъ въ лихорадкѣ.

Нѣтъ, онъ не считалъ ее за ребенка! Его ужасали иные взгляды ея въ послѣднее время, иныя слова. Иной разъ ему казалось, что она какъ бы ужъ слишкомъ крѣпилась, слишкомъ сдерживалась, и онъ припоминалъ, что это его пугало. Правда, во всѣ эти дни онъ старался не думать объ этомъ, гналъ тяжелыя мысли, но что таилось въ этой душѣ? Этотъ вопросъ давно его мучилъ, хотя онъ и вѣрилъ въ эту

душу. И вотъ все это должно было разрѣшиться и обнаружиться сегодня же. Мысль ужасная! И опять — «эта женщина»! Почему ему всегда казалось, что эта женщина явится именно въ самый послѣдній моментъ и разорветъ всю судьбу его, какъ гнилую нитку? Что ему всегда казалось это, въ этомъ онъ готовъ былъ теперь поклясться, хоть былъ почти въ полубреду. Если онъ старался забыть *о ней* въ послѣднее время, то единственно потому, что боялся ея. Что же: любилъ онъ эту женщину, или ненавидѣлъ? Этого вопроса онъ ни разу не задалъ себѣ сегодня; тутъ сердце его было чисто: онъ зналъ, кого онъ любилъ... Онъ не столько свиданія ихъ обѣихъ боялся, не странности, не причины этого свиданія, ему неизвѣстной, не разрѣшенія его чѣмъ бы то ни было, — онъ самой Настасьи Филипповны боялся. Онъ вспомнилъ уже потомъ, чрезъ нѣсколько дней, что въ эти лихорадочные часы почти все время представлялись ему ея глаза, ея взглядъ, слышались ея слова — странныя какія-то слова, хоть и не много потомъ осталось у него въ памяти послѣ этихъ лихорадочныхъ и тоскливыхъ часовъ. Едва запомнилъ онъ, напримѣръ, какъ Вѣра принесла ему обѣдать, и онъ обѣдалъ, не помнилъ, спалъ ли онъ послѣ обѣда или нѣтъ? Онъ зналъ только, что началъ совершенно ясно все отличать въ этотъ вечеръ только съ той минуты, когда Аглая вдругъ вошла къ нему на террасу, и онъ вскочилъ съ дивана и вышелъ на средину комнаты ее встрѣтить: было четверть восьмого. Аглая была одна-одинешенька, одѣта просто и какъ бы наскоро, въ легонькомъ бурнусикѣ. Лицо ея было блѣдно какъ и давеча, а глаза сверкали яркимъ и сухимъ блескомъ; такого выраженія глазъ онъ никогда не зналъ у нея. Она внимательно его оглядѣла.

— Вы совершенно готовы, — замѣтила она тихо и какъ бы спокойно, — одѣты, и шляпа въ рукахъ;

стало быть, васъ предупредили, и я знаю кто: Ипполитъ?

— Да, онъ мнѣ говорилъ... — пробормоталъ князь, почти полумертвый.

— Пойдемте же: вы знаете, что вы должны меня сопровождать непремѣнно. Вы вѣдь настолько въ силахъ, я думаю, чтобы выйти.

— Я въ силахъ, но... развѣ это возможно?

Онъ оборвался въ одно мгновеніе и уже ничего не могъ вымолвить болѣе. Это была единственная попытка его остановить безумную, а затѣмъ онъ самъ пошелъ за нею, какъ невольникъ. Какъ ни были смутны его мысли, онъ все-таки понималъ, что она и безъ него пойдетъ *туда*, а стало быть, онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ идти за нею. Онъ угадывалъ какой силы ея рѣшимость; не ему было остановить этотъ дикій порывъ. Они шли молчаливо, всю дорогу почти не сказали ни слова. Онъ только замѣтилъ, что она хорошо знаетъ дорогу, и когда хотѣлъ было обойти однимъ переулкомъ подальше, потому что тамъ дорога была пустыннѣе, и предложилъ ей это, она выслушала, какъ бы напрягая вниманіе, и отрывисто отвѣтила: «все равно!» Когда они уже почти вплоть подошли къ дому Дарьи Алексѣевны (большому и старому деревянному дому), съ крыльца вышла одна пышная барыня и съ нею молодая дѣвица; обѣ сѣли въ ожидавшую у крыльца великолѣпную коляску, громко смѣясь и разговаривая, и ни разу даже и не взглянули на подходившихъ, точно и не примѣтили. Только что коляска отъѣхала, дверь тотчасъ же отворилась въ другой разъ, и поджидавшій Рогожинъ впустилъ князя и Аглаю и заперъ за ними дверь.

— Во всемъ домѣ никого теперь, кромѣ насъ вчетверомъ, — замѣтилъ онъ вслухъ и странно посмотрѣлъ на князя.

Въ первой же комнатѣ ждала и Настасья Филип-

повна, тоже одѣтая весьма просто и вся въ черномъ; она встала навстрѣчу, но не улыбнулась и даже князю не подала руки.

Пристальный и безпокойный ея взглядъ нетерпѣливо устремился на Аглаю. Обѣ сѣли поодаль одна отъ другой, Аглая на диванѣ въ углу комнаты, Настасья Филипповна у окна. Князь и Рогожинъ не садились, да ихъ и не пригласили садиться. Князь съ недоумѣніемъ и какъ бы съ болью опять поглядѣлъ на Рогожина, но тотъ улыбался все прежнею своею улыбкой. Молчаніе продолжалось еще нѣсколько мгновеній.

Какое-то зловѣщее ощущеніе прошло, наконецъ, по лицу Настасьи Филипповны; взглядъ ея становился упоренъ, твердъ и почти ненавистенъ, ни на одну минуту не отрывался онъ отъ гостьи. Аглая видимо была смущена, но не робѣла. Войдя, она едва взглянула на свою соперницу, и покамѣстъ все время сидѣла потупивъ глаза, какъ бы въ раздумьи. Раза два, какъ бы нечаянно, она окинула взглядомъ комнату; отвращеніе видимо изобразилось въ ея лицѣ, точно она боялась здѣсь замараться. Она машинально оправляла свою одежду и даже съ безпокойствомъ перемѣнила однажды мѣсто, подвигаясь къ углу дивана. Врядъ ли она и сама сознавала всѣ свои движенія; но безсознательность еще усиливала ихъ обиду. Наконецъ, она твердо и прямо поглядѣла въ глаза Настасьи Филипповны и тотчасъ же ясно прочла все, что сверкало въ озлобившемся взглядѣ ея соперницы. Женщина поняла женщину; Аглая вздрогнула.

— Вы, конечно, знаете, зачѣмъ я васъ приглашала, — выговорила она, наконецъ, но очень тихо и даже остановившись раза два на этой коротенькой фразѣ.

— Нѣтъ, ничего не знаю, — отвѣтила Настасья Филипповна сухо и отрывисто.

Аглая покраснѣла. Можетъ быть, ей вдругъ показалось ужасно странно и невѣроятно, что она сидитъ теперь съ этою женщиной, въ домѣ «этой женщины» и нуждается въ ея отвѣтѣ. При первыхъ звукахъ голоса Настасьи Филипповны, какъ бы содроганіе прошло по ея тѣлу. Все это, конечно, очень хорошо замѣтила «эта женщина».

— Вы все понимаете... но вы нарочно дѣлаете видъ, будто не понимаете, — почти прошептала Аглая, угрюмо смотря въ землю.

— Для чего же бы это? — чуть-чуть усмѣхнулась Настасья Филипповна.

— Вы хотите воспользоваться моимъ положеніемъ... что я у васъ въ домѣ, — смѣшно и неловко продолжала Аглая.

— Въ этомъ положеніи виноваты вы, а не я! — вспыхнула вдругъ Настасья Филипповна: — не вы мною приглашены, а я вами, и до сихъ поръ не знаю зачѣмъ?

Аглая надменно подняла голову:

— Удержите вашъ языкъ; я не этимъ вашимъ оружіемъ пришла съ вами сражаться...

— А! Стало быть, вы все-таки пришли «сражаться»? Представьте, я однакоже думала, что вы... остроумнѣе...

Обѣ смотрѣли одна на другую уже не скрывая злобы. Одна изъ этихъ женщинъ была та самая, которая еще такъ недавно писала къ другой такія письма. И вотъ все разсѣялось отъ первой встрѣчи и съ первыхъ словъ. Что же? Въ эту минуту, казалось, никто изъ всѣхъ четверыхъ находившихся въ этой комнатѣ и не находилъ этого страннымъ. Князь, который еще вчера не повѣрилъ бы возможности увидѣть это даже во снѣ, теперь стоялъ, смотрѣлъ и слушалъ, какъ бы все это давно уже предчувствовалъ. Самый фантастическій сонъ обратился вдругъ въ самую яр-

кую и рѣзко обозначившуюся дѣйствительность. Одна изъ этихъ женщинъ до того уже презирала въ это мгновеніе другую и до того желала ей это высказать (можетъ быть, и приходила-то только для этого, какъ выразился на другой день Рогожинъ), что какъ ни фантастична была эта другая, съ своимъ разстроеннымъ умомъ и больною душой, никакая заранѣе предвзятая идея не устояла бы, казалось, противъ ядовитаго, чисто женскаго презрѣнія ея соперницы. Князь былъ увѣренъ, что Настасья Филипповна не заговоритъ сама о письмахъ; по сверкающимъ взглядамъ ея онъ догадался, чего могутъ ей стоить теперь эти письма; но онъ отдалъ бы полжизни, чтобы не заговаривала о нихъ теперь и Аглая.

Но Аглая вдругъ какъ бы скрѣпилась и разомъ овладѣла собой.

— Вы не такъ поняли, — сказала она, — я съ вами не пришла... ссориться, хотя я васъ не люблю. Я... я пришла къ вамъ... съ человѣческою рѣчью. Призывая васъ, я уже рѣшила, о чемъ буду вамъ говорить, и отъ рѣшенія не отступлюсь, хотя бы вы и совсѣмъ меня не поняли. Тѣмъ для васъ будетъ хуже, а не для меня. Я хотѣла вамъ отвѣтить на то, что вы мнѣ писали, и отвѣтить лично, потому что мнѣ это казалось удобнѣе. Выслушайте же мой отвѣтъ на всѣ ваши письма: мнѣ стало жаль князя Льва Николаевича въ первый разъ въ тотъ самый день, когда я съ нимъ познакомилась и когда потомъ узнала обо всемъ, что произошло на вашемъ вечерѣ. Мнѣ потому его стало жаль, что онъ такой простодушный человѣкъ и по простотѣ своей повѣрилъ, что можетъ быть счастливъ... съ женщиной... такого характера. Чего я боялась за него, то и случилось: вы не могли его полюбить, измучили его и кинули. Вы потому его не могли любить, что слишкомъ горды... нѣтъ, не горды, я ошиблась, а потому что вы тщеславны... даже

и не это: вы себялюбивы до... сумасшествія, чему доказательствомъ служатъ и ваши письма ко мнѣ. Вы его, такого простого, не могли полюбить, и даже, можетъ быть, про себя презирали и смѣялись надъ нимъ, могли полюбить только одинъ свой позоръ и безпрерывную мысль о томъ, что вы опозорены, и что васъ оскорбили. Будь у васъ меньше позору, или не будь его вовсе, вы были бы несчастнѣе... (Аглая съ наслажденіемъ выговаривала эти слишкомъ ужъ поспѣшно выскакивавшія, но давно уже приготовленныя и обдуманныя слова, тогда еще обдуманныя, когда и во снѣ не представлялось теперешняго свиданія; она ядовитымъ взглядомъ слѣдила за эффектомъ ихъ на искаженномъ отъ волненія лицѣ Настасьи Филипповны). Вы помните, — продолжала она, — тогда онъ написалъ мнѣ письмо; онъ говоритъ, что вы про это письмо знаете и даже читали его? По этому письму я все поняла и вѣрно поняла; онъ недавно мнѣ подтвердилъ это самъ, то-есть все, что я теперь вамъ говорю, слово въ слово даже. Послѣ письма я стала ждать. Я угадала, что вы должны пріѣхать сюда, потому что вамъ нельзя же быть безъ Петербурга: вы еще слишкомъ молоды и хороши собой для провинціи... Впрочемъ, это тоже не мои слова, — прибавила она, ужасно покраснѣвъ, и съ этой минуты краска уже не сходила съ ея лица, вплоть до самаго окончанія рѣчи. — Когда я увидала опять князя, мнѣ стало ужасно за него больно и обидно. Не смѣйтесь; если вы будете смѣяться, то вы недостойны это понять...

— Вы видите, что я не смѣюсь, — грустно и строго проговорила Настасья Филипповна.

— Впрочемъ, мнѣ все равно, смѣйтесь, какъ вамъ угодно. Когда я стала его спрашивать сама, онъ мнѣ сказалъ, что давно уже васъ не любитъ, что даже воспоминаніе о васъ ему мучительно, но что ему васъ жаль, и что когда онъ припоминаетъ о васъ, то его

сердце точно «пронзено навѣки». Я вамъ должна еще сказать, что я ни одного человѣка не встрѣчала въ жизни, подобнаго ему по благородному простодушію и безграничной довѣрчивости. Я догадалась послѣ его словъ, что всякій, кто захочетъ, тотъ и можетъ его обмануть, и кто бы не обманулъ его, онъ потомъ всякому проститъ, и вотъ за это-то я его и полюбила...

Аглая остановилась на мгновеніе, какъ бы пораженная, какъ бы самой себѣ не вѣря, что она могла выговорить такое слово; но въ то же время почти безпредѣльная гордость засверкала въ ея взглядѣ; казалось, ей теперь было уже все равно, хотя бы даже «эта женщина» засмѣялась сейчасъ надъ вырвавшимся у нея признаніемъ.

— Я вамъ все сказала, и ужъ, конечно, вы теперь поняли, чего я отъ васъ хочу?

— Можетъ быть, и поняла, но скажите сами, — тихо отвѣтила Настасья Филипповна.

Гнѣвъ загорѣлся въ лицѣ Аглаи.

— Я хотѣла отъ васъ узнать, — твердо и раздѣльно произнесла она, — по какому праву вы вмѣшиваетесь въ его чувства ко мнѣ? По какому праву вы осмѣлились ко мнѣ писать письма? По какому праву вы заявляете поминутно, ему и мнѣ, что вы его любите, послѣ того, какъ сами же его кинули и отъ него съ такою обидой и... позоромъ убѣжали?

— Я не заявляла ни ему, ни вамъ, что его люблю, — съ усиліемъ выговорила Настасья Филипповна, — и... вы правы, я отъ него убѣжала... — прибавила она едва слышно.

— Какъ не заявляли «ни ему, ни мнѣ»? — вскричала Аглая; — а письма-то ваши? Кто васъ просилъ насъ сватать и меня уговаривать идти за него? Развѣ это не заявленіе? Зачѣмъ вы къ намъ напрашиваетесь? Я сначала было подумала, что вы хотите, напротивъ, отвращеніе во мнѣ къ нему поселить тѣмъ, что къ

вамъ замѣшались, и чтобъ я его бросила; и потомъ только догадалась, въ чемъ дѣло: вамъ просто вообразилось, что вы высокій подвигъ дѣлаете всѣми этими кривляніями... Ну, могли ли вы его любить, если такъ любите свое тщеславіе? Зачѣмъ вы просто не уѣхали отсюда, вмѣсто того, чтобы мнѣ смѣшныя письма писать? Зачѣмъ вы не выходите теперь за благороднаго человѣка, который васъ такъ любитъ и сдѣлалъ вамъ честь, предложивъ свою руку? Слишкомъ ясно зачѣмъ: выйдете за Рогожина, какая же тогда обида останется? Даже слишкомъ ужъ много чести получите! Про васъ Евгеній Павлычъ сказалъ, что вы слишкомъ много поэмъ прочли и «слишкомъ много образованы для вашего... положенія»; что вы книжная женщина и бѣлоручка; прибавьте ваше тщеславіе, вотъ и всѣ ваши причины...

— А вы не бѣлоручка?

Слишкомъ поспѣшно, слишкомъ обнаженно дошло дѣло то такой неожиданной точки, неожиданной, потому что Настасья Филипповна, отправляясь въ Павловскъ, еще мечтала о чемъ-то, хотя, конечно, предполагала скорѣе дурное, чѣмъ хорошее; Аглая же рѣшительно была увлечена порывомъ въ одну минуту, точно падала съ горы, и не могла удержаться предъ ужаснымъ наслажденіемъ мщенія. Настасьѣ Филипповнѣ даже странно было такъ увидѣть Аглаю; она смотрѣла на нее и точно себѣ не вѣрила, и рѣшительно не нашлась въ первое мгновеніе. Была ли она женщина, прочитавшая много поэмъ, какъ предположилъ Евгеній Павловичъ, или просто была сумасшедшая, какъ увѣренъ былъ князь, во всякомъ случаѣ, эта женщина, — иногда съ такими циническими и дерзкими пріемами, — на самомъ дѣлѣ была гораздо стыдливѣе, нѣжнѣе и довѣрчивѣе, чѣмъ бы можно было о ней заключить. Правда, въ ней было много книжнаго, мечтательнаго, затворившагося въ себѣ и фантастическаго, но зато

сильнаго и глубокаго... Князь понималъ это; страданіе выразилось въ лицѣ его. Аглая это замѣтила и задрожала отъ ненависти.

— Какъ вы смѣете такъ обращаться ко мнѣ? — проговорила она съ невыразимымъ высокомѣріемъ, отвѣчая на замѣчаніе Настасьи Филипповны.

— Вы, вѣроятно, ослышались, — удивилась Настасья Филипповна. — Какъ обращалась я къ вамъ?

— Если вы хотѣли быть честною женщиной, такъ отчего вы не бросили тогда вашего обольстителя, Тоцкаго, просто... безъ театральныхъ представленій? — сказала вдругъ Аглая, ни съ того, ни съ сего.

— Что вы знаете о моемъ положеніи, чтобы смѣть судить меня? — вздрогнула Настасья Филипповна, ужасно поблѣднѣвъ.

— Знаю то, что вы не пошли работать, а ушли съ богачомъ Рогожинымъ, чтобы падшаго ангела изъ себя представить. Не удивляюсь, что Тоцкій отъ падшаго ангела застрѣлиться хотѣлъ!

— Оставьте! — съ отвращеніемъ и какъ бы чрезъ боль проговорила Настасья Филипповна, — вы такъ же меня поняли какъ... горничная Дарьи Алексѣевны, которая съ женихомъ своимъ намедни у мирового судилась. Та бы лучше васъ поняла...

— Вѣроятно, честная дѣвушка и живетъ своимъ трудомъ. Почему вы-то съ такимъ презрѣніемъ относитесь къ горничной?

— Я не къ труду съ презрѣніемъ отношусь, а къ вамъ, когда вы о трудѣ говорите.

— Захотѣла быть честною, такъ въ прачки бы шла.

Обѣ поднялись и блѣдныя смотрѣли другъ на друга.

— Аглая, остановитесь! Вѣдь это несправедливо, — вскричалъ князь, какъ потерянный. Рогожинъ уже не улыбался, но слушалъ сжавъ губы и скрестивъ руки.

— Вотъ, смотрите на нее, — говорила Настасья

Филипповна, дрожа отъ озлобленія, — на эту барышню! И я ее за ангела почитала! Вы безъ гувернантки ко мнѣ пожаловали, Аглая Ивановна?.. А хотите... хотите, я вамъ скажу сейчасъ прямо, безъ прикрасъ, зачѣмъ вы ко мнѣ пожаловали? Струсили, оттого и пожаловали.

— Васъ струсила? — спросила Аглая, внѣ себя отъ наивнаго и дерзкаго изумленія, что та смѣла съ нею такъ заговорить.

— Конечно, меня! Меня боитесь, если рѣшились ко мнѣ придти. Кого боишься, того не презираешь. И подумать, что я васъ уважала, даже до этой самой минуты! А знаете, почему вы боитесь меня, и въ чемъ теперь ваша главная цѣль? Вы хотѣли сами лично удостовѣриться: больше ли онъ меня, чѣмъ васъ, любитъ или нѣтъ, потому что вы ужасно ревнуете...

— Онъ мнѣ уже сказалъ, что васъ ненавидитъ... — едва пролепетала Аглая.

— Можетъ быть; можетъ быть, я и не стòю его, только... только солгали вы, я думаю! Не можетъ онъ меня ненавидѣть, и не могъ онъ такъ сказать! Я, впрочемъ, готова васъ простить... во вниманіе къ вашему положенію... только все-таки я о васъ лучше думала; думала, что вы и умнѣе, да и получше даже собой, ей-Богу!.. Ну, возьмите же ваше сокровище... вотъ онъ, на васъ глядитъ, опомниться не можетъ, берите его себѣ, но подъ условіемъ: ступайте сейчасъ же прочь! Сію же минуту!..

Она упала въ кресло и залилась слезами. Но вдругъ что-то новое заблистало въ глазахъ ея; она пристально и упорно посмотрѣла на Аглаю и встала съ мѣста:

— А хочешь, я сейчасъ... при-ка-жу, слышишь ли? только ему при-ка-жу, и онъ тотчасъ же броситъ тебя и останется при мнѣ навсегда и женится на мнѣ, а ты побѣжишь домой одна? Хочешь, хочешь? — крик-

нула она какъ безумная, можетъ быть, почти сама не вѣря, что могла выговорить такія слова.

Аглая въ испугѣ бросилась было къ дверямъ, но остановилась въ дверяхъ, какъ бы прикованная, и слушала.

— Хочешь, я прогоню Рогожина? Ты думала, что я ужъ и повѣнчалась съ Рогожинымъ для твоего удовольствія? Вотъ сейчасъ при тебѣ крикну: «Уйди, Рогожинъ!» а князю скажу: «помнишь, что ты обѣщалъ?» Господи! Да для чего же я себя такъ унизила предъ ними? Да не ты ли же, князь, меня самъ увѣрялъ, что пойдешь за мною, что бы ни случилось со мной, и никогда меня не покинешь; что ты меня любишь, и все мнѣ прощаешь и меня у... ува... Да, ты и это говорилъ! И я, чтобы только тебя развязать, отъ тебя убѣжала, а теперь не хочу! За что она со мной какъ съ безпутной поступила? Безпутная ли я, спроси у Рогожина, онъ тебѣ скажетъ! Теперь, когда она опозорила меня, да еще въ твоихъ же глазахъ, и ты отъ меня отвернешься, а ее подъ ручку съ собой уведешь? Да будь же ты проклятъ послѣ того за то, что я въ тебя одного повѣрила. Уйди, Рогожинъ, тебя не нужно! — кричала она почти безъ памяти, съ усиліемъ выпуская слова изъ груди, съ исказившимся лицомъ и съ запекшимися губами, очевидно, сама не вѣря ни на каплю своей фанфаронадѣ, но въ то же время хоть секунду еще желая продлить мгновеніе и обмануть себя. Порывъ былъ такъ силенъ, что, можетъ быть, она бы и умерла, такъ, по крайней мѣрѣ, показалось князю. — Вотъ онъ, смотри! — прокричала она, наконецъ, Аглаѣ, указывая рукой на князя, — если онъ сейчасъ не подойдетъ ко мнѣ, не возьметъ меня и не броситъ тебя, то бери же его себѣ, уступаю, мнѣ его не надо!..

И она, и Аглая остановились какъ бы въ ожиданіи, и обѣ, какъ помѣшанныя, смотрѣли на князя. Но

онъ, можетъ быть, и не понималъ всей силы этого вызова, даже навѣрно можно сказать. Онъ только видѣлъ предъ собой отчаянное, безумное лицо, отъ котораго, какъ проговорился онъ разъ Аглаѣ, у него «пронзено навсегда сердце». Онъ не могъ болѣе вынести и съ мольбой и упрекомъ обратился къ Аглаѣ, указывая на Настасью Филипповну:

— Развѣ это возможно! Вѣдь она... такая несчастная!

Но только это и успѣлъ выговорить, онѣмѣвъ подъ ужаснымъ взглядомъ Аглаи. Въ этомъ взглядѣ выразилось столько страданія и въ то же время безконечной ненависти, что онъ всплеснулъ руками, вскрикнулъ и бросился къ ней, но уже было поздно. Она не перенесла даже и мгновенія его колебанія, закрыла руками лицо, вскрикнула: «ахъ, Боже мой!» и бросилась вонъ изъ комнаты, за ней Рогожинъ, чтобъ отомкнуть ей задвижку у дверей на улицу.

Побѣжалъ и князь, но на порогѣ обхватили его руками. Убитое, искаженное лицо Настасьи Филипповны глядѣло на него въ упоръ, и посинѣвшія губы шевелились, спрашивая:

— За ней? За ней?..

Она упала безъ чувствъ ему на руки. Онъ поднялъ ее, внесъ въ комнату, положилъ въ кресла и сталъ надъ ней въ тупомъ ожиданіи. На столикѣ стоялъ стаканъ съ водой; воротившійся Рогожинъ схватилъ его и брызнулъ ей въ лицо воды; она открыла глаза и съ минуту ничего не понимала; но вдругъ осмотрѣлась, вздрогнула и бросилась къ князю.

— Мой! Мой! — вскричала она, — ушла гордая барышня? Ха! ха! ха! — смѣялась она въ истерикѣ, — ха! ха! ха! Я его этой барышнѣ отдавала! Да зачѣмъ? Для чего? Сумасшедшая! Сумасшедшая!.. Поди прочь, Рогожинъ, ха! ха! ха!

Рогожинъ пристально посмотрѣлъ на нихъ, не ска-

залъ ни слова, взялъ свою шляпу и вышелъ. Черезъ десять минутъ князь сидѣлъ подлѣ Настасьи Филипповны, не отрываясь смотрѣлъ на нее, и гладилъ ее по головкѣ и по лицу обѣими руками, какъ малое дитя. Онъ хохоталъ на ея хохотъ и готовъ былъ плакать на ея слезы. Онъ ничего не говорилъ, но пристально вслушивался въ ея порывистый, восторженный и безсвязный лепетъ, врядъ ли понималъ что-нибудь, но тихо улыбался, и чуть только ему казалось, что она начинала опять тосковать или плакать, упрекать или жаловаться, тотчасъ же начиналъ ее опять гладить по головкѣ и нѣжно водить руками по ея щекамъ, утѣшая и уговаривая ее, какъ ребенка.

IX

Прошло двѣ недѣли послѣ событія, разсказаннаго въ послѣдней главѣ, и положеніе дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа до того измѣнилось, что намъ чрезвычайно трудно приступать къ продолженію безъ особыхъ объясненій. И однако мы чувствуемъ, что должны ограничиться простымъ изложеніемъ фактовъ, по возможности, безъ особыхъ объясненій, и по весьма простой причинѣ: потому что сами, во многихъ случаяхъ, затрудняемся объяснить происшедшее. Такое предувѣдомленіе съ нашей стороны должно показаться весьма страннымъ и неяснымъ читателю: какъ разсказывать то, о чемъ не имѣешь ни яснаго понятія, ни личнаго мнѣнія? Чтобы не ставить себя еще въ болѣе фальшивое положеніе, лучше постараемся объясниться на примѣрѣ и, можетъ быть, благосклонный читатель пойметъ, въ чемъ именно мы затрудняемся, тѣмъ болѣе, что этотъ примѣръ не будетъ отступленіемъ, а, напротивъ, прямымъ и непосредственнымъ продолженіемъ разсказа.

Двѣ недѣли спустя, то-есть уже въ началѣ іюля,

и въ продолженіе этихъ двухъ недѣль исторія нашего героя и особенно послѣднее приключеніе этой исторіи обращаются въ странный, весьма увеселительный, почти невѣроятный и въ то же время почти наглядный анекдотъ, распространяющійся мало-по-малу по всѣмъ улицамъ, сосѣднимъ съ дачами Лебедева, Птицына, Даріи Алексѣевны, Епанчиныхъ, короче сказать, почти по всему городу и даже по окрестностямъ его. Почти все общество, — туземцы, дачники, пріѣзжающіе на музыку, — всѣ принялись разсказывать одну и ту же исторію, на тысячу разныхъ варіацій, о томъ какъ одинъ князь, произведя скандалъ въ честномъ и извѣстномъ домѣ и отказавшись отъ дѣвицы изъ этого дома, уже невѣсты своей, увлекся извѣстною лореткой, порвалъ всѣ прежнія связи и, несмотря ни на что, несмотря на угрозы, несмотря на всеобщее негодованіе публики, намѣревается обвѣнчаться на-дняхъ съ опозоренною женщиной, здѣсь же въ Павловскѣ, открыто, публично, поднявъ голову и смотря всѣмъ прямо въ глаза. Анекдотъ до того становился изукрашенъ скандалами, до того много вмѣшано было въ него извѣстныхъ и значительныхъ лицъ, до того придано было ему разныхъ фантастическихъ и загадочныхъ оттѣнковъ, а съ другой стороны, онъ представлялся въ такихъ неопровержимыхъ и наглядныхъ фактахъ, что всеобщее любопытство и сплетни были, конечно, очень извинительны. Самое тонкое, хитрое и въ то же время правдоподобное толкованіе оставалось за нѣсколькими серьезными сплетниками, изъ того слоя разумныхъ людей, которые всегда, въ каждомъ обществѣ, спѣшатъ прежде всего уяснить другимъ событіе, въ чемъ находятъ свое призваніе, а нерѣдко и утѣшеніе. По ихъ толкованію, молодой человѣкъ, хорошей фамиліи, князь, почти богатый, дурачокъ, но демократъ и помѣшавшійся на современномъ нигилизмѣ, обнаруженномъ господиномъ Тургеневымъ, почти не умѣющій говорить по-русски, влю-

бился въ дочь генерала Епанчина и достигъ того, что его приняли въ домѣ какъ жениха. Но подобно тому французу-семинаристу, о которомъ только что напечатанъ былъ анекдотъ, и который нарочно допустилъ посвятить себя въ санъ священника, нарочно самъ просилъ этого посвященія, исполнилъ всѣ обряды, всѣ поклоненія, лобызанія, клятвы и пр., чтобы на другой же день публично объявить письмомъ своему епископу, что онъ, не вѣруя въ Бога, считаетъ безчестнымъ обманывать народъ и кормиться отъ него даромъ, а потому слагаетъ съ себя вчерашній санъ, а письмо свое печатаетъ въ либеральныхъ газетахъ, — подобно этому атеисту, сфальшивилъ будто бы въ своемъ родѣ и князь. Разсказывали, будто онъ нарочно ждалъ торжественнаго званаго вечера у родителей своей невѣсты, на которомъ онъ былъ представленъ весьма многимъ значительнымъ лицамъ, чтобы вслухъ и при всѣхъ заявить свой образъ мыслей, обругать почтенныхъ сановниковъ, отказаться отъ своей невѣсты публично и съ оскорбленіемъ, и, сопротивляясь выводившимъ его слугамъ, разбить прекрасную китайскую вазу. Къ этому прибавляли, въ видѣ современной характеристики нравовъ, что безтолковый молодой человѣкъ дѣйствительно любилъ свою невѣсту, генеральскую дочь, но отказался отъ нея единственно изъ нигилизма и ради предстоящаго скандала, чтобы не отказать себѣ въ удовольствіи жениться предъ всѣмъ свѣтомъ на потерянной женщинѣ и тѣмъ доказать, что въ его убѣжденіи нѣтъ ни потерянныхъ, ни добродѣтельныхъ женщинъ, а есть только одна свободная женщина; что онъ въ свѣтское и старое раздѣленіе не вѣритъ, а вѣруетъ въ одинъ только «женскій вопросъ». Что, наконецъ, потерянная женщина въ глазахъ его даже еще нѣсколько выше, чѣмъ непотерянная. Это объясненіе показалось весьма вѣроятнымъ и было принято большинствомъ дачниковъ, тѣмъ болѣе, что подтверждалось ежеднев-

ными фактами. Правда, множество вещей оставались неразъясненными: разсказывали, что бѣдная дѣвушка до того любила своего жениха, по нѣкоторымъ — «обольстителя», что прибѣжала къ нему на другой же день, какъ онъ ее бросилъ, и когда онъ сидѣлъ у своей любовницы; другіе увѣряли, напротивъ, что она имъ же была нарочно завлечена къ любовницѣ, единственно изъ нигилизма, то-есть для срама и оскорбленія. Какъ бы то ни было, а интересъ событія возрасталъ ежедневно, тѣмъ болѣе, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что скандальная свадьба дѣйствительно совершится.

И вотъ, если бы спросили у насъ разъясненія, — не насчетъ нигилистическихъ оттѣнковъ событія, о, нѣтъ! — а просто лишь насчетъ того, въ какой степени удовлетворяетъ назначенная свадьба дѣйствительнымъ желаніямъ князя, въ чемъ именно состоятъ въ настоящую минуту эти желанія, какъ именно опредѣлить состояніе духа нашего героя въ настоящій моментъ, и прочее, и прочее въ этомъ же родѣ, то мы, признаемся, были бы въ большомъ затрудненіи отвѣтить. Мы знаемъ только одно, что свадьба назначена дѣйствительно, и что самъ князь уполномочилъ Лебедева, Келлера и какого-то знакомаго Лебедева, котораго тотъ представилъ князю на этотъ случай, принять на себя всѣ хлопоты по этому дѣлу, какъ церковныя, такъ и хозяйственныя; что денегъ велѣно было не жалѣть, что торопила и настаивала на свадьбѣ Настасья Филипповна; что шаферомъ князя назначенъ былъ Келлеръ, по собственной его пламенной просьбѣ, а къ Настасьѣ Филипповнѣ — Бурдовскій, принявшій это назначеніе съ восторгомъ, и что день свадьбы назначенъ былъ въ началѣ іюля. Но кромѣ этихъ, весьма точныхъ, обстоятельствъ, намъ извѣстны и еще нѣкоторые факты, которые рѣшительно насъ сбиваютъ съ толку, именно потому, что противорѣчатъ съ предыдущими. Мы крѣпко подозрѣва-

емъ, напримѣръ, что, уполномочивъ Лебедева и прочихъ принять на себя всѣ хлопоты, князь чуть ли не забылъ въ тотъ же самый день, что у него есть и церемоніймейстеръ, и шафера, и свадьба, и что если онъ и распорядился поскорѣе, передавъ другимъ хлопоты, то единственно для того, чтобъ ужъ самому и не думать объ этомъ и даже, можетъ быть, поскорѣе забыть объ этомъ. О чемъ же думалъ онъ самъ, въ такомъ случаѣ, о чемъ хотѣлъ помнить и къ чему стремился? Сомнѣнія нѣтъ тоже, что тутъ не было надъ нимъ никакого насилія (со стороны, напримѣръ, Настасьи Филипповны), что Настасья Филипповна дѣйствительно непремѣнно пожелала скорѣй свадьбы, и что она свадьбу выдумала, а вовсе не князь; но князь согласился свободно; даже какъ-то разсѣянно и въ родѣ того, какъ если бы попросили у него какую-нибудь довольно обыкновенную вещь. Такихъ странныхъ фактовъ предъ нами очень много, но они не только не разъясняютъ, а, по нашему мнѣнію, даже затемняютъ истолкованіе дѣла, сколько бы ихъ ни приводили; но однако представимъ еще примѣръ.

Такъ, намъ совершенно извѣстно, что въ продолженіе этихъ двухъ недѣль князь цѣлые дни и вечера проводилъ вмѣстѣ съ Настасьей Филипповной, что она брала его съ собой на прогулки, на музыку; что онъ разъѣзжалъ съ нею каждый день въ коляскѣ; что онъ начиналъ безпокоиться о ней, если только часъ не видѣлъ ея (стало быть, по всѣмъ признакамъ, любилъ ее искренно); что слушалъ ее съ тихою и кроткою улыбкой, о чемъ бы она ему ни говорила, по цѣлымъ часамъ, и самъ ничего почти не говоря. Но мы знаемъ также, что онъ, въ эти же дни, нѣсколько разъ, и даже много разъ, вдругъ отправлялся къ Епанчинымъ, не скрывая этого отъ Настасьи Филипповны, отъ чего та приходила чуть не въ отчаяніе. Мы знаемъ, что у Епанчиныхъ, пока они оставались въ Павловскѣ,

его не принимали, въ свиданіи съ Аглаей Ивановной ему постоянно отказывали; что онъ уходилъ, ни слова не говоря, а на другой же день шелъ къ нимъ опять, какъ бы совершенно позабывъ о вчерашнемъ отказѣ и, разумѣется, получалъ новый отказъ. Намъ извѣстно также, что часъ спустя послѣ того, какъ Аглая Ивановна выбѣжала отъ Настасьи Филипповны, а, можетъ, даже и раньше часу, князь уже былъ у Епанчиныхъ, конечно, въ увѣренности найти тамъ Аглаю, и что появленіе его у Епанчиныхъ произвело тогда чрезвычайное смущеніе и страхъ въ домѣ, потому что Аглая домой еще не возвратилась и отъ него только въ первый разъ и услышали, что она уходила съ нимъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. Разсказывали, что Лизавета Прокофьевна, дочери и даже князь Щ. обошлись тогда съ княземъ чрезвычайно жестко, непріязненно, и что тогда же и отказали ему въ горячихъ выраженіяхъ, — и въ знакомствѣ, и въ дружбѣ, особенно когда Варвара Ардаліоновна вдругъ явилась къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ и объявила, что Аглая Ивановна уже съ часъ какъ у ней въ домѣ, въ положеніи ужасномъ, и домой, кажется, идти не хочетъ. Это послѣднее извѣстіе поразило Лизавету Прокофьевну болѣе всего и было совершенно справедливо: выйдя отъ Настасьи Филипповны, Аглая дѣйствительно скорѣй согласилась бы умереть, чѣмъ показаться теперь на глаза своимъ домашнимъ, и потому кинулась къ Нинѣ Александровнѣ. Варвара же Ардаліоновна тотчасъ нашла съ своей стороны необходимымъ увѣдомить обо всемъ этомъ, нимало не медля, Лизавету Прокофьевну. И мать, и дочери, всѣ тотчасъ же бросились къ Нинѣ Александровнѣ, за ними самъ отецъ семейства, Иванъ Ѳедоровичъ, только что явившійся домой; за ними же поплелся и князь Левъ Николаевичъ, несмотря на изгнаніе и жесткія слова; но по распоряженію Варвары Ардаліоновны, его и тамъ не пустили къ Аглаѣ. Дѣло кончилось, впрочемъ,

тѣмъ, что когда Аглая увидала мать и сестеръ, плачущихъ надъ нею и нисколько ее не упрекающихъ, то бросилась къ нимъ въ объятія и тотчасъ же воротилась съ ними домой. Разсказывали, хотя слухи были и не совершенно точные, что Гаврилѣ Ардаліоновичу и тутъ ужасно не посчастливилось; что, улучивъ время, когда Варвара Ардаліоновна бѣгала къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, онъ, наединѣ съ Аглаей, вздумалъ было заговорить о любви своей; что, слушая его, Аглая, несмотря на всю свою тоску и слезы, вдругъ расхохоталась и вдругъ предложила ему странный вопросъ: сожжетъ ли онъ, въ доказательство своей любви, свой палецъ сейчасъ же на свѣчкѣ? Гаврила Ардаліоновичъ былъ, говорили, ошеломленъ предложеніемъ и до того не нашелся, выразилъ до того чрезвычайное недоумѣніе въ своемъ лицѣ, что Аглая расхохоталась на него, какъ въ истерикѣ, и убѣжала отъ него на верхъ къ Нинѣ Александровнѣ, гдѣ уже и нашли ее родители. Этотъ анекдотъ дошелъ до князя чрезъ Ипполита, на другой день. Уже не встававшій съ постели, Ипполитъ нарочно послалъ за княземъ, чтобы передать ему это извѣстіе. Какъ дошелъ до Ипполита этотъ слухъ, намъ неизвѣстно, но когда и князь услышалъ о свѣчкѣ и о пальцѣ, то разсмѣялся такъ, что даже удивилъ Ипполита; потомъ вдругъ задрожалъ и залился слезами... Вообще онъ былъ въ эти дни въ большомъ безпокойствѣ и въ необыкновенномъ смущеніи, неопредѣленномъ и мучительномъ. Ипполитъ утверждалъ прямо, что находитъ его не въ своемъ умѣ; но этого еще никакъ нельзя было сказать утвердительно.

Представляя всѣ эти факты и отказываясь ихъ объяснить, мы вовсе не желаемъ оправдать нашего героя въ глазахъ нашихъ читателей. Мало того, мы вполнѣ готовы раздѣлить и самое негодованіе, которое онъ возбудилъ къ себѣ даже въ друзьяхъ своихъ.

Даже Вѣра Лебедева нѣкоторое время негодовала на него; даже Коля негодовалъ; негодовалъ даже Келлеръ, до того времени какъ выбранъ былъ въ шафера, не говоря уже о самомъ Лебедевѣ, который даже началъ интриговать противъ князя, и тоже отъ негодованія, и даже весьма искренняго. Но объ этомъ мы скажемъ послѣ. Вообще же мы вполнѣ и въ высшей степени сочувствуемъ нѣкоторымъ, весьма сильнымъ и даже глубокимъ по своей психологіи словамъ Евгенія Павловича, которыя тотъ прямо и безъ церемоніи высказалъ князю въ дружескомъ разговорѣ на шестой или на седьмой день послѣ событія у Настасьи Филипповны. Замѣтимъ кстати, что не только сами Епанчины, но и всѣ принадлежавшіе прямо или косвенно къ дому Епанчиныхъ нашли нужнымъ совершенно порвать съ княземъ всякія отношенія. Князь Щ., напримѣръ, даже отвернулся, встрѣтивъ князя, и не отдалъ ему поклона. Но Евгеній Павловичъ не побоялся скомпрометировать себя, посѣтивъ князя, несмотря на то, что опять сталъ бывать у Епанчиныхъ каждый день и былъ принятъ даже съ видимымъ усиленіемъ радушія. Онъ пришелъ къ князю ровно на другой день послѣ выѣзда всѣхъ Епанчиныхъ изъ Павловска. Входя, онъ уже зналъ обо всѣхъ распространившихся въ публикѣ слухахъ, даже, можетъ, и самъ имъ отчасти способствовалъ. Князь ему ужасно обрадовался и тотчасъ же заговорилъ объ Епанчиныхъ; такое простодушное и прямое начало совершенно развязало и Евгенія Павловича, такъ что и онъ безъ обиняковъ приступилъ прямо къ дѣлу.

Князь еще и не зналъ, что Епанчины выѣхали; онъ былъ пораженъ, поблѣднѣлъ; но чрезъ минуту покачалъ головой, въ смущеніи и въ раздумьи, и сознался, что «такъ и должно было быть»; затѣмъ быстро освѣдомился «куда же выѣхали?»

Евгеній Павловичъ между тѣмъ пристально его наблюдалъ, и все это, то-есть быстрота вопросовъ, про-

стодушіе ихъ, смущеніе и въ то же время какая-то странная откровенность, безпокойствіе и возбужденіе, — все это не мало удивило его. Онъ, впрочемъ, любезно и подробно сообщилъ обо всемъ князю: тотъ многаго еще не зналъ, и это былъ первый вѣстникъ изъ дома. Онъ подтвердилъ, что Аглая дѣйствительно была больна и трое сутокъ почти напролетъ не спала всѣ ночи, въ жару; что теперь ей легче, и она внѣ всякой опасности, но въ положеніи нервномъ, истерическомъ... «Хорошо еще, что въ домѣ полнѣйшій миръ! О прошедшемъ стараются не намекать даже и промежду себя, не только при Аглаѣ. Родители уже переговорили между собой о путешествіи за границу, осенью, тотчасъ послѣ свадьбы Аделаиды; Аглая молча приняла первыя заговариванія объ этомъ». Онъ, Евгеній Павловичъ, тоже, можетъ быть, за границу поѣдетъ. Даже князь Щ., можетъ быть, соберется, мѣсяца на два, съ Аделаидой, если позволятъ дѣла. Самъ генералъ останется. Переѣхали всѣ теперь въ Колмино, ихъ имѣніе, верстахъ въ двадцати отъ Петербурга, гдѣ помѣстительный господскій домъ. Бѣлоконская еще не уѣзжала въ Москву и даже, кажется, нарочно осталась. Лизавета Прокофьевна сильно настаивала на томъ, что нѣтъ возможности оставаться въ Павловскѣ послѣ всего происшедшаго; онъ, Евгеній Павловичъ, сообщалъ ей каждодневно о слухахъ по городу. На Елагинской дачѣ тоже не нашли возможнымъ поселиться.

— Ну, да и въ самомъ дѣлѣ, — прибавилъ Евгеній Павловичъ, — согласитесь сами, можно ли выдержать... особенно зная все, что у васъ здѣсь ежечасно дѣлается, въ вашемъ домѣ, князь, и послѣ ежедневныхъ вашихъ посѣщеній *туда*, несмотря на отказы...

— Да, да, да, вы правы, я хотѣлъ видѣть Аглаю Ивановну... — закачалъ опять головою князь.

— Ахъ, милый князь, — воскликнулъ вдругъ Евгеній Павловичъ съ одушевленіемъ и съ грустью, —

какъ могли вы тогда допустить... все, что произошло? Конечно, конечно, все это было для васъ такъ неожиданно... Я согласенъ, что вы должны были потеряться и... не могли же вы остановить безумную дѣвушку, это было не въ вашихъ силахъ! Но вѣдь должны же вы были понять, до какой степени серьезно и сильно эта дѣвушка... къ вамъ относилась. Она не захотѣла дѣлиться съ другой, и вы... и вы могли покинуть и разбить такое сокровище!

— Да, да, вы правы; да, я виноватъ, — заговорилъ опять князь въ ужасной тоскѣ, — и знаете: вѣдь она одна, одна только Аглая смотрѣла такъ на Настасью Филипповну... Остальные никто вѣдь такъ не смотрѣли.

— Да тѣмъ-то и возмутительно все это, что тутъ и серьезнаго не было ничего! — вскричалъ Евгеній Павловичъ, рѣшительно увлекаясь. — Простите меня, князь, но... я... я думалъ объ этомъ, князь; я много передумалъ; я знаю все, что происходило прежде, я знаю все, что было полгода назадъ, все, и — все это было не серьезно! Все это было одно только головное увлеченіе, картина, фантазія, дымъ, и только одна испуганная ревность совершенно неопытной дѣвушки могла принять это за что-то серьезное!..

Тутъ Евгеній Павловичъ, уже совершенно безъ церемоніи, далъ волю всему своему негодованію. Разумно и ясно, и, повторяемъ, съ чрезвычайною даже психологіей, развернулъ онъ предъ княземъ картину всѣхъ бывшихъ собственныхъ отношеній князя къ Настасьѣ Филипповнѣ. Евгеній Павловичъ и всегда владѣлъ даромъ слова, теперь же достигъ даже краснорѣчія. «Съ самаго начала, — провозгласилъ онъ, — началось у васъ ложью; что̀ ложью началось, то ложью и должно было кончиться; это законъ природы. Я не согласенъ, и даже въ негодованіи, когда васъ, — ну тамъ кто-нибудь, — называютъ идіотомъ; вы слишкомъ умны

для такого названія; но вы и настолько странны, чтобы не быть какъ всѣ люди, согласитесь сами. Я рѣшилъ, что фундаментъ всего происшедшаго составился, во-первыхъ, изъ вашей, такъ сказать, врожденной неопытности (замѣтьте, князь, это слово: «врожденной»), потомъ изъ необычайнаго вашего простодушія; далѣе, изъ феноменальнаго отсутствія чувства мѣры (въ чемъ вы нѣсколько разъ уже сознавались сами) — и, наконецъ, изъ огромной, наплывной массы головныхъ убѣжденій, которыя вы, со всею необычайною честностью вашею, принимаете до сихъ поръ за убѣжденія истинныя, природныя и непосредственныя! Согласитесь сами, князь, что въ ваши отношенія къ Настасьѣ Филипповнѣ съ самаго начала легло нѣчто *условно-демократическое* (я выражаюсь для краткости), такъ сказать, обаяніе «женскаго вопроса» (чтобы выразиться еще короче). Я вѣдь въ точности знаю всю эту странную скандальную сцену, происшедшую у Настасьи Филипповны, когда Рогожинъ принесъ свои деньги. Хотите, я разберу вамъ васъ самихъ какъ по пальцамъ, покажу вамъ васъ же самого какъ въ зеркалѣ, до такой точности я знаю, въ чемъ было дѣло, и почему оно такъ обернулось! Вы, юноша, жаждали въ Швейцаріи родины, стремились въ Россію какъ въ страну невѣдомую, но обѣтованную; прочли много книгъ о Россіи, книгъ, можетъ быть, превосходныхъ, но для васъ вредныхъ; явились съ первымъ пыломъ жажды дѣятельности, такъ сказать, набросились на дѣятельность! И вотъ, въ тотъ же день вамъ передаютъ грустную и подымающую сердце исторію объ обиженной женщинѣ, передаютъ вамъ, то-есть рыцарю, дѣвственнику — и о женщинѣ! Въ тотъ же день вы видите эту женщину; вы околдованы ея красотой, фантастическою, демоническою красотой (я вѣдь согласенъ, что она красавица). Прибавьте нервы, прибавьте вашу падучую, прибавьте нашу петербургскую, потрясающую

нервы оттепель; прибавьте весь этотъ день, въ незнакомомъ и почти фантастическомъ для васъ городѣ, день встрѣчъ и сценъ, день неожиданныхъ знакомствъ, день самой неожиданной дѣйствительности, день трехъ красавицъ Епанчиныхъ и въ ихъ числѣ Аглаи, прибавьте усталость, головокруженіе; прибавьте гостиную Настасьи Филипповны и тонъ этой гостиной, и... чего же вы могли ожидать отъ себя самого въ ту минуту, какъ вы думаете?

— Да, да; да, да, — качалъ головою князь, начиная краснѣть, — да, это почти что вѣдь такъ; и знаете, я дѣйствительно почти всю ночь наканунѣ не спалъ, въ вагонѣ, и всю запрошлую ночь, и очень былъ разстроенъ...

— Ну да, конечно, къ чему же я и клоню? — продолжалъ горячась Евгеній Павловичъ, — ясное дѣло, что вы, такъ сказать, въ упоеніи восторга, набросились на возможность заявить публично великодушную мысль, что вы, родовой князь и чистый человѣкъ, не считаете безчестною женщину, опозоренною не по ея винѣ, а по винѣ отвратительнаго великосвѣтскаго развратника. О, Господи, да вѣдь это понятно! Но не въ томъ дѣло, милый князь, а въ томъ, была ли тутъ правда, была ли истина въ вашемъ чувствѣ, была ли натура, или одинъ только головной восторгъ? Какъ вы думаете: во храмѣ прощена была женщина, такая же женщина, но вѣдь не сказано же ей было, что она хорошо дѣлаетъ, достойна всякихъ почестей и уваженія? Развѣ не подсказалъ вамъ самимъ здравый смыслъ, чрезъ три мѣсяца, въ чемъ было дѣло? Да пусть она теперь невинна, — я настаивать не буду, потому что не хочу, — но развѣ всѣ ея приключенія могутъ оправдать такую невыносимую, бѣсовскую гордость ея, такой наглый, такой алчный ея эгоизмъ? Простите, князь, я увлекаюсь, но...

— Да, все это можетъ быть; можетъ быть, вы

и правы... — забормоталъ опять князь; — она дѣйствительно очень раздражена, и вы правы, конечно, но...

— Состраданія достойна? Это хотите вы сказать, добрый мой князь? Но ради состраданія и ради ея удовольствія, развѣ можно было опозорить другую, высокую и чистую дѣвушку, унизить его въ *тѣхъ* надменныхъ, въ тѣхъ ненавистныхъ глазахъ? Да до чего же послѣ того будетъ доходить состраданіе? Вѣдь это невѣроятное преувеличеніе! Да развѣ можно, любя дѣвушку, такъ унизить ее предъ ея же соперницей, бросить ее для другой, въ глазахъ той же другой, послѣ того, какъ уже сами сдѣлали ей честное предложеніе... а вѣдь вы сдѣлали ей предложеніе, вы высказали ей это при родителяхъ и при сестрахъ! Послѣ этого честный ли вы человѣкъ, князь, позвольте васъ спросить? И... и развѣ вы не обманули божественную дѣвушку, увѣривъ, что любили ее?

— Да, да, вы правы, ахъ, я чувствую, что я виноватъ! — проговорилъ князь въ невыразимой тоскѣ.

— Да развѣ этого довольно? — вскричалъ Евгеній Павловичъ въ негодованіи, — развѣ достаточно только вскричать: «ахъ, я виноватъ!» Виноваты, а сами упорствуете! И гдѣ у васъ сердце было тогда, ваше «христіанское»-то сердце! Вѣдь вы видѣли же ея лицо въ ту минуту: что она, меньше ли страдала чѣмъ *та*, чѣмъ *ваша* другая, разлучница? Какъ же вы видѣли и допустили? Какъ?

— Да... вѣдь я и не допускалъ... — пробормоталъ несчастный князь.

— Какъ не допускали?

— Я, ей-Богу, ничего не допускалъ. Я до сихъ поръ не понимаю, какъ все это сдѣлалось... я — я побѣжалъ тогда за Аглаей Ивановной, а Настасья Филипповна упала въ обморокъ; а потомъ меня все не пускаютъ до сихъ поръ къ Аглаѣ Ивановнѣ.

— Все равно! Вы должны были бѣжать за Аглаей, хотя бы другая и въ обморокѣ лежала!

— Да... да, я долженъ былъ... она вѣдь умерла бы! Она бы убила себя, вы ея не знаете, и... все равно, я бы все разсказалъ потомъ Аглаѣ Ивановнѣ и... Видите, Евгеній Павловичъ, я вижу, что вы, кажется, всего не знаете. Скажите, зачѣмъ меня не пускаютъ къ Аглаѣ Ивановнѣ? Я бы ей все объяснилъ. Видите: обѣ онѣ говорили тогда не про то, совсѣмъ не про то, потому такъ у нихъ и вышло... Я никакъ не могу вамъ этого объяснить; но я, можетъ быть, и объяснилъ бы Аглаѣ... Ахъ, Боже мой, Боже мой! Вы говорите про ея лицо въ ту минуту, какъ она тогда выбѣжала... о, Боже мой, я помню!.. Пойдемте, пойдемте! — потащилъ онъ вдругъ за рукавъ Евгенія Павловича, торопливо вскакивая съ мѣста.

— Куда?

— Пойдемте къ Аглаѣ Ивановнѣ, пойдемте сейчасъ!..

— Да вѣдь ея же въ Павловскѣ нѣтъ, я говорилъ, и зачѣмъ идти?

— Она пойметъ, она пойметъ! — бормоталъ князь, складывая въ мольбѣ свои руки, — она пойметъ, что все это не *то*, а совершенно, совершенно другое!

— Какъ совершенно другое? Вѣдь вотъ вы все-таки женитесь? Стало быть, упорствуете... Женитесь вы или нѣтъ?

— Ну да... женюсь; да, женюсь!

— Такъ какъ же не то?

— О, нѣтъ, не то, не то! Это, это все равно что я женюсь, это ничего!

— Какъ все равно и ничего? Не пустяки же вѣдь и это? Вы женитесь на любимой женщинѣ, чтобы составить ея счастье, а Аглая Ивановна это видитъ и знаетъ, такъ какъ же все равно?

— Счастье? О, нѣтъ! Я такъ только просто же-

нюсь; она хочетъ; да и что въ томъ, что я женюсь: я... Ну, да это все равно! Только она непремѣнно умерла бы. Я вижу теперь, что этотъ бракъ съ Рогожинымъ былъ сумасшествіе! Я теперь все понялъ, чего прежде не понималъ, и видите: когда онѣ обѣ стояли тогда одна противъ другой, то я тогда лица Настасьи Филипповны не могъ вынести... Вы не знаете, Евгеній Павловичъ (понизилъ онъ голосъ таинственно), я этого никому не говорилъ, никогда, даже Аглаѣ, но я не могу лица Настасьи Филипповны выносить... Вы давеча правду говорили про этотъ тогдашній вечеръ у Настасьи Филипповны; но тутъ было еще одно, что вы пропустили, потому что не знаете: я смотрѣлъ на *ея лицо!* Я еще утромъ, на портретѣ, не могъ его вынести... Вотъ у Вѣры, у Лебедевой, совсѣмъ другіе глаза; я... я боюсь ея лица! — прибавилъ онъ съ чрезвычайнымъ страхомъ.

— Боитесь?

— Да; она — сумасшедшая! — прошепталъ онъ, блѣднѣя.

— Въ навѣрно это знаете? — спросилъ Евгеній Павловичъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ.

— Да, навѣрно; теперь уже навѣрно; теперь, въ эти дни, совсѣмъ уже навѣрно узналъ!

— Что же вы надъ собой дѣлаете? — въ испугѣ вскричалъ Евгеній Павловичъ, — стало быть, вы женитесь съ какого-то страху? Тутъ понять ничего нельзя... Даже и не любя, можетъ быть?

— О, нѣтъ, я люблю ее всей душой! Вѣдь это... дитя; теперь она дитя, совсѣмъ дитя! О, вы ничего не знаете!

— И въ то же время увѣряли въ своей любви Аглаю Ивановну?

— О, да, да!

— Какъ же? Стало быть, обѣихъ хотите любить?

— О, да, да!

— Помилуйте, князь, что вы говорите, опомнитесь!

— Я безъ Аглаи... я непремѣнно долженъ ее видѣть! Я... я скоро умру во снѣ; я думалъ, что я нынѣшнюю ночь умру во снѣ. О, если бъ Аглая знала, знала бы все ... то-есть непремѣнно все. Потому что тутъ надо знать все, это первое дѣло! Почему мы никогда не можемъ *всего* узнать про другого, когда это надо, когда этотъ другой виноватъ!.. Я, впрочемъ, не знаю, что говорю, я запутался; вы ужасно поразили меня... И неужели у ней и теперь такое лицо, какъ тогда, когда она выбѣжала? О, да, я виноватъ! Вѣроятнѣе всего, что я во всемъ виноватъ! Я еще не знаю въ чемъ именно, но я виноватъ... Тутъ есть что-то такое, чего я не могу вамъ объяснить, Евгеній Павловичъ, и словъ не имѣю, но... Аглая Ивановна пойметъ! О, я всегда вѣрилъ, что она пойметъ.

— Нѣтъ, князь, не пойметъ! Аглая Ивановна любила, какъ женщина, какъ человѣкъ, а не какъ... отвлеченный духъ. Знаете ли что, бѣдный мой князь: вѣрнѣе всего что вы ни ту, ни другую никогда не любили!

— Я не знаю... можетъ быть, можетъ быть; вы во многомъ правы, Евгеній Павловичъ. Вы чрезвычайно умны, Евгеній Павловичъ; ахъ, у меня голова начинаетъ опять болѣть, пойдемте къ ней! Ради Бога, ради Бога!

— Да говорю же вамъ, что ея въ Павловскѣ нѣтъ, она въ Колминѣ.

— Поѣдемте въ Колмино, поѣдемте сейчасъ!

— Это не-воз-можно! — протянулъ Евгеній Павловичъ, вставая.

— Послушайте, я напишу письмо; отвезите письмо!

— Нѣтъ, князь, нѣтъ! Избавьте отъ такихъ порученій, не могу!

Они разстались. Евгеній Павловичъ ушелъ съ убѣжденіями странными: и по его мнѣнію выходило, что князь нѣсколько не въ своемъ умѣ. И что такое значитъ это *лицо*, котораго онъ боится, и которое такъ любитъ! И въ то же время вѣдь онъ дѣйствительно, можетъ быть, умретъ безъ Аглаи, такъ что, можетъ быть, Аглая никогда и не узнаетъ, что онъ ее до такой степени любитъ! Ха! ха! И какъ это любить двухъ? Двумя разными любвями какими-нибудь? Это интересно... бѣдный идіотъ! И что съ нимъ будетъ теперь?

X

Князь однакоже не умеръ до своей свадьбы, ни на яву, ни «во снѣ», какъ предсказалъ Евгенію Павловичу. Можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ спалъ не хорошо и видѣлъ дурные сны; но днемъ, съ людьми, казался добрымъ и даже довольнымъ, иногда только очень задумчивымъ, но это когда бывалъ одинъ. Со свадьбой спѣшили; она пришлась около недѣли спустя послѣ посѣщенія Евгенія Павловича. При такой поспѣшности, даже самые лучшіе друзья князя, если бъ онъ имѣлъ таковыхъ, должны были бы разочароваться въ своихъ усиліяхъ «спасти» несчастнаго сумасброда. Ходили слухи, будто въ визитѣ Евгенія Павловича были отчасти виновны генералъ Иванъ Ѳедоровичъ и супруга его, Лизавета Прокофьевна. Но если бъ они оба, по безмѣрной добротѣ своего сердца, и могли пожелать спасти жалкаго безумца отъ бездны, то, конечно, должны были ограничиться только одною этою слабою попыткой; ни положеніе ихъ, ни даже, можетъ быть, сердечное расположеніе (что натурально) не могли соотвѣтствовать болѣе серьезнымъ усиліямъ. Мы упоминали, что даже и окружавшіе князя отчасти возстали противъ него. Вѣра Лебедева, впрочемъ,

ограничилась одними слезами наединѣ, да еще тѣмъ, что больше сидѣла у себя дома и меньше заглядывала къ князю, чѣмъ прежде. Коля въ это время хоронилъ своего отца; старикъ умеръ отъ второго удара, дней восемь спустя послѣ перваго. Князь принялъ большое участіе въ горѣ семейства и въ первые дни по нѣсколько часовъ проводилъ у Нины Александровны; былъ на похоронахъ и въ церкви. Многіе замѣтили, что публика, бывшая въ церкви, съ невольнымъ шопотомъ встрѣчала и провожала князя; тоже бывало и на улицахъ, и въ саду; когда онъ проходилъ или проѣзжалъ, раздавался говоръ, называли его, указывали, слышалось имя Настасьи Филипповны. Ее искали и на похоронахъ, но на похоронахъ ея не было. Не было на похоронахъ и капитанши, которую успѣлъ таки остановить и сократить во-время Лебедевъ. Отпѣваніе произвело на князя впечатлѣніе сильное и болѣзненное; онъ шепнулъ Лебедеву еще въ церкви, въ отвѣтъ на какой-то его вопросъ, что въ первый разъ присутствуетъ при православномъ отпѣваніи и только въ дѣтствѣ помнитъ еще другое отпѣваніе въ какой-то деревенской церкви.

— Да-съ, точно вѣдь и не тотъ самый человѣкъ лежитъ, во гробѣ-то-съ, котораго мы еще такъ недавно къ себѣ предсѣдателемъ посадили, помните-съ? — шепнулъ Лебедевъ князю: — кого ищете-съ?

— Такъ, ничего, мнѣ показалось...

— Не Рогожина?

— Развѣ онъ здѣсь?

— Въ церкви-съ.

— То-то мнѣ какъ будто его глаза показались, — пробормоталъ князь въ смущеніи, — да что жъ... Зачѣмъ онъ? Приглашенъ?

— И не думали-съ. Онъ вѣдь и незнакомый совсѣмъ-съ. Здѣсь вѣдь всякіе-съ, публика-съ. Да чего вы такъ изумились? Я его теперь часто встрѣчаю;

раза четыре уже въ послѣднюю недѣлю здѣсь встрѣчалъ, въ Павловскѣ.

— Я его ни разу еще не видалъ... съ того времени, — пробормоталъ князь.

Такъ какъ Настасья Филипповна тоже ни разу еще не сообщала ему о томъ, что встрѣчала «съ тѣхъ поръ» Рогожина, то князь и заключилъ теперь, что Рогожинъ нарочно почему-нибудь на глаза не кажется. Весь этотъ день онъ былъ въ сильной задумчивости; Настасья же Филипповна была необыкновенно весела весь тотъ день и въ тотъ вечеръ.

Коля, помирившійся съ княземъ еще до смерти отца, предложилъ ему пригласить въ шафера (такъ какъ дѣло было насущное и неотлагательное) Келлера и Бурдовскаго. Онъ ручался за Келлера, что тотъ будетъ вести себя прилично, а можетъ быть, и «пригодится», а про Бурдовскаго и говорить было нечего, человѣкъ тихій и скромный. Нина Александровна и Лебедевъ замѣчали князю, что если ужъ рѣшена свадьба, то, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ въ Павловскѣ, да еще въ дачный, въ модный сезонъ, зачѣмъ такъ публично? Не лучше ли въ Петербургѣ, и даже на дому? Князю слишкомъ ясно было, къ чему клонились всѣ эти страхи; но онъ отвѣтилъ коротко и просто, что таково непремѣнное желаніе Настасьи Филипповны.

Назавтра явился къ князю и Келлеръ, повѣщенный о томъ, что онъ шаферъ. Прежде чѣмъ войти, онъ остановился въ дверяхъ и, какъ только увидѣлъ князя, поднялъ кверху правую руку съ разогнутымъ указательнымъ пальцемъ и прокричалъ въ видѣ клятвы:

— Не пью!

Затѣмъ подошелъ къ князю, крѣпко сжалъ и потрясъ ему обѣ руки и объявилъ, что, конечно, онъ въ началѣ, какъ услышалъ, былъ врагъ, что и провозгласилъ за бильярдомъ, и не почему другому, какъ потому, что прочилъ за князя и ежедневно, съ нетерпѣніемъ

друга, ждалъ видѣть за нимъ не иначе какъ принцессу де-Роганъ, или, по крайней мѣрѣ, де-Шабо; но теперь видитъ самъ, что князь мыслитъ, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцать разъ благороднѣе, чѣмъ всѣ они «вмѣстѣ взятые!» Ибо ему нужны не блескъ, не богатство и даже не почесть, а только — истина! Симпатіи высокихъ особъ слишкомъ извѣстны, а князь слишкомъ высокъ своимъ образованіемъ, чтобы не быть высокою особой, говоря вообще! «Но сволочь и всякая шушера судятъ иначе; въ городѣ, въ домахъ, въ собраніяхъ, на дачахъ, на музыкѣ, въ распивочныхъ, за бильярдами, только и толку, только и крику, что о предстоящемъ событіи. Слышалъ, что хотятъ даже шаривари устроить подъ окнами, и это, такъ сказать, въ первую ночь! Если вамъ нуженъ, князь, пистолетъ честнаго человѣка, то съ полдюжины благородныхъ выстрѣловъ готовъ обмѣнять, прежде еще чѣмъ вы подниметесь на другое утро съ медоваго ложа». Совѣтовалъ тоже, въ опасеніи большого прилива жаждущихъ, по выходѣ изъ церкви, пожарную трубу на дворѣ приготовить, но Лебедевъ воспротивился: «домъ, говоритъ, на щепки разнесутъ, въ случаѣ пожарной-то трубы».

— Этотъ Лебедевъ интригуетъ противъ васъ, князь, ей-Богу! Они хотятъ васъ подъ казенную опеку взять, можете вы себѣ это представить, со всѣмъ, со свободною волей и съ деньгами, то-есть съ двумя предметами, отличающими каждаго изъ насъ отъ четвероногаго! Слышалъ, доподлинно слышалъ! Одна правда истинная!

Князь припомнилъ, что какъ будто и самъ онъ что-то въ этомъ родѣ уже слышалъ, но, разумѣется, не обратилъ вниманія. Онъ и теперь только разсмѣялся и тутъ же опять забылъ. Лебедевъ дѣйствительно нѣкоторое время хлопоталъ; расчеты этого человѣка всегда зарождались какъ бы по вдохновенію и отъ излишняго жару усложнялись, развѣтвлялись и удаля-

лись отъ первоначальнаго пункта во всѣ стороны; вотъ почему ему мало что и удавалось въ его жизни. Когда онъ пришелъ потомъ, почти уже въ день свадьбы, къ князю каяться (у него была непремѣнная привычка приходить всегда каяться къ тѣмъ, противъ кого онъ интриговалъ, и особенно если не удавалось), то объявилъ ему, что онъ рожденъ Талейраномъ и неизвѣстно какимъ образомъ остался лишь Лебедевымъ. Затѣмъ обнаружилъ предъ нимъ всю игру, при чемъ заинтересовалъ князя чрезвычайно. По словамъ его, онъ началъ съ того, что принялся искать покровительства высокихъ особъ, на которыхъ бы въ случаѣ надобности ему опереться, и ходилъ къ генералу Ивану Ѳедоровичу. Генералъ Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ недоумѣніи, очень желалъ добра «молодому человѣку», но объявилъ, что «при всемъ желаніи спасти, ему здѣсь дѣйствовать неприлично». Лизавета Прокофьевна ни слышать, ни видѣть его не захотѣла; Евгеній Павловичъ и князь Щ. только руками отмахивались. Но онъ, Лебедевъ, духомъ не упалъ и совѣтовался съ однимъ тонкимъ юристомъ, почтеннымъ старичкомъ, большимъ ему пріятелемъ и почти благодѣтелемъ; тотъ заключилъ, что это дѣло совершенно возможное, лишь бы были свидѣтели компетентные умственнаго разстройства и совершеннаго помѣшательства, да при этомъ, главное, покровительство высокихъ особъ. Лебедевъ не унылъ и тутъ, и однажды привелъ къ князю даже доктора, тоже почтеннаго старичка, дачника, съ Анной на шеѣ, единственно для того, чтобъ осмотрѣть, такъ сказать, самую мѣстность, ознакомиться съ княземъ и покамѣстъ не офиціально, а, такъ сказать, дружески сообщить о немъ свое заключеніе. Князь помнилъ это посѣщеніе къ нему доктора; онъ помнилъ, что Лебедевъ еще наканунѣ приставалъ къ нему, что онъ нездоровъ, и когда князь рѣшительно отказался отъ медицины, то вдругъ явился съ докторомъ, подъ предлогомъ, что сей-

часъ они оба отъ господина Терентьева, которому очень худо, и что докторъ имѣетъ кое-что сообщить о больномъ князю. Князь похвалилъ Лебедева и принялъ доктора съ чрезвычайнымъ радушіемъ. Тотчасъ же разговорились о больномъ Ипполитѣ; докторъ попросилъ разсказать подробнѣе тогдашнюю сцену самоубійства, и князь совершенно увлекъ его своимъ разсказомъ и объясненіемъ событія. Заговорили о петербургскомъ климатѣ, о болѣзни самого князя, о Швейцаріи, о Шнейдерѣ. Изложеніемъ системы лѣченія Шнейдера и разсказами князь до того заинтересовалъ доктора, что тотъ просидѣлъ два часа; при этомъ курилъ превосходныя сигары князя, а со стороны Лебедева явилась превкусная наливка, которую принесла Вѣра, причемъ докторъ, женатый и семейный человѣкъ, пустился передъ Вѣрой въ особые комплименты, чѣмъ и возбудилъ въ ней глубокое негодованіе. Разстались друзьями. Выйдя отъ князя, докторъ сообщилъ Лебедеву, что если все такихъ брать въ опеку, такъ кого же бы приходилось дѣлать опекунами? На трагическое же изложеніе, со стороны Лебедева, предстоящаго въ скорости событія, докторъ лукаво и коварно качалъ головой и, наконецъ, замѣтилъ, что не говоря уже о томъ «мало ли кто на комъ женится», обольстительная особа, сколько онъ, по крайней мѣрѣ, слышалъ, кромѣ непомѣрной красоты, что̀ уже одно можетъ увлечь человѣка съ состояніемъ, обладаетъ и капиталами отъ Тоцкаго и отъ Рогожина, жемчугами и брильянтами, шалями и мебелями, а потому предстоящій выборъ не только не выражаетъ со стороны дорогого князя, такъ сказать, особенной, бьющей въ очи глупости, но даже свидѣтельствуетъ о хитрости тонкаго свѣтскаго ума и расчета, а стало быть, способствуетъ къ заключенію противоположному и для князя совершенно пріятному...» Эта мысль поразила и Лебедева; съ тѣмъ онъ и остался, и теперь, прибавилъ онъ князю: «теперь кромѣ пре-

данности и пролитія крови ничего отъ меня не увидите; съ тѣмъ и явился».

Развлекалъ въ эти послѣдніе дни князя и Ипполитъ; онъ слишкомъ часто присылалъ за нимъ. Они жили недалеко, въ маленькомъ домикѣ; маленькія дѣти, братъ и сестра Ипполита, были, по крайней мѣрѣ, тѣмъ рады дачѣ, что спасались отъ больного въ садъ; бѣдная же капитанша оставалась во всей его волѣ и вполнѣ его жертвой; князь долженъ былъ ихъ дѣлить и мирить ежедневно, и больной продолжалъ называть его своею «нянькой», въ то же время какъ бы не смѣя и не презирать его за его роль примирителя. Онъ былъ въ чрезвычайной претензіи на Колю за то, что тотъ почти не ходилъ къ нему, оставаясь сперва съ умиравшимъ отцомъ, а потомъ съ овдовѣвшею матерью. Наконецъ, онъ поставилъ цѣлью своихъ насмѣшекъ ближайшій бракъ князя съ Настасьей Филипповной и кончилъ тѣмъ, что оскорбилъ князя и вывелъ его, наконецъ, изъ себя: тотъ пересталъ посѣщать его. Черезъ два дня приплелась поутру капитанша и въ слезахъ просила князя пожаловать къ нимъ, не то *тотъ* ее сгложетъ. Она прибавила, что онъ желаетъ открыть большой секретъ. Князь пошелъ. Ипполитъ желалъ помириться, заплакалъ и послѣ слезъ, разумѣется, еще пуще озлобился, но только трусилъ выказать злобу. Онъ былъ очень плохъ, и по всему было видно, что теперь уже умретъ скоро. Секрета не было никакого, кромѣ однихъ чрезвычайныхъ, такъ сказать, задыхающихся отъ волненія (можетъ быть, выдѣланнаго) просьбъ «беречься Рогожина». «Это человѣкъ такой, который своего не уступитъ; это, князь, не намъ съ вами чета: этотъ если захочетъ, то ужъ не дрогнетъ...» и пр., и пр. Князь сталъ разспрашивать подробнѣе, желалъ добиться какихъ-нибудь фактовъ; но фактовъ не было никакихъ, кромѣ личныхъ ощущеній и впечатлѣній Ипполита. Къ чрезвычайному удовлетворенію сво-

ему, Ипполитъ кончилъ тѣмъ, что напугалъ, наконецъ, князя ужасно. Сначала князь не хотѣлъ отвѣчать на нѣкоторые особенные его вопросы и только улыбался на совѣты: «бѣжать даже хоть за границу; русскіе священники есть вездѣ, и тамъ обвѣнчаться можно». Но, наконецъ, Ипполитъ кончилъ слѣдующею мыслью: «я вѣдь боюсь лишь за Аглаю Ивановну: Рогожинъ знаетъ, какъ вы ее любите; любовь за любовь; вы у него отняли Настасью Филипповну, онъ убьетъ Аглаю Ивановну; хоть она теперь и не ваша, а все-таки вамъ тяжело будетъ, не правда ли?» Онъ достигъ цѣли; князь ушелъ отъ него самъ не свой.

Эти предостереженія о Рогожинѣ пришлись уже наканунѣ свадьбы. Въ этотъ же вечеръ, въ послѣдній разъ предъ вѣнцомъ, видѣлся князь и съ Настасьей Филипповной; но Настасья Филипповна не въ состояніи была успокоить его, и даже напротивъ, въ послѣднее время все болѣе и болѣе усиливала его смущеніе. Прежде, то-есть нѣсколько дней назадъ, она, при свиданіяхъ съ нимъ, употребляла всѣ усилія, чтобы развеселить его, боялась ужасно его грустнаго вида: пробовала даже пѣть ему: всего же чаще разсказывала ему все, что могла запомнить смѣшного. Князь всегда почти дѣлалъ видъ, что очень смѣется, а иногда и въ самомъ дѣлѣ смѣялся блестящему уму и свѣтлому чувству, съ которымъ она иногда разсказывала, когда увлекалась, а она увлекалась часто. Видя же смѣхъ князя, видя произведенное на него впечатлѣніе, она приходила въ восторгъ и начинала гордиться собой. Но теперь грусть и задумчивость ея возрастали почти съ каждымъ часомъ. Мнѣнія его о Настасьѣ Филипповнѣ были установлены, не то, разумѣется, все въ ней показалось бы ему теперь загадочнымъ и непонятнымъ. Но онъ искренно вѣрилъ, что она можетъ еще воскреснуть. Онъ совершенно справедливо сказалъ Евгенію Павловичу, что искренно и вполнѣ ее любитъ, и въ люб-

ви его къ ней заключалось дѣйствительно какъ бы влеченіе къ какому-то жалкому и больному ребенку, котораго трудно и даже невозможно оставить на свою волю. Онъ не объяснялъ никому своихъ чувствъ къ ней и даже не любилъ говорить объ этомъ, если и нельзя было миновать разговора; съ самою же Настасьей Филипповной они никогда, сидя вмѣстѣ, не разсуждали «о чувствѣ», точно оба слово себѣ такое дали. Въ ихъ обыкновенномъ, веселомъ и оживленномъ разговорѣ могъ всякій участвовать. Дарья Алексѣевна разсказывала потомъ, что все это время только любовалась и радовалась, на нихъ глядя.

Но этотъ же взглядъ его на душевное и умственное состояніе Настасьи Филипповны избавлялъ его отчасти и отъ многихъ другихъ недоумѣній. Теперь это была совершенно иная женщина, чѣмъ та, какую онъ зналъ мѣсяца три назадъ. Онъ уже не задумывался теперь, напримѣръ, почему она тогда бѣжала отъ брака съ нимъ, со слезами, съ проклятіями и упреками, а теперь настаиваетъ сама скорѣе на свадьбѣ? «Стало быть, ужъ не боится, какъ тогда, что бракомъ съ нимъ составитъ его несчастье», думалъ князь. Такая быстро возродившаяся увѣренность въ себѣ, на его взглядъ, не могла быть въ ней натуральною. Не изъ одной же ненависти къ Аглаѣ, опять-таки, могла произойти эта увѣренность: Настасья Филипповна нѣсколько глубже умѣла чувствовать. Не изъ страху же передъ участью съ Рогожинымъ? Однимъ словомъ, тутъ могли имѣть участіе и всѣ эти причины вмѣстѣ съ прочимъ; но для него было яснѣе всего, что тутъ именно то, что онъ подозрѣваетъ уже давно, и что бѣдная, больная душа не вынесла. Все это, хоть и избавляло, въ своемъ родѣ, отъ недоумѣній, не могло дать ему ни спокойствія, ни отдыха во все это время. Иногда онъ какъ бы старался ни о чемъ не думать; на бракъ онъ, кажется, и въ самомъ дѣлѣ смотрѣлъ какъ бы на какую-то не-

важную формальность; свою собственную судьбу онъ слишкомъ дешево цѣнилъ. Что же касается до возраженій, до разговоровъ, въ родѣ разговора съ Евгеніемъ Павловичемъ, то тутъ онъ рѣшительно бы не могъ отвѣтить и чувствовалъ себя вполнѣ некомпетентнымъ, а потому и удалялся отъ всякаго разговора въ этомъ родѣ.

Онъ, впрочемъ, замѣтилъ, что Настасья Филипповна слишкомъ хорошо знала и понимала, что значила для него Аглая. Она только не говорила, но онъ видѣлъ ея «лицо» въ то время, когда она заставала его иногда, еще въ началѣ, собирающимся къ Епанчинымъ. Когда выѣхали Епанчины, она точно просіяла. Какъ ни былъ онъ незамѣтливъ и недогадливъ, но его стала было безпокоить мысль, что Настасья Филипповна рѣшится на какой-нибудь скандалъ, чтобы выжить Аглаю изъ Павловска. Шумъ и грохотъ по всѣмъ дачамъ о свадьбѣ былъ, конечно, отчасти поддержанъ Настасьей Филипповной для того, чтобы раздражить соперницу. Такъ какъ Епанчиныхъ трудно было встрѣтить, то Настасья Филипповна, посадивъ однажды въ свою коляску князя, распорядилась проѣхать съ нимъ мимо самыхъ оконъ ихъ дачи. Это было для князя ужаснымъ сюрпризомъ; онъ спохватился, по своему обыкновенію, когда уже нельзя было поправить дѣла, и когда коляска уже проѣзжала мимо самыхъ оконъ. Онъ не сказалъ ничего, но послѣ этого былъ два дня сряду боленъ; Настасья Филипповна уже не повторяла болѣе опыта. Въ послѣдніе дни предъ свадьбой она сильно стала задумываться; она кончала всегда тѣмъ, что побѣждала свою грусть и становилась опять весела, но какъ-то тише, не такъ шумно, не такъ счастливо весела, какъ прежде, еще такъ недавно. Князь удвоилъ свое вниманіе. Любопытно было ему, что она никогда не заговаривала съ нимъ о Рогожинѣ. Только разъ, дней за пять до свадьбы, къ нему вдругъ прислали отъ Дарьи Але-

ксѣевны, чтобъ онъ шелъ немедля, потому что съ Настасьей Филипповной очень дурно. Онъ нашелъ ее въ состояніи, похожемъ на совершенное помѣшательство: она вскрикивала, дрожала, кричала, что Рогожинъ спрятанъ въ саду, у нихъ же въ домѣ, что она его сейчасъ видѣла, что онъ ее убьетъ ночью . . . зарѣжетъ! Цѣлый день она не могла успокоиться. Но въ тотъ же вечеръ, когда князь на минуту зашелъ къ Ипполиту, капитанша, только что возвратившаяся изъ города, куда ѣздила по какимъ-то своимъ дѣлишкамъ, разсказала, что къ ней въ Петербургѣ заходилъ сегодня на квартиру Рогожинъ и разспрашивалъ о Павловскѣ. На вопросъ князя: когда именно заходилъ Рогожинъ, капитанша назвала почти тотъ самый часъ, въ который видѣла будто бы его сегодня, въ своемъ саду, Настасья Филипповна. Дѣло объяснялось простымъ миражемъ; Настасья Филипповна сама ходила къ капитаншѣ подробнѣе справиться и была чрезвычайно утѣшена.

Накануиѣ свадьбы князь оставилъ Настасью Филипповну въ большомъ одушевленіи: изъ Петербурга прибыли отъ модистки завтрашніе наряды, вѣнчальное платье, головной уборъ и прочее, и прочее. Князь и не ожидалъ, что она будетъ до такой степени возбуждена нарядами; самъ онъ все хвалилъ, и отъ похвалъ его она становилась еще счастливѣе. Но она проговорилась: она уже слышала, что въ городѣ негодованіе, и что дѣйствительно устраивается какими-то повѣсами шаривари, съ музыкой и чуть ли не со стихами, нарочно сочиненными, и что все это чуть ли не одобряется и остальнымъ обществомъ. И вотъ ей именно захотѣлось теперь еще больше поднять предъ ними голову, затмить всѣхъ вкусомъ и богатствомъ своего наряда, — «пусть же кричатъ, пусть свистятъ, если осмѣлятся!» Отъ одной мысли объ этомъ у ней сверкали глаза. Была у ней еще одна тайная мечта, но вслухъ она ее не высказывала: ей мечталось, что Аглая, или,

по крайней мѣрѣ, кто-нибудь изъ посланныхъ ею, будетъ тоже въ толпѣ, инкогнито, въ церкви, будетъ смотрѣть и видѣть, и она про себя приготовлялась. Разсталась она съ княземъ вся занятая этими мыслями, часовъ въ одиннадцать вечера; но еще не пробило и полуночи, какъ прибѣжали къ князю отъ Дарьи Алексѣевны, чтобы «шелъ скорѣе, что очень худо». Князь засталъ невѣсту запертою въ спальнѣ, въ слезахъ, въ отчаяніи, въ истерикѣ; она долго ничего не слыхала, что говорили ей сквозь запертую дверь, наконецъ, отворила, впустила одного князя, заперла за нимъ дверь и пала предъ нимъ на колѣни. (Такъ, по крайней мѣрѣ, передавала потомъ Дарья Алексѣевна, успѣвшая коечто поглядѣть).

— Что я дѣлаю! Что я дѣлаю! Что я съ тобой-то дѣлаю! — восклицала она, судорожно обнимая его ноги.

Князь цѣлый часъ просидѣлъ съ нею; мы не знаемъ, про что они говорили. Дарья Алексѣевна разсказывала, что они разстались черезъ часъ примиренно и счастливо. Князь присылалъ еще разъ въ эту ночь освѣдомиться; но Настасья Филипповна уже заснула. На утро, еще до пробужденія ея, являлись еще два посланные къ Дарьѣ Алексѣевнѣ отъ князя, и уже третьему посланному поручено было передать, что «около Настасьи Филипповны теперь цѣлый рой модистокъ и парикмахеровъ изъ Петербурга, что вчерашняго и слѣду нѣтъ, что она занята, какъ только можетъ быть занята своимъ нарядомъ такая красавица предъ вѣнцомъ, и что теперь, именно въ сію минуту, идетъ чрезвычайный конгрессъ о томъ, что именно надѣть изъ брильянтовъ и какъ надѣть?» Князь успокоился совершенно.

Весь послѣдующій анекдотъ объ этой свадьбѣ разсказывался людьми знающими слѣдующимъ образомъ и, кажется, вѣрно:

Вѣнчаніе назначено было въ восемь часовъ попо-

лудни; Настасья Филипповна готова была еще въ семь. Уже съ шести часовъ начали мало-по-малу собираться толпы зѣвакъ кругомъ дачи Лебедева, но особенно у дома Дарьи Алексѣевны; съ семи часовъ начала наполняться и церковь. Вѣра Лебедева и Коля были въ ужаснѣйшемъ страхѣ за князя; у нихъ однако было много хлопотъ дома; они распоряжались въ комнатахъ князя пріемомъ и угощеніемъ. Впрочемъ, послѣ вѣнца почти и не предполагалось никакого собранія; кромѣ необходимыхъ лицъ, присутствующихъ при бракосочетаніи, приглашены были Лебедевымъ Птицыны, Ганя, докторъ съ Анной на шеѣ, Дарья Алексѣевна. Когда князь полюбопытствовалъ у Лебедева, для чего онъ вздумалъ позвать доктора, «почти вовсе незнакомаго», то Лебедевъ самодовольно отвѣчалъ: «Орденъ на шеѣ, почтенный человѣкъ-съ, для виду-съ» — и разсмѣшилъ князя. Келлеръ и Бурдовскій, во фракахъ и въ перчаткахъ, смотрѣли очень прилично; только Келлеръ все еще смущалъ немного князя и своихъ довѣрителей нѣкоторыми откровенными наклонностями къ битвѣ и смотрѣлъ на зѣвакъ, собиравшихся около дома, очень враждебно. Наконецъ, въ половинѣ восьмого, князь отправился въ церковь, въ каретѣ. Замѣтимъ кстати, что онъ самъ нарочно не хотѣлъ пропустить ни одного изъ принятыхъ обычаевъ и обыкновеній; все дѣлалось гласно, явно, открыто и «какъ слѣдуетъ». Въ церкви, пройдя кое-какъ сквозь толпу, при безпрерывномъ шопотѣ и восклицаніяхъ публики, подъ руководствомъ Келлера, бросавшаго направо и налѣво грозные взгляды, князь скрылся на время въ алтарѣ, а Келлеръ отправился за невѣстой, гдѣ у крыльца дома Дарьи Алексѣевны нашелъ толпу не только вдвое или втрое погуще, чѣмъ у князя, но даже, можетъ быть, и втрое поразвязнѣе. Подымаясь на крыльцо, онъ услышалъ такія восклицанія, что не могъ выдержать и уже совсѣмъ было обратился къ публикѣ съ намѣреніемъ

произнести надлежащую рѣчь, но, къ счастію, былъ остановленъ Бурдовскимъ и самою Дарьей Алексѣевной, выбѣжавшею съ крыльца; они подхватили и увели его силой въ комнаты. Келлеръ былъ раздраженъ и торопился. Настасья Филипповна поднялась, взглянула еще разъ въ зеркало, замѣтила, съ «кривою» улыбкой, какъ передавалъ потомъ Келлеръ, что она «блѣдна какъ мертвецъ», набожно поклонилась образу и вышла на крыльцо. Гулъ голосовъ привѣтствовалъ ея появленіе. Правда, въ первое мгновеніе послышался смѣхъ, аплодисменты, чуть не свистки; но черезъ мгновеніе же раздались и другіе голоса:

— Экая красавица! — кричали въ толпѣ.

— Не она первая, не она и послѣдняя!

— Вѣнцомъ все прикрывается, дураки!

— Нѣтъ, вы найдите-ка такую красавицу, ура! — кричали ближайшіе.

— Княгиня! За такую княгиню я бы душу продалъ! — закричалъ какой-то канцеляристъ. — «Цѣною жизни ночь мою!..»

Настасья Филипповна вышла, дѣйствительно, блѣдная, какъ платокъ; но большіе черные глаза ея сверкали на толпу какъ раскаленные угли; этого-то взгляда толпа и не вынесла; негодованіе обратилось въ восторженные крики. Уже отворились дверцы кареты, уже Келлеръ подалъ невѣстѣ руку, какъ вдругъ она вскрикнула и бросилась съ крыльца прямо въ народъ. Всѣ провожавшіе ее оцѣпенѣли отъ изумленія, толпа раздвинулась предъ нею, и въ пяти, въ шести шагахъ отъ крыльца показался вдругъ Рогожинъ. Его-то взглядъ и поймала въ толпѣ Настасья Филипповна. Она добѣжала до него, какъ безумная, и схватила его за обѣ руки:

— Спаси меня! Увези меня! Куда хочешь, сейчасъ!

Рогожинъ подхватилъ ее почти на руки и чуть

не поднесъ къ каретѣ. Затѣмъ, въ одинъ мигъ, вынулъ изъ портмоне сторублевую и протянулъ ее кучеру.

— На желѣзную дорогу, а поспѣешь къ машинѣ, такъ еще сторублевую!

И самъ прыгнулъ въ карету за Настасьей Филипповной и затворилъ дверцы. Кучеръ не сомнѣвался ни одной минуты и ударилъ по лошадямъ. Келлеръ сваливалъ потомъ на нечаянность: «еще одна секунда, и я бы нашелся, я бы не допустилъ!» объяснялъ онъ, разсказывая приключеніе. Онъ было схватилъ съ Бурдовскимъ другой экипажъ, тутъ же случившійся, и бросился было въ погоню, но раздумалъ, уже дорогой, что «во всякомъ случаѣ поздно! Силой не воротишь!»

— Да и князь не захочетъ! — рѣшилъ потрясенный Бурдовскій.

А Рогожинъ и Настасья Филипповна доскакали до станціи во̀-время. Выйдя изъ кареты Рогожинъ, почти садясь на машину, успѣлъ еще остановить одну проходившую дѣвушку въ старенькой, но приличной темной мантилькѣ и въ фуляровомъ платочкѣ, накинутомъ на голову.

— Угодно пятьдесятъ рублевъ за вашу мантилью! — протянулъ онъ вдругъ деньги дѣвушкѣ. Покамѣстъ та успѣла изумиться, пока еще собиралась понять, онъ уже всунулъ ей въ руку пятидесятирублевую, снялъ мантилью съ платкомъ и накинулъ все на плечи и на голову Настасьѣ Филипповнѣ. Слишкомъ великолѣпный нарядъ ея бросался въ глаза, остановилъ бы вниманіе въ вагонѣ, и потомъ только поняла дѣвушка для чего у нея купили, съ такимъ для нея барышомъ, ея старую, ничего не стоившую рухлядь.

Гулъ о приключеніи достигъ въ церковь съ необыкновенною быстротой. Когда Келлеръ проходилъ къ князю, множество людей, совершенно ему незнакомыхъ, бросались его разспрашивать. Шелъ громкій

говоръ, покачиванья головами, даже [illegible] никто не выходилъ изъ церкви, всѣ ждали, какъ приметъ извѣстіе женихъ. Онъ поблѣднѣлъ, но принялъ извѣстіе тихо, едва слышно проговоривъ: «я боялся; но я все-таки не думалъ, что будетъ это . . .», и потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ: «впрочемъ . . . въ ея состояніи... это совершенно въ порядкѣ вещей». Такой отзывъ уже самъ Келлеръ называлъ потомъ «безпримѣрною философіей». Князь вышелъ изъ церкви, повидимому, спокойный и бодрый; такъ, по крайней мѣрѣ, многіе замѣтили и потомъ разсказывали. Казалось, ему очень хотѣлось добраться до дому и остаться поскорѣй одному; но этого ему не дали. Вслѣдъ за нимъ вошли въ комнату нѣкоторые изъ приглашенныхъ, между прочими Птицынъ, Гаврила Ардаліоновичъ и съ ними докторъ, который тоже не располагалъ уходить. Кромѣ того, весь домъ былъ буквально осажденъ праздною публикой. Еще съ террасы услыхалъ князь, какъ Келлеръ и Лебедевъ вступили въ жестокій споръ съ нѣкоторыми, совершенно неизвѣстными, хотя на видъ и чиновными людьми, во что бы то ни стало желавшими войти на террасу. Князь подошелъ къ спорившимъ, освѣдомился въ чемъ дѣло, и, вѣжливо отстранивъ Лебедева и Келлера, деликатно обратился къ одному уже сѣдому и плотному господину, стоявшему на ступенькахъ крыльца во главѣ нѣсколькихъ другихъ желающихъ, и пригласилъ его сдѣлать честь удостоить его своимъ посѣщеніемъ. Господинъ законфузился, но однакожъ пошелъ; за нимъ другой, третій. Изъ всей толпы выискалось человѣкъ семь-восемь посѣтителей, которые и вошли, стараясь сдѣлать это какъ можно развязнѣе; но болѣе охотниковъ не оказалось, и вскорѣ, въ толпѣ же, стали осуждать выскочекъ. Вошедшихъ усадили, начался разговоръ, стали подавать чай, — все это чрезвычайно прилично, скромно, къ нѣкоторому удивленію вошедшихъ. Было, конечно, нѣсколь-

ко попытокъ подвеселить разговоръ и навести на «надлежащую» тему; произнесено было нѣсколько нескромныхъ вопросовъ, сдѣлано нѣсколько «лихихъ» замѣчаній. Князь отвѣчалъ всѣмъ такъ просто и радушно, и въ то же время съ такимъ достоинствомъ, съ такою довѣрчивостью къ порядочности своихъ гостей, что нескромные вопросы затихли сами собой. Мало-по-малу разговоръ началъ становиться почти серьезнымъ. Одинъ господинъ, привязавшись къ слову, вдругъ поклялся, въ чрезвычайномъ негодованіи, что не продастъ имѣнія, что бы тамъ ни случилось; что, напротивъ, будетъ ждать и выждетъ, и что «предпріятія лучше денегъ»; «вотъ-съ, милостивый государь, въ чемъ состоитъ моя экономическая система-съ, можете узнать-съ». Такъ какъ онъ обращался къ князю, то князь съ жаромъ похвалилъ его, несмотря на то, что Лебедевъ шепталъ ему на ухо, что у этого господина ни кола, ни двора и никогда никакого имѣнія не бывало. Прошелъ почти часъ, чай отпили, и послѣ чаю гостямъ, стало, наконецъ, совѣстно еще дольше сидѣть. Докторъ и сѣдой господинъ съ жаромъ простились съ княземъ; да и всѣ прощались съ жаромъ и съ шумомъ. Произносились пожеланія и мнѣнія, въ родѣ того, что «горевать нечего и что, можетъ быть, оно все этакъ и къ лучшему», и прочее. Были, правда, попытки спросить шампанскаго, но старшіе изъ гостей остановили младшихъ. Когда всѣ разошлись, Келлеръ нагнулся къ Лебедеву и сообщилъ ему: «мы бы съ тобой затѣяли крикъ, подрались, осрамились, притянули бы полицію; а онъ вонъ друзей себѣ пріобрѣлъ новыхъ, да еще какихъ; я ихъ знаю!» Лебедевъ, который былъ довольно «готовъ», вздохнулъ и произнесъ: «Утаилъ отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ, я это говорилъ еще и прежде про него, но теперь прибавлю, что и самого младенца Богъ сохранилъ, спасъ отъ бездны, Онъ и всѣ святые Его».

Наконецъ, около половины одиннадцатаго, князя оставили одного, у него болѣла голова; всѣхъ позже ушелъ Коля, помогшій ему перемѣнить подвѣнечное одѣяніе на домашнее платье. Они разстались горячо. Коля не распространялся о событіи, но обѣщался придти завтра пораньше. Онъ же засвидѣтельствовалъ потомъ, что князь ни о чемъ не предупредилъ его въ послѣднее прощанье, стало быть, и отъ него даже скрывалъ свои намѣренія. Скоро во всемъ домѣ почти никого не осталось: Бурдовскій ушелъ къ Ипполиту, Келлеръ и Лебедевъ куда-то отправились. Одна только Вѣра Лебедева оставалась еще нѣкоторое время въ комнатахъ, приводя ихъ наскоро изъ праздничнаго въ обыкновенный видъ. Уходя, она заглянула къ князю. Онъ сидѣлъ за столомъ, опершись на него обоими локтями и закрывъ руками голову. Она тихо подошла къ нему и тронула его за плечо; князь въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее и почти съ минуту какъ бы припоминалъ; но припомнивъ и все сообразивъ, онъ вдругъ пришелъ въ чрезвычайное волненіе. Все, впрочемъ, разрѣшилось чрезвычайною и горячею просьбой къ Вѣрѣ, чтобы завтра утромъ, съ первой машиной, въ семь часовъ, постучались къ нему въ комнату. Вѣра обѣщалась; князь началъ съ жаромъ просить ее никому объ этомъ не сообщать; она пообѣщалась и въ этомъ, и, наконецъ, когда уже совсѣмъ отворила дверь, чтобы выйти, князь остановилъ ее еще въ третій разъ, взялъ за руки, поцѣловалъ ихъ, потомъ поцѣловалъ ее самое въ лобъ и съ какимъ-то «необыкновеннымъ» видомъ выговорилъ ей: «до завтра!» Такъ, по крайней мѣрѣ, передавала потомъ Вѣра. Она ушла въ большомъ за него страхѣ. Поутру она нѣсколько ободрилась, когда въ восьмомъ часу по уговору постучалась въ его дверь и возвѣстила ему, что машина въ Петербургъ уйдетъ черезъ четверть часа; ей показалось, что онъ отворилъ ей совершенно бодрый и даже съ улыбкой. Онъ

почти не раздѣвался ночью, но однакоже спалъ. По его мнѣнію, онъ могъ возвратиться сегодня же. Выходило, стало быть, что одной ей онъ нашелъ возможнымъ и нужнымъ сообщить въ эту минуту, что отправляется въ городъ.

XI

Часъ спустя онъ уже былъ въ Петербургѣ, а въ десятомъ часу звонилъ къ Рогожину. Онъ вошелъ съ параднаго входа, и ему долго не отворяли. Наконецъ, отворилась дверь изъ квартиры старушки Рогожиной, и показалась старенькая, благообразная служанка.

— Парѳена Семеновича дома нѣтъ, — возвѣстила она изъ двери, — вамъ кого?

— Парѳена Семеновича.

— Ихъ дома нѣтъ-съ.

Служанка осматривала князя съ дикимъ любопытствомъ.

— По крайней мѣрѣ, скажите, ночевалъ ли онъ дома? И . . . одинъ ли воротился вчера?

Служанка продолжала смотрѣть, но не отвѣчала.

— Не было ли съ нимъ, вчера, здѣсь . . . ввечеру . . . Настасьи Филипповны?

— А позвольте спросить, вы кто таковъ сами изволите быть?

— Князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, мы очень хорошо знакомы.

— Ихъ нѣту дома-съ.

Служанка потупила глаза.

— А Настасьи Филипповны?

— Ничего я этого не знаю-съ.

— Постойте, постойте! Когда же воротится?

— И этого не знаемъ-съ.

Двери затворились.

Князь рѣшилъ зайти черезъ часъ. Заглянувъ во дворъ, онъ повстрѣчалъ дворника.

— Парѳенъ Семеновичъ дома?

— Дома-съ.

— Какъ же мнѣ сейчасъ сказали, что нѣтъ дома?

– У него сказали?

— Нѣтъ, служанка отъ матушки ихней, а къ Парѳену Семеновичу я звонилъ — никто не отперъ.

— Можетъ и вышелъ, — рѣшилъ дворникъ, — вѣдь не сказывается. А иной разъ и ключъ съ собой унесетъ, по три дня комнаты заперты стоятъ.

— Вчера ты навѣрно знаешь, что дома былъ?

— Былъ. Иной разъ съ парадняго хода зайдетъ, и не увидишь.

— А Настасьи Филипповны съ нимъ вчера не было ли?

— Этого не знаемъ-съ. Жаловать-то не часто изволитъ; кажись бы знамо было, кабы пожаловала.

Князь вышелъ и нѣкоторые время ходилъ въ раздумьи по тротуару. Окна комнатъ, занимаемыхъ Рогожинымъ, были всѣ заперты; окна половины, занятой его матерью, почти всѣ были отперты; день былъ ясный, жаркій, князь перешелъ черезъ улицу на противоположный тротуаръ и остановился взглянуть еще разъ на окна; не только они были заперты, но почти вездѣ были опущены бѣлыя сторы.

Онъ стоялъ съ минуту и — странно — вдругъ ему показалось, что край одной сторы приподнялся и мелькнуло лицо Рогожина, мелькнуло и исчезло въ то же мгновеніе. Онъ подождалъ еще и уже рѣшилъ было идти и звонить опять, но раздумалъ и отложилъ на часъ: «А кто знаетъ, можетъ, оно только померещилось . . .»

Главное, онъ спѣшилъ теперь въ Измайловскій полкъ, на бывшую недавно квартиру Настасьи Филипповны. Ему извѣстно было, что она, переѣхавъ, по

его просьбѣ, три недѣли назадъ изъ Павловска, поселилась въ Измайловскомъ полку у одной бывшей своей доброй знакомой, вдовы учительши, семейной и почтенной дамы, которая отдавала отъ себя хорошую меблированную квартиру, чѣмъ почти и жила. Вѣроятнѣе всего, что Настасья Филипповна, переселяясь опять въ Павловскъ, оставила квартиру за собой; по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что она ночевала на этой квартирѣ, куда, конечно, доставилъ ее вчера Рогожинъ. Князь взялъ извозчика. Дорогой ему пришло въ голову, что отсюда и слѣдовало бы начать, потому что невѣроятно, чтобъ она пріѣхала прямо ночью къ Рогожину. Тутъ припомнились ему и слова дворника, что Настасья Филипповна не часто изволила жаловать. Если и безъ того не часто, то съ какой стати теперь останавливаться у Рогожина? Ободряя себя этими утѣшеніями, князь пріѣхалъ, наконецъ, въ Измайловскій полкъ ни живъ, ни мертвъ.

Къ совершенному пораженію его, у учительши не только не слыхали ни вчера, ни сегодня о Настасьѣ Филипповнѣ, но на него самого выбѣжали смотрѣть, какъ на чудо. Все многочисленное семейство учительши, — все дѣвочки и погодки, начиная съ пятнадцати до семи лѣтъ — высыпало вслѣдъ за матерью и окружило его, разинувъ на него рты. За ними вышла тощая, желтая тетка ихъ, въ черномъ платкѣ, и, наконецъ, показалась бабушка семейства, старенькая старушка въ очкахъ. Учительша очень просила войти и сѣсть, что князь и исполнилъ. Онъ тотчасъ догадался, что имъ совершенно извѣстно, кто онъ такой, и что онѣ отлично знаютъ, что вчера должна была быть его свадьба, и умираютъ отъ желанія разспросить и о свадьбѣ, и о томъ чудѣ, что вотъ онъ спрашиваетъ у нихъ о той, которая должна бы быть теперь не иначе какъ съ нимъ вмѣстѣ, въ Павловскѣ, но деликатятся. Въ краткихъ чертахъ онъ удовлетворилъ ихъ

любопытство насчетъ свадьбы. Начались удивленія, ахи и вскрикиванія, такъ что онъ принужденъ былъ разсказать почти и все остальное, въ главныхъ чертахъ, разумѣется. Наконецъ, совѣтъ премудрыхъ и волновавшихся дамъ рѣшилъ, что надо непремѣнно и прежде всего достучаться къ Рогожину и узнать отъ него обо всемъ положительно. Если же его нѣтъ дома (о чемъ узнать навѣрно), или онъ не захочетъ сказать, то съѣздить въ Семеновскій полкъ, къ одной дамѣ, нѣмкѣ, знакомой Настасьи Филипповны, которая живетъ съ матерью: можетъ быть, Настасья Филипповна, въ своемъ волненіи и желая скрыться, заночевала у нихъ. Князь всталъ совершенно убитый; онѣ разсказывали потомъ, что онъ «ужасно какъ поблѣднѣлъ»; дѣйствительно, у него почти подсѣкались ноги. Наконецъ, сквозь ужасную трескотню голосовъ, онъ различилъ, что онѣ уговариваются дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ и спрашиваютъ его городской адресъ. Адреса у него не оказалось; посовѣтовали гдѣ-нибудь остановиться въ гостиницѣ. Князь подумалъ и далъ адресъ своей прежней гостиницы, той самой, гдѣ съ нимъ недѣль пять назадъ былъ припадокъ. Затѣмъ отправился опять къ Рогожину. На этотъ разъ не только не отворили у Рогожина, но не отворилась даже и дверь въ квартиру старушки. Князь сошелъ къ дворнику и насилу отыскалъ его на дворѣ; дворникъ былъ чѣмъ-то занятъ и едва отвѣчалъ, едва даже глядѣлъ, но все-таки объявилъ положительно, что Парѳенъ Семеновичъ «вышелъ съ самаго ранняго утра, уѣхалъ въ Павловскъ и домой сегодня не будетъ».

— Я подожду; можетъ, онъ къ вечеру будетъ?

— А можетъ и недѣлю не будетъ, кто его знаетъ.

— Стало быть, все-таки ночевалъ же сегодня?

— Ночевалъ-то онъ ночевалъ...

Все это было подозрительно и нечисто. Дворникъ, очень могло быть, успѣлъ въ этотъ промежутокъ по-

лучить новыя инструкціи: давеча даже былъ болтливъ, а теперь просто отворачивается. Но князь рѣшилъ еще разъ зайти часа черезъ два и даже постеречь у дома, если надо будетъ, а теперь оставалась еще надежда у нѣмки, и онъ поскакалъ въ Семеновскій полкъ.

Но у нѣмки его даже и не поняли. По нѣкоторымъ промелькнувшимъ словечкамъ онъ даже могъ догадаться, что красавица-нѣмка, недѣли двѣ тому назадъ, разссорилась съ Настасьей Филипповной, такъ что во всѣ эти дни о ней ничего не слыхала и всѣми силами давала теперь знать, что и не интересуется слышать: «хоть бы она за всѣхъ князей въ мірѣ вышла». Князь поспѣшилъ выйти. Ему пришла, между прочимъ, мысль, что она, можетъ быть, уѣхала, какъ тогда, въ Москву, а Рогожинъ, разумѣется, за ней, а можетъ, и съ ней. «По крайней мѣрѣ, хоть какіе-нибудь слѣды отыскать!» Онъ вспомнилъ однако, что ему нужно остановиться въ трактирѣ, и поспѣшилъ на Литейную; тамъ тотчасъ же отвели ему нумеръ. Коридорный освѣдомился, не желаетъ ли онъ закусить; онъ въ разсѣяньи отвѣтилъ, что желаетъ, и, спохватившись, ужасно бѣсился на себя, что закуска задержала его лишнихъ полчаса, и только потомъ догадался, что его ничто не связывало оставить поданную закуску и не закусывать. Странное ощущеніе овладѣло имъ въ этомъ тускломъ и душномъ коридорѣ, ощущеніе, мучительно стремившееся осуществиться въ какую-то мысль; но онъ все не могъ догадаться, въ чемъ состояла эта новая напрашивающаяся мысль. Онъ вышелъ, наконецъ, самъ не свой изъ трактира; голова его кружилась; но — куда однакоже ѣхать? Онъ бросился опять къ Рогожину.

Рогожинъ не возвращался; на звонъ не отпирали; онъ позвонилъ къ старушкѣ Рогожиной; отперли и тоже объявили, что Парѳена Семеновича нѣтъ и, можетъ, дня три не будетъ. Смущало князя то, что

его, попрежнему, съ такимъ дикимъ любопытствомъ осматривали. Дворника, на этотъ разъ, онъ совсѣмъ не нашелъ. Онъ вышелъ, какъ давеча, на противоположный тротуаръ, смотрѣлъ на окна и ходилъ на мучительномъ зноѣ съ полчаса, можетъ, и больше; на этотъ разъ ничего не шевельнулось; окна не отворились, бѣлыя сторы были неподвижны. Ему окончательно пришло въ голову, что навѣрно и давеча ему только такъ померещилось; что даже и окна, по всему видно, были такъ тусклы и такъ давно не мыты, что трудно было бы различить, если бы даже и въ самомъ дѣлѣ посмотрѣлъ кто-нибудь сквозь стекла. Обрадовавшись этой мысли, онъ поѣхалъ опять въ Измайловскій полкъ къ учительшѣ.

Тамъ его уже ждали. Учительша уже перебывала въ трехъ, въ четырехъ мѣстахъ, и даже заѣзжала къ Рогожину: ни слуху, ни духу. Князь выслушалъ молча, вошелъ въ комнату, сѣлъ на диванъ и сталъ смотрѣть на всѣхъ, какъ бы не понимая, о чемъ ему говорятъ. Странно: то былъ онъ чрезвычайно замѣтливъ, то вдругъ становился разсѣянъ до невозможности. Все семейство заявляло потомъ, что это былъ «на удивленіе» странный человѣкъ въ этотъ день, такъ что, «можетъ тогда уже все и обозначилось». Онъ, наконецъ, поднялся и попросилъ, чтобъ ему показали комнаты Настасьи Филипповны. Это были двѣ большія, свѣтлыя, высокія комнаты, весьма порядочно меблированныя и не дешево стоившія. Всѣ эти дамы разсказывали потомъ, что князь осматривалъ въ комнатахъ каждую вещь, увидалъ на столикѣ развернутую книгу изъ библіотеки для чтенія, французскій романъ *M-me Bovary*, замѣтилъ, загнулъ страницу, на которой была развернута книга, попросилъ позволенія взять ее съ собой, и тутъ же, не выслушавъ возраженія, что книга изъ библіотеки положилъ ее себѣ въ карманъ. Сѣлъ у отвореннаго окна и, увидавъ ломберный столикъ, ис-

писанный мѣломъ, спросилъ: кто игралъ? Онѣ разсказали ему, что играла Настасья Филипповна каждый вечеръ съ Рогожинымъ въ дураки, въ преферансъ, въ мельники, въ вистъ, въ свои козыри, — во всѣ игры, и что карты завелись только въ самое послѣднее время, по переѣздѣ изъ Павловска въ Петербургъ, потому что Настасья Филипповна все жаловалась, что скучно, и что Рогожинъ сидитъ цѣлые вечера, молчитъ и говорить ни о чемъ не умѣетъ, и часто плакала; и вдругъ на другой вечеръ Рогожинъ вынимаетъ изъ кармана карты; тутъ Настасья Филипповна разсмѣялась, и стали играть. Князь спросилъ: гдѣ карты, въ которыя играли? Но картъ не оказалось; карты привозилъ всегда самъ Рогожинъ въ карманѣ, каждый день по новой колодѣ, и потомъ увозилъ съ собой.

Эти дамы посовѣтовали съѣздить еще разъ къ Рогожину и еще разъ покрѣпче постучаться, но не сейчасъ, а уже вечеромъ: «можетъ, что и окажется». Сама же учительша вызвалась между тѣмъ съѣздить до вечера въ Павловскъ къ Дарьѣ Алексѣевнѣ: не знаютъ ли тамъ чего? Князя просили пожаловать часовъ въ десять вечера, во всякомъ случаѣ, чтобы сговориться на завтрашній день. Несмотря на всѣ утѣшенія и обнадеживанія, совершенное отчаяніе овладѣло душой князя. Въ невыразимой тоскѣ дошелъ онъ пѣшкомъ до своего трактира. Лѣтній, пыльный, душный Петербургъ давилъ его какъ въ тискахъ; онъ толкался между суровымъ или пьянымъ народомъ, всматривался безъ цѣли въ лица, можетъ быть, прошелъ гораздо больше, чѣмъ слѣдовало; былъ уже совсѣмъ почти вечеръ, когда онъ вошелъ въ свой нумеръ. Онъ рѣшилъ отдохнуть немного и потомъ идти опять къ Рогожину, какъ совѣтовали, сѣлъ на диванъ, облокотился обоими локтями на столъ и задумался.

Богъ знаетъ сколько времени, и Богъ знаетъ, о чемъ онъ думалъ. Многаго онъ боялся и чувствовалъ,

больно и мучительно, что боится ужасно. Пришла ему въ голову Вѣра Лебедева; потомъ подумалось, что, можетъ, Лебедевъ и знаетъ что-нибудь въ этомъ дѣлѣ, а если не знаетъ, то можетъ узнать и скорѣе, и легче его. Потомъ вспомнился ему Ипполитъ и то, что Рогожинъ къ Ипполиту ѣздилъ. Потомъ вспомнился самъ Рогожинъ: недавно на отпѣваніи, потомъ въ паркѣ, потомъ — вдругъ здѣсь въ коридорѣ, когда онъ спрятался тогда въ углу и ждалъ его съ ножомъ. Глаза его теперь ему вспоминались, глаза, смотрѣвшіе тогда въ темнотѣ. Онъ вздрогнулъ: давешняя напрашивавшаяся мысль, вдругъ вошла ему теперь въ голову.

Она состояла отчасти въ томъ, что если Рогожинъ въ Петербургѣ, то хотя бы онъ и скрывался на время, а все-таки непремѣнно кончитъ тѣмъ, что придетъ къ нему, къ князю, съ добрымъ или съ дурнымъ намѣреніемъ, пожалуй, хоть какъ тогда. По крайней мѣрѣ, если бы Рогожину почему-нибудь понадобилось придти, то ему некуда больше идти, какъ сюда, опять въ этотъ же коридоръ. Адреса онъ не знаетъ; стало быть, очень можетъ подумать, что князь въ прежнемъ трактирѣ остановился; по крайней мѣрѣ, попробуетъ здѣсь поискать... если ужъ очень понадобится. А почемъ знать, можетъ быть, ему и очень понадобится?

Такъ онъ думалъ, и мысль эта казалась ему почему-то совершенно возможною. Онъ ни за что бы не далъ себѣ отчета, если бы сталъ углубляться въ свою мысль: «почему, напримѣръ, онъ такъ вдругъ понадобится Рогожину, и почему даже быть того не можетъ, чтобъ они, наконецъ, не сошлись?» Но мысль была тяжелая: «если ему хорошо, то онъ не придетъ, — продолжалъ думать князь; — онъ скорѣе придетъ, если ему нехорошо; а ему вѣдь навѣрно нехорошо»...

Конечно, при такомъ убѣжденіи, слѣдовало бы ждать Рогожина дома, въ нумерѣ; но онъ какъ будто не могъ вынести своей новой мысли, вскочилъ, схва-

тилъ шляпу и побѣжалъ. Въ коридорѣ было уже почти совсѣмъ темно: «что если онъ вдругъ теперь выйдетъ изъ того угла и остановитъ меня у лѣстницы?» мелькнуло ему, когда онъ подходилъ къ знакомому мѣсту. Но никто не вышелъ. Онъ спустился подъ ворота, вышелъ на тротуаръ, подивился густой толпѣ народа, высыпавшаго съ закатомъ солнца на улицу (какъ и всегда въ Петербургѣ въ каникулярное время), и пошелъ по направленію къ Гороховой. Въ пятидесяти шагахъ отъ трактира, на первомъ перекресткѣ, въ толпѣ, кто-то вдругъ тронулъ его за локоть и вполголоса проговорилъ надъ самымъ ухомъ:

— Левъ Николаевичъ, ступай, братъ, за мной, надоть.

Это былъ Рогожинъ.

Странно: князь началъ ему вдругъ, съ радости, разсказывать, лепеча и почти не договаривая словъ, какъ онъ ждалъ его сейчасъ въ коридорѣ, въ трактирѣ.

— Я тамъ былъ, — неожиданно отвѣтилъ Рогожинъ; — пойдемъ.

Князь удивился отвѣту, но онъ удивился спустя уже, по крайней мѣрѣ, двѣ минуты, когда сообразилъ. Сообразивъ отвѣтъ, онъ испугался и сталъ приглядываться къ Рогожину. Тотъ уже шелъ почти на полшага впереди, смотря прямо предъ собой и не взглядывая ни на кого изъ встрѣчныхъ, съ машинальною осторожностію давая всѣмъ дорогу.

— Зачѣмъ же ты меня въ нумерѣ не спросилъ... коли былъ въ трактирѣ? — спросилъ вдругъ князь.

Рогожинъ остановился, посмотрѣлъ на него, подумалъ, и, какъ бы совсѣмъ не понявъ вопроса, сказалъ:

— Вотъ что, Левъ Николаевичъ, ты иди здѣсь прямо, вплоть до дому, знаешь? А я пойду по той сторонѣ. Да поглядывай, чтобы намъ вмѣстѣ...

Сказавъ это, онъ перешелъ черезъ улицу, ступилъ на противоположный тротуаръ, поглядѣлъ идетъ ли князь, и, видя, что онъ стоитъ и смотритъ на него во всѣ глаза, махнулъ ему рукой къ сторонѣ Гороховой, и пошелъ, поминутно поворачиваясь взглянуть на князя и приглашая его за собой. Онъ былъ видимо ободренъ, увидѣвъ, что князь понялъ его и не переходитъ къ нему съ другого тротуара. Князю пришло въ голову, что Рогожину надо кого-то высмотрѣть и не пропустить на дорогѣ, и что потому онъ и перешелъ на другой тротуаръ. «Только зачѣмъ же онъ не сказалъ кого смотрѣть надо?» Такъ прошли они шаговъ пятьсотъ, и вдругъ князь началъ почему-то дрожать; Рогожинъ, хоть и рѣже, но не переставалъ оглядываться; князь не выдержалъ и поманилъ его рукой. Тотъ тотчасъ же перешелъ къ нему черезъ улицу.

— Настасья Филипповна развѣ у тебя?

— У меня.

— А давеча это ты въ окно на меня изъ-за гардины смотрѣлъ?

— Я...

— Какъ же ты...

Но князь не зналъ, что спросить дальше и чѣмъ покончить вопросъ; къ тому же сердце его такъ стучало, что и говорить трудно было. Рогожинъ тоже молчалъ и смотрѣлъ на него попрежнему, то-есть какъ бы въ задумчивости.

— Ну, я пойду, — сказалъ онъ вдругъ, приготовляясь опять переходить; — а ты себѣ иди. Пусть мы на улицѣ розно будемъ... такъ намъ лучше... по рознымъ сторонамъ... увидишь.

Когда, наконецъ, они повернули съ двухъ разныхъ тротуаровъ въ Гороховую и стали подходить къ дому Рогожина, у князя стали опять подсѣкаться ноги, такъ что почти трудно было ужъ и идти. Было уже около десяти часовъ вечера. Окна на половинѣ

старушки стояли, какъ и давеча, отпертыя, у Рогожина запертыя, и въ сумеркахъ какъ бы еще замѣтнѣе становились на нихъ бѣлыя спущенныя сторы. Князь подошелъ къ дому съ противоположнаго тротуара; Рогожинъ же съ своего тротуара ступилъ на крыльцо и махалъ ему рукой. Князь перешелъ къ нему на крыльцо.

— Про меня и дворникъ не знаетъ теперь, что я домой воротился. Я сказался давеча, что въ Павловскъ ѣду, и у матушки тоже сказалъ, — прошепталъ онъ съ хитрою и почти довольною улыбкой; — мы войдемъ и не услышитъ никто.

Въ рукахъ его уже былъ ключъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ обернулся и погрозилъ князю чтобы тотъ шелъ тише, тихо отперъ дверь въ свои комнаты, впустилъ князя, осторожно прошелъ за нимъ, заперъ дверь за собой и положилъ ключъ въ карманъ.

— Пойдемъ, — произнесъ онъ шопотомъ.

Онъ еще съ тротуара на Литейной заговорилъ шопотомъ. Несмотря на все свое наружное спокойствіе, онъ былъ въ какой-то глубокой внутренней тревогѣ. Когда вошли въ залу, предъ самымъ кабинетомъ, онъ подошелъ къ окну и таинственно поманилъ къ себѣ князя:

— Вотъ ты какъ давеча ко мнѣ зазвонилъ, я тотчасъ здѣсь и догадался, что это ты самый и есть; подошелъ къ дверямъ на цыпочкахъ, и слышу, что ты съ Пафнутьевной разговариваешь, а я ужъ той чѣмъ свѣтъ заказалъ: если ты, или отъ тебя кто, али кто бы то ни былъ, начнетъ ко мнѣ стукать, такъ чтобы не сказываться ни подъ какимъ видомъ; а особенно если ты самъ придешь меня спрашивать, и имя твое ей объявилъ. А потомъ, какъ ты вышелъ, мнѣ пришло въ голову: что если онъ тутъ теперь стоитъ и выглядываетъ, али сторожитъ чего съ улицы? Подошелъ я къ этому самому окну, отвернулъ гардину-то,

глядь, а ты тамъ стоишь, прямо на меня смотришь... Вотъ какъ это дѣло было.

— Гдѣ же... Настасья Филипповна? — выговорилъ князь задыхаясь.

— Она... здѣсь, — медленно проговорилъ Рогожинъ, какъ бы капельку выждавъ отвѣтить.

— Гдѣ же?

Рогожинъ поднялъ глаза на князя и пристально посмотрѣлъ на него:

— Пойдемъ.

Онъ все говорилъ шопотомъ и не торопясь, медленно и попрежнему какъ-то странно задумчиво. Даже когда про стору разсказывалъ, то какъ будто разсказомъ своимъ хотѣлъ высказать что-то другое, несмотря на всю экспансивность разсказа.

Вошли въ кабинетъ. Въ этой комнатѣ, съ тѣхъ поръ какъ былъ въ ней князь, произошла нѣкоторая перемѣна: черезъ всю комнату протянута была зеленая, штофная, шелковая занавѣска, съ двумя входами по обоимъ концамъ, и отдѣляла отъ кабинета альковъ, въ которомъ устроена была постель Рогожина. Тяжелая занавѣска была спущена, и входы закрыты. Но въ комнатѣ было очень темно; лѣтнія «бѣлыя» петербургскія ночи начали темнѣть, и если бы не полная луна, то въ темныхъ комнатахъ Рогожина, съ опущенными сторами, трудно было бы что-нибудь разглядѣть. Правда, можно было еще различать лица, хотя очень не отчетливо. Лицо Рогожина было блѣдно, по обыкновенію, глаза смотрѣли на князя пристально, съ сильнымъ блескомъ, но какъ-то неподвижно.

— Ты бы свѣчку зажегъ? — сказалъ князь.

— Нѣтъ, не надо, — отвѣтилъ Рогожинъ, и, взявъ князя за руку, нагнулъ его къ стулу; самъ сѣлъ напротивъ, придвинувъ стуль такъ, что почти соприкасался съ княземъ колѣнями. Между ними, нѣсколько сбоку, приходился маленькій, круглый столикъ. — Са-

дись, посидимъ пока! — сказалъ онъ, словно уговаривая посидѣть. Съ минуту молчали. — Я такъ и зналъ, что ты въ эфтомъ же трактирѣ остановишься, — заговорилъ онъ, какъ иногда, приступая къ главному разговору, начинаютъ съ посторонних подробностей, не относящихся прямо къ дѣлу; — какъ въ коридоръ зашелъ, то и подумалъ: а вѣдь, можетъ, и онъ сидитъ, меня ждетъ теперь, какъ я его, въ эту же самую минуту? У учительши-то былъ?

— Былъ, — едва могъ выговорить князь отъ сильнаго біенія сердца.

— Я и объ томъ подумалъ. Еще разговоръ пойдетъ, думаю... а потомъ еще думаю: я его ночевать сюда приведу, такъ чтобъ эту ночь вмѣстѣ...

— Рогожинъ! Гдѣ Настасья Филипповна? — прошепталъ вдругъ князь и всталъ, дрожа всѣми членами. Поднялся и Рогожинъ.

— Тамъ, — шепнулъ онъ, кивнувъ головой на занавѣску.

— Спитъ? — шепнулъ князь.

Опять Рогожинъ посмотрѣлъ на него пристально, какъ давеча.

— Аль ужъ пойдемъ!.. Только ты... ну, да пойдемъ!

Онъ приподнялъ портьеру, остановился и оборотился опять къ князю:

— Входи! — кивалъ онъ за портьеру, приглашая проходить впередъ. Князь прошелъ.

— Тутъ темно, — сказалъ онъ.

— Видать! — пробормоталъ Рогожинъ.

— Я чуть вижу... кровать.

— Пойди ближе-то, — тихо предложилъ Рогожинъ.

Князь шагнулъ еще ближе, шагъ, другой, и остановился. Онъ стоялъ и всматривался минуту или двѣ; оба во все время, у кровати ничего не выговорили; у

князя билось сердце, такъ что, казалось, слышно было въ комнатѣ, при мертвомъ молчаніи комнаты. Но онъ уже приглядѣлся, такъ что могъ различать всю постель; на ней кто-то спалъ, совершенно неподвижнымъ сномъ; не слышно было ни малѣйшаго шелеста, ни малѣйшаго дыханія. Спавшій былъ закрытъ съ головой, бѣлою простыней, но члены какъ-то неясно обозначились; видно только было, по возвышенію, что лежитъ протянувшись человѣкъ. Кругомъ, въ безпорядкѣ, на постели, въ ногахъ, у самой кровати на креслахъ, на полу даже, разбросана была снятая одежда, богатое бѣлое шелковое платье, цвѣты, ленты. На маленькомъ столикѣ, у изголовья, блистали снятые и разбросанные брильянты. Въ ногахъ сбиты были въ комокъ какія-то кружева, и на бѣлѣвшихъ кружевахъ, выглядывая изъ-подъ простыни, обозначался кончикъ обнаженной ноги; онъ казался какъ бы выточеннымъ изъ мрамора и ужасно былъ неподвиженъ. Князь глядѣлъ и чувствовалъ, что чѣмъ больше онъ глядитъ, тѣмъ еще мертвѣе и тише становится въ комнатѣ. Вдругъ зажужжала проснувшаяся муха, пронеслась надъ кроватью и затихла у изголовья. Князь вздрогнулъ.

— Выйдемъ, — тронулъ его за руку Рогожинъ.

Они вышли, усѣлись опять въ тѣхъ же стульяхъ, опять одинъ противъ другого. Князь дрожалъ все сильнѣе и сильнѣе и не спускалъ своего вопросительнаго взгляда съ лица Рогожина.

— Ты вотъ, я замѣчаю, Левъ Николаевичъ, дрожишь, — проговорилъ, наконецъ, Рогожинъ, — почти такъ, какъ когда съ тобой бываетъ твое разстройство, помнишь, въ Москвѣ было? Или какъ разъ было передъ припадкомъ. И не придумаю, что теперь съ тобой буду дѣлать...

Князь вслушивался, напрягая всѣ силы, чтобы понять, и все спрашивая взглядомъ.

— Это ты? — выговорилъ онъ, наконецъ, кивнувъ головой на портьеру.

— Это... я... — прошепталъ Рогожинъ и потупился.

Помолчали минутъ пять.

— Потому, — сталъ продолжать вдругъ Рогожинъ, какъ будто и не перерывалъ рѣчи, — потому какъ если твоя болѣзнь, и припадокъ, и крикъ теперь, то, пожалуй, съ улицы, аль со двора кто и услышитъ, и догадаются, что въ квартирѣ ночуютъ люди; станутъ стучать, войдутъ... потому они всѣ думаютъ, что меня дома нѣтъ. Я и свѣчи не зажегъ, чтобы съ улицы, аль со двора не догадались. Потому, когда меня нѣтъ, я и ключи увожу, и никто безъ меня по три, по четыре дня и прибирать не входитъ, таково мое заведеніе. Такъ вотъ, чтобъ не узнали, что мы заночуемъ...

— Постой, — сказалъ князь, — я давеча и дворника, и старушку спрашивалъ: не ночевала ли Настасья Филипповна? Они, стало быть, уже знаютъ.

— Знаю, что ты спрашивалъ. Я Пафнутьевнѣ сказалъ, что вчера заѣхала Настасья Филипповна и вчера же въ Павловскъ уѣхала, а что у меня десять минутъ пробыла. И не знаютъ они, что она ночевала — никто. Вчера мы такъ же вошли, совсѣмъ потихоньку, какъ сегодня съ тобой. Я еще про себя подумалъ дорогой, что она не захочетъ потихоньку входить, — куды! Шепчетъ, на цыпочкахъ прошла, платье обобрала около себя, чтобы не шумѣло, въ рукахъ несетъ, мнѣ сама пальцемъ на лѣстницѣ грозитъ, — это она тебя все пужалась. На машинѣ какъ сумасшедшая совсѣмъ была, все отъ страху, и сама, сюда ко мнѣ пожелала заночевать; я думалъ сначала на квартиру къ учительшѣ везти, — куды! «Тамъ онъ меня, говоритъ, чѣмъ свѣтъ розыщетъ, а ты меня скроешь, а завтра чѣмъ свѣтъ въ Москву», а потомъ

въ Орелъ куда-то хотѣла. И ложилась, все говорила, что въ Орелъ поѣдемъ...

— Постой; что же ты теперь, Парѳенъ, какъ же хочешь?

— Да вотъ сумлѣваюсь на тебя, что ты все дрожишь. Ночь мы здѣсь заночуемъ, вмѣстѣ. Постели, окромя той, тутъ нѣтъ, а я такъ придумалъ, что съ обоихъ дивановъ подушки снять, и вотъ тутъ, у занавѣски, рядомъ и постелю, и тебѣ и мнѣ, такъ чтобы вмѣстѣ. Потому, коли войдутъ, станутъ осматривать, али искать, ее тотчасъ увидятъ и вынесутъ. Станутъ меня опрашивать, я разскажу, что я, и меня тотчасъ отведутъ. Такъ пусть ужъ она теперь тутъ лежитъ подлѣ насъ, подлѣ меня и тебя...

— Да, да! — съ жаромъ подтвердилъ князь.

— Значитъ не признаваться и выносить не давать.

— Н-ни за что! — рѣшилъ князь: — ни-ни-ни!

— Такъ я и порѣшилъ, чтобъ ни за что, парень, и никому не отдавать! Ночью проночуемъ тихо. Я сегодня только на часъ одинъ и изъ дому вышелъ, по утру, а то все при ней былъ. Да потомъ по вечеру за тобой пошелъ. Боюсь вотъ тоже еще что душно, и духъ пойдетъ. Слышишь ты духъ или нѣтъ?

— Можетъ и слышу, не знаю. Къ утру навѣрно пойдетъ.

— Я ее клеенкой накрылъ, хорошею, американскою клеенкой, а сверхъ клеенки ужъ простыней, и четыре стклянки ждановской жидкости откупоренной поставилъ, тамъ и теперь стоятъ.

— Это какъ тамъ... въ Москвѣ?

— Потому, братъ, духъ. А она вѣдь какъ лежитъ... Къ утру, какъ посвѣтлѣетъ, посмотри. Что ты, и встать не можешь? — съ боязливымъ удивленіемъ спросилъ Рогожинъ, видя, что князь такъ дрожитъ, что и подняться не можетъ.

— Ноги нейдутъ, — пробормоталъ князь; — это онъ страху, это я знаю... Пройдетъ страхъ, я и стану...

— Постой же, я пока намъ постель постелю, и пусть ужъ ты ляжешь... и я съ тобой... и будемъ слушать... потому я, парень, еще не знаю... я, парень, еще всего не знаю теперь, такъ и тебѣ заранѣе говорю, чтобы ты все про это заранѣе зналъ...

Бормоча эти неясныя слова, Рогожинъ началъ стлать постели. Видно было, что онъ эти постели, можетъ, еще утромъ про себя придумалъ. Прошлую ночь онъ самъ ложился на диванѣ. Но на диванѣ двоимъ рядомъ нельзя было лечь, а онъ непремѣнно хотѣлъ постлать теперь рядомъ, вотъ почему и стащилъ теперь, съ большими усиліями черезъ всю комнату, къ самому входу за занавѣску, разнокалиберныя подушки съ обоихъ дивановъ. Кое-какъ постель устроилась; онъ подошелъ къ князю, нѣжно и восторженно взялъ его подъ руку, приподнялъ и подвелъ къ постели; но оказалось, что князь и самъ могъ ходить; значитъ, «страхъ проходилъ»; и однакоже онъ все-таки продолжалъ дрожать.

— Потому оно, братъ, — началъ вдругъ Рогожинъ, уложивъ князя на лѣвую лучшую подушку и протянувшись самъ съ правой стороны, не раздѣваясь и закинувъ обѣ руки за голову, — нонѣ жарко, и извѣстно, духъ... Окна я отворять боюсь; а есть у матери горшки съ цвѣтами, много цвѣтовъ, и прекрасный отъ нихъ такой духъ; думалъ перенести, да Пафнутьевна догадается, потому она любопытная.

— Она любопытная, — поддакнулъ князь.

— Купить развѣ... — пукетами и цвѣтами всю обложить? Да думаю, жалко будетъ, другъ, въ цвѣтахъ-то!

— Слушай... — спросилъ князь, точно запутываясь, точно отыскивая, что именно надо спросить и

какъ бы тотчасъ же забывая; — слушай, скажи мнѣ: чѣмъ ты ее? Ножомъ? Тѣмъ самымъ?

— Тѣмъ самымъ.

— Стой еще! Я, Парѳенъ, еще хочу тебя спросить... я много буду тебя спрашивать, обо всемъ... но ты лучше мнѣ сначала скажи, съ перваго начала, чтобъ я зналъ: хотѣлъ ты убить ее передъ моей свадьбой, передъ вѣнцомъ, на паперти, ножомъ? Хотѣлъ или нѣтъ?

— Не знаю, хотѣлъ или нѣтъ... — сухо отвѣтилъ Рогожинъ, какъ бы даже нѣсколько подивившись на вопросъ и не уразумѣвая его.

— Ножа съ собой никогда въ Павловскъ не привозилъ?

— Никогда не привозилъ. Я про ножъ этотъ только вотъ что могу тебѣ сказать, Левъ Николаевичъ, — прибавилъ онъ помолчавъ: — я его изъ запертаго ящика нонѣ утромъ досталъ, потому что все дѣло было утромъ, въ четвертомъ часу. Онъ у меня все въ книгѣ заложенъ лежалъ... И... и... и вотъ еще, что мнѣ чудно: совсѣмъ ножъ какъ бы на полтора... али даже на два вершка прошелъ... подъ самую лѣвую грудь... а крови всего этакъ съ полъ-ложки столовой на рубашку вытекло; больше не было...

— Это, это, это, — приподнялся вдругъ князь въ ужасномъ волненіи, — это, это я знаю, это я читалъ... это внутреннее изліяніе называется... Бываетъ, что даже и ни капли. Это коль ударъ прямо въ сердце...

— Стой, слышишь? — быстро перебилъ вдругъ Рогожинъ и испуганно присѣлъ на подстилкѣ: — слышишь?

— Нѣтъ! — такъ же быстро и испуганно выговорилъ князь, смотря на Рогожина.

— Ходитъ! Слышишь? Въ залѣ...

Оба стали слушать.

— Слышу, — твердо прошепталъ князь.

— Ходитъ?

— Ходитъ.

— Затворить, али пѣтъ, дверь?

— Затворить...

Двери затворили, и оба опять улеглись. Долго молчали.

— Ахъ, да! — зашепталъ вдругъ князь прежнимъ взволнованнымъ и торопливымъ шопотомъ, какъ бы поймавъ опять мысль и ужасно боясь опять потерять ее, даже привскочивъ на постели: — да... я вѣдь хотѣлъ... эти карты! карты... Ты, говорятъ, съ нею въ карты игралъ?

— Игралъ, — сказалъ Рогожинъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Гдѣ же... карты?

— Здѣсь карты... — выговорилъ Рогожинъ, помолчавъ еще больше; — вотъ...

Онъ вынулъ игранную, завернутую въ бумажку, колоду изъ кармана и протянулъ къ князю. Тотъ взялъ, но какъ бы съ недоумѣніемъ. Новое, грустное и безотрадное чувство сдавило ему сердце; онъ вдругъ понялъ, что въ эту минуту, и давно уже, все говоритъ не о томъ, о чемъ надо ему говорить, и дѣлаетъ все не то, что бы надо дѣлать; и что вотъ эти карты, которыя онъ держитъ въ рукахъ, и которымъ онъ такъ обрадовался, ничему, ничему не помогутъ теперь. Онъ всталъ и всплеснулъ руками. Рогожинъ лежалъ неподвижно и какъ бы не слыхалъ и не видалъ его движенія; но глаза его ярко блистали сквозь темноту и были совершенно открыты и неподвижны. Князь сѣлъ на стулъ и сталъ со страхомъ смотрѣть на него. Прошло съ полчаса; вдругъ Рогожинъ громко и отрывисто закричалъ и захохоталъ, какъ бы забывъ, что надо говорить шопотомъ:

— Офицера-то, офицера-то... помнишь, какъ она

офицера того, на музыкѣ, хлестнула, помнишь, ха! ха! ха! Еще кадетъ... кадетъ ... кадетъ подскочилъ...

Князь вскочилъ со стула въ новомъ испугѣ. Когда Рогожинъ затихъ (а онъ вдругъ затихъ), князь тихо нагнулся къ нему, усѣлся съ нимъ рядомъ и съ сильно бьющимся сердцемъ, тяжело дыша, сталъ его разсматривать. Рогожинъ не поворачивалъ къ нему головы и какъ бы даже и забылъ о немъ. Князь смотрѣлъ и ждалъ; время шло, начинало свѣтать. Рогожинъ изрѣдка и вдругъ начиналъ иногда бормотать, громко, рѣзко и безсвязно; начиналъ вскрикивать и смѣяться; князь протягивалъ къ нему тогда свою дрожащую руку и тихо дотрогивался до его головы, до его волосъ, гладилъ ихъ и гладилъ его щеки... больше онъ ничего не могъ сдѣлать! Онъ самъ опять началъ дрожать, и опять какъ бы вдругъ отнялись его ноги. Какое-то совсѣмъ новое ощущеніе томило его сердце безконечною тоской. Между тѣмъ совсѣмъ разсвѣло; наконецъ, онъ прилегъ на подушку, какъ бы совсѣмъ уже въ безсиліи и въ отчаяніи, и прижался своимъ лицомъ къ блѣдному и неподвижному лицу Рогожина; слезы текли изъ его глазъ на щеки Рогожина, но, можетъ быть, онъ ужъ и не слыхалъ тогда своихъ собственныхъ слезъ и уже не зналъ ничего о нихъ...

По крайней мѣрѣ, когда, уже послѣ многихъ часовъ, отворилась дверь, и вошли люди, то они застали убійцу въ полномъ безпамятствѣ и горячкѣ. Князь сидѣлъ подлѣ него неподвижно на подстилкѣ и тихо, каждый разъ при взрывахъ крика или бреда больного, спѣшилъ провесть дрожащею рукой по его волосамъ и щекамъ, какъ бы лаская и унимая его. Но онъ уже ничего не понималъ, о чемъ его спрашивали, и не узнавалъ вошедшихъ и окружившихъ его людей. И если бы самъ Шнейдеръ явился теперь изъ Швейцаріи

взглянуть на своего бывшаго ученика и паціента, то и онъ, припомнивъ то состояніе, въ которомъ бывалъ иногда князь въ первый годъ лѣченія своего въ Швейцаріи, махнулъ бы теперь рукой и сказалъ бы, какъ тогда: «Идіотъ!»

XII

Заключеніе

Учительша, прискакавъ въ Павловскъ, явилась прямо къ разстроенной со вчерашняго дня Дарьѣ Алексѣевнѣ и, разсказавъ ей все, что знала, напугала ее окончательно. Обѣ дамы немедленно рѣшились войти въ сношенія съ Лебедевымъ, тоже бывшимъ въ волненіи, въ качествѣ друга своего жильца и въ качествѣ хозяина квартиры. Вѣра Лебедева сообщила все, что знала. По совѣту Лебедева, рѣшили отправиться въ Петербургъ всѣмъ троимъ для скорѣйшаго предупрежденія того, «что очень могло случиться». Такимъ образомъ вышло, что на другое уже утро, часовъ около одиннадцати, квартира Рогожина была отперта при полиціи, при Лебедевѣ, при дамахъ и при братцѣ Рогожина, Семенѣ Семеновичѣ Рогожинѣ, квартировавшемъ во флигелѣ. Успѣху дѣла способствовало всего болѣе показаніе дворника, что онъ видѣлъ вчера ввечеру Парѳена Семеновича съ гостемъ, вошедшихъ съ крыльца и какъ бы потихоньку. Послѣ этого показанія уже не усомнились сломать двери, не отворявшіяся по звонку.

Рогожинъ выдержалъ два мѣсяца воспаленія въ мозгу, а когда выздоровѣлъ, — слѣдствіе и судъ. Онъ далъ во всемъ прямыя, точныя и совершенно удовлетворительныя показанія, вслѣдствіе которыхъ князь, съ самаго начала, отъ суда былъ устраненъ. Рогожинъ былъ молчаливъ во время своего процесса. Онъ не противорѣчилъ ловкому и краснорѣчивому своему адвокату, ясно и логически доказывавшему, что совершив-

шееся преступленіе было слѣдствіемъ воспаленія мозга, начавшагося еще задолго до преступленія, вслѣдствіе огорченій подсудимаго. Но онъ ничего не прибавилъ отъ себя въ подтвержденіе этого мнѣнія и попрежнему, ясно и точно, подтвердилъ и припомнилъ всѣ малѣйшія обстоятельства совершившагося событія. Онъ былъ осужденъ, съ допущеніемъ облегчительныхъ обстоятельствъ, въ Сибирь, въ каторгу, на пятнадцать лѣтъ, и выслушалъ свой приговоръ сурово, безмолвно и «задумчиво». Все огромное состояніе его, кромѣ нѣкоторой, сравнительно говоря, весьма малой доли, истраченной въ первоначальномъ кутежѣ, перешло къ братцу его, Семену Семеновичу, къ большому удовольствію сего послѣдняго. Старушка Рогожина продолжаетъ жить на свѣтѣ и какъ будто вспоминаетъ иногда про любимаго сына Парѳена, но не ясно: Богъ спасъ ея умъ и сердце отъ сознанія ужаса, посѣтившаго грустный домъ ея.

Лебедевъ, Келлеръ, Ганя, Птицынъ и многія другія лица нашего разсказа живутъ попрежнему, измѣнились мало, и намъ почти нечего о нихъ передать. Ипполитъ скончался въ ужасномъ волненіи и нѣсколько раньше чѣмъ ожидалъ, недѣли двѣ спустя послѣ смерти Настасьи Филипповны. Коля былъ глубоко пораженъ происшедшимъ; онъ окончательно сблизился съ своею матерью. Нина Александровна боится за него, что онъ не по лѣтамъ задумчивъ; изъ него, можетъ быть, выйдетъ человѣкъ дѣловой. Между прочимъ, отчасти по его старанію, устроилась и дальнѣйшая судьба князя: давно уже отличилъ онъ, между всѣми лицами, которыхъ узналъ въ послѣднее время, Евгенія Павловича Радомскаго; онъ первый пошелъ къ нему и передалъ ему всѣ подробности совершившагося событія, какія зналъ, и о настоящемъ положеніи князя. Онъ не ошибся: Евгеній Павловичъ принялъ самое горячее участіе въ судьбѣ несчастнаго «идіота» и, вслѣдствіе его стараній и попеченій, князь попалъ опять за

границу въ швейцарское заведеніе Шнейдера. Самъ Евгеній Павловичъ, выѣхавшій за границу, намѣревающійся очень долго прожить въ Европѣ и откровенно называющій себя «совершенно лишнимъ человѣкомъ въ Россіи», — довольно часто, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ, посѣщаетъ своего больного друга у Шнейдера; но Шнейдеръ все болѣе и болѣе хмурится и качаетъ головой; онъ намекаетъ на совершенное поврежденіе умственныхъ органовъ; онъ не говоритъ еще утвердительно о неизлѣчимости, но позволяетъ себѣ самые грустные намеки. Евгеній Павловичъ принимаетъ это очень къ сердцу, а у него есть сердце, что онъ доказалъ уже тѣмъ, что получаетъ письма отъ Коли и даже отвѣчаетъ иногда на эти письма. Но кромѣ того стала извѣстна и еще одна странная черта его характера; и такъ какъ эта черта хорошая, то мы и поспѣшимъ ее обозначить: послѣ каждаго посѣщенія Шнейдерова заведенія, Евгеній Павловичъ, кромѣ Коли, посылаетъ и еще одно письмо одному лицу въ Петербургъ, съ самымъ подробнѣйшимъ и симпатичнымъ изложеніемъ состоянія болѣзни князя въ настоящій моментъ. Кромѣ самаго почтительнаго изъявленія преданности, въ письмахъ этихъ начинаютъ иногда появляться (и все чаще и чаще) нѣкоторыя откровенныя изложенія взглядовъ, понятій, чувствъ, — однимъ словомъ, начинаетъ проявляться нѣчто похожее на чувства дружескія и близкія. Это лицо, состоящее въ перепискѣ (хотя все-таки довольно рѣдкой) съ Евгеніемъ Павловичемъ и заслужившее настолько его вниманіе и уваженіе, есть Вѣра Лебедева. Мы никакъ не могли узнать въ точности, какимъ образомъ могли завязаться подобныя отношенія; завязались они, конечно, по поводу все той же исторіи съ княземъ, когда Вѣра Лебедева была поражена горестью до того, что даже заболѣла; но при какихъ подробностяхъ произошло знакомство и дружество, намъ неизвѣстно. Упомя-

пули же мы объ этихъ письмахъ наиболѣе съ тою цѣлью, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключались свѣдѣнія о семействѣ Епанчиныхъ и, главное, объ Аглаѣ Ивановнѣ Епанчиной. Про нее увѣдомлялъ Евгеній Павловичъ въ одномъ довольно нескладномъ письмѣ изъ Парижа, что она, послѣ короткой и необычайной привязанности къ одному эмигранту, польскому графу, вышла вдругъ за него замужъ, противъ желанія своихъ родителей, если и давшихъ, наконецъ, согласіе, то потому, что дѣло угрожало какимъ-то необыкновеннымъ скандаломъ. Затѣмъ, почти послѣ полугодового молчанія, Евгеній Павловичъ увѣдомилъ свою корреспондентку, опять въ длинномъ и подробномъ письмѣ, о томъ, что онъ, во время послѣдняго своего пріѣзда къ профессору Шнейдеру, въ Швейцарію, съѣхался у него со всѣми Епанчиными (кромѣ, разумѣется, Ивана Ѳедоровича, который, по дѣламъ, остается въ Петербургѣ) и княземъ Щ. Свиданіе было странное; Евгенія Павловича встрѣтили они всѣ съ какимъ-то восторгомъ; Аделаида и Александра сочли себя почему-то даже благодарными ему за его «ангельское попеченіе о несчастномъ князѣ». Лизавета Прокофьевна, увидавъ князя въ его больномъ и униженномъ состояніи, заплакала отъ всего сердца. Повидимому, ему уже все было прощено. Князь Щ. сказалъ при этомъ нѣсколько счастливыхъ и умныхъ истинъ. Евгенію Павловичу показалось, что онъ и Аделаида еще не совершенно сошлись другъ съ другомъ; но въ будущемъ казалось неминуемымъ совершенно добровольное и сердечное подчиненіе пылкой Аделаиды уму и опыту князя Щ. Къ тому же и уроки, вынесенные семействомъ, страшно на нее подѣйствовали, и, главное, послѣдній случай съ Аглаей и эмигрантомъ графомъ. Все, чего трепетало семейство, уступая этому графу Аглаю, все уже осуществилось въ полгода, съ прибавкой такихъ сюрпризовъ, о которыхъ даже и не мыслили. Оказалось, что этотъ

графъ даже и не графъ, а если и эмигрантъ дѣйствительно, то съ какою-то темною и двусмысленной исторіей. Плѣнилъ онъ Аглаю необычайнымъ благородствомъ своей истерзавшейся страданіями по отчизнѣ души, и до того плѣнилъ, что та, еще до выхода замужъ, стала членомъ какого-то заграничнаго комитета по возстановленію Польши и сверхъ того попала въ католическую исповѣдальню какого-то знаменитаго патера, овладѣвшаго ея умомъ до изступленія. Колоссальное состояніе графа, о которомъ онъ представлялъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ и князю Щ. почти неопровержимыя свѣдѣнія, оказалось совершенно небывалымъ. Мало того, въ какіе-нибудь полгода послѣ брака, графъ и другъ его, знаменитый исповѣдникъ, успѣли совершенно поссорить Аглаю съ семействомъ, такъ что тѣ ее нѣсколько мѣсяцевъ уже и не видали... Однимъ словомъ, много было бы чего разсказать, но Лизавета Прокофьевна, ея дочери и даже князь Щ. были до того уже поражены всѣмъ этимъ «терроромъ», что даже боялись и упоминать объ иныхъ вещахъ въ разговорѣ съ Евгеніемъ Павловичемъ, хотя и знали, что онъ и безъ нихъ хорошо знаетъ исторію послѣднихъ увлеченій Аглаи Ивановны. Бѣдной Лизаветѣ Прокофьевнѣ хотѣлось бы въ Россію и, по свидѣтельству Евгенія Павловича, она желчно и пристрастно критиковала ему все заграничное: «хлѣба нигдѣ испечь хорошо не умѣютъ, зиму, какъ мыши въ подвалѣ, мерзнутъ, — говорила она, — по крайней мѣрѣ, вотъ здѣсь, надъ этимъ бѣднымъ, хоть по-русски поплакала», прибавила она, въ волненіи указывая на князя, совершенно ея не узнававшаго. — Довольно увлекаться-то, пора и разсудку послужить. И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазія, и всѣ мы, за границей, одна фантазія... помяните мое слово, сами увидите!» заключила она чуть не гнѣвно, разставаясь съ Евгеніемъ Павловичемъ.

1868—1869.